

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2013

ISSN 0131-2812

Перспективы России в СВА

•
Валютная политика КНР

•
Российское книговедение
в начале XXI века

•
Вспомяная М.И. Басманова.
К 95-летию со дня рождения

•
Из истории советско-японско-
китайских отношений в 1931–1945 гг.

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2013

Сентябрь — Октябрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН Издаётся с марта 1972 года

Документы

Бишкекская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества 3

Политика

Ю. Морозов. Перспективы России в Северо-Восточной Азии и предлагаемая стратегия в регионе 8
С. Кривохиж. Публичная дипломатия Китая: защита или нападение? 20
А. Шлындов. Военно-стратегические концепции КНР и сетецентрические войны будущего 28

Экономика

Е. Кузьмина. Российское и китайское экономическое присутствие в Центральной Азии. Есть ли возможность взаимодействия? 38
Д. Кручинина. Этапы формирования «золотого треугольника» Янцзы 53
А. Биндер, А. Кононов. Укрепление позиций национальной валюты на глобальных рынках: опыт Китая 65

Российский Дальний Восток

А. Жирнов. Черная металлургия как локомотив развития экономики Дальнего Востока 79

Российское Китаеведение

С. Торопцев. Изучение китайской культуры и образования в России в начале XXI в. 85
В. Портяков. Основные направления и особенности изучения международных отношений и внешней политики КНР в России в период 2000–2013 гг. 97

© Российская академия наук, 2013.

© Редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2013.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГиЭ РАН

А. Ларин. Китайские мигранты в России. Современные российские исследования..... 114

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Т. Гурулева. Разработка бренда приграничных территорий в условиях российско-китайского взаимодействия (на примере Забайкальского края)..... 127

ИСТОРИЯ

В. Дацышен. Консульства Маньчжоу-го в России. Из истории советско-японско-китайских отношений в 1931–1945 гг..... 135

А. Петров, Г. Капалин, А. Ермолаев. Представители Сибири и российского Дальнего Востока в истории Форт-Росса и освоении Калифорнии 144

КУЛЬТУРА

Г. Куликова. Солдат, дипломат, поэт и переводчик (К 95-летию М.И. Басманова)..... 154

Т. Виноградова. Концерт за Великой стеной: «chinoiserie» в творчестве Исмаила Кадаре 162

Е. Лачина. Сравнительный анализ «корейской волны» на примере южнокорейского тхэквондо 168

РЕЦЕНЗИИ

В. Гринюк. Роман Юрия Макарецва «Итуруп» 179

О. Железняк. Катасонова Е.Д. Японцы в реальном и виртуальном мирах..... 184

Contents..... 188

Summary 189

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

Документы

Бишкекская декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества

13 сентября 2013 года

Главы государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС или Организация) по итогам состоявшегося в Бишкеке 13 сентября 2013 года заседания Совета глав государств заявляют о следующем.

* * *

Государства-члены, выступая за дальнейшее поступательное развитие Организации, подтверждают свою приверженность взаимодействию на основе принципов и положений Хартии ШОС и других документов Шанхайской организации сотрудничества. Они отмечают, что с вступлением в силу Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества стал надежной правовой основой для обеспечения на пространстве ШОС прочного мира и совместного процветания.

Государства-члены констатируют, что международные отношения сегодня переживают период серьезной трансформации, существенного нарастания факторов неопределенности и нестабильности. Глобальные вызовы и угрозы — терроризм, сепаратизм и экстремизм, распространение оружия массового уничтожения, незаконный оборот наркотиков, организованная преступность, киберпреступность, диспропорции развития, нестабильность на продовольственных рынках, изменение климата приобрели трансграничный характер и требуют повышенного внимания со стороны мирового сообщества. Остаются неурегулированными многие региональные и локальные конфликты.

Государства-члены последовательно выступают за дальнейшее укрепление правовых основ международных отношений, базирующихся на общепризнанных принципах и нормах международного права, прежде всего Устава Организации Объединенных Наций, а также международных обязательствах государств, за уважение самостоятельного выбора их народами пути своего политического и социально-экономического развития.

Государства-члены отмечают, что урегулирование международных и региональных конфликтов должно осуществляться исключительно мирными политико-дипломатическими средствами на основе принципов равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности государств, невмешательства во внутренние дела государств, отказа от применения силы или угрозы ее применения.

Государства-члены выступают за дальнейшее укрепление центральной координирующей роли ООН в международных делах в целях поддержания мира, безопасности

и стабильности, стимулирования совместного устойчивого и созидательного развития, поощрения широкого взаимовыгодного международного сотрудничества. Они признают необходимость реформирования ООН в интересах дальнейшего повышения результативности ее деятельности и укрепления возможностей своевременно и эффективно реагировать на глобальные вызовы и угрозы.

Государства-члены считают, что для достижения максимально широкого согласия по вопросу о реформировании Совета Безопасности ООН заинтересованные страны должны продолжить консультации по поиску комплексного подхода к его решению с учётом взаимных интересов и озабоченностей, не форсируя варианты реформы, не получившие поддержку большинства стран-членов ООН.

Государства-члены в условиях динамичных и фундаментальных перемен в мире, затрагивающих их интересы, опираясь на высокий уровень взаимного доверия, будут стремиться к обеспечению безопасности, стабильности, добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества в регионе.

* * *

Государства-члены активно и целенаправленно противодействуют международному терроризму, сепаратизму и экстремизму, транснациональной организованной преступности, незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, угрозе информационной безопасности, нелегальной миграции, выступают за дальнейшее совершенствование нормативной базы сотрудничества в этих сферах.

Государства-члены, подчеркивая, что указанные негативные факторы в комплексе представляют серьезный вызов глобальной и региональной безопасности, решительно нацелены на дальнейшую работу по практической реализации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Конвенции ШОС против терроризма, Программы сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2013–2015 гг., Соглашения между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности.

Государства-члены исходят из того, что незаконный оборот наркотиков и их немедицинское потребление представляют серьезную угрозу стабильности и безопасности, здоровью и благосостоянию населения государств региона. Они считают необходимым принятие мер по формированию эффективно работающей системы совместной борьбы с наркоугрозой, установлению надежного заслона незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также по противодействию распространению наркомании. Они выступают в пользу активного сотрудничества с другими заинтересованными государствами, региональными, международными организациями и структурами по данному вопросу.

Государства-члены выражают готовность активизировать практическую реализацию положений Соглашения между государствами-членами ШОС о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, Антинаркотической стратегии государств-членов ШОС на 2011–2016 гг. и Программы действий по ее выполнению.

Государства-члены будут стимулировать построение мирного, безопасного, справедливого и открытого информационного пространства, основываясь на принципах уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран. Они будут противодействовать использованию информационно-коммуникационных технологий в целях подрыва политической, экономической и общественной безопасности государств-членов, пресекать пропаганду идей терроризма, экстремизма и сепаратизма с использованием глобальной сети Интернет, выступают за вы-

работку универсальных правил, принципов и норм ответственного поведения государств в информационном пространстве.

* * *

Государства-члены выступают за построение в Афганистане независимого, нейтрального, мирного, процветающего государства, свободного от терроризма и наркопреступности. Они подчеркивают, что национальное примирение должно осуществляться под руководством афганцев и самими афганцами с тем, чтобы способствовать скорейшему достижению мира и стабильности в этой стране.

Государства-члены, призывая мировое сообщество к созданию условий для скорейшего установления мира, поддерживают центральную координирующую роль ООН в международных усилиях по афганскому урегулированию и оказанию содействия в восстановлении Афганистана.

Государства-члены выражают глубокую озабоченность в связи с положением, складывающимся на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в частности в Сирии, и выступают за достижение мира, стабильности, процветания и прогресса в этом регионе без не санкционированного Советом Безопасности ООН внешнего, в том числе силового, вмешательства.

Государства-члены выступают за скорейшее преодоление кризиса в Сирии самими сирийцами при соблюдении суверенитета Сирийской Арабской Республики, прекращение насилия в этой стране, запуск широкого политического диалога между властями и оппозицией без предварительных условий на основе Женевского коммюнике от 30 июня 2012 года. Государства-члены поддерживают усилия по созыву международной конференции, призванной заложить основу для примирения и нормализации в Сирии, а также для содействия мировому сообществу в этом процессе. Они решительно осуждают любые проявления терроризма и насилия над мирным населением, особенно на религиозной или национальной почве, и выступают против противоправных действий, направленных на дальнейшую милитаризацию внутреннего конфликта в Сирии.

Государства-члены поддерживают инициативу о передаче сирийского химического оружия под международный контроль с его последующим уничтожением и присоединением Сирии к Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении.

Государства-члены выражают озабоченность ситуацией вокруг Ирана и его ядерной программы. Они считают угрозы применения военной силы и односторонние санкционные меры отдельных государств против этой страны неприемлемыми. Развитие событий по конфронтационному сценарию чревато серьезными и непредсказуемыми последствиями как для всего региона, так и международного мира и безопасности в целом. Государства-члены убеждены в безальтернативности мирного разрешения этого вопроса.

Государства-члены призывают все страны проявлять максимально ответственный подход и сдержанность, избегать заявлений и тем более действий, ведущих к дальнейшему нагнетанию конфронтации.

Снятие всех имеющихся озабоченностей возможно исключительно мирными средствами на основе принципов поэтапности и взаимности. В этой связи важно сохранить динамику переговорного процесса, набранную на встречах представителей «шестерки» международных посредников с Ираном в Алматы в феврале и апреле 2013 года, выйти на конкретные взаимоприемлемые договоренности.

Государства-члены считают, что переговоры и консультации являются единственным эффективным путем сохранения мира и стабильности на Корейском полуострове, а также осуществления его денуклеаризации. Они призывают к скорейшему возобновлению шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова

на основе целей и принципов Совместного заявления «шестерки» от 19 сентября 2005 года.

Государства-члены вновь подтверждают, что одностороннее и неограниченное наращивание ПРО одним государством или группой государств, без учета интересов других стран, способно нанести ущерб стратегической стабильности и международной безопасности. Связанные с этим проблемы необходимо урегулировать политико-дипломатическими усилиями всех заинтересованных государств. Государства-члены убеждены, что невозможно обеспечивать собственную безопасность за счет безопасности других.

* * *

Сохраняющаяся нестабильность мировой экономики требует совместных эффективных действий государств-членов ШОС в области экономического сотрудничества, что является важной составляющей обеспечения устойчивого социально-экономического развития и стабильности на пространстве ШОС.

Государства-члены придают важное значение практической реализации Перечня мероприятий по дальнейшему развитию проектной деятельности в рамках Организации на период 2012–2016 гг. и Плана мероприятий по выполнению Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС.

Главы государств отметили важность проводимой работы по изучению вопросов создания Фонда развития (Специального счета) ШОС и Банка развития ШОС и поручили продолжить усилия в целях ее скорейшего завершения.

Главы государств убеждены в необходимости ускорения реализации проектов, обеспечивающих расширение транспортно-коммуникационных возможностей региона, развитие инфраструктуры, создание международных мультимодальных центров логистики, торговли и туризма, внедрение инновационных и энергосберегающих технологий, в том числе с привлечением потенциала государств-наблюдателей и партнеров по диалогу. В этой связи государства-члены нацелены на содействие формированию благоприятных условий для развития торгово-экономической и инвестиционной деятельности на пространстве ШОС.

* * *

Государства-члены продолжают взаимодействие в научно-технической и культурно-гуманитарной сферах, в области туризма, способствующее дальнейшему укреплению отношений долгосрочного добрососедства, дружбы и сотрудничества, духовному сближению, продвижению межкультурного диалога в интересах народов, проживающих на пространстве ШОС.

Государства-члены намерены и в дальнейшем развивать связи в сфере здравоохранения, в том числе в вопросах налаживания эффективного практического противодействия угрозе особо опасных и других инфекционных болезней.

Государства-члены отмечают важность укрепления и наращивания потенциала предупреждения чрезвычайных ситуаций, вызванных стихийными бедствиями и техногенными катастрофами, а также совместного реагирования на них.

* * *

Государства-члены будут и впредь укреплять сотрудничество в рамках Организации, чтобы вывести его на качественно новый уровень и превратить пространство ШОС в регион прочного мира, дружбы, процветания и гармонии.

В этой связи главы государств поручают Совету министров иностранных дел государств-членов ШОС обеспечить подготовку проекта Стратегии развития Организации до 2025 года и представить его на рассмотрение СГГ ШОС в установленном порядке.

Государства-члены открыты для диалога с заинтересованными государствами, международными и региональными структурами по вопросам обеспечения безопасности и стабильности, углубления взаимовыгодных торгово-экономических и культурно-гуманитарных связей в регионе и мире.

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев
Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин
Президент Кыргызской Республики А.Ш. Атамбаев
Президент Российской Федерации В.В. Путин
Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон
Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов

Политика

Перспективы России в Северо-Восточной Азии и предлагаемая стратегия в регионе

© 2013

Ю. Морозов

В статье анализируется значение Северо-Восточной Азии для интересов России, определены региональные вызовы и риски для ее национальных интересов. Предложены возможные направления стратегии РФ в XXI в. в целях укрепления ее роли в СВА и АТР.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Северо-Восточная Азия, Россия, Китай, Япония, экономика, безопасность.

Мир находится сегодня в состоянии некоей турбулентности, связанной с потрясениями на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. К середине XXI в. на планете может сложиться новая расстановка сил, основанная на доминировании в ключевых регионах мира. Наиболее перспективный из них — АТР и его составная часть — Северо-Восточная Азия (СВА). Для нынешнего глобального лидера Соединенных Штатов этот динамично развивающийся субрегион АТР в последнее время представляет повышенный стратегический интерес. Для другого мирового гиганта — Китая, главного партнера и соперника США — СВА — “домашний” субрегион. Россия, сохраняющая статус значимой региональной державы, ушедшая из СВА после распада СССР, ныне намерена туда вернуться. Вот почему вне зависимости от вектора своего развития СВА в последующие несколько десятилетий будет представлять весомую стратегическую значимость для расстановки сил на планете.

Какие возможности открываются перед Россией в процессе интеграции в субрегион, и какие ограничения существуют здесь для усиления ее геополитического влияния? Сможет ли она вернуть утраченные позиции в СВА и АТР, и что для этого целесообразно сделать в перспективе? Попытаемся разобраться в этом.

Северо-Восточная Азия: глобальный контекст и национальные интересы России

В последние годы СВА превратилась в мощный фактор мирового роста, потребляющий огромное количество энергоносителей и природных ресурсов, и одновременно стала перекрестком геополитических интересов многих держав мира. Его стратегическую важность в XXI в. трудно переоценить — стоит лишь взглянуть на статистику. Если считать ВВП по номинальному курсу, то Китай — это вторая (в 2011 г. примерно

\$6 трлн), Япония — третья (\$5,3 трлн), а Южная Корея — 15-я (\$1,4 трлн) экономики мира. Их совместный ВВП — 20% от общемирового. По объему накопленных прямых иностранных инвестиций КНР также впереди — \$578,8 млрд; у Японии — \$214,9 млрд и у РК — \$127 млрд. Они входят в десятку стран с самым большим объемом внешней торговли (также 20% от общемирового). Если считать, что к этому субрегиону частично относятся США и Канада, то его доля в мировой экономике составляет более 50%, а объем мировых валютных резервов — 40%¹.

При этом нельзя закрывать глаза на то, что в этом субрегионе АТР есть силы, действующие в направлении сохранения факторов дестабилизации обстановки, противостояния и конфронтации между государствами. При определенных условиях здесь сохраняется опасность возгорания конфликтов на почве нерешенных пограничных и территориальных вопросов. Например, КНР, Япония и РК не просто страны с мощной экономикой, но государства, где сильно развиты национальные чувства, а население помнит о былом величии своих стран и об обидах, нанесенными соседями. Эта тройка по уровню затрат на оборону входит в первую десятку стран (15% мировых военных расходов), а отношения между тремя государствами исторически напряженные. Один из примеров — китайско-японское столкновение в 2012 г. из-за островов в Восточно-Китайском море. Ситуация с безопасностью в регионе накалена и из-за разделения Кореи, где Ким Чен Ын усиленно реализует ядерную программу КНДР, а эффективность международных структур, которые могли бы умерить его амбиции, чрезвычайно низка.

Все эти геополитические реалии делают СВА одним из наиболее опасных регионов мира. Здесь не существует системы безопасности, которая была бы выгодна всем государствам субрегиона. В нем есть элементы обеспечения военной безопасности главного мирового игрока — Соединенных Штатов, ориентированные исключительно на интересы Америки и ее союзников — Японии и Южной Кореи. Китай, следующий принципу “неприсоединения к военным альянсам”, обеспечивает свою безопасность собственными силами.

Тем не менее, СВА неизменно привлекает внимание Москвы, рассчитывающей стать здесь одним из ведущих игроков и получить от этого дивиденды и помощь в социально-экономическом возрождении областей, расположенных за Байкалом. Это связано и с тем, что СВА становится эпицентром глобального значения: главные артерии мировой экономики постепенно сдвигаются из Трансатлантики в АТР, где Китай и Япония относятся к двум крупнейшим в мире потребителям энергии, а это несомненный плюс для их северного соседа. Кроме того, вовлечение России в региональную торговлю сможет снизить ее экономическую зависимость от Европы, на которую пока приходится около 50% российского товарооборота. Разработка в 2009 г. стратегии социально-экономического развития регионов к востоку от Байкала, создание Министерства по развитию Дальнего Востока, проведение в 2012 г. во Владивостоке саммита АТЭС — все это подтверждает решимость России восстановить свое влияние в СВА и АТР. Это находит свое отражение и в новой Концепции внешней политики РФ, утвержденной В. Путиным 12 февраля 2013 г.

В ней говорится также, что “Россия намерена активно участвовать в работе по формированию в СВА эффективных механизмов укрепления мира, безопасности, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества как регионального компонента новой архитектуры безопасности в АТР”².

Но для реализации этих намерений ей необходимо иметь что-либо притягательное для стран субрегиона, располагать механизмами воздействия на ситуацию в нем в политической и экономической областях и в сфере региональной безопасности.

Преимущества и слабости позиции России в субрегионе

В качестве энергетического поставщика Россия может занять в СВА роль близкую к ключевой. Она может еще возрасти в случае прекращения поставок в страны региона нефти и газа из Персидского залива (например, в результате блокады Малаккского пролива ВМС США и Ирана).

В то же время РФ пока не является органичной частью сложных, переплетающихся цепочек производства и связанных с этим интеграционных процессов в СВА. В отличие от Китая, экономический конек которого дешевая рабочая сила, и от Японии и Южной Кореи, производства которых специализируются на высоких технологиях, Россия не участвует здесь в непосредственном создании конечного продукта и его ценообразовании.

Экономическая Россия находится в сложном положении. За январь—февраль 2013 г. объем промышленного производства в ней сократился на 1,5%. Новые предприятия в стране практически не строятся, основные фонды стареют и работают на пределе своих возможностей³. В российском экспорте резко снизилась доля машинотехнической продукции и увеличилась роль сырьевых товаров. Были утеряны многие традиционные промышленные рынки на Востоке. Российская продукция тяжелой и легкой промышленности, электроники, авиа- и судостроения, сельского хозяйства и других отраслей перестала пользоваться спросом.

Российский эксперт С. Лузянин в статье “Северо-Восточная Азия: внутренние и внешние измерения развития и безопасности”⁴ привел коэффициент интенсивности товаропотоков между Россией и странами СВА. В торговле России практически со всеми ведущими странами региона этот показатель невелик. В 2008 г. в торговле с КНР он равнялся 0,61, с Южной Кореей — 0,58, с Японией — 0,44, с остальными странами — меньше 0,001. Из этого следует вывод, что Россия к 2020 г., видимо, не сможет играть значительной роли в системе экономических отношений в СВА. Кроме того, логистические структуры экспорта и импорта Японии, Китая и Южной Кореи уже выстроены с прицелом на использование своих и прочих транзитных коридоров для экспорта и импорта.

В военно-политической области Россия также не играет в СВА значимой роли. Маловероятно, что Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), действующая в Центрально-Азиатском регионе, где роль Москвы ведущая, может быть пригодна для СВА.

В качестве «ответа» на смещение стратегического присутствия США в сторону Тихого океана в ходе перемещения центра мирового противоборства в АТР Россия стала активно модернизировать и увеличивать Тихоокеанский флот и проводить совместные военно-морские учения с Китаем.

Вместе с тем, у Москвы есть козыри для успешного возвращения в СВА. Это ресурсы Дальнего Востока, где находится 70% природных богатств страны. Одновременно этот регион является емким рынком для импорта промышленного оборудования и товаров ширпотреба. Россия является мировым лидером как минимум в 15 областях высоких технологий⁵. На международном рынке также по-прежнему популярны продукция ВПК РФ и ее космические технологии. Знаком державности России остается ее ядерный потенциал. Она также является постоянным членом Совета Безопасности (СБ) ООН, к голосу которой продолжает прислушиваться мировое сообщество.

Кроме того, в глобальных процессах все большую роль играют транснациональные политические и экономические субъекты и институты, как формальные (МАГАТЭ, ВМБ, МВФ), так и неформальные («G-8 и G-20», БРИКС и РИК), где роль России достаточно весомая. В стратегическом плане Россия является для КНР ее “северным тылом” и альтернативой для поставок энергоресурсов из Персидского залива.

В формирующемся полицентричном мире основное соперничество, судя по всему, несмотря на обширное экономическое взаимодействие, намечается между Вашингтоном и Пекином. Исходя из этого, в обозримой перспективе при решении проблем СВА и АТР следует ожидать своеобразной “борьбы за Россию” между США и Китаем.

Свидетельством заинтересованности Китая в позиции России по проблемам СВА и АТР стал официальный визит в Москву в марте 2013 г. Председателя КНР Си Цзиньпина. На встрече с В. Путиным лидер КНР подчеркнул, что Пекину и Москве не-

обходимо укреплять двустороннее стратегическое партнерство и усиливать координацию по международным и региональным проблемам⁶.

Формально Россия позиционирует себя в АТР, как участник различных организаций региона: с 1994 г. входит в члены регионального форума АСЕАН, с 1998 г. участвует в АТЭС, с 2005 г. — в «АСЕАН + Россия». Однако ее активная политическая роль в этих организациях до недавнего времени не просматривалась. И только в 2012 г. на саммите АТЭС во Владивостоке активность России в АТР и в СВА начала прорисовываться более рельефно. Очевидно, это связано с экономическими целями и, в первую очередь, с переориентацией номенклатуры экспорта энергоносителей.

Саудовская Аравия и Россия ныне являются лидирующими поставщиками нефти, однако запасы ее на планете постепенно истощаются. Намного перспективней выглядит ситуация с газом: Россия и Иран владеют почти 60% мировых запасов газа, объема которых мировому сообществу хватит как минимум до XXII столетия. В перспективе природный газ в качестве энергоносителя вытеснит доминирующую сегодня нефть. Для России это шанс с помощью газового рычага усилить свое геополитическое влияние не только в СВА, но и в АТР. Модернизация дальневосточных газодобывающих областей России будет означать передел геополитического, экономического и политического влияния в регионе в пользу РФ. А пока Дальний Восток России продолжает сохранять ориентацию на ее западную часть.

До недавнего времени достаточно обоснованный проект его развития отсутствовал. Хотя имелись некоторые теоретические наработки относительно будущего этого региона. К примеру, в проектах С. Караганова и Д. Тренина будущее видится в том, чтобы ядром модернизационной стратегии Дальнего Востока было создание некоего транзитного коридора между Находкой, Владивостоком и Хабаровском, с встроенными в него крупными узлами логистики и производства. На ось такого «коридора» могло бы быть «нанизано» все остальное пространство региона — в виде подрядчиков, поставщиков и потребителей. Они также предлагают создать на Дальнем Востоке особую экономическую зону для стимуляции экономической и производственной деятельности его населения. Тем не менее, основной составляющей данного проекта оставалось сохранение транзитной функции Дальнего Востока, через который проходили бы товары в обоих направлениях, не задерживаясь в нем и ограничивая региону возможность участвовать в производственных процессах в СВА.

Сегодня ситуация меняется в лучшую сторону: на экспертном и политическом уровнях была сформулирована идея комплексной экономической интеграции РФ в АТР через Сибирь и Дальний Восток. На Байкальских экономических форумах (2000, 2001 гг.) эта идея получила дополнительное развитие. Правительство приступило к комплексной реализации программы развития регионов. После саммита АТЭС 2012 г. объем целевых федеральных средств был значительно увеличен. Большая часть денег выделена на создание инфраструктуры и подъем промышленных производств в дальневосточных и сибирских субъектах с целью их последующей интеграции в СВА. Но на этом пути существуют региональные вызовы и риски для национальных интересов России.

Региональные вызовы и риски для национальных интересов РФ

Вызовы *экономическим интересам РФ*, с точки зрения социально-экономического развития регионов к востоку от Байкала и их интеграции в экономическую систему СВА, определяются целым рядом факторов.

Во-первых, несбалансированным экономическим взаимодействием России и Китая, которое негативно влияет на торговлю по принципу «рубль-юань» на площадке МВББ и через третьи страны. При этом потери России составляют до 30% от суммы сделки. Большую часть торговли РФ с КНР составляют энергоресурсы, на втором месте

находятся вооружения. Как крупный долговременный покупатель Китай желает выторговать у России более низкие цены на газ, чем среднемировые. Примером являются трудные переговоры Москвы и Пекина о ценах на энергоносители в 2012–2013 гг.

Экспорт энергоносителей будет главным козырем России в усилении ее экономического влияния в СВА и АТР, однако это “палка о двух концах”. Зависимость экономики от экспорта энергоносителей во времена “скачущих” цен на них, нестабильность рынков и кризисность региональной и мировой экономики ставят под угрозу доходность российского бюджета и тормозят модернизацию Сибири и Дальнего Востока.

Другой вызов заключается в решении проблем, связанных с кооперированием этих регионов с СВА в условиях дефицита рабочих и специалистов на Дальнем Востоке. Так, в рамках кооперации с акторами СВА для успешного функционирования предприятий лесного хозяйства, добычи угля и железной руды Сибири и Дальнему Востоку необходимо около 500 тыс. рабочих. Сельское хозяйство дальневосточных районов России также нуждается в увеличении числа земледельцев, по крайней мере, вдвое. Острая нехватка рабочих рук и их привлечение из-за рубежа — проблема, которую следует решать сегодня. При этом до сих пор неясно, кто должен заниматься этим — Министерство по развитию Дальнего Востока или Минэкономразвития и Миграционная служба РФ?

Применительно к дальневосточному региону существует и третий блок проблем, представляющий вызов российским интересам — отсутствие внешних источников финансирования для развития Дальнего Востока и Забайкалья. Большие возможности в представлении России валютных и иных кредитов для этих целей имеет Япония. Однако если она будет оказывать такое содействие, то лишь при условии получения дешевого первичного сырья. С другой стороны, быстро растут южнокорейские инвестиции, и их отраслевой ассортимент расширяется. В 2012 г. взаимная торговля РФ и РК достигла \$27 млрд, а объем накопленных инвестиций РК в экономике РФ и составил на 2013 г. более \$2 млрд. Заявлены впечатляющие проекты вроде транскорейского газопровода, которые способны перевести отношения двух стран на новый уровень. Но они требуют согласования с северокорейской стороной.

В основном же развитию Дальнего Востока препятствуют внутренние проблемы России. Осуществлявшиеся в конце 1990-х гг. различные проекты по модернизации Восточной Сибири и Дальнего Востока не удалась по целому ряду причин: из-за отсутствия или развала инфраструктуры в регионах, правовой неудовлетворенности инвесторов, некомпетентности и бюрократии, коррупции и кланово-мафиозных интересов. Все это отпугивало потенциальных инвесторов. Неудивительно, что иностранные предприниматели нередко сетуют на то, что в России нет твердых, институционально закрепленных правил внешнеэкономической деятельности. Это сдерживает развитие бизнеса между негосударственными компаниями.

Помимо экономических вызовов со стороны субъектов СВА и АТР для фундаментальных интересов России существуют и другие внешние риски.

Среди них — риск *демографического давления* со стороны перенаселенных стран-соседей. Восемь миллионам россиян, живущих к востоку от Байкала, противостоят 130 млн китайцев из четырех северо-восточных провинций КНР, более 125 млн японцев и 75 млн корейцев на юге и севере полуострова. Несмотря на официальные заявления Пекина о том, что КНР не проводит политику “поддержки проникновения граждан КНР на Дальний Восток и в Сибирь”, там происходит процесс постепенной демографической экспансии Китая, чем пользуются некоторые политики, говорящие о “китайской угрозе”. В этих условиях стратегическим вызовом для России станет укрепление суверенитета восточных областей и возможность защищать их в процессе интеграции в экономическую зону СВА.

На территориальную целостность РФ открыто посягает лишь Япония, требующая Южно-Курильские острова. В определенной степени Москва сама спровоциро-

вала подобную позицию Токио, согласившись на существование "территориальных" проблем в Токийской декларации 1993 г. Хотя Россия должна была прямо заявить, что никаких территориальных споров с Японией у нее не существует, а Южные Курилы принадлежат и будут принадлежать только ей. Тем более, что проблема принадлежности островов не мешает японским бизнесменам развивать экономическое сотрудничество с Россией — автомобильные заводы концернов Toyota и Nissan успешно функционируют в РФ. Из этого можно сделать вывод, что проблема "северных территорий" используется тогда, когда это выгодно определенным силам для нагнетания в Японии атмосферы национализма и реваншизма.

В военной области в АТР и СВА для России существуют два вида угроз: традиционные — военные угрозы, распространение ядерного оружия и др.; и нетрадиционные — терроризм и пиратство, трансграничная преступность, экологические и природные бедствия, техногенные катастрофы, наркотрафик и др. Оба перечня постоянно обновляются и пополняются новыми явлениями. Причем нетрадиционные угрозы растут особенно быстро. Так, в перспективе наибольшую опасность представляет появление «катастрофического терроризма» — совершение терактов с применением или угрозой применения оружия массового уничтожения. Будет расти активность «кибертерроризма» — воздействия на компьютерные сети с целью дезорганизовать функционирование важнейших жизнеобеспечивающих систем государства и общества. Примером тому может послужить атака хакеров 28 марта 2013 г. на компьютерную сеть конкурирующей фирмы, которая в тот день вдвое замедлила работу Интернета в масштабах всей планеты.

Потенциал военного конфликта в СВА, который оказывает конкретное влияние на интересы России, сконцентрирован на Корейском полуострове, где ядерное вооружение Северной Кореи привело к гонке обычных вооружений в Южной Корее и Японии. После испытания КНДР ракетно-ядерного оружия в 2013 г., переговоры шести стран по урегулированию ядерной проблемы Северной Кореи зашли в тупик. Равно как и вопрос о нормализации ситуации на полуострове, где противоречия КНДР и РК вышли на уровень не просто регионального, но потенциального глобального конфликта. Однако, как считают некоторые эксперты Института Дальнего Востока РАН, в ближайшей перспективе войны на Корейском полуострове не будет. Сейчас это не выгодно ни КНДР и РК, ни КНР и США⁷.

Базовым в данном случае является китайско-американское соперничество, которое пока носит региональный характер. АТР в настоящее время переживает геополитический сдвиг баланса сил США и Китая, которые, конкурируя между собой за лидерство в азиатской части Тихого океана, генерируют очаги напряженности в регионе.

Тот факт, что к 2025 г. КНР может стать главной военной силой в АТР, что вызывает опасения других стран региона, отношения которых с Китаем будут, вероятно, развиваться по формуле «сосуществование—сотрудничество—соперничество» или, в крайнем случае, «регулируемая конфронтация». В условиях глобализации и растущей взаимозависимости стран в мире, роль прямого применения военной силы в интересах разрешения существующих проблем и конфликтов может уменьшаться по сравнению с иными способами их урегулирования. Уже сегодня западные страны активно практикуют формы военной интервенции под прикрытием международного мандата на проведение миротворческих акций.

В СВА потенциальным объектом таких акций может стать Северная Корея с ее ядерным оружием, периодическими угрозами его применения, хроническими продовольственными проблемами и отсутствием демократических свобод по меркам Запада. Все это чревато закреплением ее в списке стран, где наличествует "гуманитарная катастрофа", требующая международного вмешательства со стороны ООН.

Гуманитарные и миротворческие акции все чаще превращаются в важнейший инструмент управления конфликтами на мировом и региональном уровнях. Именно

здесь у России имеется еще одна «ахиллесова пята». Ныне РФ находится на 11 месте по размеру взноса в бюджет операций ООН, а её участие в миротворческой деятельности по сравнению с прошлым веком существенно сократилось. В рейтинге миротворчества она занимает лишь 45 место, а Китай 12-е.

Предполагаемая стратегия РФ по укреплению роли в СВА и АТР

Анализ развития обстановки в СВА и АТР показывает, что основным партнером России в *экономической области* должен оставаться Китай. Объем двусторонней торговли в \$87, 5 млрд (2012 г.) дает ему это право. Уровень китайских инвестиций в РФ постоянно растет. В марте 2013 г. в Москве было подписано 35 договоренностей по сотрудничеству России и Китая в различных областях, вместо запланированных 17⁸. Кроме того, их объединяют общие внешнеполитические интересы: это многополярный мировой порядок, политическая стабильность в АТР и СВА и военная безопасность на Корейском полуострове. Российско-китайское взаимодействие в ШОС играет ключевую роль в усилиях по сдерживанию экспансии США в Центральной Азии.

Решение существующих проблем и развитие экономического сотрудничества, а также увеличение товарообмена между Россией и Китаем, было бы целесообразно осуществлять во взаимной увязке на двух основных уровнях: на макроуровне между Москвой и Пекином (уровень межправительственных решений и соглашений между крупными предпринимательскими организациями); на региональном и локальном уровнях (решение торговых, производственных и кооперативных проблем в районах, прилегающих к российско-китайской границе) при активном участии министерства по развитию Дальнего Востока РФ и аналогичных структур КНР.

Практический интерес для Китая может представить российский опыт проектирования крупнейших в мире сибирских электростанций и производства самых мощных в мире гидротурбин и генераторов. «Пекин рассматривает атомную энергетику как будущую опору энергоснабжения страны. Но для строительства крупных АЭС ему нужны технологии. И тут россиянам есть что предложить», — заметил накануне визита Си Цзиньпина в Россию в интервью радиостанции DW директор Центра глобальных исследований при Боннском университете Сюэ-у Гу⁹. В целом, взаимовыгодная экономическая и производственная кооперация России и Китая могут стать одной из основ экономической системы СВА.

Треть производства электроэнергии в Японии обеспечивают атомные электростанции, однако после цунами 2011 г. и связанного с этим выброса ядерных материалов в окружающую среду, японская общественность стала смотреть на ядерную энергетику весьма критично. Это может привести в ближайшем будущем к пересмотру модели японского энергообеспечения, и, как следствие, к возрастанию потребления нефти и жидкого газа. Это удобная возможность для России еще больше укрепить свои позиции энергетической державы в СВА. В газопроводном проекте «Сахалин-2», кроме Газпрома и европейских концернов, участвуют также японские концерны Mitsui и Mitsubishi с общей долей инвестиций в 22,5%. Большая часть сжиженного газа из «Сахалина-2» будет направляться в Японию.

По сравнению с Китаем, Японией и Южной Кореей Северная Корея как торговый партнер для России заметной роли не играет, объем торговли обеих стран в 2010 г. составил всего \$62 млн. Переговоры по транскорейскому газопроводу, 700 км которого должны пройти по территории КНДР и который мог бы пополнять ее казну на \$100 млн ежегодно в виде транзитной пошлины, ныне заморожены Сеулом, обвинившим Пхеньян в торпедировании корвета ВМС РК «Чхонан» в 2010 г. Содействие Москвы в снятии этого эмбарго помогло бы достичь России одновременно нескольких целей: дешевой транспортировки российского газа в Южную Корею, ослабление военного противостояния

между РК и КНДР и присоединения Корейского полуострова к системе российских железных дорог.

Представляется, что проблему нахождения внешних источников для финансирования развития Дальнего Востока и Забайкалья можно решить двумя путями. Во-первых, созданием внешним инвестором благоприятного инвестиционного климата, как это делает Китай. При этом — избавиться от “родимых пятен” в области финансово-экономической политики (сложность схем инвестиционных вложений, распределение тендеров “по понятиям и откатам”, бюрократизм и проволочки и т.д.).

Во-вторых, в случае нехватки внешних инвестиций, использовать механизмы предотвращения вывоза из страны финансов в оффшорные зоны (Кипр и другие страны) обеспечения своевременного возврата (а не списания внешних финансовых долгов и займов (как это делает Запад); привлекать в восточные регионы России инвестиции стран БРИКС, либо ОПЕК на обоюдовыгодных условиях. Эти пути и их комбинация могли бы пополнить госказну для развития регионов к востоку от Байкала.

Для успешной интеграции России в СВА следовало бы учитывать четыре аспекта.

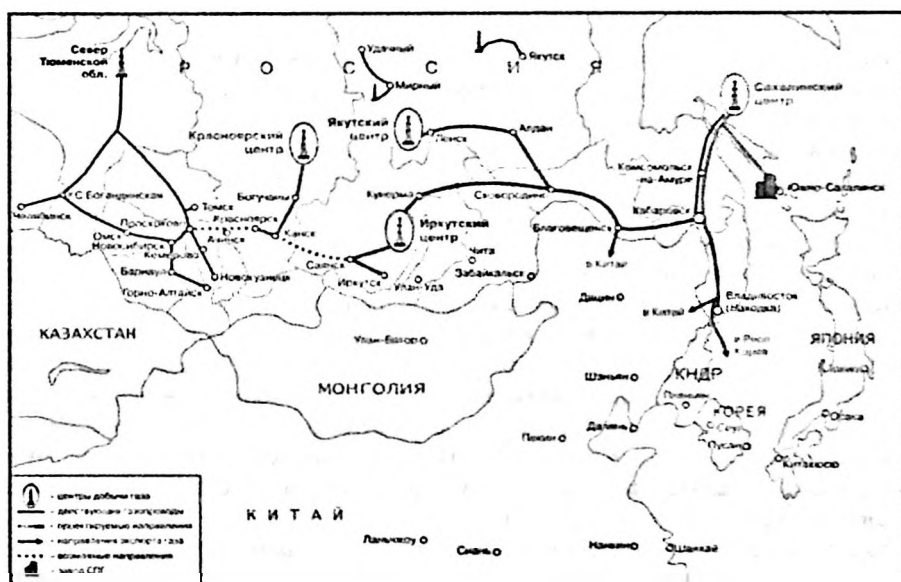

Схема строящихся газотрубопроводов и заводов по сжижению природного газа на востоке России

Во-первых, Россия должна проявлять больше активности в формировании целостной экономической системы субрегиона с ее участием. Возможными направлениями усилий Москвы в этом плане могли бы стать: содействие в ликвидации ограничений в области торгово-экономического обмена, осуществление режима наибольшего благоприятствования для всех экономических объединений, устранение препятствий на пути вступления в них каких-либо государств. Также следует более активно предлагать странам СВА использовать морской путь вдоль северных берегов России. Например, по Северному морскому пути расстояние от Иокогамы до Европы (Санкт Петербург) составляет 7 456 миль; а через Суэцкий канал — почти вдвое длиннее (12 738 миль)¹⁰.

Во-вторых, следует продолжать диверсификацию возможностей восточных регионов РФ в СВА в области энергетики. Базу создадут природные ресурсы для интеграции Дальнего Востока в СВА. Со временем экономику этого российского региона необходимо переориентировать на производство продукции с большей добавочной стоимостью.

В-третьих, целесообразно развитие исследовательских центров типа «Сколково» в других регионах РФ, создание такового на Дальней Востоке, укрепление их связей не только с аналогичными центрами в США, но в АТР в целом. У них может быть много общих программ — как минимум, одинаковая заинтересованность в более глубоком изучении региональных проблем. Для проведения совместных исследований следовало бы при помощи финансовых и научно-технических стимулов сократить отток отечественных ученых за рубеж и восстановить опытно-конструкторские бюро для проведения НИОКР. Это не региональная задача, а общегосударственный императив.

В-четвертых, острую нехватку рабочих рук для развития регионов к востоку от Байкала можно компенсировать двумя способами. Первый связан с более широким привлечением не китайских, а северокорейских рабочих для успешного функционирования предприятий промышленности и сельского хозяйства дальневосточных районов России. Работая там по контракту, они, в отличие от граждан КНР, гарантированно вернутся к себе на родину. Тем самым будут нивелированы опасения о так называемой «китайской экспансии» на российский Дальний Восток. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны: в 2013 г. квота для найма рабочих из КНДР была увеличена с 20 до 35 тыс. человек. При этом соответствующим ведомствам следует контролировать их деятельность в областях, расположенных за Байкалом, дабы после них там не осталось «выжженное поле» с экологическими и иными проблемами. Второй способ предполагает сделать так, чтобы в менталитете коренных жителей этого региона ушло в прошлое понятие, что «настоящая Россия сосредоточена до Уральских гор», которую в быту жители Дальнего Востока до сих пор именуют «материком». А вместо иностранных специалистов — привлекать по контракту отечественных из тех областей и регионов, где наблюдается наибольшая стагнация российской экономики.

Область военно-технического сотрудничества (ВТС) в ближайшее десятилетие останется одним из инструментов внешней и экономической политики России, средством её военно-политического влияния на баланс сил в регионах мира, включая АТР. Для повышения эффективности сотрудничества в области ВТС России целесообразно учитывать особенности этого региона, наличие в нем сильных конкурентов (КНР и США) и использовать их слабые места. Так, развитию ВТС России с Японией и Южной Корей препятствует влияние на них США. В данном контексте России необходимо выстраивать свою стратегию, наращивая ВТС со странами АСЕАН, которые постоянно увеличивают свои расходы на оборону.

Растущая военная мощь Китая может послужить основой для усиления позиций России в другом субрегионе АТР — в Юго-Восточной Азии (ЮВА). Используя опасения лидеров стран субрегиона по отношению к КНР, Россия может предложить им более тесное сотрудничество в области ВТС где, по мнению руководства этих стран, неприемлемо усиление китайского влияния. Создание сервисных центров может стать первым шагом на пути расширения сотрудничества России и стран ЮВА, что благоприятно скажется на имидже Москвы как долгосрочного партнера. Следующим этапом может стать создание в ряде стран (Индонезия, Малайзия, Вьетнам и др.) совместного с Россией производства, что позволит не только частично снять нагрузку на отечественный ВПК, но и послужит импульсом для НИОКР в оборонной области.

В перспективе в АТР наибольшим спросом будут пользоваться высокоточные системы воздушного и морского базирования, ПВО и тактической ПРО, а также информационные системы. Они представляют собой перспективные направления ВТС: в области ПВО — Россия несомненный мировой лидер, но в области высокоточных и информационных систем, ей еще предстоит завоевать свою нишу.

С одной стороны, это несомненный плюс для перехода российского ОПК на качественно новый уровень развития. С другой стороны, многие российские эксперты опасаются, что может повториться ситуация эпохи «культурной революции», когда после

создания ОПК и ядерного оружия КНР при активной помощи СССР, Пекин прекратил ВТС с Москвою и начал беззастенчивое копирование отечественных образцов вооружения и техники. Поэтому в областях НИОКР и создания совместных предприятий следует в мельчайших деталях обговаривать с китайской стороной соглашения в этих сферах в целях исключения двоякого толкования партнером их положений. В этом же ключе следует рассматривать и направления научного сотрудничества РФ и КНР, где могут явиться совместные научные разработки в области развития электронно-вычислительной техники, а также создание пакетов программного обеспечения для систем управления. Целесообразно подумать и о программе совместного исследования космического пространства и разработке в этих целях различных видов новейшей космической техники.

В области сохранения региональной безопасности Россия предполагает поддержание широкого сотрудничества, содействие становлению гибких внеблоковых сетевых альянсов, с активным участием в них. В соответствии с политикой в АТР Россия рассматривает механизм Восточноазиатских саммитов как основную площадку для стратегического диалога лидеров по ключевым аспектам безопасности в регионе. Ее усилия на данном направлении следовало бы подкрепить активностью и в других форматах — Региональном форуме АСЕАН по безопасности, БРИКС и РИК. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Так, на саммите стран БРИКС в ЮАР (март 2013 г.) Россия предложила членам этой организации несколько практических направлений, позволяющих сбалансировать диктат западного сообщества в глобальных и региональных делах. При этом неотъемлемой составляющей безопасности в АТР может стать «мягкая сила» членов БРИКС с активным участием Москвы — комплексный инструментальный решения региональных проблем с опорой на экономические, гуманитарные и другие методы и технологии.

В случае прямой угрозы возникновения «горячих» конфликтов в регионе для их ликвидации России не следует быть «ни в чьем стане», ее место — на трибуне ООН и в Совете Безопасности. Российская дипломатия, очевидно, извлекла для себя уроки из недавнего прошлого, когда при невмешательстве Москвы западным странам выдавался мандат ООН для «силового умиротворения» ситуаций на Балканах и в Ливии. Что из этого вышло — всем хорошо известно. Одновременно было бы целесообразно увеличить потенциал российского миротворчества. Тем более, что в Концепции внешней политики РФ сказано «Россия, считая миротворчество действенным инструментом урегулирования вооруженных конфликтов и решения задач в посткризисной стадии, намерена участвовать в миротворческой деятельности под эгидой ООН и в рамках взаимодействия с региональными и международными организациями — будет вносить свой активный вклад в совершенствование потенциала ООН».

Престиж и статус России, её отношения со странами и движениями в АТР в плане региональной безопасности будут определяться не ядерным потенциалом, а эффективностью её сил в миротворческих акциях. Наличие конфликтов в СВА и АТР обуславливает значительное расширение таких операций. Кроме того, в посткризисной стадии у государства-миротворца, участвовавшего в таких операциях, появляется шанс упрочить свои позиции «в новой системе координат». Оперативность и гибкость страны, участвующей в миротворческом процессе, позволяют в этот момент укреплять свои позиции в стране. Вслед за военными начинают «разворачиваться» гуманитарные организации, экономисты, промышленники, приходит частный бизнес страны-миротворца для восстановления экономики и разработки полезных ископаемых (так было в Ливии и в Ираке, где американские компании безоговорочно одерживали победы над конкурентами).

России следует более активно использовать инструментальный миротворчества, позволяющий устанавливать мир в АТР и одновременно обеспечивать реализацию ее национальных интересов в этом стратегически важном регионе мира.

Перспективы российско-американских отношений, пережившие определенный подъем периода «перезагрузки» в первый срок правления Б. Обамы, ныне осложни-

лись из-за целого ряда проблем. Среди них ПРО США, ближневосточный кризис (Сирия), американское вмешательство во внутреннюю политику России. Несмотря на вступление России в ВТО, никакого роста объема взаимной торговли и инвестиций не просматривается. Это касается и перспектив привлечения Вашингтоном на свою сторону Москвы в сфере решения тихоокеанских проблем. Так, в статье «Тихоокеанский век Америки» (2011 г.) госсекретарь США Х. Клинтон Россию не упомянула ни разу. Тем не менее, по мере роста мощи Китая в мире, позиция Вашингтона изменится, и Москве будет предложена новая "перезагрузка отношений", подспудный смысл которой, очевидно, будет заключаться в сдерживании Пекина "по всем фронтам".

В американском истеблишменте многие связывают ухудшение взаимоотношений с возвращением В. Путина на пост Президента РФ. Действительно, у него гораздо более скептическое отношение к Соединенным Штатам, чем у его предшественников, которые верили ничем не подтвержденным обещаниям Вашингтона "учесть позицию Москвы и интересы РФ в региональных делах" (М. Горбачев верил в баланс сил в Европе после вывода отсюда ВС СССР, Б. Ельцин — в «нерасширение» НАТО на Восток, Д. Медведев — в совместное ПРО в Европе). В отличие от них В. Путин дал понять Б. Обаме, что Россия не поддержит новые санкции СБ ООН против Сирии и Ирана. А договоренности, достигнутые Вашингтоном в переговорах с Москвою по эксплуатации "северного пути" снабжения войск в Афганистане, утратят свое значение после 2014 г., когда США выведут отсюда войска.

Есть ли в АТР возможности для стратегического сотрудничества Москвы и Вашингтона с учетом их интересов? Да, потенциал для этого имеется. В дополнение к уже существующему сотрудничеству в решении северокорейской проблемы есть несколько направлений возможного взаимодействия.

Первое связано с перспективой экономического развития регионов к востоку от Байкала. В случае улучшения инвестиционного климата в РФ помимо американской компании Exxon Mobil на Сахалине Россия сможет привлечь на Дальний Восток и другие компании США. Обе страны могли бы способствовать увеличению объема торговли между восточными регионами РФ и американским тихоокеанским побережьем (на них приходится лишь 2% всей внешней торговли РФ — США). Следует рассмотреть возможность кооперации исследовательских центров тихоокеанского побережья США, с аналогичными структурами РФ, КНР, Японии и РК. Подобные инициативы будут способствовать упрочению экономического, торгового и научного сотрудничества сторон в СВА и АТР.

Со стратегической точки зрения стабильность в АТР обеспечит ситуация, когда интересы и амбиции ведущих игроков в регионе будут четко проговорены и понятны противоположным сторонам. Тогда каждая держава поймет, что реализовать свои национальные интересы она сможет лишь в том случае, если они будут в достаточной степени соответствовать интересам остальных региональных держав. Это обуславливает второе направление российско-американского взаимодействия, связанное с сотрудничеством в деле сокращения и нераспространения ядерного оружия в АТР. Ибо если переговоры по ядерному оружию «застопорятся», например, из-за неспособности РФ и США решать иные задачи разоружения (ПРО, тактическое ядерное оружие), то после истечения срока Договора СНВ в 2020 г. усилится разлад международного сотрудничества по ядерному нераспространению. Вполне вероятно более интенсивное наращивание ядерного оружия Китаем, Индией, Пакистаном, окончательное становление в качестве ядерного государства Северной Кореи и расширение числа «пороговых» стран. Это повлечет развал ДНЯО и режимов нераспространения.

Есть и третье направление сотрудничества — совместная борьба с пиратством. "Россия продлевает еще на год свои полномочия по пресечению пиратства у берегов Сомали, включая ее территориальные воды", — заявил представитель РФ при ООН В. Чуркин в ходе дебатов о пиратстве в феврале 2013 г. В марте отряд кораблей Балтийского

флота взял курс на западное побережье африканского континента для обеспечения там безопасности судоходства. В результате международного взаимодействия в этой акватории, включая ВМФ РФ и ВМС США, количество пиратских нападений резко сократилось: если в 2011 г. было зафиксировано 129 атак, то в 2012 г. лишь 19.

России и США также целесообразно более решительно «вклиниваться» в процесс борьбы с терроризмом и наркотрафиком из СВА и способствовать формированию здесь сил, способных противостоять этим угрозам, как это сделано в Центрально-Азиатском регионе. С прогнозируемым ростом международного терроризма и трансграничной преступности будут соответственно расширяться военные контингенты и операции для борьбы с ними. В этой области Москва готова сотрудничать с Вашингтоном, тем более опыт их взаимодействия у них имеется.

Очевидно, что в ближайшей перспективе эти направления сотрудничества России и США целесообразно развивать. Они позволят поддерживать позитивные взаимоотношения между ними. Иначе возможен возврат в эпоху «холодной войны», чем могут воспользоваться иные игроки на геополитическом пространстве АТР.

* * *

В заключении следует отметить, что распространение своего влияния в СВА и АТР соответствует национальным интересам России как европейско-тихоокеанской державы, которая «смотрит» не только на Запад, но склоняется и к взаимодействию с Востоком. Российской власти следует последовательно и скрупулезно восстанавливать свое влияние в субрегионе, решив ряд проблем, главные из которых — внутренние, препятствующие России усиливать свои позиции в СВА и АТР.

И тогда символ РФ — двуглавый орел, чей взор обращен и на Запад и на Восток, будет реально символизировать многовекторность российской политики, суть которой заключается в формировании полицентричной системы международных отношений на глобальном и региональном уровнях.

1. *Лузянин С.* Северо-Восточная Азия: внутренние и внешние измерения развития и безопасности. Перспективы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=128750>.
2. Ст. 83.
3. Аргументы и факты. 2013. № 13. С. 5.
4. *Лузянин С.* Северо-Восточная Азия: внутренние и внешние измерения развития и безопасности. Перспективы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=128750>.
5. Тезисы выступления Островского А. В. на круглом столе 22 марта 2013 г. в Институте Дальнего Востока РАН «Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество // Сборник выступлений. М.: ИДВ РАН, 2013.
6. Визит Си Цзиньпина в Москву: в центре внимания — прагматическое партнерство // *Deutsche Welle*. 2013. 22 марта.
7. Тезисы выступления Жебина А.З. и Асмолова К.В. на круглом столе 22 марта 2013 г. в Институте Дальнего Востока РАН «Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество // Там же.
8. Отношения России и Китая переживают лучший период // Взгляд. URL: <http://www.vz.ru/news/2013/3/22/625486.html>.
9. Визит Си Цзиньпина в Москву: в центре внимания — прагматическое партнерство // *Deutsche Welle*. 2013. 22 марта.
10. *Morozov Y.* Potential and Problems of Arctic Regions from Russian Point of View // *Ani*. 2013. March.

Публичная дипломатия Китая: защита или нападение?

© 2013

С. Кривохиж

Публичная дипломатия является эффективным инструментом для достижения внешнеполитических целей Китая. В статье рассмотрены задачи, которые стоят перед ней на современном этапе.

Ключевые слова: публичная дипломатия, «мягкая» сила, Китай.

Усиление роли Китая в мире повлекло за собой небывалый подъем интереса к этой стране» как среди отечественных, так и иностранных исследователей: огромное количество работ посвящено экономическому потенциалу, политической системе, социальному развитию и военной мощи КНР. Безусловно, анализ этих параметров важен и не утрачивает своей актуальности, но в условиях развития информационных технологий и расширения возможностей влияния на иностранную аудиторию не менее важным является изучение «мягкой силы» и публичной дипломатии страны. Несмотря на то, что эти понятия были сформулированы и стали активно использоваться сравнительно недавно, их по праву можно считать неотъемлемыми атрибутами государства, претендующего на статус великой державы. Неудивительно, что в Китае, количество исследований, посвященных этой теме, увеличилось с шести работ в период 1990–2002 г., до 2925 работ всего лишь за четыре года в 2008–2011 гг.¹ На достижение каких целей ориентирована публичная дипломатия КНР? Каковы перспективы развития политики в данном направлении? Ответы на эти и другие вопросы помогут лучше понять, куда движется Китай в своем развитии.

«Мягкая сила» с китайской спецификой

Исторически сложилось так, что западный мир прежде никогда не рассматривал Китай как значимого фактора мировой политики. Как заметил, ведущий научный сотрудник Центра азиатских исследований Университета Гонконга Гань Ян в своей лекции в Университете Цинхуа (Пекин) «... в Библии нет ни слова про Китай. Гегель полагал, что мировая история закончится триумфом немецкой цивилизации, Фукуяма в своем «Конце истории» просто заменил Германию Америкой»². Действительно, после распада Советского Союза делались различные предположения о дальнейшем развитии мировой системы: от торжества западного либерализма до столкновения христианской и мусульманской цивилизаций, а в итоге мировому сообществу пришлось иметь дело со стремительным усилением одного из крупнейших государств Восточной Азии с древней историей и уникальной культурной традицией. Вполне естественно, что усиление страны, отличной по образу мышления, политической и культурной традиции, породило огромное количе-

Кривохиж Светлана Валентиновна, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: sve_kri@mail.ru.

ство тревожных предположений и прогнозов относительно ее дальнейшего развития. Более того, непродуманная и даже агрессивная политика КНР в начале 1990-х гг. (события на Тяньаньмэнь, активность в спорных территориальных водах, тайваньский кризис 1995–1996 гг.) усилила это негативное впечатление. Неслучайно в этот период на Западе появилась так называемая «школа китайской угрозы», основные идеи которой основываются на тезисе, что Китай, как некогда Япония и Германия может стать серьезной угрозой миру на земле³. Имидж Китая как непредсказуемого, опасного актора достаточно быстро прижился в умах исследователей, в средствах массовой информации, а следовательно, и на уровне обывателя. По оценкам китайских исследователей, более 90% информации, распространявшейся в США о Китае в тот период, имело негативную окраску⁴. Негативное отношение не могло остаться незамеченным и в Китае. В 1996 г. вышла книга, которая быстро стала бестселлером: «Китай может сказать нет»⁵, авторы которой подвергли критике новое поколение китайцев, перенявшее западные ценности и совершенно забывшее про свое историческое наследие, и обвинили США в том, что те сделали КНР «козлом отпущения» за их же собственные грехи. В условиях неприязни со стороны многих стран мира и растущего недовольства таким положением дел внутри собственной страны руководству КНР было просто необходимо разработать прагматичную стратегию поведения, позволявшую эффективно реализовывать первоочередные задачи политики модернизации: развитие экономики, науки и технологий, улучшение качества жизни населения, налаживание партнерских отношений с соседними странами.

Осознание того, что путь агрессии и конфликтов не только не приносит желаемого результата, а наоборот, препятствует развитию, стало первым шагом к новой политике. В 2005 г. Ху Цзиньтао в речи по случаю годовщины победы во Второй мировой войне заявил: «История показывает, что любые попытки стран реализовать свои интересы с помощью угроз или силы, или поставить свои интересы выше других ни к чему не приведут. Такие попытки противоречат развитию человечества и фундаментальным интересам всех людей мира»⁶. В том же году идея о построении гармоничного мира и совместного процветания была озвучена китайским лидером на юбилейном саммите ГА ООН⁷, а на саммите АТЭС в 2005 г. в Южной Корее тема сотрудничества, мирного развития и взаимопомощи стала лейтмотивом обращения китайского лидера к коллегам⁸. В выпущенной в 2006 г. Белой книге о политике в отношении Африки также сделан акцент на том, что «Китай как самая крупная развивающаяся страна мира придерживается политики мирного развития <...> Китай готов налаживать дружеские отношения со всеми странами на основе «пяти принципов мирного сосуществования» ради мира, стабильности и совместного процветания»⁹. Таким образом, упор на сотрудничество и мирное совместное развитие не только стал одним из основных акцентов в выступлениях официальных лиц, но китайские политики стали и на практике демонстрировать немислимый для предыдущих поколений прагматизм. Идеология перестала играть определяющую роль в построении отношений с другими странами.

Немалую роль в переориентации на такую политику сыграли многочисленные исследования китайских ученых, в результате которых был сделан вывод: *важное значение в деле поддержания мощи той или иной нации играет так называемая «мягкая сила»*. Эта концепция, предложенная и разработанная американским исследователем Джозефом Наем, предполагает, что государство, помимо использования жестких методов воздействия (экономические санкции, военные действия), должно опираться и на «мягкую силу», в число основных элементов которой входят: 1) культура, способная вызвать интерес у массовой аудитории; 2) привлекательные политические ценности (внутри страны и вовне); 3) легитимная внешняя политика (действия данного государства должны обладать моральным авторитетом среди других государств)¹⁰. Другими словами, «мягкая сила» — это «мощь и влияние, которые появляются у государства, когда остальные участники симпатизируют его культуре и ценностям»¹¹.

Идея американского исследователя заинтересовала китайских интеллектуалов и руководство еще и потому, что она «выглядела как современное развитие суждений древних мудрецов Поднебесной»¹². Например, один из главных принципов древней внешнеполитической доктрины Китая предполагает, что «при взаимодействии с «варварами» основной упор следует делать на «всеблагое влияние императора и только в исключительных случаях на применение силы»¹³, а в трактате «Мэн-цзы» (IV—III вв. до н. э.) «истинный правитель» (*ван*) в управлении использует благодетельную силу (*дэ*) и гуманность (*жэнь*), а «гегемон» (*ба*) «использует силу и пренебрегает гуманностью»¹⁴. Вдобавок, опыт США оказался наглядным примером успешного применения этой идеи на практике. Наконец, внешняя политика обеих стран всегда имела миссионерский характер. В США это выразилось в доктринах «явного предназначения» и «американской исключительности», в Китае — в идее «китаецентризма», который в той или иной форме присутствовал на всем протяжении истории страны.

Стремительное экономическое развитие, политические и социальные реформы, новый тон внешней политики, всплеск интереса к китайскому искусству, культуре и истории — все эти факторы серьезно повысили привлекательность страны в мире, и следовательно, дали мощный толчок процессу естественного наращивания «мягкой силы» КНР. С другой стороны, наличие проблемных вопросов, таких как нарушение прав человека, сравнительная закрытость китайского общества, а как следствие — недоверие к процессам, происходящим в Китае, поставили перед страной необходимость привлечения дополнительных внешнеполитических инструментов, которые позволили бы сделать процесс формирования имиджа более управляемым и ориентированным на достижение конкретных целей. Именно поэтому публичная дипломатия как важнейший инструмент наращивания и поддержания «мягкой силы» государства также оказалась в фокусе исследователей. Сам термин впервые был введен в 1965 г. Эдмундом Гуллионом, деканом Флетчерской школы права и дипломатии, в качестве замены слову «пропаганда». Сам Гуллион видел разницу между классической и публичной дипломатией в том, что публичная дипломатия, в отличие от традиционной, подразумевает взаимодействие государства не с правительствами, а с негосударственными институтами и даже частными лицами, изучает и корректирует общественное мнение в других странах в соответствии с потребностями своего государства. С процессом глобализации все сложнее четко разделить государственных и негосударственных акторов и сферы их ответственности, поэтому некоторые авторы предлагают более общее определение публичной дипломатии как «процесса по продвижению интересов и распространению ценностей в другой стране путем установления прямых контактов с ее населением»¹⁵, не уточняя, кто именно этим продвижением занимается. В то же время, китайские исследователи и политики все-таки склонны отделять государственную деятельность в отношении народов других стран от частной (общественной). В большинстве китайских работ деятельность частных лиц и общественных организаций по установлению дружеских контактов с иностранцами обозначается как «народная дипломатия». Этот вид взаимодействия КНР с народами других стран имеет долгую историю. Еще в 1971 г. знаменитая «пинг-понговая дипломатия» способствовала выходу Китая из международной изоляции. В настоящий момент «народной дипломатией» занимаются многочисленные общества дружбы, в частности крупнейшая из таких организаций — КНОДЗ (Китайское народное общество дружбы с заграницей). В сферу народной дипломатии входят такие мероприятия, как установление связей между городами-побратимами, организация региональных обществ дружбы, обмена театральными труппами и деятельность волонтеров¹⁶. И хотя независимость от государства таких организаций западному исследователю может показаться сомнительной, тем не менее, эту разницу в подходах необходимо учитывать.

Публичная дипломатия в действии

Основные задачи публичной дипломатии КНР сформулированы так, чтобы мероприятия в рамках данной политики дополняли и способствовали осуществлению основного политического курса: формированию имиджа страны, усилия которой в первую очередь направлены на улучшение жизни собственных граждан, позиционированию Китая как надежного экономического партнера и стабильного ответственного государства, деятельность которого направлена на поддержание мира и гармонии, привлечение внимания к уникальной древнейшей культуре страны¹⁷.

Как уже отмечалось, одна из основных проблем, которая является камнем преткновения при формировании позитивного имиджа, это огромное количество негативной информации о Китае в СМИ, научной литературе, сети Интернет. Несмотря на серьезные сдвиги в этой сфере (количество негативной информации уменьшилось с 60–70% в 1990-е до 40% в 2000-е гг.)¹⁸ проблема так называемой «демонизации» Китая остается крайне насущной. Это не удивительно, так как англоязычные ресурсы имеют более широкое распространение и доступны более масштабной аудитории. Особое недовольство в Китае вызывает тот факт, что западные СМИ, акцентируя проблемные вопросы в КНР, зачастую совершенно игнорируют позитивные изменения, которые, несомненно, тоже происходят в стране. По мнению китайских руководителей это происходит из-за господства стереотипов, недоверия и страха перед неизвестностью, поэтому информирование иностранной аудитории о Китае стало одной из первоочередных задач публичной дипломатии. Информационное бюро государственного совета КНР — ключевая структура в системе публичной дипломатии КНР. Оно не только отслеживает информацию о Китае, появляющуюся в иностранных и отечественных СМИ и Интернете, но и проводит на этой основе разъяснение политики, особенно по проблемным вопросам. Регулярно выпускаемые «Белые книги», многочисленные официальные выступления и интервью китайских чиновников различных уровней — результат продуманной стратегии поведения. Огромную роль в формировании нового стиля взаимодействия Китая с иностранными аудиториями сыграл ставший во главе информационного бюро в 1998 г. Чжао Цичжэн, которого в иностранной прессе не раз называли «создателем нового имиджа Китая» или «главным пиарщиком КНР»¹⁹. С приходом Чжао деятельность офиса перешла на новый уровень: резко увеличилось количество пресс-конференций, в частности на английском языке, китайские лидеры стали более доступными для иностранных журналистов. Все эти методы взаимодействия с иностранцами, совершенно естественные для западных политиков, стали прорывом для Китая.

Проводя политику более широкого информирования иностранной аудитории, Китай не только отслеживает негативные тенденции и реагирует на них, но по возможности старается играть на опережение. Повышение эффективности китайских СМИ на английском языке и тесное взаимодействие с иностранными средствами массовой информации — основные инструменты этого аспекта публичной дипломатии. Достаточно назвать Международное радио Китая (China Radio International) и канал CCTV, вещающие на различных языках, или новостное агентство Синьхуа, которое за последние годы стало настолько популярно, что превратилось в один из самых цитируемых источников новостей, наряду с Рейтером. Хотя, в отличие от Рейтера, Синьхуа не является независимой корпорацией, и вся информация агентства проходит строгий контроль правительства Китая, ссылки на сообщения данного агентства регулярно встречаются в работах исследователей. Что касается взаимодействия с иностранными СМИ, то и здесь Китай придерживается политики открытости: китайские лидеры участвуют в пресс-конференциях, дают интервью иностранным журналистам, журналисты, в свою очередь, за последние годы получили значительно больше возможностей для работы внутри страны и освеще-

ния различных аспектов политической, социальной и культурной жизни Китая. Даже различные образовательные передачи и фильмы о Китае сейчас на пике популярности.

В век информационных технологий невозможно не упомянуть и ресурсы Интернета, которые открывают широкое поле для деятельности по формированию имиджа. Государство выделяет крупные суммы денег для развития информационной сферы. В отчете Международного экономического форума по состоянию информационных технологий в 2001–2002 гг. Китай был на 64-м месте в мире, в 2005–2006 гг. уже на 50-м, а в 2010–2011 гг. на 36-м, опередив по этому показателю Италию, Бразилию, ЮАР и Россию²⁰. В сети существует огромное количество сайтов на английском и других языках, посвященных как Китаю в целом, так и специфическим темам, например, изучению китайского языка или вопросам политики страны. Отдельно можно выделить и китайских блоггеров, которые, хоть и пишут в большинстве своем на китайском языке, набирают всю большую популярность и цитируются на англоязычных сайтах, чем, безусловно, способствуют формированию нового имиджа Китая.

В этой связи нельзя недооценивать роль человеческого фактора в публичной дипломатии КНР. Участники на всех уровнях — от высокопоставленных лиц до студентов по обмену — играют в ней важную роль. Председатель КНР и премьер Госсовета КНР как ключевые фигуры внешней политики Китая играют важнейшую роль в формировании нового имиджа страны. По оценкам исследователей, количество их визитов в другие страны возросло за последние годы в четыре раза²¹. Интервью с журналистами, пресс-конференции и общение с простыми людьми стали неотъемлемыми пунктами программы визитов. Также Китай не «скупится» направлять высокопоставленных чиновников на различные локальные мероприятия. Автор работ по «мягкой силе» Китая Джошуа Курланчик приводит в качестве примера воспоминания одного американского посла в Юго-Восточной Азии, когда для участия в рабочей группе по разработке стратегии предотвращения цунами американская сторона послала представителя низкого уровня, в то время как от Китая прибыл высокопоставленный чиновник. Этот факт серьезно повлиял на всю атмосферу конференции²². В дипломатической среде также произошли серьезные изменения. По данным исследования 2005 г., более половины дипломатов — люди моложе 35 лет, которые не только отлично говорят на английском языке, но и на языке страны пребывания²³.

Аналогичная ситуация наблюдается и на бытовательском уровне. Студенческие обмены и туризм — отличная возможность для иностранцев пообщаться с китайцами вживую, а при продуманном подходе — эффективный инструмент публичной дипломатии. Ввиду различия культур, поведение и образ жизни среднестатистического китайца может показаться необычным для жителей западных стран. В связи с этим, Агентство по туризму КНР запустило общенациональную программу по информированию жителей о правилах поведения за границей²⁴. В свою очередь, огромное количество людей ежегодно приезжает в Китай учиться или отдыхать. В 2010 г. более 260 000 иностранных студентов из 194 стран мира приехали учиться в Китай. В пятерку стран, с наибольшим числом студентов, получающих образование в Китае, вошли Южная Корея, США, Япония, Таиланд и Россия, причем многие студенты изучают китайский язык с целью остаться работать в Китае²⁵. Молодых людей привлекают не только комфортные условия обучения и проживания, но и насыщенная культурная программа. Иностранные студенты проявляют огромный интерес к китайской каллиграфии, боевым искусствам, литературе, медицине, философии. По этой причине представляется вполне оправданным тезис большинства китайских исследователей о том, что именно китайская культура является неисчерпаемым ресурсом для наращивания «мягкой силы» страны и одним из базовых элементов публичной дипломатии. Приверженцы этой идеи полагают, что традиционная культура Китая способна привлечь не только азиатские, но и западные страны. Мирное развитие, стабильность и гармония — ценности китайской культуры, которые могут

стать универсальными наряду с западными. Некоторые ученые считают, что традиционные китайские ценности, такие как «совпадающее единство неба и человека» (*тянь жэнь хэ и*) и «гармония многообразного и несходного», трансформированные КПК в концепцию гармоничного общества и гармоничного мира, могут стать альтернативой западным ценностям, особенно при решении таких глобальных проблем, как бедность, экология и региональные конфликты²⁶. 24 октября 2002 г. Цзян Цзэминь в своей речи в США на открытии библиотеки имени Джоржа Буша-старшего отметил: «Гармония — залог развития и роста, различия — возможность дополнять друг друга. Это важное условия развития взаимоотношений и база для совместного развития разных цивилизаций»²⁷. Использование культуры в качестве мощнейшей составляющей «мягкой силы» демонстрируется китайскими исследователями на примере США. Профессор Фан Чанпин в этой связи отмечает, что даже при общем спаде «то, чем является Америка, ее суть» до сих пор является привлекательным продуктом, на этом базируется ее мощь»²⁸. Интересно, что китайские власти «популяризируют» китайскую культуру не только за рубежом, но и внутри страны. Чтобы уменьшить влияние западной культуры и образа жизни и возродить интерес к национальной культуре, популяризация китайского культурного и исторического наследия стала одним из приоритетных направлений внутренней политики КНР. Этот феномен даже получил название «культурный бум» (*вэньхуа жэ*)²⁹.

Распространение китайского языка как одного из аспектов культуры также является важной задачей публичной дипломатии. Ведущей организацией, деятельностью которой направлена на «налаживание дружеских связей с другими странами и углубление понимания китайской культуры и языка среди изучающих китайский язык, является сеть институтов Конфуция. К концу 2010 г. в мире действовало 322 института Конфуция и 369 школ Конфуция в 96 странах мира³⁰. Кроме этого, ежегодно увеличивается количество средних и высших учебных заведений которые предлагают изучение китайского языка. По словам советника по делам образования посольства КНР в РФ Пэй Юйфан в настоящее время в 130 вузах России ведется преподавание китайского языка, в том числе более чем в 40 вузах китайский язык изучается как первый иностранный. Количество студентов и аспирантов, изучающих китайский язык, достигло 14,7 тыс. человек. Китайский язык изучается как основной иностранный язык в более чем 20 школах. Число школьников, изучающих китайский язык, превысило 11 тыс. человек.

Наконец, Китай активно использует и такой действенный инструмент публичной дипломатии, как организация международных мероприятий. За последние годы страна стал организатором крупнейших международных и региональных мероприятий: спортивных (Азиатские и Олимпийские игры), культурных (Всемирная выставка в Шанхае, Год Китая в России, культурные недели в Берлине), политических (саммит АТЭС, Международная конференция ООН по вопросам прав женщин) и т.д. Проведение такого рода мероприятий — это не только хорошая возможность еще раз заявить о себе как об активном члене мирового сообщества, но и продемонстрировать уровень развития страны, дать возможность иностранным гостям ощутить на себе «обаяние» Китая.

Многочисленные опросы общественного мнения показывают, что несмотря на наличие «проблемных» вопросов, образ Китая в мире за последние годы действительно улучшился. Благодаря тщательному отслеживанию настроений иностранной аудитории, разработке детальной и целенаправленной стратегии публичной дипломатии, Китаю удалось достичь значительных успехов в этой сфере. Возникает вполне закономерный вопрос — какова конечная цель такой активности КНР? Будет ли Китай дальше использовать инструменты публичной дипломатии лишь для обеспечения «мирного окружения», ради интересов развития страны, или же выйдет за эти пределы? В настоящий момент среди китайских исследователей единого мнения по этому вопросу нет. Приверженцы «оборонительного» характера использования публичной дипломатии полагают, «что китайская модель развития не сможет заменить западную, более того, слишком аг-

рессивное поведение в этом направлении скажется на отношениях с США и лишь усилит страх перед «китайской угрозой», а не развеет его»³¹. Вторая группа ученых исходит из того, что китайская модель развития должна быть «экспортирована», а страны сами могут решить, какую модель развития выбрать». Например, Ян Цземьянь, директор Шанхайского института международных исследований, трактует роль Китая в изменяющейся международной системе следующим образом: «сейчас для Китая главнейший вопрос состоит в том, как сформировать «набор ценностей с китайской спецификой», внедрить их в международную систему и сделать китайскую модель привлекательной для развивающихся стран»³².

В действительности можно наблюдать, что экономические и политические успехи Китая, повышение статуса страны значительно повлияли на самосознание китайцев. Если раньше либеральная демократия признавалась «идеалом», к которому необходимо стремиться, то теперь это уже не является непреложной истиной, наоборот — трудности при попытках подстроиться под западные стандарты уже рассматриваются не как изъяны государства, а как несостоятельность этих самых стандартов. Действительно, после Второй мировой войны все международные институты, да и вся система международных отношений была сконструирована западными странами на основе их представлений об универсальных ценностях. Идея о том, что те страны, которые не вписываются в эту систему, являются ущербными, стала аксиомой в международных отношениях. Вполне естественно, что такие декларируемые Китаем принципы, как невмешательство во внутренние дела, уважение политического выбора, бесцельное равенство сторон, привлекают многие страны.

История не раз доказывала, что прогнозировать развитие международных отношений сложно, даже опираясь на, казалось бы, очевидные тенденции. Многочисленные исследования последних лет пророчат либо наступление «века Китая», либо неизбежный спад в его развитии. Сейчас с уверенностью можно сказать одно: после долгого периода пребывания на периферии мировой политики у Китая появился реальный шанс стать одним из центров силы формирующегося многополярного мира и он его упускать не намерен. Тщательность и прагматичность, с которой китайские лидеры подходят к формированию стратегии внешней и внутренней политики, подтверждают серьезность подхода, а продуманная публичная дипломатия становится эффективным инструментом достижения политических целей. Мировая система находится в процессе трансформации, и стремление КНР занять в ней достойное место является вполне естественным. Поэтому другим участникам международных отношений необходимо принимать в расчет это обстоятельство и продумывать соответствующую ситуации стратегию своего поведения в отношениях с Китаем.

1. Кривохиж С.В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 13, вып. 3. С. 103.
2. Leonard M. What does China think? PublicAffairs. New York, 2008. P. 5.
3. Kurlantzick J. Charm Offensive. How China's Soft Power is Transforming the World. Yale University Press, 2008. P. 40.
4. Aoyama R. China's Public Diplomacy. Waseda University, 2007. P. 6.
5. Сун Цян, Чжан Цанцан, Цяо Бянь. Чжунго кэи шо бу [Китай может сказать нет]. Пекин: Чжунхуа гуншан лянхэ чубаньшэ, 1999.
6. Hu Jintao delivered a speech at a meeting in Beijing on Saturday marking the 60th anniversary of the victory of the Chinese People's War of Resistance Against Japanese Aggression and the World Anti-fascist War. Beijing, 03.09.2005. URL: <http://www.china.org.cn/english/2005/Sep/140771.htm>.
7. Written Speech by Hu Jintao at the High-level Plenary Meeting of the United Nations' 60th Session. New York, 15.09.2005. Сайт МИД КНР. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx/t213091.htm>.

8. An Open Mind for Win-Win Cooperation. Speech by H.E. Hu Jintao President of the People's Republic of China At the APEC CEO Summit. Busan, 17.11.2005. Сайт посольства КНР в ЮАР. URL: <http://www.chinese-embassy.org.za/eng/zt/energy/t248059.htm>.
9. China's African Policy. Beijing, 12.01.2006. URL: http://english.peopledaily.com.cn/200601/12/eng20060112_234894.html.
10. *Nye J. S. Jr.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1991. P. 1.
11. Там же.
12. *Ламанов А.В.* Роль культурного наследия в формировании облика Китая за рубежом // Культурное наследие в современной политической и социальной практике стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии/ ред.-сост. Б.Г. Доронин. СПб.: СПбГУ, Восточный ф-т, 2011. С. 76.
13. Духовная культура Китая: Энциклопедия. В 5 т. / под ред. М.Л. Титаренко. М.: ИДВ РАН. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. С. 161.
14. Там же. С. 365.
15. *Melissen J.* The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations. Palgrave Macmillan. 2005. P. 5.
16. *Чэнь Хаосу.* Миньцзянь вайцзяо лунь [Дискуссия о народной дипломатии]. 21.04.2004. URL: http://news.xinhuanet.com/video/2004-04/21/content_1431894.htm.
17. *Hooqge I.* The Rise on China's Public Diplomacy Netherlands institute of international relations Clingendael, the Hague, 2007. P. 93.
18. Там же. P. 18.
19. Dialogue between nations. Speeches by Zhao Qizheng. Beijing: Foreign languages press, 2009. P. 1.
20. *Кривохиж С.В.* Указ. соч.
21. *Saunders P.* China's Global Activism: Strategy, Drivers, and Tools. National Defense University Press. Washington D.C. 2005, P. 22. URL: <http://www.ndu.edu/inss/symposia/pacific2006/saunders.pdf>.
22. *Kurlantzick J.* Op. cit. P. 67.
23. Там же. P. 65.
24. China campaigns for improved travel etiquette. URL: <http://www.newsgd.com/travel/travelnews/200704280027.htm>.
25. Number of foreign students in China rise in 2010. URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/culture/2011-03/04/c_13760778.htm.
26. *Li Mingjiang.* Soft power in Chinese discourse: popularity and prospect // S. Rajaratnam School of International Studies. Singapore. 2008. URL: www.rsis.edu.sg/publications/WorkingPapers/WP165.pdf.
27. Speech by President Jiang Zemin At George Bush Presidential Library. Texas, 24.10. 2002. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/topics/3719/3721/t19082.htm>.
28. *Fang Changping.* Comparison of Chinese and US Soft Power and its implications for China // Shijie Jingji Yu Zhengzhi. 2007. 1 Juli.
29. *Доронин Б.Г.* «Культурный бум» (вэньхуа жэ) в КНР на рубеже XXI в. // Материалы IX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История современность, перспективы». М., 1998.
30. Introduction to the Confucius Institutes. URL: http://college.chinese.cn/en/article/2009-08/29/content_22308.htm.
31. *Glaser B.* Soft power with Chinese characteristics: the ongoing debate // Chinese soft power and its implications for United States. A report for CSIS Smart Power Initiative. URL: http://csis.org/files/media/isis/pubs/090305_mcgiffert_chinesesoftpower_web.pdf.
32. *Ян Цземьянь.* Гайгэ кайфан 30 нянь чжунго вайцзяодэ чэньцзю [Успехи китайской дипломатии за 30 лет реформ и открытости]. 13.11. Beijing, 2008. P. 46.

Военно-стратегические концепции КНР и сетецентрические войны будущего

© 2013

А. Шлындов

В статье исследуется развитие военно-теоретической мысли Китая в конце XX – начале XXI вв., когда США и другие западные страны начали на практике применять разработанные ими новейшие методы ведения боевых действий, характерные для войн будущего. Автор показывает, как эти новации, впервые использованные США и их союзниками по НАТО против Ирака и бывшей Югославии, повлияли на формирование современных военно-стратегических концепций КНР.

Ключевые слова: стратегическая концепция, сетецентрические боевые действия, кибероперация, радиоэлектронное противодействие, информационная система.

Современная военно-стратегическая теория КНР базируется на философском постулате, согласно которому, мир пребывает в постоянном движении, когда в каждый конкретный временной период одни государства находятся на подъеме, а другие переживают спад. В соответствии с изменениями в расстановке сил на мировой арене меняются и базовые национальные интересы государств, формируются их новые политические, экономические, военные цели и задачи. Военно-стратегические концепции КНР исходят из того, что существенное влияние на поведение любого государства на международной арене оказывает процесс исторического развития его политико-экономической системы, определяющей ментальность его правящих кругов.

Исходя из этого, США в лице их правящей элиты будут стремиться к сохранению всеми имеющимися средствами, включая военно-силовые, своей глобальной гегемонии, достигнутой в результате геополитического поражения Советского Союза и коренной перестройки мирового порядка на условиях американского диктата.

Глобальная гегемония до сих пор позволяла США обеспечивать собственное процветание и благополучие за счет эксплуатации ресурсов других государств, включая КНР. Однако в условиях становления Китая как новой сверхдержавы современного мира, совокупная мощь которой в среднесрочной перспективе позволит поставить под вопрос американскую глобальную гегемонию, последний превращается в главного геополитического соперника Америки.

С избранием в марте 2003 г. Ху Цзиньтао на пост председателя КНР все более отчетливо стала просматриваться не только перспектива, но и точные временные вехи выхода Китая по показателям ВВП и ВНП на уровень США. Учитывая сохраняющиеся в последнее десятилетие даже в условиях мирового экономического кризиса стабильно высокие темпы экономического развития КНР и длительную стагнацию американской

экономки, эксперты рассчитали, что к 2018–2020 гг. Китай станет мировой экономической державой № 1.

В этой связи у китайского политического и военного руководства возникли серьезные опасения, что американская правящая элита, воспитанная на идеях Pax Americana или мироустройства на основе глобальной гегемонии США, попытается помешать Пекину оспорить американское лидерство. Обозначается все отчетливее, что, потерпев поражение на экономическом фронте, Вашингтон будет препятствовать дальнейшему повышению КНР в других сферах, а именно в развитии технологий, особенно в военной области. При этом, по выводам китайских экспертов, в интересах ослабления Китая, уклоняясь от прямого вооруженного столкновения с ним, США будут провоцировать очаги напряженности, перерастающие в военные конфликты разной степени интенсивности в периферийных зонах, прилегающих к сухопутным и морским границам КНР.

По мнению китайских военных теоретиков, по мере усиления Китая и превращения его в полновесную сверхдержаву будет нарастать и противодействие этому процессу со стороны США. Официальный орган Министерства обороны КНР газета «Цзефанцзюнь бао» утверждает даже, что «Запад вынашивает планы ослабления Китая. Враждебные западные силы усилили свою стратегию, направленную на то, чтобы подчинить Китай западному влиянию и расколоть его. В ход идут все средства»¹.

В интересах подготовки к локальным (региональным) войнам в Китае заблаговременно, еще в 1993 г. были разработаны и приняты «Основные положения военной стратегии для нового периода», которые стали базовым руководящим документом, устанавливающим стратегические и оперативные цели и задачи, в соответствии с которыми должно осуществляться строительство вооруженных сил и системы обороны страны на среднесрочную перспективу. Основные усилия государства предполагалось направить на формирование оборонного потенциала, позволяющего вести эффективные боевые действия и одерживать победу в таких локальных (региональных) войнах.

В соответствии с этим документом обосновывались основные параметры производственных мощностей ОПК (оборонно-промышленный комплекс), численность и структура вооруженных сил, количество и качество вооружения и военной техники. Он определял цели, задачи и этапы развития НОАК, основы применения войск и сил флота, регламентировал боевую подготовку и обучение личного состава, а также его воспитание и другие стороны деятельности.

Ключевой оперативной составляющей «Основных положений» стал принцип «активной обороны», который предусматривал четкое планирование предстоящих операций по этапам и временным рамкам, достижение и удержание инициативы в ходе боевых действий, усиление мобильности обороны, переход в наступление при благоприятных условиях для его успешного осуществления, активное применение асимметричных действий, различных способов и приемов введения противника в заблуждение, использование сильных сторон своих войск и слабых противника.

«Основные положения военной стратегии для нового периода» являлись основополагающим документом, определяющим перспективный облик всех вооруженных сил на краткосрочный и среднесрочный период. Тем не менее, в условиях бюджетных ограничений на первом этапе он предусматривал ускоренную модернизацию и, соответственно, приоритетное финансирование военно-морских и военно-воздушных сил, которым будет принадлежать решающая роль в выполнении задач локальных (региональных) войн.

Одновременно предлагалось изменить существовавшее соотношение численности видов вооруженных сил в пользу ВМС и ВВС: на их базе планировалось создать так называемые «силы повышенной готовности», то есть боеготовые группировки ВМС и ВВС, укомплектованные по штатам военного времени и оснащенные высокотехнологическим вооружением и военной техникой. Такие группировки планировалось развернуть

на основных конфликтоопасных направлениях. Они должны были быть способны к быстрому реагированию, т.е. проведению эффективных операций за пределами национальных границ и на довольно значительном удалении от них.

Необходимость учитывать все более отчетливую тенденцию к наращиванию усилий США по противодействию процессу становления КНР в качестве новой сверхдержавы побуждает китайское руководство к разработке новой общегосударственной стратегии, предусматривающей активизацию роли Китая на международной арене, приведение ее в соответствие с ведущей позицией в мировой экономике.

В настоящее время в китайском политическом и военном истеблишменте, в функции которого входит выработка и реализация политики в сфере обеспечения национальной безопасности, имеются три группы, которые, разделяя конечные цели превращения Китая в великую державу, способную эффективно отстаивать свои интересы не только в зонах, прилегающих к его границам, но и в масштабах всей планеты, отстаивают разные методы достижения этой цели.

Первая группа призывает руководствоваться стратегией Дэн Сяопина, выработанной им в начале 1990-х гг. и ориентировавшей китайское руководство в ходе осуществления внешнеполитического курса страны «по возможности избегать демонстрирования великодержавных амбиций, обеспечивать защиту наших позиций в спокойной манере, выжидать благоприятного момента, скрывать свои намерения и возможности»². Ее представители считают, что стратегия национальной безопасности Китая и его внешняя политика должны, в первую очередь, быть направлены на создание благоприятных условий для внутреннего развития КНР, отвергая претензии на региональное и тем более глобальное лидерство.

Представители второй группы считают, что в современных условиях мирового развития ограничительный подход Дэн Сяопина не только не состоятелен, но и контрпродуктивен. Они исходят из того, что Китай должен в интересах усиления своего влияния в мире активно сотрудничать как с международными и региональными организациями, так и с отдельными их членами, в первую очередь с ведущими государствами современного мира, главное место среди которых занимают США, участвовать под эгидой этих организаций в миротворческих, спасательных и других гуманитарных операциях, оказывать экономическую помощь государствам «третьего мира». Все это, по их мнению, должно быть направлено на формирование положительного имиджа Китая в мире, убеждение народов и руководителей не только соседних стран, но всего международного сообщества в том, что возвышение КНР базируется на неуклонном следовании принципам мира и не представляет угрозы безопасности других государств, а напротив, является стабилизирующим фактором мирового развития.

Третья группа, позиции которой были обозначены в опубликованной в 2009 г. в КНР книге «Китай недоволен»³, считает, что для Китая настало время проявить жесткость и напористость в отстаивании своих национальных интересов в отношении других государств, включая США, оказывать более активное противодействие курсу Вашингтона, направленному на сдерживание Пекина, ослабление его влияния в Восточной Азии, создание коалиционных объединений в АТР, направленных против Китая.

Некоторые эксперты считают, что идеологической основой в разработке новой стратегической линии КНР на международной арене станут идеи, проповедуемые именно третьей группой. На наш взгляд, главной задачей стратегии по-прежнему будет оставаться сохранение возможностей Китая оказывать максимальное воздействие на формирование внешних условий, благоприятствующих его дальнейшему развитию, особенно в тех областях, которые определяют статус государства как великой державы, а именно: наукоемкая экономика постиндустриальной эры, передовые технологии во всех сферах деятельности, особенно в военной. По нашему мнению, разработчики новой стратегии попытаются конвертировать идеи всех трех групп. При этом в ней, как нам кажется, в ка-

честве основополагающей будет заложена идея если не отказа от ограничительных установок Дэн Сяопина, то, по крайней мере, их существенного ослабления.

В экспертном сообществе Китая ведутся активные дебаты о том, какими боевыми возможностями должна обладать НОАК для надежной защиты и продвижения комплекса национальных интересов, соответствующего новому статусу КНР в мире в условиях нарастающего противодействия ей со стороны США. Китайские специалисты осознают, что несмотря на общую тенденцию к спаду американской мощи, США остаются самым сильным в военном и технологическом отношении государством мира.

К началу XXI в., опираясь на свою мощную научно-теоретическую базу и технологическое превосходство, они создали опережающие теоретические и практические заделы и наработки в развитии технологий принципиально новых видов и типов вооружения и военной техники ведения войн будущего и на основе их применения обеспечить неоспоримое военное превосходство над любым противником в военных конфликтах по всему спектру их интенсивности. Прежде всего США удалось достигнуть прорывных результатов в области разработки сетцентрических информационно-управляющих систем. Более того, «американские специалисты смогли интегрировать в сквозные контуры управления современные средства поражения и все необходимые элементы оперативного обеспечения, главным из которых являлось информационное. Одновременно был кардинальным образом повышен уровень автоматизации всех процессов боевого управления войсками и высокоточным оружием»⁴.

Практическая проверка и отработка отдельных элементов сетцентрической концепции ведения боевых действий была осуществлена в ходе военных операций против Югославии и в двух иракских кампаниях.

Детально проанализировав и обобщив опыт указанных операций, китайские военные теоретики пришли к выводу, что происходит не просто совершенствование принятой в США и НАТО «концепции воздушно-наземной операции» в соответствии с развитием информационных технологий, а начинается эпоха принципиально новых войн, получивших название сетцентрических. Суть таких войн заключается в том, что победа достигается не за счет перевеса сил и средств, а на базе создания благоприятных условий для более эффективного их применения. Такие условия в сетцентрических войнах обеспечиваются выходом на качественно новый уровень функционирования комплексной системы сбора, обработки и распределения боевой информации, то есть создания разветвленной многоуровневой информационно-коммутационной сети, обеспечивающей получение всех необходимых данных в масштабе времени, близком к реальному, органами управления войсками всех уровней и ударными (огневыми) средствами. Как показал опыт боевых действий США и НАТО против Ирака и Югославии, роль основной ударной силы сетцентрической войны отводится современным авиационным комплексам «самолет+высокоточное оружие (ВТО)». При этом, как отмечают китайские военные аналитики, ведущая роль авиации, оснащенной средствами ВТО, неуклонно повышается. В ходе операции «Буря в пустыне» (1991 г.) США и их союзники для нанесения воздушных ударов применяли 10% высокоточного оружия, против Югославии — уже 40%, а в ходе последней иракской кампании (2003 г.) американская авиация в 80% случаев поражала заданные цели высокоточным оружием⁵. Технологии ведения сетцентрической войны продолжают развиваться одновременно с совершенствованием информационно-коммутационных и огневых средств. Начиная с операции в Афганистане, в 80% боевых вылетов авиации США данные целеуказания поступают в память бортовых ЭВМ практически в реальном масштабе времени в процессе всего полета с помощью системы боевого планирования и управления авиацией на ТВД (ТВМС — theater battle management core system). Система способна отслеживать до 1000 наземных целей в час⁶.

Активное применение авиации в качестве ударного средства во всех военных конфликтах конца XX — начала XXI вв. было направлено, в первую очередь, на разру-

шение объектов военной инфраструктуры, пунктов управления (командования), связи, разведки, аэродромов, складов ГСМ, узлов связи, систем жизнеобеспечения (включая энергоснабжение) ракетных комплексов ПВО, живой силы и военной техники, что в большинстве случаев приводило к деморализации противника, парализовывало его волю к сопротивлению и в итоге обеспечивало достижение целей войны с минимальными потерями своих сил.

В этих условиях перед политическим и военным руководством Китая встал комплекс задач по обеспечению готовности страны к высокотехнологическим войнам будущего. В ходе его реализации, по мнению китайских военных экспертов, было необходимо: а) разработать комплекс мер парирования сетецентрической угрозы; б) не допустить серьезного отставания в создании технологий и средств ведения сетецентрических войн. Эти задачи могли быть решены путем комплексной информатизации НОАК, которая, с одной стороны, должна быть направлена на противодействие концепции сетецентрической войны, а с другой — обеспечивала бы возможность активного применения собственных аппаратных устройств и технологий сетецентрических боевых действий.

Эта задача впервые была озвучена в выступлении Председателя КНР, Генерального секретаря ЦК КПК, председателя Центрального военного совета (ЦВС) Цзян Цзэминя на 16 съезде КПК в 2002 г. Китайский лидер заявил тогда, что ускоренная модернизация НОАК, а также достижение высокой эффективности проведения совместных интегрированных операций должны базироваться на информации, которая обеспечит включение НОАК в единую информационную систему и позволит выработать новую организационную модель для ведения современных боевых действий⁷. Эта установка была подтверждена на XVII и XVIII съездах КПК. В выступлении Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао серьезное внимание было уделено развитию высокотехнологичных вооруженных сил, соответствующих новому международному статусу КНР, способных эффективно обеспечивать безопасность и стабильное развитие страны в новых условиях. Приоритет модернизации вооруженных сил Китая был подтвержден и новым высшим руководством страны. В ходе инспекционного посещения Ланьчжоусского военного округа в феврале 2013 г. председатель Центрального военного совета КНР, Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин подчеркнул огромную значимость модернизации вооруженных сил Китая, призвав личный состав НОАК всемерно повышать боеготовность армии, обеспечивать ее способность одерживать победу в любых военных конфликтах, которые могут возникнуть в будущем⁸. Ранее, во время поездки в провинцию Гуадун в декабре 2012 г., он заявил: «Для того, чтобы мечта о возрождении китайской нации стала былью, страна должна в первую очередь в полном объеме реализовать план создания мощных вооруженных сил»⁹. В качестве официальной концепции информатизации была принята НОАК в 2004 г., хотя работы по этому направлению целенаправленно велись с начала 2001 г., когда Цзян Цзэминь утвердил программу укрепления национальной безопасности № 998, известную под названием «Оружие победы», которая была нацелена на усиление инновационной составляющей в развитии высоких технологий в оборонно-промышленном комплексе Китая. Основное внимание в этой программе уделялось разработке высокотехнологических систем «двойного использования» в интересах скорейшего создания новейших средств ведения войны («оружие победы») для обеспечения надежной защиты национального суверенитета и безопасности КНР»¹⁰.

Китайские военные специалисты пришли к выводу, что для эффективного решения задач системоразрушения как главного метода борьбы с сетецентризмом необходимо, в первую очередь, создать силы и средства для нарушения обмена информацией (коммуникаций) между объектами противника в боевом пространстве. Поскольку передача информации осуществляется, главным образом, через спутниковые каналы связи, основным элементом противодействия сетецентрическим боевым действиям является более или менее долговременный вывод из строя или нарушение функционирования

космического эшелона средств сете- и каналобразования. В результате временная задержка или нарушение прохождения информации от средств разведки (наблюдения) к пунктам обработки и распределения информации, командным пунктам (центрам управления), а от последних к огненным (поражающим) или препятствующим функционированию информационно-коммутиционных систем средствам не только существенно сужает базовые преимущества сетцентризма, но и дает возможность вводить противника в заблуждение, передавая по его каналам ложную информацию.

Военные специалисты, разрабатывающие стратегические концепции КНР и технологии ведения боевых действий в военных конфликтах будущего, рассматривают космос как одно из основных пространств для ведения высокотехнологических войн информационного века.

Как заявил в ноябре 2009 г. в интервью армейской газете «Цзефанцзюнь бао» главнокомандующий ВВС НОАК генерал-лейтенант Сюй Цилян, «Китай обязан развивать свои боевые возможности в космосе, поскольку тот, кто контролирует космос, будет занимать доминирующие позиции в мире». Космическое пространство, по мнению китайских военных экспертов, становится основным полем противодействия концепции сетцентризма, а главным объектом такой борьбы являются спутники системы управления связи и разведки противника¹¹. Соответственно, одной из приоритетных целей китайского политического и военного руководства является приобщение к передовым технологиям, обеспечивающим способность усилить боевые возможности НОАК в космосе.

Китайские военные эксперты считают, что в комплексе средств активного противодействия концепции ведения сетцентрической войны центральное место занимают противоспутниковые системы, а также силы и средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и радиоэлектронного подавления (РЭП) наземного, воздушного и космического базирования. Важное место в комплексе средств РЭБ и РЭП отводится разработке бортовой аппаратуры для противодействия ракетам с инфракрасными головками самонаведения (ИК ГСН), а также созданию специальных самолетов РЭБ и РЭП, оснащенных станциями постановки помех в диапазоне низких и высоких частот и их подавления комплексами противодействия средствам связи, радиолокационным станциям и информационно-коммутиционным системам. Параллельно китайские специалисты ведут интенсивные работы по созданию аналогичных систем космического базирования. Многие из них уже приняты на вооружение НОАК и активно применяются.

Наряду с расширением возможностей своих собственных космических средств разведки, наблюдения, навигации и связи путем создания группировки искусственных спутников Земли (ИСЗ) соответствующего назначения, китайские специалисты добились существенных результатов в разработке активных (ударных) систем, способных вывести из строя или препятствовать нормальному функционированию ИСЗ потенциального противника в период развития кризисных ситуаций или конфликтов.

НИОКР по созданию таких систем (ракет, лазеров направленной энергии, бортовой аппаратуры РЭБ) в Китае были начаты в 80-е годы прошлого века, а с 1990-х гг. их разработке было официально придано приоритетное значение национальной программы.

В январе 2007 г. в Китае было осуществлено успешное испытание противоспутниковой ракетной системы, которая на высоте около 850 км с помощью кинетической боеголовки уничтожила отработавший свой ресурс собственный метеорологический спутник FY-1C¹². В период с сентября 2004 г. до января 2007 г., по данным американской разведки, КНР провела четыре успешных испытания ударного противоспутникового оружия и готовится к их принятию на вооружение. В дополнение к противоспутниковым ракетам китайские специалисты разрабатывают противоспутниковое оружие космического базирования, в частности, ряд военных НИИ успешно продвигает НИОКР по созданию высокоманевренных микроспутников, которые как миниатюрные «космические камикадзе» будут направляться в сторону ИСЗ противника и поражать его кинетической

энергией, а также космических лазерных систем направленной энергии, предназначенных для выведения из строя радиоэлектронного оборудования космических объектов противника путем высокотемпературного воздействия. Серьезного прогресса китайские ученые и инженеры добились в разработке автоматических космических систем много-разового использования, аналогичных советской «Энергия-Буран».

Китай давно и весьма продуктивно занимается подготовкой к широкомасштабным операциям в киберпространстве как оборонительного, так и наступательного характера. Китайские военные специалисты отмечают в своих работах исключительную важность завоевания господства в электромагнитной среде, начиная с ранних стадий развития военного конфликта, и считают это главным условием достижения победы. Эксперты НОАК разработали и ввели в оборот специальный термин «интегрированная сетевая радиоэлектронная борьба», наиболее полно характеризующий РЭБ в сетевых боевых действиях.

В теоретических трудах китайских военных, ученых и специалистов, разрабатывающих перспективные модели проведения совместных (интегрированных) операций разнородных и разнородных сил и средств, подчеркивается, что «интегрированная сетевая радиоэлектронная борьба» является одним из составных элементов таких операций в сетевых боевых действиях. Решение задачи достижения господства в электромагнитной сфере оценивается как одно из важнейших условий достижения победы над противником. Как заявил один из ведущих специалистов в этой области, руководитель соответствующего направления в Университете национальной обороны НОАК полковник Си Гуанья, «контроль над глобальным информационным пространством позволяет захватить инициативу в боевых действиях уже на первой стадии военного конфликта». Он охарактеризовал киберпространство как главный оплот обороны страны, более важный, чем океанские акватории¹³.

По данным японских разведывательных источников, для разработки аппаратных систем и технологий проведения кибератак в КНР привлечено более 120 тысяч специалистов. Многие из них прошли курс обучения в специальной школе подготовки инженеров-компьютерщиков НОАК, открытой еще в 1988 г. в г. Ланьсян провинции Шаньдун. По данным японских экспертов, на строго охраняемой территории площадью около 130 га расположен комплекс учебных корпусов и административных зданий. По их оценкам, в стенах этого учебного заведения одновременно обучается более тысячи специалистов, а за время его существования для НОАК было подготовлено более 30 тысяч инженеров-компьютерщиков¹⁴. Помимо этой школы, в НОАК имеется специализированный университет информатики, который наряду с подготовкой высококлассных специалистов проводит НИОКР по разработке программного обеспечения для проведения киберопераций. Согласно заявлению его руководителя генерал-майора Ван Чжэньдэ, «Китай должен уметь эффективно защищать не только свои сухопутные морские и воздушные границы, но и национальное киберпространство»¹⁵.

В последние годы китайские компьютерщики провели целый ряд успешных киберопераций, позволивших им проникнуть в хорошо защищенные информационно-коммуникационные сети правительственных и военных органов, закрытых научно-исследовательских институтов, занимающихся созданием высокотехнологичного вооружения и военной техники, включая стратегические ракетно-космические средства, в сети компаний-разработчиков инновационного оборудования двойного назначения многих стран, включая США. Полученные таким образом секретные документы, касающиеся передовых научно-технических разработок и технологий, позволили Китаю создать в более короткие сроки и с меньшими финансовыми затратами собственные технологии, существенно сократив его отставание от передовых стран-лидеров инновационного развития.

В докладе, который подготовил Национальный совет по разведывательной информации, утверждается, что США являются объектом массовой и систематической кампании кибершпионажа, угрожающей конкурентоспособности страны. При этом аналитический орган американского разведсообщества недвусмысленно называет Китай главным источником, откуда исходит угроза кибершпионажа. На протяжении последних пяти лет китайцы активно добывали закрытые сведения в таких сферах, как энергетика, финансы, информационные технологии, аэрокосмическая и автомобильная промышленность. При этом главной задачей китайских хакерских атак является получение секретных данных об американских технологиях военного и двойного назначения.

В 2011 г. китайские хакеры смогли получить защитные программы ведущих корпораций оборонно-промышленного комплекса США. С помощью таких программ им, в частности, удалось проникнуть в компьютерные сети Lockheed Martin — одного из главных поставщиков ракетной и аэрокосмической техники для вооруженных сил США¹⁶. Помощник президента США по национальной безопасности Том Донилен, выступая 12 марта 2013 г. в Нью-Йорке на заседании Азиатского общества, впервые на высоком официальном уровне обвинил КНР в хакерских атаках на американские учреждения и компании. Он заявил, в частности, что «американские компании выражают самую серьезную и все возрастающую обеспокоенность по поводу изощренной, целенаправленной кражи их закрытой информации и технологий, являющихся интеллектуальной собственностью, путем беспрецедентных по своим масштабам кибервторжений со стороны Китая»¹⁷. В ходе прошедших в американском Конгрессе в марте 2013 г. ежегодных слушаний об угрозах безопасности США директор национальной разведки Джеймс Клэппер утверждал даже, что кибератаки, способные парализовать инфраструктуры и экономику страны, в настоящее время представляют собой самую серьезную из всего спектра угроз национальной безопасности США, даже более острую, чем атаки международных террористов¹⁸. Аналогичное мнение об операциях китайских специалистов по взламыванию информационных сетей высказал и глава командования США в области кибербезопасности К. Александер, который утверждал, что результатом таких атак стала «самая большая в истории передача богатства»¹⁹. Китайские хакеры похитили множество американских секретов, включая стратегию переговоров, которые проводят американцы, чертежи и документацию по разрабатываемым США самолетам и ракетному вооружению следующих поколений, системам контроля за полетом ракет и т.д.

В ближайшей перспективе военное руководство Китая намерено создать в структуре вооруженных сил специальный орган, отвечающий за проведение операций в киберпространстве, наподобие созданного в США киберкомандования. По информации японских СМИ, ссылающихся на китайскую армейскую газету «Цзефанцзюнь бао», в НОАК уже созданы специальные киберформирования, руководство которыми осуществляет отдел одного из управлений Генерального штаба НОАК²⁰. Одно из этих секретных подразделений — войсковая часть 61398 располагается в Шанхае. По заявлению председателя комитета по разведке в палате представителей американского Конгресса, оно проводит регулярные массированные кибероперации против США²¹. В октябре 2011 г. с участием этих киберформирований в районе Бохайского залива было проведено первое широкомасштабное совместное учение сухопутных войск, военно-воздушных, военноморских сил и второго артиллерийского корпуса (стратегических ракетных войск) НОАК, в ходе которого отрабатывались совместные операции разнородных (разнородных) сил в условиях активного применения кибероружия. Задействованное в этом учении специальное киберформирование решало задачи по выводу из строя автоматизированных систем управления, контроля, связи, разведки, целеуказания условного противника путем проведения массированных кибератак, использования средств РЭБ против информационно-управляющих коммутационных сетей условного противника и защиты аналогичных собственных средств²².

Самое серьезное внимание руководство НОАК уделяет разработке и развитию автоматизированных систем управления войсками (АСУВ) и оружием разного уровня и предназначения.

Чрезвычайно высокая динамичность и скоротечность операций в военных конфликтах будущего диктует необходимость многократного сокращения времени принятия решения на ведение боевых действий, которое должно быть адекватно складывающейся боевой обстановке. Достижение этого требования возможно лишь посредством активного применения средств автоматизации управления войсками и оружием. В частности, для эффективного и устойчивого управления авиацией как основной ударной силой сетевых боевых действий ставилась задача разработать соответствующие сетевые архитектуры и аппаратные средства качественно нового уровня, а также методики и технологии их боевого применения, обеспечивающие органам управления ВВС различных уровней возможность решения всего спектра функциональных задач. В этих условиях необходимо было, с одной стороны, разработать, принять на вооружение и создать группировки сил и средств многоцелевых авиационных комплексов «самолет + высокоточное оружие», а с другой — разработать системы автоматизации управления, повышающие их боевые возможности. При этом указанные автоматизированные системы управления должны быть ориентированы не только и не столько на методологию управления локальными группировками авиации, сколько обеспечивать способность эффективного и устойчивого управления формированиями разнородных сил и средств в ходе проведения совместных (интегрированных) операций, где авиации принадлежит ведущая роль.

Применительно к воздушно-космическим операциям китайскими военными специалистами обосновывается необходимость формирования сбалансированного состава систем вооружения интегрированной сетевой радиоэлектронной борьбы (РЭБ), одним из основных элементов которой является авиационная составляющая, развитие подсистем радиоэлектронного подавления (РЭП), защиты радиоэлектронных средств (РЭС), систем снижения заметности, совершенствования информационно-управляющих подсистем РЭБ.

При этом ставится задача интегрирования воздушных, космических, наземных и морских средств РЭБ в единую систему, базирующуюся на развитии цифровых направлений аппаратуры наблюдения и радиоэлектронного подавления.

В качестве основного ударного средства в современных и будущих военных конфликтах, особенно в локальных (региональных) войнах, китайские эксперты рассматривают авиационные комплексы «самолет + дальнобойное высокоточное оружие», позволяющие наносить эффективные точечные удары, не заходя в зону действия ПВО/ПРО противника.

В 2004 г. в Китае был разработан и принят в качестве официального документ под названием «Интегрированные воздушные и космические операции», обобщавший все вышеуказанные наработки китайских ученых и военных специалистов, и фактически представлявший собой новую стратегию ведения боевых действий в воздушно-космической сфере. В соответствии с ее требованиями, при формировании новой структуры авиационного парка ВВС НОАК из его состава активно выводятся морально устаревшие образцы авиационной техники и вооружения, которые не отвечают современным требованиям как встраиваемости в единое информационное пространство, так и сопряжения со средствами всестороннего обеспечения решения задач управления, целеуказания, навигации, связи, метеорологического обеспечения и т.д.

Все это дает основания сделать вывод о том, что китайская военная мысль не стоит на месте, она идет в ногу со временем, упорно ищет и находит эффективные ответы на современные и перспективные военные угрозы.

1. Независимая газета. 2013. 17 апр.
2. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China, 2010. URL: <http://www.defense.gov/Advisories/Advisory.aspx?AdvisoryID3248>
3. Сун Сяодун, Ван Сяоцзы, Сун Цзян, Хуан Цзису, Лю Ян. «Чжунго бу гаосюн» [«Китай недоволен»]. Пекин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 2009.
4. Национальная оборона. 2012. № 11 (80), ноябрь. С. 36.
5. Там же. С. 37.
6. Там же. С. 37.
7. Цзефанцзюнь бао. 2002. 9 ноября.
8. The Yomiuri Shimbun. 2013. 14 Febr.
9. Ibid.
10. Цзефанцзюнь бао. 2001. 13 февр.
11. Цзефанцзюнь бао. 2009. 10 ноября.
12. Indigenous Weapon Development in China's Military Modernization" US-China Economic and Security // Review Commission Staff Research Report. 2012. 5 April. Primary Author: Amy Chang. USCC Research fellow for Military National Security Affairs. Washington, 2012. P. 14.
13. The Asahi Shimbun. 2013. 13 Febr.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Независимая газ. 2013. 12 февр.
17. Независимая газ. 2013. 13 марта.
18. Независимая газ. 2013. 14 марта.
19. Независимая газ. 2013. 3 июня.
20. The Asahi Shimbun. 2013. 13 Febr.
21. Независимая газ. 2013. 19 февр.
22. The Asahi Shimbun. 2013. 13 Febr.

Экономика

Российское и китайское экономическое присутствие в Центральной Азии. Есть ли возможность взаимодействия?

© 2013

Е. Кузьмина

Статья посвящена анализу экономического взаимодействия России и Китая со странами Центральной Азии на двусторонней и многосторонней основе. Исследуются пересекающиеся и совпадающие экономические интересы КНР и РФ в регионе, возможности их сотрудничества в экономической сфере.

Ключевые слова: экономические интересы, производственное сотрудничество, атомная энергетика, гидроэнергетика, топливно-энергетический комплекс, транспортные коммуникации.

Россия и Китай являются крупнейшими политическими и экономическими партнерами государств Центральной Азии. Причем, если с политической и военно-стратегической точки зрения они являются партнерами-союзниками в регионе, то с экономической – их интересы не просто пересекаются, но и носят характер соперничества.

Рассмотрим сдвиги в степени экономического присутствия в ЦА указанных стран после мирового экономического кризиса.

Укрепление экономических позиций Китая в Центральной Азии

КНР проводит все более активную политику в регионе, вступая в те экономические ниши, которые до кризиса были заняты другими странами. Центральная Азия играет для Китая роль моста, соединяющего его с Европой и Ближним Востоком. Но Пекин расценивает экономическую экспансию и как инструмент своего глобального влияния, распространения технологий, культуры и политических взглядов. Для него регион важен также с точки зрения создания благоприятных условий для ускоренного развития сильно отстающего от восточных провинций Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Если в 1991 г. прямые торговые связи центральноазиатских стран с Китаем практически отсутствовали, то он достиг в 2011 г. 39,5 млрд долл., в 2006 г. — 11 млрд долл. (табл. 1).

Таблица 1

Внешняя торговля стран ЦА с Китаем, млн долл

Страны	2007			2008			2009			2010			2011		
	экспорт	импорт	баланс	экспорт	импорт	баланс	экспорт	Импорт	баланс	экспорт	импорт	баланс	экспорт	импорт	баланс
Казахстан	6432	7446	-1014	7728	9825	-2097	6256	7748	-1492	11109	9320	1789	15330	9568	5762
Кыргызстан	1137	3666	-2229	121	9212	-9091	49	5228	-5179	72	4128	-4056	98	4879	-4781
Таджикистан	10	514	-504	20	1480	-1460	185	1218	-1033	56	1377	-1321	72	1997	-1925
Туркменистан	50	303	-253	28	802	-774	39	916	-877	1045	525	520	4693	785	3908
Узбекистан	364	765	-401	329	1278	-949	349	1561	-1212	1301	1181	120	807	1359	-552
Всего регион	7993	12694	-4701	8226	22597	-14371	6878	16671	-9793	13583	16531	-2948	21000	18588	2412

Источник: посчитано автором по http://www.trademap.org/countrymap/Bilateral_TS.aspx

Таблица 2

Внешняя торговля стран ЦА с Россией, млн долл.

Страны	2008			2009			2010			2011		
	экспорт	импорт	баланс	экспорт	импорт	баланс	экспорт	импорт	баланс	экспорт	импорт	Баланс
Казахстан	6380	13299	-6919	3697	9147	-5450	4449	10690	-6241	6859	12906	-6047
Кыргызстан	491	1308	-817	367	915	-548	393	991	-598	293	1160	-867
Таджикистан	213	793	-580	213	573	-360	214	673	-459	90	720	-630
Туркменистан	100	808	-708	45	992	-947	148	757	-609	143	1160	-1017
Узбекистан	1300	2038	-738	847	1694	-847	1557	1890	-333	1860	2107	-247
Всего регион	8484	18246	-9762	5169,9	13332	-8162	6760,8	15001	-8241	9245	18053	-8808

Источник: Минэкономразвития РФ

Структура торгового обмена стран региона с Китаем характеризуется резким преобладанием в китайском экспорте готовых товаров, а в импорте — топлива и сырья. В 2007–2011 гг. долевое соотношение торговых связей Китая с отдельными странами региона несколько изменилось. Хотя его крупнейшим торговым партнером остается Казахстан, но доли Туркменистана и Узбекистана значительно увеличились. Их торговый баланс Казахстана и Туркменистана с Китаем последние годы стал положительным, что связано с вводом в строй нефтепровода Казахстан – Китай и газопровода Туркменистан — Китай.

Высокая доля китайских товаров в торговле с Киргизией и Таджикистаном связана с тем, что сюда идет их основной поток, распределяемый потом по рынкам всех стран региона и России. Ситуация может резко измениться в связи со вступлением России и Таджикистана, а в ближайшей перспективе и Казахстана в ВТО, а также с возможным вступлением Киргизии в Таможенный союз России, Казахстана и Белоруссии.

Для укрепления своих торговых позиций на рынках ЦА Китай пытается закрепить выгодную для себя конфигурацию экономического сотрудничества в рамках ШОС. Не добившись согласия на создание в ее рамках зоны свободной торговли, Пекин стал активно продвигать идею использования юаней во взаимной торговле.

В 2011 г. Центральный Банк Китая уполномочил 15 банков СУАР обслуживать торгово-инвестиционные сделки со странами ЦА в китайской валюте с мотивировкой, что это позволит снизить риски обменных курсов и поддержать региональную торговлю. Показательно в этой связи подписание в июне 2011 г. соглашения о валютном свопе юань-тенге Центробанками Китая и Казахстана на 1 млрд долл. С расчетом довести к 2015 г. двусторонний товарооборот до 40 млрд долл.¹

Политику торговой экспансии вовне Китай сочетает с внутренним протекционизмом. Доля стран региона во внешней торговле КНР менее 1%. Они не участвуют и в сотрудничестве по созданию совместных высокотехнологичных производств. Фактически формируется положение этих стран как сырьевых приделов китайской экономики. В ряде случаев китайская продукция, поставляемая по невысоким ценам, блокирует сохранение здесь аналогичных отраслей промышленности.

Китай стал активным торговым конкурентом России на рынках ЦА. Он не только приобретает товары и сырье, традиционно вывозившиеся в Россию, но и конкурирует за рынки сбыта с российскими предприятиями.

За 2001–2011 гг. объем китайских инвестиций увеличился более чем в 20 раз (более 20 млрд долл), что сделало Пекин главным инвестором стран ЦА. Его влияние стало особенно заметным с 2008 г., когда традиционные спонсоры региона (Россия, США, Европа) столкнулись с собственными бюджетными проблемами из-за мирового финансового кризиса. Основная часть средств выделяется через прямые инвестиции, кредиты, льготные займы, гранты на двусторонней основе. Пекин вкладывает в региональную экономику средства и через международные финансовые институты и организации — АБР, ШОС. Другая особенность второй половины нулевых годов — финансирование Китаем не только нефтегазового сектора, но и несырьевых проектов: прежде всего, в поддержку финансовой стабильности и в инфраструктурные проекты.

Так, в июне 2009 г. Китай выделил странам ШОС льготный кредит на 10 млрд долл. для поддержки финансовой стабильности, а в июне 2011 г. увеличил кредитную линию до 12 млрд долл.² Эксимбанк, через который проводятся основные финансовые вливания в Центральную Азию, уже реализовал здесь свыше 50 социально-экономических проектов. Системный характер обретает антикризисная помощь КНР, оказываемая таджикским властям. Для поддержки экономики Таджикистана Пекин в 2008 г. выделил безвозмездный грант на сумму 6 млн долл., в 2009 г. — 9 млн долл., в 2010 г. — 12 млн долл., 2011 г. — 18,5 млн долл.³

Центральная Азия стратегически важна для Китая как один из крупных ближних источников углеводородов, который позволит сократить зависимость от поставок ближ-

невосточной нефти, транспортировка которой контролируется Соединенными Штатами. Китайская зависимость от центральноазиатской нефти уже превышает 10%⁴.

В 2009 г. Китай выделил Казахстану кредит в размере 10 млрд долл., получив взамен 11% акций НК «КазМунайГаз», в 2010 г. вложил еще 5,5 млрд долл., и доля китайских компаний в тамошней добыче нефти составила 22,5%.⁵ В 2012 г. 12 млрд долл. было вложено в казахстанский ТЭК⁶. Всего здесь работают уже 22 нефтяные компании с китайским участием. Из них 10 полностью принадлежат китайским инвесторам⁷. КНР и далее предполагает кредитовать казахстанскую нефтяную отрасль при условии допуска к новым проектам в стране. Согласно некоторым данным, в 2013 г. доля добываемой китайскими компаниями нефти в Казахстане может достичь 40%. По данным независимых источников только в Актыбинской области китайские инвесторы добывают почти 100% нефти и газа, в Кызылординской — более 60%, в Мангистауской — более 30%, в Атырауской — более 10%⁸. Расширение китайского участия в нефтяной отрасли происходит за счет приобретения активов, продаваемых западными компаниями⁹.

Для импорта нефти построен нефтепровод Атасу — Алашанькоу мощностью 20 млн т в год¹⁰. С июня 2010 г. КНР начала осуществлять поставки сжиженного нефтяного газа из РК по железной дороге через КПП Алашанькоу.

Одним из первых проектов сотрудничества в газовой сфере стало строительство газопровода из Жамбылской области на юге Казахстана до местечка Хоргос на казахско-китайской границе. В конце 2013 г. вступит в строй газопровод Бейнеу — Бозой — Шымкент. Проект рассчитан на транспортировку газа с месторождений Западного Казахстана (в том числе расположенных на шельфе Каспия) до южных областей, а также на поставки газа в газопровод Казахстан — Китай¹¹.

В июне 2011 г. достигнуты договоренности по строительству второй очереди газопровода Казахстан—Китай, второго этапа второй очереди китайско-казахстанского нефтепровода, казахстанского участка третьей нитки газопровода Китай — Туркменистан и по принятию мер по их безопасности и стабильной эксплуатации¹².

Китайские инвесторы также заинтересованы в развитии нефтехимии в Казахстане. Компания CNPC в 2008 г. построила завод по переработке природного газа в Актобе¹³. Достигнуты договоренности о выделении Китайским экспортно-импортным банком 1 млрд долл. на строительство нефтеперерабатывающего завода в Атырау¹⁴.

Активизируется сотрудничество в нефтегазовой сфере и с Туркменистаном. В апреле 2006 г. было подписано соглашение о закупках газа по 30 млрд м³ в год в течение 2009–2038 гг. Для обеспечения сырьевой базы этих поставок в мае 2007 г. CNPC заключила контракт в 1,5 млрд долл. на разведку месторождения Южный Иолотань на юго-востоке страны. В 2009 г. Банк развития Китая выделил льготный кредит в 4 млрд долл. на его разработку, в апреле 2011 г. добавив еще на 4,1 млрд долл. Погашаться он будет поставками газа.

В 2007 г. между Государственным агентством по управлению и использованию углеводородных ресурсов Туркменистана и CNPC подписано СРП по освоению месторождения «Багтыярлык» и соглашение о прокладке экспортного газопровода из Туркменистана через Узбекистан и Казахстан¹⁵. Сегодня работают две ветки газопровода мощностью 40 млрд м³. В 2011 г. Ашхабад согласился увеличить объемы еще на 20 млрд м³.

Нефтегазовые интересы есть у Китая и в Узбекистане. В 2010 г. Узбекнефтегаз и CNPC заключили рамочное соглашение о ежегодных поставках в КНР до 10 млрд м³ газа. В декабре 2011 г. узбекско-китайское СП «Asia Trans Gas» открыло вторую ветку газопровода Туркменистан — Китай. К 2014 г. планируется строительство третьей очереди узбекского участка газопровода стоимостью 2,2 млрд долл. при пропускной способности 25 млрд м³ газа в год. Кроме того, китайская сторона обязалась инвестировать в нефтегазовые участки в Устюрте, Бухаре, Хиве и Ферганской долине.

Китайские компании участвуют и в добыче нефти в Баткенской области Киргизии.

Крупные средства вкладывает КНР и в освоение других природных ресурсов ЦА. В 2011 г. подписано соглашение между «Казатомпромом» и китайской государственной корпорацией ядерной промышленности о поставках в КНР топливных таблеток из Казахстана, а Банк развития Китая выделил «Казахмысу» льготный кредит в 1,5 млрд долл. для освоения медного месторождения Актогай¹⁶. В 2005 г. China National Group Association и казахстанский металлургический комплекс «Казахалтын» подписали контракт о создании СП для эксплуатации месторождений золота в Казахстане¹⁷.

КНР ведет геологоразведку урановых месторождений в Навоийской области Узбекистана. В апреле 2012 г. были оглашены планы реализации в Узбекистане 25 проектов с общим объемом инвестиций 5 млрд долл. В частности, 1,5 млрд долл. будут направлены на финансирование совместных проектов в сфере транспорта и химической промышленности¹⁸.

Китайские компании участвуют в разработке месторождения золота Иштамберды, добыче меди и золота «Куру-Тегере», освоении месторождения олова в Киргизии. В мае 2011 г. китайская компания «Asia Gold Enterprise» обязалась вложить 15 млн долл. в разработку золоторудного месторождения в Чон-Алайском районе Ошской области¹⁹.

КНР наращивает активность и в сфере гидроэнергетики. К проектам, которые интересны для китайских инвесторов в Киргизии, можно отнести каскад Сарыджазских и Камбаратинских ГЭС, строительство линии электропередачи в Кашгар, возведение ТЭС, работающих на угле, а также реконструкцию Учкурганской ГЭС и ТЭЦ в Бишкеке. С реализацией этих проектов Китай может стать импортером киргизской электроэнергии.

Не меньший интерес у китайцев вызывают гидроэнергетические возможности Таджикистана. Учитывая позицию Ташкента по водно-энергетической проблематике в ЦА, Пекин ограничивается проектами на внутренних реках и строительством ЛЭП в Таджикистане. В их числе: ГЭС «Нурабад-1» мощностью 350 МВт на р. Хингоб (стоимость — 650 млн долл.), угольная ТЭЦ в г. Душанбе (400 млн долл.), а также модернизация ЛЭП «Север-Юг» и «Лолазор-Хатлон» (61 млн долл.)²⁰.

Другое важное направление экспансии китайского капитала в регионе — транспортная инфраструктура. Новые транспортные коммуникации призваны облегчить взаимные торговые связи и создать новые глобальные коммуникации. К 2010 г. Китай уже ввел в действие 43 пассажирских и 44 грузовых транспортных маршрутов с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном²¹. Агентство Синьхуа сообщило об открытии в 2011 г. 22 новых транспортных маршрутов, соединивших КНР с Казахстаном. В конце 2009 г. завершено строительство железной дороги Урумчи — Хоргос, а в июне 2010 г. Пекин согласился оплатить удлинение магистрали до казахстанского села Жетыген. В 2011 г. запущен центр приграничного сотрудничества «Хоргос», которому пророчат роль регионального транспортно-логистического хаба.

Сейчас изучается возможность создания железнодорожного «Северного коридора» между Китаем и Германией, а также магистрали протяженностью 4 тыс км от китайско-казахстанской границы через Казахстан и Туркменистан в Иран с европейской шириной колеи (1435 мм). С учетом интереса стран ЦА к транспортным выходам к морю, Китай открыл провинцию Синьцзян для транзита их грузов на пакистанский порт Гвадар.

В 2011 г. АБР утвердил кредит в 55 млн долл. для модернизации автотрассы, связывающей Киргизию с КНР. Пекин также предлагает строительство стратегически важной для Бишкека железной дороги Китай — Киргизия — Узбекистан стоимостью 2 млрд долл. в обмен на доступ к месторождениям золота, алюминия и железа. Китай строит 12 новых автобанов, которые свяжут Киргизию и соседние страны современными дорогами с Синьцзяном²².

В Таджикистане китайские инвесторы реализуют 13 проектов строительства дорог и мостов на 680 млн долл.

В среднесрочной перспективе Китай будет расширять свое экономическое присутствие в Центральной Азии, используя свою экономическую и финансовую мощь, а также инвестиции и внешнюю торговлю. По мнению вице-председателя шанхайского

Центра международных исследований при Шанхайской академии общественных наук, директора шанхайского Центра изучения ШОС проф. Пань Гуана, в ближайшем будущем Китай будет еще активнее — главным образом, в экономическом плане.

Для государств Центральной Азии приток финансовых ресурсов из Китая играет двоякую роль. С одной стороны, способствует развитию инфраструктуры и базовых отраслей, содействует их социально-экономическому благополучию. С другой — китайское «наступление» ставит ряд вызовов: перспектива превращения в сырьевой придаток Поднебесной, консервация однобокой структуры экономики, снижение стимулов к модернизации и диверсификации промышленности, ослабление финансовой и макроэкономической устойчивости. Подавляющая часть этих инвестиций поступает в виде займов с конкретными сроками и условиями возврата, увеличивая внешнюю задолженность. К тому же, чрезмерное упование на антикризисную помощь КНР поддерживает обманчивое ощущение стабильности, откладывая решение системных проблем. Аналогичные вызовы связаны с инфраструктурной политикой Пекина в регионе. Масштабное подключение стран ЦА к транспортной и энергетической системе Китая при неадекватном развитии других векторов может привести к ситуации, когда «зависимость от СССР/России» сменит зависимость от КНР.

Китай имеет четкую программу сотрудничества со странами региона не только на двусторонней основе, но и в рамках ШОС. В декабре 2012 г. премьер Государственного совета КНР Вэнь Цзябао изложил в ходе встречи глав правительств стран-членов ШОС позиции КНР по вопросам содействия торгово-экономическому сотрудничеству и формированию единой инфраструктурной сети. По его словам, китайская сторона готова активизировать взаимодействие со всеми странами, концентрируясь на 7 направлениях:

1. Реализация 10 млрд долл. кредита в проекты инфраструктуры, энергетики и производства.
2. Проработка вопроса создания фонда технико-экономического сотрудничества, ориентирующегося на весь регион, в том числе создание Банка развития ШОС.
3. Развитие обслуживания спутника мобильной связи ШОС, который охватывает все страны-члены, наблюдателей и партнеров по диалогу. Китай и РФ сообща разработали ТЭО и готовы провести работы по созданию и запуску спутника.
4. Создание Центра сотрудничества в области охраны окружающей среды Китай – ШОС.
5. Укрепление сотрудничества Организации в области борьбы против наркотрафика и ликвидации бедствий путем предоставления финансовых средств, оборудования.
6. Развитие сотрудничества по продовольственной безопасности.
7. Ускорение строительства железной дороги Китай – Киргизия – Узбекистан²³.

Позиции России в странах Центральной Азии

В 2009 г. после начавшегося мирового кризиса позиции России в регионе несколько ослабли. Она сохранила свой статус крупнейшего торгового партнера со странами региона, но товарооборот резко сократился, увеличившись лишь с Туркменией. В 2010–2011 гг. ситуацию удалось несколько исправить, но восстановить докризисный уровень торговли с некоторыми центральноазиатскими странами не удалось (табл. 2).

Основными продуктами импорта из региона остается природное и сельскохозяйственное сырье, а также продукция химического производства. Россия ввозит в регион в основном готовую продукцию и частично сырье. Доля энергоносителей в товарообороте РФ и ЦА увеличилась с 25,4% в 2005 г. до 33% в 2010 г. (с 3,6 млрд до 11,7 млрд долл.)²⁴. Эти потоки имеют двусторонний характер: экспорт энергоносителей (уголь, сырая нефть, нефтепродукты и электроэнергия) из РФ в 2007–2010 гг. составлял 2,9–5,5 млрд долл., что сопоставимо с объемами импорта энергоносителей из этих стран. Основная

сфера интересов России в регионе — контроль над транспортировкой энергоресурсов. Российское присутствие на рынке энергоресурсов ЦА постепенно нарастает.

Регион важен для России как рынок экспорта готовой продукции. Здесь реализуется значительная доля российского экспорта продовольствия, машин и транспортного оборудования, а в последние годы и текстильной продукции. В первой половине 2000-х гг. здесь потреблялось до 27% экспортируемых машин и транспортного оборудования. Однако доля промышленных товаров в общем объеме экспорта с 66% в 2005 г. упала до 52% в 2010 г., уступая место сырью²⁵.

Другая особенность российского экспорта в ЦА — малая доля высокотехнологичной продукции. Ее экспорт сократился с 1997 г. по 2010 г. почти вдвое (с 19% до 10%)²⁶, что может негативно отразиться на укреплении сотрудничества, учитывая российские долгосрочные программы развития экономики страны, направленные на модернизацию промышленности и развитие инновационных отраслей.

Эти негативные тенденции имеют и внешние, и внутренние причины. Налицо неконкурентоспособность российских товаров к продукции развитых стран²⁷. Серьезную роль в сокращении российского экспорта сыграло и слабое развитие механизмов поддержки экспорта в России. Существующая государственная гарантийная система относит страны Центральной Азии к самой высокой группе риска с минимальными предельными объемами гарантий²⁸. Это снижает заинтересованность российских предприятий в осуществлении инвестиций. Слабо ориентированы на стимулирование сотрудничества со странами ЦА и другие программы поддержки экспорта: возмещение из федерального бюджета части процентных ставок по экспортным кредитам; предоставление субсидий на поддержку субъектов МСБ, производящих и реализующих экспортные товары.

В 2009 г. инвестиционное сотрудничество со странами региона резко сократилось: валовый приток прямых российских инвестиций в Казахстан уменьшился на 64,2%²⁹, в таджикскую экономику — почти на 60%³⁰. Наиболее динамично развивались инвестиции в узбекскую экономику, сохраняющую приоритетность нефтегазового сектора. В 2010–2011 г. российские инвестиции постепенно росли. При этом в целом инвестиционное сотрудничество развивается относительно стабильно: объем накопленных инвестиций (в текущих ценах) вырос за 2005–2010 гг. в 4,4 раза³¹. Однако динамика инвестиций крайне нестабильна: под влиянием крупных сделок или межправительственных соглашений их приток возрастает в разы, а затем возвращается на прежний уровень. Российский капитал сконцентрирован, прежде всего, в добыче энергоресурсов.

Наиболее полно в нефтяной отрасли Казахстана представлен «Лукойл», участвующий в 7 добывающих проектах на суше: в Кызылординской области месторождение «Кумколь», в Западно-Казахстанской области месторождение «Карачаганак», в Мангистауской области месторождения «Арман», «Северные Бузачи» и «Каракудук», в Актыубинской области месторождения «Алибекмола» и «Кожасай», в Атырауской области месторождения «Тенгиз» и «Королевское». Лукойл предполагал также участие в трех проектах на шельфе казахстанского сектора Каспия. Но проекты «Аташский» и «Тюб-Караган» в 2011 г. закрыты, а на участке «Жамбай Южный — Южное Забурунье» ведется подбор бурового подрядчика. С 1995 г. компания инвестировала в казахстанский ТЭК более 6 млрд долл., в т.ч. по 360 млн долл. — в 2010 и 2011 гг.³². Доля добываемого компанией углеводородного сырья составляет 10% от общего объема добычи в Казахстане³³.

Дочернее предприятие «Роснефти» — «РН-Эксплорейшн» с 2005 г. на правах СРП с «Казмунайгазом» разрабатывает пограничное месторождение «Курмангазы» на шельфе Каспия. Если здесь будут обнаружены экономически рентабельные запасы, РФ сможет воспользоваться опционом. На Адайском блоке (регион Атырау) в 2011 г. из-за бесперспективности дальнейшего проведения разведочных работ компания расторгла СРП по разведке и разработке запасов³⁴.

Потребности Казахстана в нефтепродуктах ежегодно растут, и он заинтересован в их удовлетворении за счет поставок из России по внутренним ценам. Россия («Рос-

нефть», «ЛУКОЙЛ», «Газпром нефть», «Сургутнефтегаз») ежегодно поставляет в Казахстан 7 млн т нефти, которые перерабатываются на Павлодарском и Чимкентском НПЗ.³⁵

Россия заинтересована в прокачке казахстанской нефти через свои трубопроводы, рассматривая это как фактор своего геополитического влияния в регионе. Транзит казахстанской нефти через территорию РФ осуществляется по нефтепроводам Атырау— Самара (не менее 15 млн т в год) и Махачкала—Тихорецк—Новороссийск (не менее 2,5 млн т в год), Карачаганак — Самара — магистральная система «Транснефть», КТК «Тенгиз — Новороссийск»³⁶

Казахстан и Китай заинтересованы в российских поставках нефти через трубопровод ККТ Атасу—Алашаньюку. Казахстан в сентябре 2012 г. установил льготный тариф для прокачки российской нефти через ККТ, что в России восприняли как демпинг, т.к. этот маршрут составляет конкуренцию для «Роснефти» на маршруте ВСТО в Китай, а также Россию не устраивают условия по увеличению поставок ее нефти в Китай без уплаты Казахстаном экспортной пошлины в российский бюджет. Хотя действующая схема пошлин в рамках Таможенного союза законна³⁷, она формирует выпадающие доходы российского бюджета в объеме до 1 млрд долл. в год, и в российском правительстве прорабатываются меры, направленные на пресечение подобной практики.

Позиции России в газовой сфере ЦА стабильны. «Газпром» работает на совместных месторождениях в Каспийском море. Проводит, к примеру, разведку углеводородных ресурсов геологической структуры «Центральная». С 2010 г. идет совместная деятельность по геологическому изучению и разведке Имашевского газоконденсатного месторождения³⁸.

С 2006 г. осуществляется переработка казахстанского газа с месторождения Карачаганак на российском Оренбургском ГПЗ. Сегодня ТОО «КазРосГаз» направляет на переработку в Оренбург сырой газ, после чего сухой газ направляется в необходимом объеме на внутренний рынок Казахстана, а оставшаяся часть реализуется по экспортным контрактам. Но в 2014–2021 гг. на Карачаганаке планируется строительство газоперерабатывающего завода, и объемов карачаганакского газа может не хватить для двух заводов. Во избежание этого предполагается увеличение добычи газа с нынешних 8–9 млрд м³ до 16 млрд м³.

Сотрудничество с Узбекистаном ведется на базе соглашения о стратегическом сотрудничестве в газовой сфере (2002 г.) на 25 лет, предусматривающего, наряду с закупками узбекского газа, развитие сотрудничества в его добыче и транспортировке. В рамках соглашения о стратегическом сотрудничестве в разное время были заключены контракты на закупку газа и соглашения о его транспортировке через территорию Узбекистана. В декабре 2012 г. был заключен очередной контракт на закупку газа и соглашение о его транспортировке по территории Узбекистана на период с 2013 по 2015 гг.³⁹ По данным Интерфакса, в 2013 г. «Газпром» купит у Узбекистана 7,5 млрд м³. Это значительно меньше, чем в 2012 г. (8,7 млрд м³) и более чем вдвое меньше, чем в 2011 г. (более 16 млрд м³). Причины снижения: холодная зима 2012 г. в Узбекистане и намерение Ташкента выполнить контракт по поставке газа в Китай⁴⁰.

Пилотным проектом (2004 г.) стало восстановление месторождения Шахпахты на плато Устюрт в Каракалпакистане. Накопленная добыча с начала доразработки месторождения составила на конец 2012 г. более 2,1 млрд м³⁴¹. В январе 2006 г. «Газпром» и правительство страны договорились об основных принципах геологического изучения других инвестиционных блоков Устюртского региона: подписано соглашение о СРП по месторождениям Урга, Куаныш и Акчалакской группы с инвестициями в объеме до 400 млн долл. Для проведения геологоразведочных работ в Устюрте было создано ООО «Устюрт – Зарубежнефтегаз», а в декабре 2006 г. «Газпрому» были выданы лицензии на право пользования участками недр для проведения геологоразведочных работ еще на семи блоках. В 2007 г. начались полевые геофизические работы, затем — поисковое бурение⁴². НК "Лукойл" реализует проект по освоению газовых месторождений Кандымской

группы в Бухарской области и геологоразведочных работ на Устюрте⁴³. Компания также приступила к разработке месторождений на Устюрте и Южном Гиссаре⁴⁴.

В сентябре 2009 г. был подписан договор о разделе продукции в отношении морского блока «21» Каспийского моря между компанией "Итера" и Государственным агентством по управлению и использованию углеводородных ресурсов при президенте Туркмении⁴⁵. Gazprom International пока приобрел лишь пакеты геолого-геофизической информации по туркменскому шельфу Каспия и прорабатывает необходимые проекты соглашений и договоров.

На территории Таджикистана Gazprom International реализует инвестиционный проект по поиску и разведке залежей углеводородов в пределах участков Сарикамыш на юго-западе страны и Западный Шохамбары — на западе⁴⁶ и получило лицензии на право пользования недрами перспективных нефтегазоносных площадей — Кугарт (Джалал-Абад) и Восточное Майли-су IV (Шаркаратма) в Киргизии⁴⁷.

Еще в 2003 г. Газпром получил в управление все магистральные газопроводы, проходящие по территории ЦА. «Зарубежнефтегаз» (оператор Газпрома) в рамках инвестиционного проекта занимался разработкой оптимальных технических решений по реконструкции и расширению узбекской части газопроводной системы «Средняя Азия — Центр» (САЦ). Ее основной проблемой является малая пропускная способность трубопроводов и их изношенность. Россия планировала строительство новых трубопроводов, так как мощности существующих не хватало.

В апреле 2009 г. после взрыва на газопроводе САЦ кардинально изменились отношения между Газпромом и Туркменистаном: последний объявил новые газовые приоритеты. Несколько раньше, в марте Москва и Ашхабад не смогли договориться о строительстве трубопровода "Восток – Запад", по которому газ с месторождений на востоке республики должен был доставляться к побережью Каспийского моря, а далее — по проектируемому Прикаспийскому газопроводу — в Россию⁴⁸. Туркмения в ответ объявила международный тендер на строительство газопровода "Восток-Запад", главной целью которого была «диверсификация маршрутов поставок туркменского природного газа, а также создание надежной и стабильной системы вывода туркменских энергоносителей на международные рынки»⁴⁹.

Фактически Россия встала перед реальным уничтожением ее монополии на прикаспийские ресурсы Казахстана и Туркменистана, а также на туркменский газ с восточных месторождений и попутно на узбекский газ.

Значительный интерес для России представляет также доступ к урановым месторождениям и развитию сотрудничества в атомной энергетике. Она располагает крупными мощностями и технологиями по переработке урановой руды, но не имеет достаточных разведанных запасов и складских запасов руды, что требует углубления сотрудничества со странами Центральной Азии, богатых урановыми рудами.

Казахстан также заинтересован в сотрудничестве с Россией в этой сфере. Занимая второе место в мире по запасам урана (19% от мировых запасов), поставил задачу в 2015 г. увеличить объем добычи урана до 32% от общемирового уровня (с 19% в 2006 г.), а долю в общемировом выпуске топливных таблеток — до 17% (с 4%), а также занять 15% мирового рынка изготовления тепловыделяющих элементов и сборов, на котором Казахстан в настоящее время не присутствует⁵⁰. В его атомной промышленности действует только часть переделов ядерно-топливного цикла — добыча природного урана, аффинаж (первичная очистка) и производство топливных таблеток. Остальные звенья производственной цепочки выполняются в России.

В 1998 г. было подписано Соглашение об интеграции предприятий ядерно-топливного цикла России и Казахстана, предусматривающее участие российской компании ТВЭЛ в уставном капитале Ульяновского металлургического завода в Усть-Чамеогорске для производства урановых таблеток. В 2006 г. была принята Программа стратегического партнерства в области использования атомной энергии в мирных целях⁵¹ и

подписаны учредительные документы трех СП по мирному использованию атомной энергии. Так, СП «Буденовское» взялось за разработку одноименного месторождения на юге Казахстана, а СП «Заречное» — за добычу природного урана для обеспечения топливом российских реакторов. Обогащение урана будет производиться на специально выделенной площадке Ангарского электролизного химического комбината. А в 2007 г. было подписано соглашение о создании Международного центра по обогащению урана в Ангарске. В 2013 г. Казахстан приобрел 25% ОАО «Уральский электрохимический комбинат»⁵² для реализации на его базе проекта создания этого центра.

В октябре 2006 г. российская компания Атомстройэкспорт и НАК Казатомпром создали на паритетных началах АО Казахстанско-российская компания «Атомные станции», которое будет разрабатывать энергоблоки с реакторами малой и средней мощности. Промышленного варианта таких реакторов в мире нет, и проект имеет большой потенциал для продвижения на мировой рынок.

Правительством Казахстана принято решение о строительстве двухблочной АЭС в Актау. Запуск первого энергоблока запланирован на 2014 г. Предположительно, будет построена и вторая АЭС — на площадке Улькен близ Балхаша. Масштабность планов этого строительства обусловлена угрозой перехода экономики Казахстана из энергоизбыточной в энергодефицитную, а также несбалансированностью развития его энергосистемы⁵³.

В 2007 г. российская группа компаний «Ренова» приобрела контрольный пакет акций Карабалтинского горнорудного комбината (КГРК). Новым владельцам удалось наладить поставки уранового сырья с южно-казахстанских месторождений Инкай, Моинкум, Мынкудук и производство уранового концентрата.

Среди других проектов в сфере горнодобычи следует выделить введение в эксплуатацию в 2008 г. российским «Мечелом» ГОК «Восход-Хром», перерабатывающего руду месторождения «Восход» в Казахстане (1,3 млн т хромовой руды в год)⁵⁴. «Северсталь-групп» участвует в разработке казахстанских золотоносных месторождений «Суздальское» (100%) и «Жерекское» (75%), «Балажал» (100%), а также месторождения молибдена «Шорское» (50%)⁵⁵. «Русал» и «Самрук-энерго» совместно разрабатывают угольные разрезы «Богатырь» и «Северный» на Экибастузском СП «Богатырь комир», дающие примерно 69% экибастузского угля. СП реализует программу технического перевооружения с объемом инвестиций 390 млн евро, в результате которого производственная мощность компании возрастет к 2018 г. на 19% — до 50 млн т.⁵⁶

В Киргизии и Таджикистане основные инвестиционные проекты осуществляются в сфере энергетики. Так, летом 2009 г. была введена в эксплуатацию Сангудинская ГЭС-1 в Таджикистане, в которую Россия вложила около 680 млн долл. (Таджикистан — около 120 млн долл.) Соответственно, ей в этом проекте принадлежит 75% акций («Росатом» и «Интер РАО ЕЭС»)⁵⁷. Другие проекты уже много лет пребывают на стадии обсуждения или заморожены: такова ситуация с Рогунской ГЭС в Таджикистане, с каскадом Нарынских ГЭС—1, 2, 3 и Акбулунской ГЭС в Киргизии. Другой пример — «Камбарата-1»: Россия в 2011 г. снова подтвердила готовность инвестировать в этот проект Киргизии более 2,1 млрд долл. Но идет поиск дополнительных инвесторов⁵⁸. Важный фактор, сдерживающий российские инвестиции — негативная позиция Узбекистана по этому вопросу⁵⁹.

Перспективные проекты сотрудничества есть и в машиностроении.

Россия заинтересована в сохранении контроля над космодромом «Байконур», который обеспечивает почти 100% запусков ее спутников телевидения, 90% запусков по программам международного сотрудничества, запуск большинства спутников ретрансляции, связи и навигации⁶⁰. Эксплуатация космодрома обходится в среднем в 5 млрд руб. в год⁶¹. С 2004 г. ведется совместная работа по созданию современного ракетно-космического комплекса «Байтерек» для выполнения коммерческих космических программ и национальных проектов РК⁶². ГКНПЦ имени М.В. Хруничева разрабатывает космическую систему связи «KazSat» в интересах развития систем телевизионного вещания и фиксированной спутниковой связи Казахстана. Контракт предусматривает не

только сборку и запуск спутников «KazSat», но и создание наземной инфраструктуры для управления и контроля в полете космического аппарата, а также обучение и подготовку национальных кадров. Запуск первого спутника состоялся 18 июня 2006 г., второго — 16 июля 2011 г.⁶³ В мае 2008 г. подписаны межправительственные соглашения о совместной работе по проекту ГЛОНАСС. С июня 2010 г. началась практическая реализация наземной части этого проекта. В 2011 г. установлено 10 станций, в 2012 г. — 30 станций, охватывающих всю территорию Казахстана⁶⁴.

В Казахстане создан ряд автосборочных производств. В частности, СП «КамАЗ-инжиниринг» для производства автобусной и прицепной техники, а также автобусных автосалонов. ОАО «Агромашхолдинг» собирает на Кустанайском дизельном заводе комбайны «Енисей» и трактора серии БТ. ОАО «Ростсельмаш» открыл филиал в Казахстане и ведет работу по созданию дилерской и сервисной сети. Она поставит в Казахстан в 2013 г. на 20 млн долл. партию из 200 машинокомплектов зерноуборочного комбайна Vector 410KZ для сборки на базе ТОО "Комбайновый завод "Вектор" (Кокшетау, Акмолинская область)⁶⁵. Подписан меморандум о стратегическом партнерстве по созданию автопромышленного кластера в Восточно-Казахстанской области: будет построен комплекс производств по сварке, окраске кузовов и выпуску комплектующих объемом 120 тыс. единиц в год⁶⁶.

Судостроительная отрасль Астраханской области в значительной степени ориентирована на заказы, поступающие от работающих в Казахстане компаний. Корабелы уже выполнили ряд заказов международных нефтяных компаний (Аджип ККО), действующих на шельфе Каспийского моря, прилежащем к Казахстану, по сооружению буровой платформы «Сункур», строительству сооружений ледовой защиты плавучих буровых установок, жилых блок-модулей для нефтяников Каспия, баржи-площадки, трубных стеллажей. Из последних крупных проектов, реализованных на астраханских верфях, можно выделить жилой плавучий комплекс «Карлыгаш», в котором разместятся 180 нефтяников, осваивающих нефтегазовое месторождение Кашаган⁶⁷. В 2012 г. астраханский «Морской судостроительный завод — 2» завершил программу по строительству объектов рыболовецкого флота для казахстанских заказчиков⁶⁸. Сотрудничают нефтегазовые компании Казахстана и с Казанским судостроительным заводом.

В 2011 г. «Уралвагонзавод» приобрел пакет акций «Востокмашзавода» (Усть-Каменогорск) и долю казахской вагоностроительной компании, которой принадлежит вагоностроительный завод в Экибастузе. В модернизацию этих предприятий УВЗ предполагает вложить около 200 млн долл., что позволит ему стать лидером по производству вагонов в Казахстане⁶⁹. В Астане рассматривается также меморандум о создании совместного производства вагонов с компанией «Русал»⁷⁰.

Российские компании занимают лидирующие позиции в сфере мобильной связи и телекоммуникации. В Казахстане присутствуют «Вымпелком», владеющий контрольным пакетом (74,9%), «Картел», и кипрский оффшор с российскими корнями Eventis Telecom Holding, владеющий 49% акций Eventis Telecom Kazakhstan. В Киргизии с 2010 г. компания ООО «Sky Mobile» (торговые марки Mobi и Bitel) входит в группу компаний «Вымпелком ЛТД». Eventis Telecom Holdings в 2012 г. вступил во владение 51% акций сотового оператора Megacom в Киргизии⁷¹. Другая российская компания — «МегаФон» владеет 75% акций российско-таджикского ЗАО «МегаФон — Таджикистан»⁷², а «Вымпелком» выкупил за 12 млн долл. контрольный пакет акций (60%) таджикской сотовой компании «Таком». В телекоммуникационной отрасли Узбекистана лидером также является дочерняя компания «Вымпелкома»⁷³.

Россия оказывала финансовую помощь ряду стран ЦА в связи с мировым экономическим кризисом. Так, в феврале 2009 г. была достигнута договоренность о выделении финансовой помощи Киргизии в размере более 2 млрд долл. Первые два транша ею получены: 150 млн долл. безвозмездного гранта позволили покрыть внутренний дефицит бюджета, 300 млн долл. льготного кредита были переданы в Фонд развития⁷⁴. Однако

основной кредит в 1,7 млрд долл. на строительство ГЭС так и не поступил из-за недовольства Москвы нецелевым использованием своих кредитов и сохранения в стране американской авиабазы под наименованием «транзитный центр».

Россия инвестирует в регион и в рамках Антикризисного фонда ЕврАзЭС (ее взнос — 7,5 млрд долл.). Уже выделен кредит Таджикистану в размере 70 млн долл.⁷⁵ Пока профинансирован импорт текстильного оборудования из Германии. ЕАБР инвестировал в этот проект 22,6 млн долл. сроком на 12 лет.

Номинально российские вливания в экономики центральноазиатских государств значительно меньше китайских. Однако существуют и «скрытые» российские инвестиции. Во-первых, Россия уже несколько раз не просто реструктурировала долги беднейшим странам региона, но большую их часть списала. Так, в сентябре 2012 г. подписано Соглашение об урегулировании задолженности Киргизии перед Россией. Предполагается пересмотреть условия погашения и обслуживания двух категорий долговых обязательств: задолженность в сумме 188,9 млн долл. по российско-киргизскому соглашению об урегулировании долга по ранее предоставленным кредитам от 2005 г., а также задолженность в 300 млн долл. по межправительственному соглашению о предоставлении госкредита в 2009 г.⁷⁶ Во-вторых, эти страны получают ГСМ от РФ по ценам значительно ниже рыночных, что позволяет им держать на плаву свою промышленность. В-третьих, значительную роль в экономике играют денежные переводы мигрантов, составляющие существенную часть национальных ВВП. Они превышают размер прямых иностранных инвестиций, сопоставимы с объемом экспорта, являются источником дополнительных инвестиций в экономику, определяют уровень потребления населения и снижают уровень бедности.

В качестве главной внешнеполитической задачи России на постсоветском пространстве выдвигается в среднесрочной перспективе реализация Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. и стратегический курс на евразийскую интеграцию в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана, а также создание к 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕЭС)⁷⁷. В рамках ТС – ЕЭП – ЕЭС предполагается перспектива вхождения Киргизии и Таджикистан в эти интеграционные структуры.

Некоторые выводы

РФ и КНР имеют в Центральноазиатском регионе пересекающиеся экономические интересы: проекты в сфере ТЭК, инфраструктурные проекты и торговля готовыми товарами.

Есть между двумя странами и конфликтные интересы. Для Пекина регион интересен в первую очередь как ресурсная база китайской экономики. Россия задекларировала инновационный путь развития национальной экономики, что коррелируется с программами модернизации производственных мощностей некоторых государств ЦА. При условии проведения РФ указанного курса усилится борьба с КНР не только за рынок сбыта готовой продукции, но и за создание со стороны региона совместных производств с законченным циклом. Такая система начинает робко формироваться с Казахстаном в рамках Единого экономического пространства.

Соперничество между Россией и Китаем за расширение их экономического присутствия в ЦА в среднесрочной перспективе будет усиливаться. Россия будет продолжать политику «собирания земель» в рамках евразийской интеграции. В случае удачного проведения данного проекта в жизнь, Китаю придется корректировать свою инвестиционную и торговую политику в регионе с учетом новых реалий. Однако успех начавшихся интеграционных процессов зависит не только от российских усилий, но и от приверженности евразийской идее со стороны центральноазиатских элит, особенно молодой их части.

Шансы использования совпадающих интересов невелики. Возможно, в рамках ШОС России, Китаю и нефте-, газодобывающим странам региона удастся создать скоординированную политику по добыче, транспортировке энергоресурсов.

Пока что будущее ШОС по указанным выше причинам видится Россией и Китаем по-разному. Обе страны пытаются занять доминирующую позицию в организации. Китай — путем усиления своего финансового влияния в ШОС и создания в его рамках своего банка развития. Обладая достаточными денежными возможностями, КНР готова кредитовать страны-члены, постепенно вытесняя доллар на пространстве организации и укрепляя позиции юаня. Россия противится этому, методично блокируя решение о создании банка, и предлагая ограничиться спецсчетом. Москва концентрируется на формировании Евразийского союза, увеличивающего ее вес среди участников организации.

Можно согласиться с выводами доклада брюссельской аналитической Международной кризисной группы «Центральноазиатская проблема Китая» (China's Central Asia Problem), где говорится, что центральным элементом китайской стратегии является установление тесных связей между Синьцзяном и Центральной Азией для содействия экономическому развитию и укрепления политической стабильности. Такая политика должна оградить Синьцзян от негативных последствий вывода натовских войск из Афганистана в 2014 г. Но власти страны приходят к выводу, что просто затыкание деньгами проблем Центральной Азии вряд ли поможет успокоить ситуацию в регионе с высоким уровнем коррупции и неэффективным управлением. «Китайская экономическая экспансия — в случае обеспечения выгоды широкому кругу населения и обогащения лишь отдельных политических кланов — может превратиться в обузу [для Пекина], — подчеркивается в документе⁷⁸. Поэтому КНР необходимо партнерство с Россией в этом регионе. Фактически китайская экономическая экспансия в регионе пока идет в основном за счет вытеснения западных, а не российских компаний. Говоря о конкуренции между Москвой и Пекином в рамках ШОС, зав. отделом Центральной Азии института СНГ А. Грозин справедливо отмечает, что если бы в России эта организация воспринималась только как "китайский проект", то Москва заблокировала бы работу ШОС путем создания бюрократических препон⁷⁹.

1. URL: http://energobelarus.by/index.php?section=blog&blog_id=&article_id=496.
2. Авликулов Б. Инвестиционное наступление Китая в Центральную Азию // www.centrasia.ru/newsA.php?st=1319788020.
3. Авликулов Б. Указ. соч.
4. Годман Ф. Указ. соч.
5. URL: <http://www.wfin.kz/node/16497>.
6. URL: <http://www.heritage.org/research/projects/china-global-investment-tracker-interactive-map>.
7. URL: http://forbes.kz/process/probing/v_rk_rabotayut_22_nefyanyie_kompanii_s_kitayskim_uchastiem.
8. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1357626540>.
9. Казахстан: смена ключевых игроков в нефтедобывающем секторе. URL: http://www.odfoundation.eu/ru/publics/1164/kazakhstan_smena_klyuchevih_igrokov_neftedobivayushchem_sektore.
10. URL: <http://www.easttime.ru/analitic/1/3/557p.html>.
11. URL: <http://news.gazeta.kz/art.asp?aid=343037>.
12. URL: <http://russian.cri.cn/841/2011/06/14/1s385311.htm>.
13. URL: <http://www.kmg.kz/manufacturing/reports/international/>
14. URL: http://inosmi.ru/middle_asia/20110304/167053431.html?id=
15. URL: <http://www.cnpc.com.cn/ru/gsxx/gsyw/trqygd.htm>.
16. URL: <http://www.metallopt.ru/about/news/523175/>
17. URL: http://site.securities.com/doc.html?pc=CB&doc_id=351246384.
18. Авликулов Б. Указ. соч.
19. URL: <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=12646&print=Y>.
20. URL: http://energobelarus.by/index.php?section=blog&blog_id=&article_id=496.
21. Сатпаев Д. Китай на проводе // Независимая газ. 2007. 22 янв. С. 19.

22. *Накмайр Й-Д.* Перезагрузка Great Game // Эксклюзив. 2011. 19 июля.
23. Economic News of Central Asia. 2012. 5 дек. URL: http://site.securities.com/doc.html?pc=CB&doc_id=38771317.
24. *Синицина И.* Экономическое взаимодействие России и стран Центральной Азии: тенденции и перспективы / Ун-т Центральной Азии. Бишкек. 2012. Доклад № 5. С. 12.
25. *Синицина И.* Указ. соч. С. 13.
26. *Синицина И.* Указ. соч. С. 14.
27. *Кулик С.А., Спартак А.Н., Юргенс И.Ю.* Экономические интересы и задачи России в СНГ. М.: Эконом-информ, 2010.
28. Распоряжение Правительства РФ от 25.04.2008. № 566-р. Перечень иностранных государств, экспорту промышленной продукции в которые в 2008–2010 гг. оказывается государственная гарантийная поддержка с учетом предельных ежегодных объемов гарантирования. URL: <http://base.garant.ru/12160087>.
29. URL: www.economy-esr.ru/Economic/VED/inform_po.../kazah_05.ru www.economy-esr.ru/Economic/VED/inform_po.../kazah_05.ru.
30. Национальные особенности проявления мирового финансового кризиса в постсоветских странах / Под ред. проф. Л.Б. Вардомского. М.: Ин-т экономики РАН, 2010.
31. *Синицина И.* Указ. соч. С. 18.
32. *Бородин К.* ЛУКОЙЛ продлит разведку на блоках Жамай Южный и Южное Забурунье. // <http://www.nomad.su/?a=4-201107250025>.
33. URL: <http://lukoil-overseas.ru/projects/kazakhstan/>
34. *Бутырина Е.* «Роснефть» и Синорес вышли из СРП по проекту Адайского блока», 27 июн., 2011. URL: <http://www.nomad.su/?a=4-201106270014>.
35. Россия растаможит нефтяные схемы Казахстана. URL: <http://www.zakon.kz/page,1,2,4517434-rossija-rastamozhit-neftjanye-skhemu.html>.
36. В 2015 г. будут завершены строительные работы по расширению КТК до 68 млн т нефти в год. URL: <http://lukoil-overseas.ru/projects/kazakhstan/>
37. Из 2 млн т российской нефти, приобретаемой Petro China для нужд Чимкентского НПЗ, значительная часть идет в Китай по нефтепроводу Атасу — Алашаньюку без уплаты экспортной пошлины в российский бюджет (с 1 октября 2012 г. пошлина составляет 418,9 долл. за т), а на ЧНПЗ направляет равный объем нефти с близлежащего Кумкольского месторождения.
38. URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/deposits/kazakhstan/>
39. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2012/december/article152604/>
40. «Газпром» значительно сократил объем закупок узбекского газа. URL: <http://www.fergananews.com/news/19967>.
41. URL: [2/4](http://gazprom-international.com/ru/operations/country/uzbekistan?overlay=true).
42. URL: [3/4](http://gazprom-international.com/ru/operations/country/uzbekistan?overlay=true).
43. Стоимость проекта 3,1 млрд долл.
44. Стоимость проекта 462 млн долл.
45. «Итера» получила право на разработку месторождения с извлекаемыми запасами нефти объемом в 160 млн т и попутного газа в 10 млрд м³. В разработку шельфа будет инвестировано около 1 млрд долл.
46. URL: <http://gazprom-international.com/ru/operations/country/tadzhikistan>.
47. URL: <http://gazprom-international.com/ru/operations/country/kirgiziya>.
48. Газовый узел не разрубили, а затянули // Коммерсантъ. 2009. 14 сент. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1237219>.
49. *Шустов А.* Туркмения меняет "газовый курс". Республика намерена переориентировать поставки "голубого топлива" на Запад. URL: <http://www.novopol.ru/text67705.html>.
50. Казахстан предлагает создать международный фонд урана // РИА «Новости». 2008. 16 сент.
51. Она предусматривает сотрудничество в области производства ядерного топлива и атомной энергетики, развитие транспортной инфраструктуры поставок урановой продукции на мировой рынок, совершенствование нормативно-правовой базы в этой сфере, а также сотрудничество в научно-технической сфере и в подготовке кадров для атомной отрасли.
52. Казахстан получил право на приобретение 25% акций Уральского электрохимического комбината. URL: <http://newskaz.ru/economy/20130419/5005078.html>.

53. На долю трех северных областей — Павлодарской, Карагандинской и Восточно-Казахстанской, — приходится более 70% вырабатываемой электроэнергии, что приводит к потерям порядка 20% при ее транспортировке.
54. Лукьянчиков В. ГМК Казахстана становится все более русским // Kazakhstan: Международ. деловой журн. 2008. № 5/6. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1238992740>.
55. Смирнов Д. «Северсталь» углубляется в Казахстан // Коммерсантъ. 2008. 12 авг. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1010437>.
56. К 2018 г. производственная мощность «Богатырь комир» увеличится на 19%. URL: <http://www.automat.kz/265464-k-2018-godu-proizvodstvennaja-moshhnost-bogatyr.html>.
57. Сангтудинская ГЭС-1. Сделано Россией для Таджикистана. URL: <http://blog.rushydro.ru/?p=5342>.
58. Киргизия предложила Казахстану выступить третьим партнером в проекте строительства ГЭС Камбар-ата-1. URL: <http://rosinvest.com/novosti/906032>.
59. Узбекистан пытается притормозить энергетические планы Таджикистана. URL: <http://tjknews.com/?p=4442>.
60. Кузьмина Е. М. Геополитика Центральной Азии. М.: Наука, 2007. С. 134–135.
61. Деловая газета «Взгляд». URL: <http://VZ.RU/ECONOMY/2012/5/26/580679/html>.
62. URL: <http://www.tsenki.com/projects/joint/baiterek/>
63. URL: <http://www.khrunichev.ru/main.php?id=71>.
64. URL: <http://www.comnews.ru/node/53940>.
65. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=701426&cnt=69§or=10.
66. Анализ торгово-производственных связей приграничных регионов России и Казахстана: влияние Таможенного союза «Единого экономического пространства» Авторский коллектив. СПб., 2012. С. 153–154. URL: http://www.eabr.org/general/upload/СII%20-%20izdania/Отчет_TS_RF_RK.pdf.
67. Это совместный проект компании Rosetti Marino (Италия) и ОАО ССЗ «Красные Баррикады» (Астрахань).
68. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=701687&cnt=69§or=10.
69. Попов Е., Панченко А. УВЗ заедет в Казахстан. Он рассчитывает стать там крупнейшим производителем вагонов // Коммерсантъ. 2011. 1 нояб. URL: <http://kommersant.ru/doc/1820889>.
70. СП по производству вагонов будет создано Казахстаном и российским «Русалом». 10 июня 2011. URL: <http://newskaz.ru/economy/20110610/1571044.html>.
71. «Питерские связисты» поделили Киргизию с сыном свергнутого президента». 28 февр. 2012. URL: <http://biz.cnews.ru/news/top/index.shtml?2012/02/28/479226>.
72. МегаФон в Таджикистане отметил миллионного абонента. 18 янв. 2012. URL: <http://www.moscow.megafon.ru/publications/20120118-1346.html>.
73. Синицина И. Указ. соч. С. 39.
74. Матвеева А. С начала кризиса Россия раздала 1,5 млрд долл. помощи другим странам. URL: m.p.ru/business_economy/20120709/322508566.html.
75. URL: www.kommersant.ru/doc/1869625.
76. Россия готова простить Киргизии долг в полмиллиарда долларов. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1149189/>
77. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1528564.html#ixzz1uGI0F66y>.
78. Россия и Китай: два взгляда на будущее ШОС. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_18880/
79. Россия и Китай: два взгляда на будущее ШОС. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_18880/
79. У России и Китая общие интересы в Центральной Азии, но разные цели. 2013. 22 март. URL: [CANS — Analysis and Commentaries of Central Asian News; URL: http://site.securities.com/doc.html?pc=CB&doc_id=399064444](http://site.securities.com/doc.html?pc=CB&doc_id=399064444).

Этапы формирования «золотого треугольника» Янцзы

© 2013

Д. Кручинина

Рассмотрен процесс формирования границ региона дельты Янцзы, начиная с 1980-х гг. Проанализированы действия центральных и местных властей, направленные на стимулирование его экономического развития, а также механизмы углубления внутрирегиональной интеграции.

Ключевые слова: дельта Янцзы, «золотой треугольник», региональное экономическое развитие, региональная интеграция.

В районе впадения Янцзы в Восточно-Китайское море расположен один из наиболее динамично развивающихся регионов КНР, называемый дельтой Янцзы или «золотым треугольником» Янцзы. В состав региона включены: Шанхай, восемь городов в провинции Цзянсу (Нанкин, Сучжоу, Уси, Чанчжоу, Янчжоу, Чжэньцзян, Наньтун, Тайчжоу) и семь городов провинции Чжэцзян (Ханчжоу, Нинбо, Хучжоу, Цзясин, Шаосин, Чжоушань и Тайчжоу).

На эту область, площадь которой менее 2% территории Китая, а население — примерно 10%, приходится почти пятая часть его ВВП. «Золотой треугольник» является одной из его важнейших производственных и экспортных баз.

По уровню экономического развития и структуре промышленности в «золотом треугольнике» выделяют *три экономических пояса*. Первый — *шанхайский*, включающий, кроме Шанхая, Сучжоу, Уси, Наньтун, Цзясин и Хучжоу. Для него характерна высокая концентрация предприятий высокотехнологичных отраслей: производство электронно-информационного оборудования, электроприборов и электроматериалов, транспортного оборудования и проч. Второй — *нанкинский*, в состав которого входят Нанкин, Чжэньцзян, Янчжоу, Чанчжоу и Тайчжоу (пров. Цзянсу). Здесь преимущественно развиты отрасли тяжелой промышленности: автомобилестроение, производство железнодорожных вагонов и их запчастей, судостроение, производство трансмиссионного и трансформаторного оборудования и др. Ханчжоу и Нинбо являются центрами третьего, нинбо-ханчжоусского пояса, в состав которого входят также города Чаосин, Чжоушань и Тайчжоу (пров. Чжэцзян). В этой части «золотого треугольника» представлены отрасли легкой промышленности (текстильная, пищевая, биофармацевтика и проч.), также некоторые отрасли тяжелой промышленности — в городах Нинбо (сталелитейная, судостроение и др.) и в Тайчжоу (автомобиле- и мотостроение).

Современные границы «золотого треугольника» формировались постепенно, его территория не раз меняла масштабы. С начала проведения политики реформ и открытости можно выделить три основных этапа его формирования.

Первый этап — с начала 1980-х по начало 1990-х годов.

Ключевым событием истории «Золотого треугольника» в указанное десятилетие является создание Шанхайской экономической зоны, сыгравшей значительную роль как в формировании современных границ, так и в экономическом развитии «Золотого треугольника».

В рамках политики реформ и открытости в Китае были разработаны стратегии открытости и развития регионов, прилегающих к Янцзы, и приморских территорий. «Золотой треугольник» стал ядром осваиваемой территории (китайцы обозначают ее как «Т-образную»), которому предоставлялись привилегии в развитии таких сфер, как строительство инфраструктуры, проектное финансирование, расширение внешних связей.

Проводимая с 1978 г. политика децентрализации предусматривала предоставление местным правительствам и предприятиям большей автономии, что положительно повлияло на экономическую активность, но, с другой стороны, повлекло острую конкуренцию между хозяйственными субъектами, в том числе между регионами. Борьба за личные экономические интересы в дельте Янцзы в 1980-е годы в. проявлялась в виде «шелковых» и «чайных» войн, а также в многочисленных случаях протекционизма местных рынков. Погоня за личной выгодой на местном уровне не способствовала улучшению макроэкономической ситуации, для пресечения возраставшей разобщенности территорий необходимы были действия центрального правительства.

В 1980 г. Госсовет КНР издает *Временное постановление о стимулировании экономических объединений*, подчеркивая необходимость «максимизации сильных и минимизации слабых сторон, раскрытия преимуществ, защиты конкуренции, стимулирования объединения»¹. На 5 сессии ВСНП 5-го созыва (1981 г.) и на 12-й сессии 3-го пленума ЦК КПК (1984 г.) были сделаны шаги, направленные на дальнейшее «раскрытие» потенциала городов, а также формирование экономических зон открытого типа с опорой на города (в особенности крупные и средние). Политические установки такого рода сильно повлияли на стимулирование экономического сотрудничества субъектов, входящих в состав региона.

В декабре 1982 г. Госсовет КНР выпустил извещение об учреждении *Шанхайской экономической зоны*² (ШЭЗ). Предполагалось в качестве эксперимента создать экономическую зону в дельте Янцзы с центром в Шанхае, изначально в состав зоны было включено 9 городов: Шанхай, Сучжоу, Уси, Чанчжоу, Наньтун, Ханчжоу, Цзясин, Хучжоу, Нинбо (впоследствии также и Чжаосин). Площадь территории экономической зоны составляла 7,4 км² (0,77% площади всего Китая), население — 50,59 млн чел. (5% населения Китая). Впервые были оформлены пространственные границы района «золотого треугольника», где Шанхаю отводилась роль центра экономической зоны.

В вышеупомянутом извещении Госсовета КНР также сообщалось о создании *Управления по планированию Шанхайской экономической зоны* (официально учрежден в марте 1983 г.) — органа, ответственного за планирование экономики, координацию и интеграцию членов зоны. Управление по планированию ШЭЗ формировалось представителями Государственного планового комитета, Госкомитета по экономике, Министерства машиностроения, Министерства транспорта, Министерства водного хозяйства и электроэнергетики, Министерства химической промышленности, Министерства электронной промышленности, Министерства текстильной промышленности, Министерства легкой промышленности, Министерства экономики и торговли и администраций Шанхая, провинций Цзянсу и Чжэцзяна.

После учреждения зоны Управление по планированию ШЭЗ начинает работу по созданию системы управления надрегионального характера. В августе 1983 г. на проводившемся в Шанхае рабочем заседании по планированию ШЭЗ было принято решение о создании механизма *консультаций руководителей городов и провинций зоны*. В декабре 1984 г. на совещании руководителей городов и провинций зоны в Шанхае впервые в ка-

честве члена ШЭЗ участвует провинция Аньхой. Основываясь на опыте ШЭЗ, предполагалось построить региональную экономическую систему с сетью «опорных» городов.

Создание Шанхайской экономической зоны сыграло важную роль в экономическом развитии провинций Цзянсу и Чжэцзян и межрегиональном экономическом сотрудничестве районов «золотого треугольника». Наиболее ясно это прослеживается на микроуровне. Формирование Шанхайской экономической зоны совпало с периодом подъема сельских и городских производств в «золотом треугольнике». Предприятиями провинций Цзянсу и Чжэцзян осуществлялась горизонтальная экономическая интеграция с государственными компаниями Шанхая в целях получения технологий, а также управленческой, рыночной и информационной поддержки. Статистика показывает, что в то время примерно половина компаний Шанхая сотрудничали с предприятиями Цзянсу и Чжэцзяна в технико-экономической области. Шанхайская экономическая зона обеспечивала правовую основу деятельности компаниям различных форм собственности Шанхая, Чжэцзяна и Цзянсу, имеющим неофициальные экономико-технологические связи. В таких обстоятельствах, используя официальные и распространенные в народе неформальные каналы, шанхайские «воскресные инженеры»³ сделали серьезный вклад в развитие местных предприятий провинций Цзянсу и Чжэцзян, передачу технологий и перенос производств внутри «золотого треугольника». Многие сельские и городские предприятия провинций Цзянсу и Чжэцзян в тот период добавляли к названию своей компании указание на «Шанхайскую экономическую зону», тем самым обеспечив половину успеха продаж своей продукции на рынках КНР.

На фоне углубления экономической реформы Госсовет Китая санкционирует расширение Шанхайской экономической зоны: теперь кроме Шанхая, Цзянсу и Чжэцзяна, в нее включены провинции Аньхой (вошла в состав в 1984 г.), Цзянси (в 1985) и Фуцзянь (в 1986). В таком формате в 1986 г. «золотой треугольник» имел наибольшую территорию за все годы развития. Его площадь составляла 6,6% площади КНР, численность населения приближалась к четверти населения страны⁴. В этой зоне было сосредоточено около 20% металлургической и химической отраслей промышленности, 24% машиностроительной, 32% текстильной и более 50% судостроительной промышленности КНР⁵.

10 июля 1986 г. на совещании руководителей городов и провинций зоны в Ханчжоу утверждается *Положение о Шанхайской экономической зоне* и практически согласовывается документ «Основы стратегии развития Шанхайской экономической зоны». Тем не менее, ввиду ряда причин наднациональная система управления зоной так и не была создана. В июне 1988 г. Государственный плановый комитет издает указ о роспуске Управления по планированию ШЭЗ. Основной причиной распада ШЭЗ большинство китайских исследователей считают нехватку полномочий Управления по планированию ШЭЗ. Согласно постановлению Госсовета КНР, к компетенции Управления по планированию Шанхайской экономической зоны относилось:

- посредством регионального планирования и соответствующей координации разрешать конфликты между ведомствами и регионами;
- стимулировать экономическую интеграцию районов и предприятий в целях высвобождения производственных сил.

Другими словами, основные функции этого ведомства сводились к планированию, объединению, координации. Как орган, ответственный за планирование и координацию, Управление по планированию ШЭЗ сыграло определенную роль в развитии региона. Разрабатывая планы развития ШЭЗ, стимулируя экономическую интеграцию зоны и занимаясь проблемами в таких областях, как энергетика, транспорт, внешняя торговля, информатизация, туризм, портовое строительство, текстильная промышленность, охрана окружающей среды, технические консультации и проч., Управление по планированию ШЭЗ с момента своего создания реализовало ряд капитальных проектов. Ведомством были разработаны и реализованы при его содействии: *Стратегия развития ШЭЗ, План*

развития сталелитейной промышленности ШЭЗ на средне- и долгосрочную перспективу; Программа приоритетного развития производства интегральных схем и микрокомпьютеров в районе дельты реки Янцзы. Программа территориального планирования Шанхая, Нанкина и Ханчжоу. Программа размещения городов и поселков в Шанхайской экономической зоне. Комплексная программа по предотвращению загрязнения поверхностных вод бассейна озера Тайху и другие⁶. Управление по планированию ШЭЗ также проводило важные исследования структуры промышленности и корпораций экономической зоны, внешнеторговых объединений, финансового сотрудничества, рассматривало вопросы научно-технического прогресса и привлечения технологий в зону.

Основным инструментом координации регионального сотрудничества Управления по планированию ШЭЗ было проведение совещаний руководителей провинций и городов, при этом полномочия самого Управления не превышали полномочий административной власти на местах. Вместе с тем, в рассматриваемый период наблюдалась ожесточенная конкуренция между провинциями и городами, входящими в состав зоны. Преследуя выгоду собственного региона, местные власти нередко действовали, в том числе, в обход установленного порядка. Членство в ШЭЗ для местных властей означало возможность получения проектного финансирования, за которое в регионе развернулась острая борьба, негативно отразившаяся на региональном взаимодействии и приведшая в итоге к экологическим проблемам и снижению экономической эффективности. Управление по планированию ШЭЗ не имело полномочий и инструментов для урегулирования ситуации в регионе, в результате попытка создания единой системы рынка в дельте Янцзы не оказалась успешной.

С момента утверждения и до реорганизации Шанхайская экономическая зона фактически существовала в плановой системе экономики, создание ШЭЗ было попыткой экономического объединения различных административных районов посредством административных методов.

Второй этап — с начала 1990-х по 2001 г.

На данный период приходится развитие и открытие шанхайского района Пудун, а также формирование «золотого треугольника» в составе 15 городов, что практически совпадает с современными границами зоны.

На фоне продвижения политики реформ и открытости в начале 1990-х годов ЦК КПК и Госсовет Китая вновь обращаются к вопросу экономической интеграции в районе дельты реки Янцзы. В 1990 г. исполнилось 10 лет Шэньчжэньской экономической зоне, с учетом этого опыта правительство Китая принимает решение об освоении шанхайского района Пудун. 18 апреля 1990 г. Премьер Госсовета КНР Ли Пэн объявил о курсе, предусматривающем создание в Пудуне зоны технико-экономического развития. Выделяются средства на создание инфраструктуры, в новой зоне предусматриваются льготы компаниям, инвестирующим в развитие промышленности, а также на ведение экспортно-импортных операций. Позже иностранным предпринимателям разрешено открывать в зоне иностранные банки и учреждать предприятия сферы услуг.

В начале 1991 г. Дэн Сяопин посетил Шанхай. Говоря о развитии и открытии Пудуна, он подчеркивал, что «вопрос не ограничивается Пудуном, а охватывает и развитие Шанхая, а также использование Шанхая в качестве фундамента развития территорий дельты Янцзы и бассейна Янцзы»⁷.

В 1992 г. на XIV съезде компартии принимается стратегическое решение о дальнейшем открытии городов, расположенных на берегу реки Янцзы, во главе с зоной освоения Пудун, превращении Шанхая в международный финансовый, торгово-экономический центр. Предполагалось, что это повлечет скачок экономики «Золотого треугольника» и всей территории бассейна реки Янцзы.

Для координации взаимодействия между административными субъектами были созданы: *Комиссия, состоящая из глав городов и провинций Чжэцзян, Цзянси и Шанхая,*

Совет по экономической координации 14 городов, а также механизм регулярных совещаний мэров. Тем не менее, конкретных результатов сотрудничества между городами и провинциями было немного. Некоторые прилегающие территории и частные предприятия, по своей инициативе примкнувшие к району Пудун, стали быстро развиваться, наметился прогресс в интеграции региональных экономик, однако область интеграции была ограничена. Не все города «золотого треугольника» стремились участвовать в региональной интеграции: одной из причин осторожного поведения местных властей являлось беспокойство, что пудунская зона освоения вызовет отток ресурсов из прилегающих территорий, тем самым негативно влияя на экономику городов соседних провинций. Вместе с тем, в Сучжоу, Чанчжоу и Уси воспользовались территориальной близостью к Шанхаю и уровнем его внешней открытости, здесь был создан ряд зон технического освоения и активно привлекались иностранные инвестиции, что стимулировало развитие внешнеориентированной экономики и ее рост. К концу 1991 г. в зоне освоения Пудуна были зарегистрированы 142 не шанхайских предприятия, половина из которых приходилась на провинции Цзянсу и Чжэцзян. Под влиянием эффекта, полученного за счет открытия зоны освоения в Пудуне, экономическое развитие и открытость района «золотого треугольника» вышли на новый уровень, о чем наглядно свидетельствует статистика. Так, среднегодовой темп прироста иностранных инвестиций за период 1990–1995 гг. в «золотом треугольнике» составил 54,4%, значительно превысив темп прироста ВВП страны. К 1995 г. в дельте Янцзы размещалось около 50 тыс. иностранных предприятий, суммарный объем инвестиций составил 145,3 млрд долл. США⁸.

В 1995 г. произошло несколько знаковых событий в истории формирования «Золотого треугольника». В сентябре 1995 г. на 14-й сессии 5-го пленума ЦК КПК принимается документ *Предложения ЦК КПК к 9-му пятилетнему плану экономического и социального развития и перспективам на 2010 год*. В «Предложениях» указывается на необходимость «в рамках комплексного планирования учитывать особенности и использовать преимущества каждой территории, сотрудничая на базе разделения труда и опираясь на принципы координированного развития, оптимально воздействовать на взаимозависимость экономического развития отдельных регионов и страны в целом», а также «в соответствии с законами рыночной экономики и хозяйственными связями, естественными географическими особенностями, преодолевая ограничения административного деления, на базе существующего размещения хозяйственных объектов, опираясь на центральные города и пути сообщения с ними, сформировать несколько межпровинциальных (межрайонных и городских) экономических зон, включая регион дельты Янцзы с центром в Шанхае и экономический пояс вдоль реки Янцзы, приморскую юго-восточную экономическую зону (провинция Фуцзянь и Юго-Восток Китая), Бохайскую экономическую зону (Ляодунский и Шаньдунский полуострова, провинция Хэбэй, Пекин, Тяньцзинь)»⁹. В том же году Госсовет КНР утвердил *Извещение о политическом курсе развития и открытия нового района Пудуна на период 9-й «пятилетки»*, в соответствии с которым в экспериментальном порядке сфера услуг в районе открывалась для иностранного капитала. Функции и возможности Пудуна были существенно расширены, возросло его международное значение, в результате чего новый район Пудун рассматривался руководством наравне с пятью существующими СЭЗ.

В 1995 г. объем фактически использованных иностранных инвестиций в регионе «золотого треугольника» превысил 12 млрд долл. США, при этом Шанхай и Цзянсу занимали по данному показателю соответственно 2-е и 3-е место (уступая только провинции Гуандун), Чжэцзян занимал 9-е место¹⁰.

Основным механизмом координации административных субъектов «Золотого треугольника» были заседания руководителей 14 городов дельты Янцзы (Шанхай, Уси, Нинбо, Чжоушань, Сучжоу, Янчжоу, Ханчжоу, Чжаосин, Нанкин, Наньтун, Чанчжоу, Хучжоу, Цзясин, Чжэньцзян), созданный в 1992 г. В 1996 г. представителями 14-ти упо-

мянутых городов и присоединившегося Тайчжоу (пров. Цзянсу) учреждается *механизм совещаний по координации экономик городов региона дельты реки Янцзы*, должность постоянного председателя координационного совещания закреплена за мэром Шанхая, должность исполнительного председателя поочередно занимают мэры остальных городов. При постоянном председателе создано отделение связи, выполняющее административные функции и занимающееся текущей работой.

В этот период строительство инфраструктуры в «золотом треугольнике» сосредоточено на строительстве дорог, а также создании условий для открытия зон технико-экономического освоения. Последние включали выравнивание земной поверхности, строительство дорог, почтовую связь, проведение канализации, водо-, электро-, тепло- и газоснабжение.

Приток иностранного капитала в регион стимулировал развитие финансовых рынков в регионе, финансовым центром которого стал Шанхай. В 1990 г. в Шанхае открывается фондовая биржа, благодаря чему финансовые ресурсы аккумулируются в Шанхае, что усиливает его позицию центрального города в регионе дельты Янцзы. В соответствии с политическим курсом страны в Шанхае были организованы финансовые рынки различных типов, в результате функции Шанхая как финансового центра увеличились. В апреле 1994 г. основана Китайская валютная биржа (Китайский центр валютных операций и национальная система межбанковского финансирования); в апреле 1995 г. снова открыта Шанхайская товарная биржа, а в декабре 1999 г. — Шанхайская фьючерсная биржа; в октябре 2002 г. создана Шанхайская биржа золота и т.д. Рост роли Шанхая на национальном финансовом рынке упрочил его позиции лидера в «Золотом треугольнике», а также повлиял на развитие остальных городов региона.

Третий этап — первое десятилетие 2000-х.

К началу XX в. уже было сформировано общее понимание процесса интеграции, а также создана качественная материальная база; в условиях современного политического строя и административных механизмов интеграция «золотого треугольника» из теоретического понятия переходит на уровень реального экономического объединения.

В 2001 г. реальный ВРП 15-ти городов «золотого треугольника» составил 1698 млрд юаней (17,7% реального ВВП КНР), экспорт — 73,9 млрд долл. США (27,8% экспорта страны), объем фактически использованных иностранных инвестиций — 16 млрд долл. США (32,3% аналогичного показателя всей страны). ВРП на душу населения составил 22,9 тыс. юаней, что превосходило средний показатель по стране в 3 раза.

После вступления Китая в ВТО все больше зарубежных компаний размещают здесь производства (особенно привлекают инвесторов приморские районы). И именно регион дельты Янцзы с этого времени лидирует по притоку ПИИ в страну. С приходом иностранных компаний углубилась специализация в регионе, особенности различных субъектов «треугольника» способствовали оптимальному размещению подразделений крупных компаний. Так, многие компании располагали административные, сбытовые и научно-исследовательские подразделения в Шанхае, а производственные базы — в Чжэцзяне и Цзянсу. Подобную схему размещения использовали не только иностранные предприятия, но и крупные китайские частные компании. В то же время, расширяя производство, многие компании провинций Цзянсу и Чжэцзян переносили головные офисы в Шанхай. Повышение уровня открытости в дельте Янцзы, а также рост экономики диктовали необходимость укрепления и развития региональных связей.

В марте 2003 г. делегация под руководством исполняющего обязанности секретаря комитета КПК провинции Чжэцзян Си Цзиньпина и исполняющего обязанности секретаря комитета КПК провинции Цзянсу Ли Юаньху посетила Цзянсу, Чжэцзян и Шанхай. Целью поездки было подписание пакета соглашений о региональном сотрудничестве, стимулирующего строительство инфраструктуры, промышленную специализацию, освоение туристических ресурсов и развитие рынка. В соответствии с этими со-

глашениями сотрудничество и обмен между «двумя провинциями — одним городом» выходили на новый уровень¹¹. На 4-м совещании по экономической координации городов региона дельты Янцзы в августе 2003 г. Шанхай был утвержден в статусе постоянно-го председателя, остальные города-участники в очередном порядке занимают должность исполнительного председателя. По итогам совещания городской округ Тайчжоу (провинция Чжэцзян) вошел в состав «золотого треугольника». В большинстве случаев в современной литературе под термином «дельта Янцзы» (или «золотой треугольник») подразумевают зону в составе 16-ти городов.

На 2-й сессии ВСНП 10-го созыва в 2004 г. интеграция «золотого треугольника» обозначается как одна из стратегий государственного развития наравне с такими программами, как «Освоение западных районов» и «Возрождение старых промышленных баз Северо-Востока». Курировать экономическую координацию и интеграцию в регионе поручено Госсовету КНР.

График 1. ВРП дельты Янцзы в 2001–2011 гг.

Источники: 2010 нянь шуайсянь чжуаньсин чжун дэ чансаньцзяо (Чансаньцзяо лань-пишу) [Дельта Янцзы во главе преобразований в 2010 году (Синяя книга дельты Янцзы)]. Пекин, 2010. С. 317–318; URL:<http://www.stats.gov.cn/tjgb/>, URL:<http://www.jxstats.gov.cn/web/Viewpage/More.aspx?type=12&childtype=27>, URL:<http://zh.wikipedia.org/wiki/12>

Средний темп годового прироста ВРП «золотого треугольника» за последние 10 лет превысил 19%, тогда как значение данного показателя в отношении всей страны в указанный период составило порядка 10%. Динамика ВРП и сравнение темпов прироста ВРП дельты Янцзы с ВВП КНР в период 2001–2011 гг. отображены на графике 1. За счет высокой степени интеграции в мировую экономику предприятия «золотого треугольни-

ка» чувствительно прореагировали на мировой финансово-экономический кризис 2009 г., что выразилось в падении темпа прироста ВРП более чем в 2 раза. Изменение прироста ВВП КНР в 2009 г. незначительно.

Если разбить города региона на 3 группы по принадлежности к провинциям, то, как показывает график 2, наибольший вклад в ВРП «золотого треугольника» в период 2001–2011 гг. внесли города провинции Цзянсу (в этой же группе городов наблюдаются более высокие по сравнению с Шанхаем и Чжэцзяном темпы прироста ВРП), причем разница между ВРП городов этой группы и двух других в течение рассматриваемого периода увеличивалась.

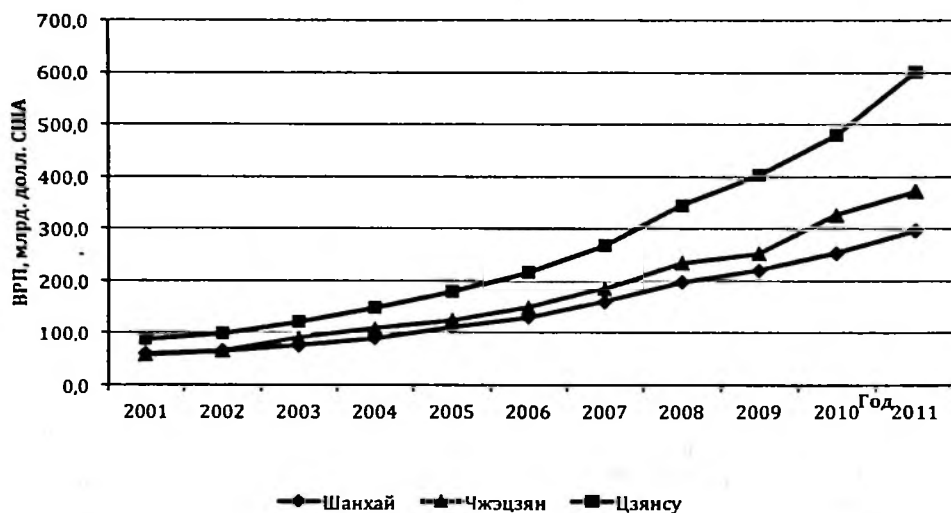

График 2. ВРП Шанхая, Чжэцзяна (7 городов), Цзянсу (8 городов) в 2001–2011 гг.¹³

Источники: 2010 нянь шуайсянь чжуаньсин чжун да чансаньцзяо (Чансаньцзяо ланьпишу) [Дельта Янцзы во главе преобразований в 2010 году (Синяя книга дельты Янцзы)]. Пекин, 2010. С. 317–318; ежегодные статистические доклады на сайте Государственного статистического управления КНР. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjgb/>; статистика городов дельты Янцзы на сайте Управления статистика города Цзясин. URL: <http://www.jxstats.gov.cn/web/Viewpage/More.aspx?type=12&childtype=27>.

Если же рассматривать вклад каждого города-члена «золотого треугольника» в ВРП дельты Янцзы, то бесспорным лидером по данному показателю является Шанхай. В 2011 г. ВРП 16-ти городов дельты Янцзы составил 8,2 трлн юаней (17,4% от ВВП КНР), доля Шанхая в этом показателе составила 23%.

Несмотря на высокие значения показателей экономического развития, исследователи региона отмечают, что на данном этапе значительный вклад «золотого треугольника» в ВВП Китая представляет собой простую сумму ВРП 16-ти городов, а не результат экономического развития регионального объединения.

Необходимым условием успешной региональной интеграции является развитая транспортная система. В начале XXI в. в регионе дельты Янцзы реализуются масштабные инфраструктурные проекты, что является отражением экономического роста и накопленного потенциала. В настоящее время протяженность автодорог с твердым покрытием в дельте Янцзы (16 городов) составляет 28 000 км, плотность автодорог в регионе более чем в 2 раза превышает средний показатель по КНР.

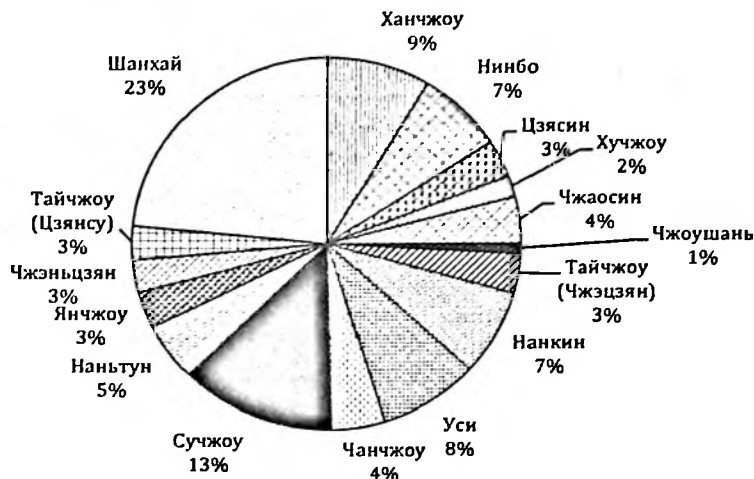

График 3. Доля городов дельты Янцзы в ВРП в 2011 г.

Источник: статистика городов дельты Янцзы на сайте Управления статистики города Цзясин. URL: <http://www.jxstats.gov.cn/web/Viewpage/More.aspx?type=12&childtype=27>

В 2008 г. построен мост Сутун через реку Янцзы, соединяющий города Сучжоу и Наньтун (название моста образовано сокращением Сучжоу — Наньтун), благодаря этому Наньтун вошел в «зону часовой доступности» от Шанхая. В этом же году открыт мост через залив Ханчжоувань, соединяющий Шанхай и Нинбо, в результате чего время пути между этими городами сократилось с 4-х до 2-х часов.

Значимость железнодорожного транспорта региона дельты реки Янцзы с каждым годом возрастает. Благодаря быстрому развитию скоростного железнодорожного транспорта и реализации ряда инфраструктурных проектов большинство городов дельты Янцзы находятся в 1–2 часах езды от Шанхая. Нанкина и Ханчжоу. Жители городов, находящихся от Шанхая на расстоянии 100 и более километров, например, Сучжоу, Цзяси-на, Наньтуна, могут ездить на работу в Шанхай ежедневно.

В 2010 г. построена скоростная железная дорога Шанхай — Ханчжоу, сократившая время пути между двумя городами до 45 минут. В 2011 г. введена в эксплуатацию Пекин-Шанхайская высокоскоростная железная дорога, связывающая дельту Янцзы с экономической зоной Бохайского залива, а также ряд городов внутри «золотого треугольника». Эти и другие проекты значительно сократили временную дистанцию между городами дельты Янцзы, расширение списка городов в часе езды от центра мегалополиса позволяет говорить об углублении интеграции в регионе.

Учитывая важность экономики «золотого треугольника» для всей страны, вопросы региональной интеграции в дельте Янцзы рассматриваются в КНР на высшем уровне. В сентябре 2008 г. Госсовет КНР утвердил «Руководство по дальнейшему открытию и реформам и социально-экономическому развитию региона дельты Янцзы», в соответствии с которым снова расширились границы «Золотого треугольника»: теперь в него были включены Шанхай и провинции Цзянсу, Чжэцзян в полном составе¹⁴. Решение об увеличении территории зоны было принято ранее, в конце 2007 г., по итогам консультаций глав Шанхая, Чжэцзяна и Цзянсу. Данный этап трансформации границ «золотого треугольника» являлся переходным и закладывал основу для дальнейшего расширения зоны — присоединения к одному городу и двум провинциям третьей — Аньхой, формирования границ нового, «расширенного», треугольника Янцзы.

Таблица 1.

Ход развития и преобразований «золотого треугольника Янцзы»

Год	Состав зоны	Механизм координации	Основание сотрудничества
1983	Шанхайская экономическая зона: Шанхай, Сучжоу, Уси, Чанчжоу, Наньтун, Ханчжоу, Цзясин, Хучжоу, Нинбо, Чжаосин	Управление по планированию Шанх. эконом. зоны	Извещение Госсовета КНР о создании управлений по планированию Шанхайской экономической зоны и энергетической базы Шаньси
1984	Шанхай и 3 провинции (Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой)		Решение совещаний руководителей провинций и городов ШЭЗ, проводимых Управлением по планированию ШЭЗ
1986	Шанхай и 5 провинций (Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Цзянси и Фуцзянь)		Согласование с Госсоветом присоединения Цзянси
1988	Ликвидация ШЭЗ	-	Извещение о расформиров. Управления по планиров. Шанх. эконом. зоны Гос. планового комитета.
1992	14 городов	Комиссия из глав Чжэцзяна, Цзянси и Шанхая; совещания по экон. координации 14 городов; механизм регулярных совещаний мэров	Решение 14-го съезда КПК
1996	15 городов	Совещание по экономической координации городов региона дельты Янцзы	Предложения ЦК КПК к 9-му 5-летнему плану экон. и социального развития и перспективам на 2010 г.
2003	16 городов	Регулярные консультации глав Шанхая, Чжэцзяна и Цзянсу; совет по экон. сотрудничеству и развитию Шанхая, Цзянсу и Чжэцзяна;	Решение 5-го совещания по экономической координации городов региона дельты Янцзы
2008	Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян	совещание по экон. координации в дельте Янцзы	«Руководство по дальнейшему открытию и реформам и социально-экономическому развитию региона дельты Янцзы» Госсовета КНР

Источники: 2011 чжунго цюйюй цзинцзи фачжэань баогао — цун чансаньцзяо дао фаньчансаньцзяо: цюйюй чанье тиду чжуаньи дэ лилунь юй шицжэи яньцзю [Доклад об экономическом развитии регионов Китая в 2011 г. — от Золотого треугольника Янцзы к «Расширенному» треугольнику Янцзы: исследование теории и практики постепенного переноса производств региона]. Шанхай цайцзин дасюе цюйюй цзинцзи яньцзю чжунсинь. Шанхай, 2011. С. 51–54; Чанцзян саньцзяочжэоу цзинцзи шэхуэй фачжэань баогао 2011 [Доклад о социально-экономическом развитии региона дельты Янцзы в 2011 г.]. Шанхай, 2011. С. 13; Чансаньцзяо цюйюй цзинцзи шэхуэй сетяо фачжэань яньцзю [Исследование координированного социально-экономического развития региона дельты Янцзы]. Ханчжэоу, 2011. С. 342, 344–347; 2010 пянь шуайсянь чжуаньсин чжун дэ чансаньцзяо (Чансаньцзяо ланьпишу) [Дельта Янцзы во главе преобразований в 2010 г. (Си-

лия книга дельты Янцзы)]. Пекин, 2010. С. 36–38; 2010 *пянь шуэйсянь чжуаньсин чжун да чапсаньцзяо* (Чансаньцзяо ланьпишу) [Дельта Янцзы во главе преобразований в 2010 г. (Синяя книга дельты Янцзы)]. С. 425–427; Ли Лицзюнь «Обзор регионального сотрудничества в дельте Янцзы в 1980-е гг.». URL: http://www.hprc.org.cn/gsyj/yjjg/zggsyjsxh_1/gsnhlw_1/baguoshixslwj/201110/t20111018_162304.html

Координация деятельности членов «золотого треугольника» в настоящее время осуществляется при помощи ряда межрегиональных механизмов, важнейшими из которых являются *регулярные консультации глав Шанхая, Чжэцзяна и Цзянсу* (учрежден в 2004 г.), *совет по экономическому сотрудничеству и развитию Шанхая, Цзянсу и Чжэцзяна* (создан в 2001 г.), *совещание по экономической координации городов региона дельты Янцзы* (функционирует с 1996 г.). На регулярных консультациях глав Шанхая, Чжэцзяна и Цзянсу определяются ключевые вопросы и потребности текущего периода, в обязанности совета и совещания входит реализация конкретных задач сотрудничества, поставленных руководителями Шанхая, Чжэцзяна и Цзянсу по итогам регулярных консультаций. Для межведомственной координации в 2004 г. была создана *Канцелярия по экономической координации городов дельты Янцзы*.

Изменения границы «золотого треугольника» Янцзы в рассматриваемый период, а также применяемые механизмы координации и сотрудничества территорий, входящих в состав зоны, вкратце отражены в таблице 1.

За более чем 30 лет развития менялись не только границы, но и концепция зоны. Изначально регион дельты Янцзы был в первую очередь географическим понятием, обозначавшим равнину площадью 40 тыс. кв. км в устье реки; региональное взаимодействие подразумевалось под этим термином реже. Впоследствии концепция дельты Янцзы развивалась в разрезе регионального сотрудничества. Географическое понятие было размыто после учреждения Шанхайской экономической зоны в 1982 г., ряда трансформаций, создания в 1992 г. механизмов координации развития городов в дельте Янцзы, формирования зоны в составе 16 городов, превосходящем изначальные географические границы региона.

Первый этап формирования «золотого треугольника», связанный с созданием и функционированием Шанхайской экономической зоны, носил экспериментальный характер и представлял попытку центральной власти создать экономическое объединение ряда административных субъектов вокруг центрального — Шанхая. Шанхайская экономическая зона являлась прообразом современного региона дельты Янцзы. Методы объединения носили административный характер, орган координации не обладал высокими полномочиями, инфраструктура не была достаточно развита для осуществления интеграции, однако площадь зоны постоянно расширялась. В результате первая попытка создания экономической зоны в дельте Янцзы потерпела неудачу. В следующее десятилетие, на которое приходится второй этап формирования зоны, получают распространение зоны технико-экономического освоения и специальные экономические зоны, ведущую роль в дельте Янцзы сыграла зона технико-экономического освоения в шанхайском Пудуне. Размеры территории «золотого треугольника» колеблются незначительно. На этот период приходится открытие различных финансовых рынков в Шанхае, реализуются инфраструктурные проекты, то есть создается платформа для региональной интеграции. В начале XXI в. продолжается развитие инфраструктуры в регионе, реализуются масштабные проекты, способствующие углублению интеграции. Укрепляются региональные связи в таких областях, как туризм, охрана окружающей среды, информационный обмен и проч. В состав зоны включается 16-й город. В 2008 г. территория «золотого треугольника» вновь расширяется, охватывая Шанхай и полностью — провинции Цзянсу и Чжэцзян. Очевидно, что говорить об интеграции «золотого треугольника» в таком составе преждевременно.

В настоящее время развитие «золотого треугольника» переживает новый этап, начавшийся в конце первого десятилетия XXI в. и связанный с очередным расширением территории региона. В 2008 г. председатель КНР Ху Цзиньтао, посещая провинцию Аньхой, указал, что данной провинции необходимо увеличить степень внешней и внутренней открытости, принять на свою территорию производства, переносимые из приморских районов, активно участвовать в разделении труда в дельте Янцзы. Новое образование называют «расширенным» треугольником Янцзы. Присоединение новой территории обусловлено рядом причин. «Золотой треугольник» является высокоурбанизированным регионом с развитой инфраструктурой, который привлекает рабочую силу из других провинций. Рост населения на ограниченной территории региона повлек рост цен, транспортные и экологические проблемы и прочие «болезни» больших городов. Рост цен на факторы производства увеличивает стоимость продукции трудоемких отраслей, что снижает их конкурентоспособность. В настоящее время руководство страны считает приоритетным развитие в «Золотом треугольнике» Янцзы третичного сектора экономики, многие предприятия первичного и вторичного секторов планируется перенести в соседние провинции, которые войдут в состав «расширенного» треугольника. В перспективе, кроме Аньхоя, возможно включение в «расширенный» треугольник и других провинций. Существует ряд моделей будущего «расширенного» треугольника, одна из них — формат «5+1» — повторяет максимальные границы Шанхайской экономической зоны 1986 года.

1. Чансаньцзяо цюйюй цзинци шэхуэй сетяо фачжань яньцзю [Исследование координированного социально-экономического развития региона дельты Янцзы]. Ханчжоу, 2011. С. 341.
2. Извещение о создании управлений по планированию Шанхайской экономической зоны и энергетической базы Шаньси от 22 декабря 1982 года.
3. Научно-технический персонал, занимающийся подработкой в свободное от основной работы время.
4. Фаньчансаньцзяо цюйюй фачжань фэньгун юй хэцзо [Развитие разделения труда и кооперации в регионе «Расширенного» треугольника Янцзы]. Хэфэй, 2008. С. 2.
5. Чансаньцзяо цюйюй цзинци шэхуэй сетяо фачжань яньцзю [Исследование координированного социально-экономического развития региона дельты Янцзы]. Ханчжоу, 2011. С. 343.
6. Там же. С. 343–344.
7. Фаньчансаньцзяо цюйюй фачжань фэньгун юй хэцзо [Развитие разделения труда и кооперации в регионе «Расширенного» треугольника Янцзы]. Хэфэй, 2008. С. 2.
8. Чжунго: цюйюй чжэньцэ юй цюйюй фачжань [Китай: региональный политический курс и региональное развитие]. Пекин, 2010. С. 423.
9. Чансаньцзяо цюйюй цзинци шэхуэй сетяо фачжань яньцзю [Исследование координированного социально-экономического развития региона дельты Янцзы]. Ханчжоу, 2011. С. 345–346.
10. Чжунго: цюйюй чжэньцэ юй цюйюй фачжань [Китай: региональный политический курс и региональное развитие]. Пекин, 2010. С. 423.
11. 2010 нянь шуйясань чжуаньсин чжун дэ чансаньцзяо (Чансаньцзяо ланьпишу) [Дельта Янцзы во главе преобразований в 2010 году (Синяя книга дельты Янцзы)]. Пекин, 2010. С. 38.
12. До 2003 г. рассматривается Золотой треугольник в составе 15 городов, начиная с 2003 г. — в составе 16 городов (г. Тайчжоу, пров. Чжэцзян) вошел в состав региона в 2003 г.).
13. Примечание: До 2003 г. рассматривается Золотой треугольник в составе 15 городов, начиная с 2003 г. — в составе 16 городов (г. Тайчжоу (провинция Чжэцзян) вошел в состав региона в 2003 г.).
14. 2011 чжунго цюйюй цзинци фачжань баогао — цун чансаньцзяо дао фаньчансаньцзяо: цюйюй чань тиду чжуань дэ лилунь юй шичжэнь яньцзю [Доклад об экономическом развитии регионов Китая в 2011 г. — от Золотого треугольника Янцзы к «Расширенному» треугольнику Янцзы: исследование теории и практики постепенного переноса производства региона]. Шанхай цайцин дасюе цюйюй цзинци яньцзю чжунсинь Шанхай, 2011. С. 54.

Укрепление позиций национальной валюты на глобальных рынках: опыт Китая

© 2013

А. Биндер, А. Кононов

Статья посвящена внешнеэкономическому аспекту трансформации юаня в мировую валюту, анализу его роли в международных торговых операциях. В работе констатируется усиление влияния валюты Китая на мировую экономику и финансы.

Ключевые слова: валютный курс, валютная политика, интернационализация китайского юаня, международная торговля.

Последние 15—20 лет весь мир с изумлением и беспокойством следит за эволюцией Китая. Все это вполне объяснимо, так как благодаря изменению и перемещению центра глобальной экономики (см. табл. 1—2), а также четкой и продуманной стратегии в осуществлении собственного курса во внешнеэкономической и валютной сфере страна вышла на ведущие позиции в мировом хозяйстве. А ведь еще недавно многие эксперты расценивали Китай не более как «одного из основных архитекторов регионального экономического сотрудничества» и только¹: «За 30 лет ВВП КНР в сопоставимых ценах увеличился примерно в 20 раз, а на душу населения — в 15 раз. Чтобы в такой же степени повысить ВВП на душу населения Великобритании в свое время потребовалось 290 лет (с 1700 по 1990), а США — 156 (с 1820 по 1976)»².

Вслед за радикальным изменением позиций Китая в мировой экономике (1-е место по экспорту³, 2-е — по объему ВВП⁴, 2-е — по общему объему внешней торговли⁵), все большее внимание притягивает к себе поведение его валюты, официально именуемой: «народные деньги» (жэньминьби)⁶.

Валютные и в широком смысле денежные проблемы сложны и запутанны — эту мысль часто акцентировали классики, характеризуя данную сферу экономики. У. Джевонс (основатель маржинализма) полагал, что деньги для экономической науки — «это то же самое, что квадратура круга для геометрии»⁷. К. Маркс в одной из своих работ цитировал наблюдение Уильяма Ю. Гладстона: «Даже любовь не свела с ума столько людей, сколько мудрствования о сущности денег»⁸. Именно поэтому в создавшихся условиях, когда валютная политика КНР обременена определенными обязательствами перед международной валютной системой и уже не является исключительно внутренним вопросом Китая, она стала постоянной темой для обсуждения на встречах «большой восьмерки», совещаниях «большой двадцатки», на других международных экономических конференциях, на заседаниях американского Конгресса. Маловероятно, что во времена соперничества с СССР руководство США знало слово «рубль» — его интересы от-

Биндер Аркадий Ильич, кандидат экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дальневосточного федерального университета.

Кононов Артем Юрьевич, аспирант Дальневосточного федерального университета. E-mail: artem.kononov@yahoo.com.

ранничивались оценкой военного потенциала оппонента, теперь слово «юань» знает каждый, даже малозначимый политик.

Таблица 1.

Динамика экспорта стран мира (%)

Год	1950–1960	1960–1970	1970–1980	1995–2000	2000–2005	2005–2008	2008–2012
Бразилия	-2,05	7,23	21,75	2,40	17,15	18,43	9,65
Китай	18,79	1,33	20,04	10,04	26,73	23,62	12,47
Индия	0,41	3,73	17,26	5,28	19,25	24,88	15,32
Мексика	3,14	6,14	25,62	14,72	5,29	10,58	9,45
Россия	—	—	—	1,86	19,40	23,79	8,04
ЮАР	5,18	5,70	21,11	-0,18	13,04	16,48	6,37
Мир	6,52	9,25	20,38	3,64	11,42	15,45	6,51
Развивающиеся страны	3,62	6,80	25,50	5,72	14,39	18,13	10,16
Страны с переходной экономикой	11,11	8,55	20,24	1,95	19,87	26,18	8,40
Развитые страны	7,53	10,03	18,80	2,79	9,53	13,06	3,64

Источник: United Nations Conference on Trade and Development.

Таблица 2

Динамика импорта стран мира (%)

Год	1950–1960	1960–1970	1970–1980	1990–1995	1995–2000	2000–2005	2005–2008	2008–2012
Бразилия	-1,08	6,18	22,41	18,46	0,16	5,28	32,86	11,23
Китай	14,13	1,86	23,68	20,66	9,51	26,47	19,83	16,14
Индия	5,53	0,11	20,67	8,07	7,87	23,54	30,74	15,42
Мексика	6,36	7,97	21,52	12,47	18,43	4,92	11,57	7,89
Россия	—	—	—	—	-7,09	20,99	32,86	8,35
ЮАР	4,01	9,79	12,87	9,56	-1,78	18,45	17,17	9,13
Мир	6,46	9,05	20,28	7,13	4,04	11,26	15,18	6,20
Развив. страны	4,73	5,87	23,66	12,96	3,09	13,55	18,79	10,83
Страны с перех. экон.	12,37	7,70	19,78	-0,27	-3,37	20,91	31,49	6,22
Развитые страны	6,87	10,08	19,40	5,44	4,63	10,01	12,65	3,29

Источник: United Nations Conference on Trade and Development.

КНР осознает свой новый статус. По мнению Сян Сунцзо, заместителя директора валютного института Народного университета Китая, КНР уже не устраивает существующий порядок мирового хозяйства, согласно которому:

– Восток как экономический центр обладает реальным богатством — Запад держит в своих руках валютный и финансовый секторы;

– Восток производит материальные ценности — Запад создает покупательную способность денег;

- Восток изготавливает товары для всего мира — Запад устанавливает цены на мировую продукцию;
- Запад в больших количествах выпускает облигации и создает различные финансовые продукты — Восток, используя собственные накопления, покупает эти продукты;
- Восток сберегает — Запад тратит;
- Запад занимает деньги у Востока — Восток финансирует Запад⁹.

Важно в этой связи то, что на последнем (27 января 2013 г.) Всемирном экономическом форуме в Давосе вице-управляющий ЦБ Китая И Ган, обозначив ориентиры руководства страны по данной проблеме, заявил: «Основное направление политики НБК — добиться честного соперничества на мировом рынке жэньминьби с долларом США и евро»¹⁰. Курс на превращение жэньминьби в мировую резервную валюту подразумевает, что жэньминьби сможет выполнять следующие функции: меры стоимости; единицы счета; средства обращения; единицы хранения на мировых рынках.

Для воплощения в жизнь этой задачи нужна взаимосвязь внутренних и внешних экономических условий (наличие спектра финансовых инструментов, пакета биржевых и внебиржевых деривативов, ликвидность рынков).

Не преуменьшая роли первых и отмечая очевидные успехи КНР в этой сфере, (опубликованный в апреле 2013 г. Мировым Банком отчет свидетельствует, что по ряду аспектов, таких как размеры финансовых институтов, Китай уже можно рассматривать как «развитую» финансовую систему, отмечая при том низкие показатели по критериям стабильности ввиду чрезмерного кредитования в 2000-х годах, а также необходимость в «углублении» финансовых рынков¹¹), остановимся на внешнеэкономическом аспекте; как пишет В.В. Михеев: «Китайское руководство увидело, что внешнее воздействие, не подконтрольное регулированию из Пекина, может перечеркнуть достижения даже самой правильной национальной стратегии»¹².

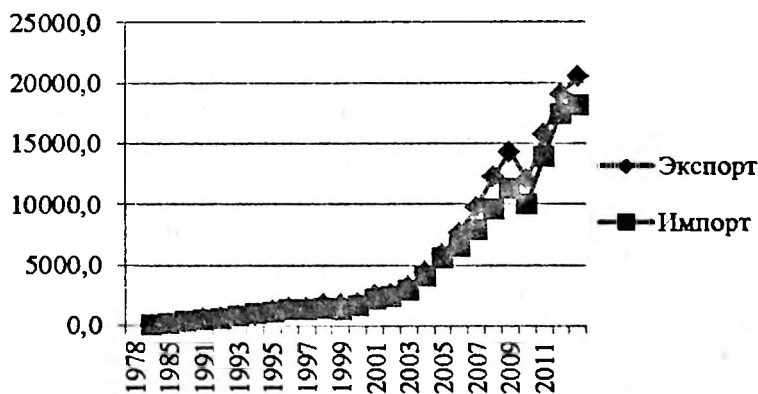

Рис. 1. Динамика товарооборота КНР в текущих ценах (100 млн долл. США)

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь-2012 [Статистический ежегодник Китая-2012]. Пекин, 2013.

В русле нашего исследования значимым критерием оказывается определение места КНР в современной мировой торговле. И хотя согласно модели «Треугольник» нобелевского лауреата Кругмана¹³ объемы торговых потоков не являются обязательным и единственно достаточным условием формирования резервной валюты, но, тем не менее, масштаб экономики страны-эмитента значительно увеличивает потенциал ее использования другими внешнеэкономическими партнерами.

О возрастающей роли Китая в международном товарообмене можно судить по статистическим данным, согласно которым за последние два десятилетия импорт и экспорт (см. рис. 1–2) заметно возросли, их суммарный объем в 2012 г. составил 3,87 трлн долл. США или 47% от ВВП.

И несмотря на то, что в настоящее время общий объем торговли Китая незначительно отстает от соответствующего показателя США, у КНР его доля к ВВП выше, чем у США и ряда других развитых и развивающихся стран.

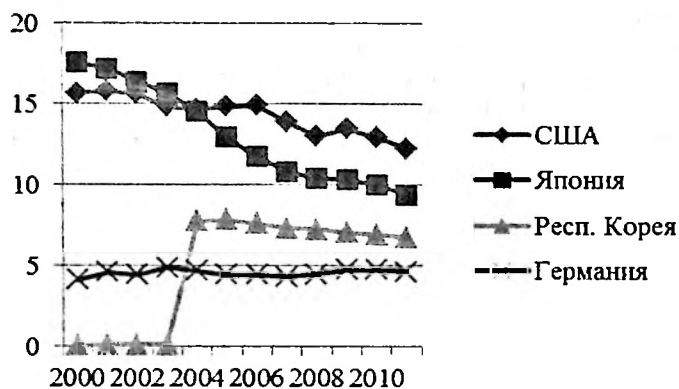

Рис. 2. Основные торговые партнеры Китая, (%). Источник: Чжунго тунцзи нянь-цзянь-2012 [Статистический ежегодник Китая-2012]. Пекин, 2013.

Уже сейчас на Китай приходится почти 10% от общего объема мировой торговли, и основными его партнерами являются США (около 12% от общего объема), Япония (9%), Республика Корея (7%), Германия (5%) (см. рис. 2).

В то же время Китай является вторым торговым партнером для США¹⁴, первым для Японии¹⁵ и Кореи¹⁶, пятым для Германии¹⁷.

Более сложными являются отношения КНР с Россией, их экономики заняли качественно противоположные ниши: если Китай — это мотор современной мировой экономики, то, по утверждению Р.С. Гринберга: «Мы, к сожалению, скорее объекты мировой экономики, а не активные ее субъекты в том смысле, что наше благополучие сильно зависит от экспорта 5–7 видов сырья и энергоресурсов»¹⁸. Это отражается в невысокой (чуть выше 2%)¹⁹ доле России во внешнеторговом обороте КНР (доля Китая во внешнеторговом обороте России — превышает 10%)²⁰, подтверждающей асимметричность экономических связей двух стран.

Китай в реализации своей внешнеэкономической деятельности, в том числе и валютной, по нашему мнению, вполне обойдется без присутствия России, а развитие России весьма проблематично без китайского рынка (Китай является главным импортером российской древесины — 34%²¹, вторым импортером продукции химической отрасли — 9,3%²², вооружения — 15%²³, делит с Украиной 3–4-е место по импорту полезных ископаемых²⁴ — 6–7%). Это еще один аргумент в пользу уменьшения доли сырьевого компонента в экспорте нашей страны.

Следующим внешнеэкономическим критерием, характеризующим процесс трансформации юаня в мировую валюту, по нашему мнению, служит степень зависимости от торговых отношений с другими экономиками, которая отражает желание партнеров осуществлять финансовые операции в валюте Китая. Успехи КНР в продвижении национальной валюты на международную арену подтвердили исследователи МВФ²⁵, которые установили, что темпы интернационализации юаня напрямую зависят от предпочтений использования данной валюты в международных операциях. Эксперты пришли к

выводу, что в 2010 г. Китай стал вторым среди стран мира по взаимодействию торговых потоков, при том, что в 2000 г. по этому показателю, характеризующему продвижение национальной валюты на международной арене, был лишь пятым. Кроме того, Китай увеличил свое присутствие в мировой торговле за счет роста числа значимых торговых партнеров, став единственной неевропейской страной в первой пятерке по показателю взаимосвязанности экономик как в 2000 г., так и в 2010 г.²⁶

Таблица 3

Удельный вес валют в общемировом валютном обороте (%)

	1998	2001	2004	2007	2010
Доллар, США	86,8	89,9	88,0	85,6	84,9
Евро, ЕС	—	37,9	37,4	37,0	39,1
Марка, Германия	30,5	—	—	—	—
Иена, Япония	21,7	23,5	20,8	17,2	19,0
Фунт стерлингов, Великобритания	11,0	13,0	16,5	14,9	12,9
Франк, Швейцария	7,1	6,0	6,0	6,8	6,4
Рупия, Индия	0,1	0,2	0,3	0,7	0,9
Рубль, Россия	0,3	0,3	0,6	0,7	0,9
Жэньминьби, КНР	0,0	0,0	0,1	0,5	0,9
Ранд, ЮАР	0,4	0,9	0,7	0,9	0,7
Реал, Бразилия	0,2	0,5	0,3	0,4	0,7

Источник: Bank of International Settlement Triennial Bank Survey, 2010.

В создавшихся экономических условиях в КНР происходит значительное увеличение числа денежно-кредитных операций, включающих прямой обмен валют.

Отметим, что согласно публикуемому раз в три года отчету Банка международных расчетов, в 2010 г. операции в жэньминьби составляли менее 1% (77,1 млрд долл. США) от общего оборота рынков иностранных валют (см. табл. 3). Подобная ситуация была характерна и для валют других развивающихся рынков, так как во всех случаях прослеживалось доминирование доллара США, на который приходилось 85% оборота рынков иностранных валют, а суммарно на остальные 5 резервных валют — 162% от общего оборота.

Но уже через год, в конце 2011 г., объем внешнеторговых расчетов в китайской валюте достиг 2,08 трлн юаней (330 млрд долл. США), или 6,6% от общего объема товарооборота КНР за данный год, в 2012 г. — 2,94 трлн юаней, или 12% от общего объема товарооборота²⁷. По прогнозам HSBC, опубликованным в марте 2013 г., в течении ближайших трех лет 30% общих торговых потоков или 50% от двусторонних расчетов с развивающимися странами будет осуществляться в юанях, что выведет их в число трех наиболее используемых валют²⁸.

Примечательно, что значительная часть расчетов в жэньминьби (до 80%) приходится на импорт Китая²⁹; иностранные торговые агенты придерживаются юани в ожидании роста курса, и торговые расчеты — один из каналов для этого.

Расширение процесса интернационализации национальной валюты КНР хорошо прослеживается на примере развития спотового рынка и рынка деривативов (см. табл. 4).

Отметим, что спотовые операции Китая составляют 24% от общего объема валютных операций, что меньше соответствующего показателя как для стран-эмитентов, серьезно ориентированных на использование этого финансового инструмента, так и для стран с формирующейся рыночной экономикой, в которых он превышает 30%. Это объ-

ясняется тем, что КНР и некоторые другие развивающиеся страны в гораздо большей степени пользуются рынком аутрайтов. Аутрайты чаще применяются в качестве средств хеджирования валютных рисков, тогда как валютные свопы эффективны при финансировании валютных балансов денежно-кредитных институтов. Скорее всего, предпочтение использования Китаем аутрайтов связано с необходимостью в дальнейшем осуществлять хеджирование от возможной ревальвации курса жэньминьби, а также потребностью обезопасить себя от вероятности применения более сложных форм управления валютными рисками. В таблице 5 приведено сравнение уровня оборота основных валют на своповых и деривативных рынках.

Таблица 4

Распределение оборота мирового валютного рынка между валютой и деривативами
(% от среднесуточного оборота, апрель 2010 г.)

Используемая валюта	Сделки «Спот»	Форварды «Аутрайт»	Валютные свопы	Валютно-проц. свопы	Опционы и проч. инструм.
Доллар, США	35,2	11,6	47,4	1,1	4,7
Евро, ЕС	44,4	9,6	39,2	1,1	5,6
Иена, Япония	39,7	15,2	36,9	0,9	7,2
Фунт стерлингов, Великобритания	41,6	10,7	43,4	0,5	3,9
Франк, Швейцария	36,4	7,5	50,2	0,7	5,3
Ранд, ЮАР	31,7	9,9	54,3	0,5	3,6
Рубль, Россия	50,6	6,3	39,7	0,5	2,9
Рупия, Индия	35,8	36,1	18	0,1	9,9
Реал, Бразилия	31,3	47,3	2,9	1,4	17,1
Китайский юань	23,7	41,6	19,9	0,2	14,6

Источник: *Bank of International Settlement Triennial Bank Survey, 2010.*

Анализ показывает, что жэньминьби имеет наименьший оборот по спотовым операциям среди всех государств представленной группы. Уровень его активности по валютным свопам, валютным операциям и опционам также низок. Одновременно показатель оборота юаня по аутрайтам выше, чем аналогичный показатель других стран с формирующимся рынком.

Недостаточное развитие рынков деривативов и спотов для операций в жэньминьби можно объяснить ограниченным присутствием на них Китая. Лишь в 2005 г. руководство КНР на лимитированной основе разрешило участие в своповых валютных рынках некоторым китайским организациям (не финансовым компаниям, не банковским финансовым институтам).

Форвардные операции были проведены в валютной торговой системе Китая (CFETS) примерно в это же время. Также к середине 2000-х гг. были сделаны первые шаги в направлении расширения рынков КНР, для активизации данного процесса в 2005 г. Китай снял ограничения на банковскую торговлю акционными и товарными деривативами.

Таблица 5

Оборот валютных своповых и деривативных рынков (среднесуточное значение в млрд долл. США, апрель 2010 г.)

Используемая валюта	Сделки «Спот»	Форварды «Аут-райт»	Валютные свопы	Валютно-процентные свопы	Продажные опционы	Купленные опционы	Общий объем опционов	Общие валютные контракты
Доллар, США	1187,7	391,5	1600,1	38,3	105,5	101,0	160,2	3377,8
Евро	691,2	149,7	609,8	17,7	57,4	55,0	86,7	1555,1
Иена, Япония	300,2	115,1	278,9	6,6	34,5	31,4	54,5	755,3
Фунт стерлингов, Великобритания	213,0	54,8	222,2	2,6	12,9	13,4	20,0	512,6
Швейцарский франк	92,1	19,1	127,1	1,7	9,2	8,4	13,4	253,3
Рупия, Индия	13,5	13,6	6,8	0,1	2,2	2,4	3,8	37,7
Рубль, Россия	18,1	2,3	14,2	0,2	0,8	0,8	1,0	35,9
Юань, Китай	8,1	14,2	6,8	0,1	3,2	3,5	5,0	34,3
Ранд, ЮАР	9,1	2,9	15,6	0,2	0,8	0,8	1,0	28,8
Реал, Бразилия	8,5	12,9	0,8	0,4	3,0	3,2	4,7	27,2

Источник: *Bank of International Settlement Triennial Bank Survey, 2010.*

Эти финансовые мероприятия, инициированные правительством, способствовали развитию в КНР рынка внебиржевых процентных деривативов и выпуску в 2006 г. первых процентных свопов. В октябре 2011 г. релевантный валовый выпуск внебиржевых процентных деривативов, выраженных в евро и долларах, равнялся 93 трлн (из них 86 трлн — доллары США) (см. табл. 6). Тот же показатель для жэньминьби составил около 389 млрд., что в 2 раза меньше соответствующих показателей Бразилии и Индии. В то время как большинство современных деривативных рынков Китая только формируются, экономика страны уже располагает значительным присутствием на них товарных фьючерсов (в 2010 г. три биржи товарных опционов Китая вошли в состав 20 крупнейших бирж деривативов (по числу фьючерсных/опционных сделок)). Согласно данным Ассоциации фьючерсной торговли (FIA), количество заключенных торговых контрактов на биржах КНР составляет около 7% от всех торгов на 78 мировых биржах. И хотя этот факт внушает оптимизм в плане расширения финансового влияния и интернационализации юаня, с экономической точки зрения нет полной уверенности в том, что масштабный по объему рынок товарных деривативов полезен для страны в качестве крупного рынка финансовых деривативов.

Между тем, по твердому убеждению руководства КНР: «Для дальнейшего продвижения жэньминьби по пути мировой валюты необходим разнообразный и ликвидный рынок деривативов». В частности, эту мысль озвучил член Народного политического консультативного Совета Китая Хуан Цзэминь в своем докладе «Предложения о скорейшем выводе на рынки фьючерсов казначейских облигаций как условие глобализации жэньминьби», согласно которому здоровое функционирование рынка деривативов — основное условие трансформации юаня³⁰.

Таблица 6

Внебиржевые процентные деривативы (млрд долл. США, октябрь 2011 г.)

Используемая валюта	Дилеры G-14	Дилеры не из G14	Общий объем
Евро, ЕС	28528	64675	93203
Доллар, США	41950	45036	86986
Иена, Япония	8010	24490	32500
Фунт стерлингов, Великобритания	7775	13625	21400
Франк, Швейцария	1098	1995	3093
Ранд, ЮАР	491	1430	1921
Реал, Бразилия	290	704	994
Рупия, Индия	317	492	809
Юани, КНР	124	265	389
Рубль, Россия	47	86	133

Источник: *Bank of International Settlement Triennial Bank Survey, 2010.*

У КНР есть еще один ресурс в этой сфере, которого нет у других стран — Гонконг, наличие которого дает Китаю преимущество в вопросе географического покрытия распределения оборота иностранной валюты (см. табл. 7): в 2010 г. на Гонконг приходилось 5% от общего оборота мирового рынка иностранной валюты. В 2010 г. на долю Гонконга пришлось 73% общих трансграничных расчетов КНР, а в 2011 г. этот показатель достигал 86%³¹.

Таблица 7

Географическое распределение оборотам мирового валютного рынка (%)

	1995	1998	2001	2004	2007	2010
Бразилия		0,2	0,3	0,1	0,1	0,3
Китай		0,0		0,0	0,2	0,4
Германия	4,8	4,7	5,4	4,6	2,4	2,1
Гонконг	5,6	3,8	4,0	4,1	4,2	4,7
Индия		0,1	0,2	0,3	0,9	0,5
Япония	10,3	7,0	9,0	8,0	5,8	6,2
Россия		0,3	0,6	1,1	1,2	0,8
ЮАР	0,3	0,4	0,6	0,4	0,3	0,3
Швейцария	5,4	4,4	4,5	3,3	5,9	5,2
Великобритания	29,3	32,6	31,8	32,0	34,6	36,7
США	16,3	18,3	16,0	19,1	17,4	17,9

Источник: *Bank of International Settlement Triennial Bank Survey, 2010.*

Гонконг как де-факто независимый от финансовых рынков КНР субъект обеспечивает естественную защиту финансовой безопасности материкового Китая, выступая, помимо прочего, стартовой площадкой для ряда важных реформ. Так уже в 2004 г. резидентам Гонконга было разрешено открывать депозитные счета в жэньминьби, реалиями сегодняшнего дня является рост выпуска в Гонконге долговых обязательств, выраженных в жэньминьби.

Альтернативный подход оценки важности оффшорного использования жэньминьби включает в себя анализ применения валюты в операциях по безналичным расчетам между банками. Начиная с 6 марта 2006 г. межбанковский рынок Гонконга представляет систему расчета в юанях, содержащую: чековый клиринг, закрытую позицию жэньминьби, обработку денежных переводов, выплаты с банковских карт. И хотя в настоящий

момент масштабы расчетов остаются скромными, инициативы КНР по внедрению новых финансовых инструментов оффшорного рынка жэньминьби и увеличение их разнообразия являются признаком перспективы получения китайской валютой статуса региональной в Восточной Азии. Появление новых видов финансовых инструментов оффшорного рынка жэньминьби способствует увеличению использования жэньминьби в Гонконге — это отражение уникального пути, которое избрало руководство Китая для интернационализации своей валюты.

По нашему мнению, консолидация региональной валютной интеграции материкового Китая с Гонконгом послужит основой формирования валютного союза Восточной Азии. Дальнейшим шагом может стать увеличение числа зон свободной торговли в Восточной Азии, удовлетворяющих требованиям оптимальных валютных зон, которые включают в себя: необходимость укрепления партнерских связей КНР с соседними государствами; популяризацию механизмов межправительственных дискуссий; активизацию финансовой деятельности, направленной на прекращение процесса долларизации в регионе; отказ от политики привязки валютных курсов национальных валют к доллару США.

Согласно мнению главного аналитика по макроэкономике и финансам научно-исследовательского института международных финансов Банка Китая Ван Цзяцяна, интернационализация юаня должна пройти по следующему сценарию: «Китайская валюта будет признана в близлежащих странах, затем в регионе, и лишь затем юань вступит на путь международного признания»³².

Таким образом, посредством многосторонних переговоров и консультаций необходимо решать серьезные проблемы, касающиеся прозрачности контроля экономических взаимоотношений Китая и стран Восточной Азии, задачи по определению степени доступности данных финансовой отчетности, вопросы координации основных положений кредитно-денежной политики, для обсуждения которых уже сейчас активно используется многосторонняя инициатива Чيانгмай — региональный эквивалент МВФ и мощный аккумулятор ресурсов, который предоставляет определенные механизмы и платформы для поступательного движения в направлении валютного сотрудничества.

Для расширения географии использования жэньминьби в международных торговых и финансовых операциях в настоящее время НБК осуществил ряд двусторонних соглашений о свопах с ЦБ других стран. В действительности, начало этому процессу было положено еще в начале 2000-х годов. При этом Китай осуществлял исполнение двусторонних соглашений о свопах с использованием национальных валют: с Филиппинами (юань / песо); с Республикой Корея (юань / вона и вона / юань); с Японией (юань / йена и йена / юань); с Малайзией (доллар / ринггит); с Индонезией (доллар / рупия); с Таиландом (доллар / бат).

После 2008 г. двусторонние соглашения о свопах Китая с иностранными банками уже напрямую поддерживают широкое международное использование юаня, предусматривая расчет между партнерами только в национальной валюте. Количество заключенных двусторонних соглашений с каждым годом растет, на конец 2012 г. их число достигло 19, а общая сумма — 2,01 трлн юаней (320,3 млрд долл.)³³.

Отметим, что подписание двусторонних соглашений о свопах способствовало: увеличению скорости оборота капитала в жэньминьби; развитию процесса свободной конвертации по операциям с капиталом; повышению роли КНР в международных инвестиционных и финансовых операциях; открытию новых рынков; формированию прогрессивных финансовых инструментов в жэньминьби. В дальнейшем, активизируя процесс глобализации юаня, руководство Китая для необходимой профилактики рисков нацелено на постепенное ослабление ограничений в сфере трансграничной торговли, на последовательное расширение каналов для иностранных инвестиций, на регулирование продвижения трансграничных операций с жэньминьби.

Несмотря на неполную его конвертируемость, возрастает роль юаня в портфеле резервов ряда банков, что, по нашему мнению, также свидетельствует о трансформации валюты КНР. Инициаторами здесь выступили Центробанки Малайзии, Нигерии, Чили и Японии³⁴.

Процесс развивается — в апреле 2013 г. Центробанк Австралии объявил о планах инвестировать около 5% своих международных резервов (2 млрд долл., или более 13 млрд юаней) в государственные облигации Китая. Безусловно, статус данных вкладов не будет признан МВФ, поскольку в настоящее время валюта КНР не является полностью конвертируемой, но этот факт не останавливает ЦБ стран при принятии решений рассматривать активы в жэньминьби как надежный инструмент уменьшения давления на платежный баланс. Данные процессы способствуют увеличению значимости жэньминьби в контексте конкурентоспособности среди мировых резервных валют, а также структуры мировых капиталопотоков.

В этом ключе акцентируем внимание на том, что уровень валютных резервов КНР составляет примерно 40% от ВВП страны (3,31 трлн долл. США по итогам 2012 г.)³⁵, что гораздо выше, чем совокупная внешняя задолженность КНР, и что характеризует страну как надежного кредитора.

Китай не раскрывает структуру своих валютных резервов, но специалисты полагают, что на финансовые инструменты, выраженные в долларах США приходится больше 50%³⁶. В соответствии с официальными данными Казначейства США Китай является держателем около 21,6% госдолга США (на февраль 2013 г.)³⁷.

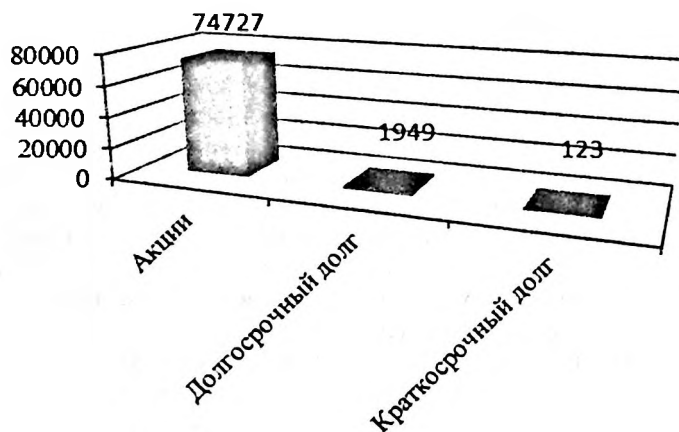

Рис. 3. Структура инвестиций США в ценные бумаги КНР (млн долл, 2011 г.). Источник: US Department of Treasury.

Общий объявленный объем валютных резервов КНР, выраженных в казначейских векселях и агентских облигациях (в основном в форме долгосрочных казначейских векселей) на июнь 2012 г. составил 1,59 трлн долл. (см. табл. 8).

Структура инвестиций США в ценные бумаги КНР совсем другая, причем рис. 6 показывает, что США инвестирует в них лишь «скромные» 76,8 млрд долл.

Основной канал потоков капитала в США — накопление резервов. По нашему мнению, это формирует значительные риски для Китая: огромный и продолжающийся увеличиваться показатель долга США, вероятно, неблагоприятно повлияет на процесс развития всей экономики. Отход от политики наращивания резервов позволит КНР изменить структуру иностранных инвестиций. В частности, оттоки капитала снизят давление на валюту. При отсутствии хорошо развитых финансовых рынков, способствующих

иностранным инвестициям домашних хозяйств, эта функция в некоторой степени регулируется правительством. Суверенный фонд Китая — Китайская инвестиционная корпорация и другие крупные компании уже активно переходят к инвестированию, приносящему более высокие доходы, чем казначейские векселя США или правительственные долговые обязательства стран-держателей резервных валют.

Стартовый капитал Китайской инвестиционной корпорации составлял 200 млрд долл. США. Первой крупной сделкой CIC в 2007 г. стало приобретение 9,7% акций американской инвестиционной компании Blackstone (на сумму 3 млрд долл.) и 9,9% акций Morgan Stanley (на сумму 5 млрд долл.). 2 марта 2009 г. было объявлено, что в своей инвестиционной стратегии CIC переориентировалась на недвижимость, ресурсы и другие сферы, более тесно связанные с реальным сектором экономики. Стоит отметить, что чистая прибыль Китайской инвестиционной корпорации в 2011 г., согласно опубликованному компанией отчету, составила 48,422 млн долл. США³⁸.

В то же время на данном этапе доллар остается основной мировой резервной валютой. Его статус был поставлен под угрозу лишь ростом значимости евро (увеличением на 7% состава евро в мировых валютных запасах в период с 1999 по 2003 гг.). По большей части рост евро совпадал с падением доллара. После этого их доли стабилизировались, причем на доллар в 2011 г. приходилось 84,9%. Но эти данные необходимо интерпретировать с осторожностью, так как растущая доля мировых резервов не может быть распределена между резервными валютами (по предварительным данным МВФ, в 2012 г. она составляла 44,6%)³⁹ — это происходит из-за того, что отдельные страны не раскрывают структуру своих валютных запасов.

Несмотря на соответствующий высокий статус, перед долларом встают серьезные проблемы, относящиеся к перспективам макроэкономической стабильности США. В то время как ФРС очевидно располагает доверием в общемировом масштабе благодаря достижениям в области борьбы с инфляцией, растущий государственный долг представляет собой определенную угрозу.

Парадокс состоит в том, что учитывая сложности японской экономики и еврозоны, наряду со спросом развивающихся стран при накоплении резервов на «безопасные» активы, этот увеличивающийся долг может «зацементировать» преобладание доллара в мировой финансовой системе. Табл. 9 показывает, что валовой внешний долг центрального правительства США составляет около 107% от ВВП и согласно прогнозу МВФ может достигнуть 114% или 22,5 трлн долл. США к 2017 г.

Таблица 9

Общий правительственный долг Китая и США в абсолютных значениях и как доля к ВВП

Год	Китай		США	
	Млрд юаней	% от ВВП	Млрд долл.	% от ВВП
1987	43,4	3,599	2886,835	60,951
1992	134,1	4,981	4486,29	70,736
1997	517,521	6,553	5648,937	67,795
2002	2278,69	18,937	6078,708	57,118
2007	5207,465	19,591	9421,748	67,161
2012	11563,18	22,159	16777,32	107,18
2017	8945,497	10,137	22512,65	114,015

Источник: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database.

КНР и США разделяет пропасть в степени доступности безопасных и ликвидных активов, состояние финансовых рынков США наводит на мысль, что их валюта будет служить буфером против угроз ее доминирующему статусу. И чем гнаться за

США увеличивая долг КНР, по нашему мнению, следует развивать собственные финансовые рынки и увеличивать доступность высокорейтинговых активов, выраженных в китайской валюте.

Жэньминьби уже играет определенную роль в международных торговых операциях, появляется в портфелях резервов Центробанков ряда развивающихся стран. Существует схожий исторический прецедент: доллар США вырос из валюты с ограниченной международной позицией до серьезного конкурента фунту стерлингов лишь чуть больше чем за десятилетие.

На Пятом саммите стран БРИКС в марте 2013 г. громко прозвучал вопрос о расширении структуры мировых валют в корзине СДР⁴⁰. На март 2012 г. на СДР приходилось примерно 4% от официальных резервных активов⁴¹, поэтому прямой эффект от включения в корзину СДР жэньминьби не окажется особо заметным. Но сам факт этого события значим, поскольку даже вероятность подобного присоединения будет способствовать добавлению активов в жэньминьби в резервные портфели центральных банков всего мира.

Процесс трансформации валюты КНР может серьезно скорректировать МВФ, который, с одной стороны, выражает намерение строго применять критерий конвертируемости (что вполне логично), исходя из того, что любая валюта, входящая в корзину СДР, предположительно будет рассматриваться как официальная резервная валюта. А с другой — в лице главы МВФ призывает, реформируя международную валютную систему, добавлять в корзину международного валютного фонда валюты развивающихся рынков, в частности жэньминьби, всячески расширять их использование, стимулируя при этом стабильность мировой финансовой системы⁴².

Одновременно заметим, что на момент стремительного подъема доллара после Второй мировой войны и превращения его в мировую резервную валюту за ним стояло господство США в мировой экономике, преимущество в научно-исследовательской деятельности и военная сила, а также инвестиционная деятельность американских предприятий и финансовых компаний. Китай еще не добился подобного положения — на это потребуются годы.

Кроме того, существует проблема международного поведения: авторитетные исследователи сходятся во мнении, что Китай пока еще не доказал, что может действовать ответственно (здесь, в частности, стоит упомянуть непрекращающиеся обвинения в неоправданной заниженности курса юаня⁴³ и чрезмерной централизации банковского сектора)⁴⁴. Из Пекина поступают непоследовательные сообщения, слова не соответствуют поступкам.

Успех интернационализации жэньминьби будет зависеть от: взаимодействия рыночных сил и хорошо продуманной стратегии; внедрения полной конвертируемости юаня; либерализации внутренней финансовой системы; увеличения гибкости курса юаня; усиления финансовой системы страны; развития внутренних валютных, облигационных, фондовых рынков; совершенствования правовой системы КНР. Мы согласны с мнением известного экономиста Ли Цайцюаня: «Китайской экономике надо идти по своему пути, КНР не сможет создать другой доллар», пользуясь постепенным перемещением реальных секторов на Восток. Экономике КНР в своей зарубежной стратегии необходимо проявлять себя в США и Европе, искать новое пространство для развития⁴⁵. На пути трансформации юаня Китаю необходимо подкреплять значимые успехи во внешнеэкономической сфере сопоставимыми результатами внутренних более болезненных реформ.

1. Булатов А. С. Мировая экономика. М., 2007. С. 537.

2. Клинов В. Особенности современной динамики мирового хозяйства // Вопр. экономики. 2010. № 9. С. 86.

3. The World factbook country comparison. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2078rank.html>.
4. International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, April 2013. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/01/weodata/WEOApr2013all.xls>.
5. Шан У Бу Фаньбо. «Чжунго хомао цзун э шоучао Мэйго чэн шицзе ди и» [Министерство торговли опровергает «превышение объемов торговли США и выход в мировые лидеры по соответствующему показателю»]. URL: <http://finance.people.com.cn/n/2013/0216/c1004-20491738.html>.
6. Согласно решению VI съезда постоянного комитета ВСНП 10 созыва о реформе «Закона о НБК КНР», одобренному и опубликованному 27 декабря 2003 г., «законной валютой КНР является жэньминьби. Единицей счета жэньминьби является юань, разменными монетами являются цзяо и фэни». См. Закон о НБК КНР [Чжунхуа жэньминь гуанхэго чжунго жэньминь иньхан фа].
7. Уоскин В.М. Теории денег. М., 1976. С. 228.
8. Маркс К. К критике политической экономии. М., 1954. С. 49.
9. Сян Сунцзо: жэньминьби гоцихуа сюяо цзяньли фадае цзыбэнь шичан [Сян Сунцзо: для интернационализации жэньминьби необходим развитый рынок капитала]. URL: <http://finance.eastmoney.com/news/1585,20110328126996369.html>.
10. China to pursue renminbi internationalization on market-oriented basis: senior official. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-01/27/c_132131454.htm.
11. Global financial development report 2013. Rethinking the role of the state in finance. URL: http://siteresources.worldbank.org/EXTGLOBALFINREPORT/Resources/8816096-1346865433023/8827078-1346865457422/GDF_2013_Report.pdf.
12. Дынкин А.А. Мировая экономика: прогноз до 2020 года. М., 2007. С. 304.
13. The Eternal Triangle. URL: <http://web.mit.edu/krugman/www/triangle.htm>.
14. Merchandise trade by region and selected economies, 2001–2011 — United States. URL: http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2012_e/appendix_e/a11.xls.
15. Merchandise trade by region and selected economies, 2001–2011 — Japan. URL: http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2012_e/appendix_e/a13.xls.
16. Merchandise trade by product, region and major trading partner, 2010–2011 — Korea, Rep. Of. URL: http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2012_e/its12_appendix_e.htm.
17. Foreign Trade. Ranking of Germany's trading partners in foreign trade (with turnover and foreign trade balance). URL: https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/NationalEconomyEnvironment/ForeignTrade/TradingPartners/Tables/OrderRankGermanyTradingPartners.pdf?__blob=publicationFile.
18. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 209.
19. 2013 нянь 03 юэ цзиньчжоуко шанпинь чжужо гобе (дицжюй) цзунчжи бяо [Таблица основных внешнеторговых партнеров Китая на март 2013]. URL: <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab400/module15677/info424739.htm>.
20. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран. URL: http://www.customs.ru/attachments/article/17364/WEB_UTSA_09.xls.
21. При благоприятном раскладе торговый оборот России и Китая составит около 90 млрд долларов. URL: <http://www.itar-tass.com/c188/588602.html>.
22. Состояние двусторонней торговли между Китаем и Россией в январе-сентябре 2012 г. URL: <http://russia.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201212/20121208475889.shtml>.
23. Китай вернулся в пятерку крупнейших экспортеров оружия в мире. URL: <http://ria.ru/world/20130318/927714618.html>.
24. China, Russia, Oil, natural gas. URL: <http://factsanddetails.com/china.php?itemid=2279&catid=13>.
25. Enhancing surveillance: interconnectedness and clusters. URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2012/031512.pdf>, Changing Patterns of Global Trade. URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2011/061511.pdf>.
26. Assessing Systemic Trade Interconnectedness— An Empirical Approach. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp11214.pdf>.
27. China regulates cross-border RMB settlement. URL: http://www.china.org.cn/business/2012-06/12/content_25631043.htm.

28. HSBC streamlines cross-border yuan trade settlement in China. URL: <http://www.reuters.com/article/2013/03/26/china-offshore-yuan-idUSL3N0C110020130326>.
29. Жэньминьби цзесуань цзиньчжоу маон цзегуо цзецинь 1:1 [Структура валютных платежей в жэньминьби по операциям экспорта и импорта приближается к соотношению 1:1]. URL: <http://finance.eastmoney.com/news/1350,20120706220588577.html>.
30. Цихуо пиньчжун чуансинь су жэньминьби гоцзихуа [Реформа системы фьючерсных продуктов способствует интернационализации жэньминьби]. URL: <http://futures.hexun.com/2012-03-08/139080103.html>.
31. Prasad E., Ye L. The Renminbi's role in the global monetary system. Washington D.C., 2012. P. 38–39.
32. Чжоу Юй. Жэньминьби хуэйлюй цзичжи [Валютный механизм жэньминьби]. Shanghai, 2007. P. 262.
33. Value of China's currency swap deals reaches RMB2 tn. URL: <http://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?id=20130326000117&cid=1102>.
34. Аодаля нигуо чжунго гоцюань, 5% вайчу ке дунюн [Австралия хочет приобрести облигации Китая, под эти цели может быть выделено 5% валютных резервов]. URL: http://www.cs.com.cn/hw/hqzx/201304/t20130425_3962144.html.
35. State administration of foreign exchange. URL: <http://www.safe.gov.cn/>
36. Dollar share of china fx reserves dives to 54% in june from 65% in 2010. URL: <http://www.dowjones.com/products/djfxtrader/articles/DollarShareOfChinaFXReservesDives.asp>.
37. Major foreign holders of treasury securities. URL: <http://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Documents/mfh.txt>.
38. China investment corporation annual report 2011. URL: http://www.china-inv.cn/cicen/include/resources/CIC_2011_annualreport_en.pdf.
39. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). URL: <http://www.imf.org/external/np/sta/cofer/eng/cofer.pdf>.
40. Fifth BRICS summit declaration and action plan. URL: <http://www.brics5.co.za/fifth-brics-summit-declaration-and-action-plan/>
41. International reserves. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2012/eng/pdf/a1.pdf>.
42. IMF Executive Board Discusses Criteria for Broadening the SDR Currency Basket. URL: <http://www.imf.org/external/np/sec/pr/2011/pn11137.htm>.
43. U.S. Treasury Declines to Name China Currency Manipulator. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2012-11-27/u-s-treasury-declines-to-name-china-currency-manipulator.html> China, Malaysia, Thailand Currencies Undervalued, IMF Says. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10000872396390443982904578045241277286884.html>.
44. Prasad E., Ye L. The Renminbi's role in the global monetary system. Washington D.C., 2012. P. 18.
45. Чжун Шу. Чжунго вайхуэй чубэй жухэ байто мэйюань цзайцянь чжи [Каким образом китайским резервам порвать с системой, основанной на американском долге] // Zhongguo qingnian bao. 2011. 19 sept.

Российский Дальний Восток

Черная металлургия как локомотив развития экономики Дальнего Востока

© 2013

А. Жирнов

В связи с разработкой пятилетнего плана развития экономики Дальнего Востока РФ рассмотрена актуальность создания на базе Кимкано-Сутарского горно-обогатительного комбината металлургического завода с полным технологическим циклом переработки железных руд. Обосновывается необходимость геологической разведки сверхкрупного месторождения комплексных железных руд, способного обеспечить этот завод минеральным сырьем на 200 лет.

Ключевые слова: Дальний Восток, пятилетний план экономического развития, Хинганский железорудный бассейн, сопутствующее золото.

Ключевая задача развития региона

Проблема ускоренного развития России приобрела, по решениям президента России, статус ключевой государственной задачи на ближайшую пятилетку. Для Дальнего Востока РФ, соседствующего с бурно развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона, эта проблема актуальна вдвойне.

Как явствует из комплексного исследования данной проблемы, содержащегося в недавно изданной книге «Дальний Восток: как жить и хозяйствовать»¹, новая концепция экономического роста должна покоиться на трех базовых составляющих:

- на активной торговле со странами АТР своей собственной конечной продукцией промышленных производств;
- на создании крупных территориально-производственных кластеров как центров ускоренного промышленного производства;
- на повышении демографического потенциала Дальнего Востока как результата ускоренного роста крупных промышленных и горно-металлургических центров.

Выполнение новой концепции требует новой философии хозяйствования в отношении стратегически важных, высокотехнологичных производств и отраслей, сочетающей государственное регулирование и патронаж с механизмами рыночной экономики — философии, продемонстрировавшей высокую эффективность в Китае, Сингапуре и других активно развивающихся странах. Социально-экономическое развитие и проце-

Жирнов Анатолий Михайлович, доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН.
E-mail: zhantmich@yandex.ru.

тание многих регионов и стран мира в решающей мере определяется наличием и использованием остродефицитного природного минерального сырья — нефти и газа, железа, цветных и драгоценных металлов. До недавнего времени здесь в огромных масштабах велась добыча рассыпного золота и оловянного концентрата из коренных месторождений, послуживших основой современной инфраструктуры территории. Сейчас добыча рассыпного золота иссякает, многие оловянные предприятия закрылись, но на смену выдвигаются крупные запасы золота в коренных месторождениях, требующие создания специальных горнорудных предприятий. При этом ведущее значение в настоящей и будущей экономике территории могут занять черная и цветная металлургия, создаваемые на основе крупных горно-металлургических кластеров.

Металлургический и горнодобывающий комплексы тяжелой промышленности являются второй по значению бюджетообразующей отраслью в экономике России — после нефтегазовой отрасли. В настоящее время состояние черной металлургии в целом по России неблагоприятно: 80% разрабатываемых запасов железных руд расположены в центральных регионах страны, а 68% мощностей металлургии — на Урале и в Западной Сибири. Причем по причине отработки многих железосодержащих месторождений там осталось всего лишь 33% мощностей по добыче руды². Проблему эту — вопреки наличию вблизи огромных отечественных месторождений — приходится решать за счет импорта сырья (в объеме не менее 10 млн т в год)³.

Располагая крупнейшими запасами железорудного сырья, Россия сейчас значительно отстает как по его добыче, так и по получению конечной продукции в виде стального проката. При добыче железной руды на уровне 94 млн т производство стали составляло в 2005 г. около 70 млн т. К 2013 г. предполагалось увеличить ее выплавку до 77–80 млн т⁴, тогда как в соседнем Китае примерно за тот же период (2003–2010 гг.) свершился мощный четырехкратный рывок: потребление железной руды возросло до 1,2 млрд т⁵, а выплавка стали возросла с 192,5 млн т в 2002 г. до 696,3 млн т в 2009 г, или почти десятикратно больше, чем в России!

Железорудная база Дальнего Востока России

Закономерно, что резкое ускорение развития Дальнего Востока по Пятилетнему плану предусматривает, в частности, создание горно-металлургических кластеров. Потребности Дальнего Востока в металлопрокате приходится восполнять за счет завоза с Урала, что значительно удорожает продукцию. Но на Дальнем Востоке, как уже отмечалось, имеется много железорудных бассейнов, способных обеспечить потребности его черной металлургии.

Один из крупнейших — Хинганский железорудный бассейн с разведанными месторождениями железистых кварцитов, расположенный в южной части Буринского гранитного массива, на территории Еврейской автономной области (ЕАО). В настоящее время группа месторождений Северного железорудного района ЕАО (Кимканское, Сутарское и др., расположенных вблизи железной дороги Москва — Владивосток) подготавливаются недавно созданным Кимкано-Сутарским ГОКом (см. рис.) для добычи открытым способом. Запасы железных руд в месторождениях, состоящих на балансе этого ГОКа (вместе с запасами Гаринского месторождения в Амурской области) составляют 1 млрд т. В железных рудах содержатся сопутствующие благородные металлы в количестве до 1–2 г/т⁶. По данным технологических исследований крупной пробы, благородные металлы присутствуют в железных рудах и окорудных углеродистых сланцах в хорошо извлекаемых формах при среднем содержании 0,5 г/т⁷. При указанном содержании металлов в руде общие ресурсы сопутствующих благородных металлов составляют здесь не менее 500 т, а стоимость их исчисляется как половина стоимости железных руд.

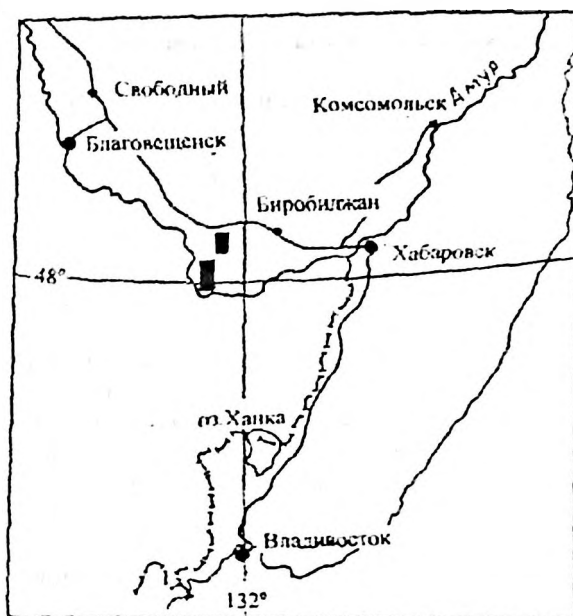

Рис. Хинганский железорудный бассейн Дальнего Востока — с двумя рудными районами. Северный район, с месторождениями Кимканским, Сутарским и Костеньгинским вблизи железной дороги Владивосток — Москва; Южный район — вблизи р. Амур.

Сейчас в данном бассейне установлены гораздо более крупные ресурсы комплексных железных руд. В ходе научных исследований последних лет переоценено сверх-крупное месторождение железных руд (Южно-Хинганское) с широким комплексом сопутствующих металлов важнейшего промышленного значения. Рудное поле длиной 60 км (с концентрацией попутного золота на уровне 1000 т) сопоставимо с крупнейшими золото-железорудными месторождениями Курского бассейна — Михайловским и Стойленским. Это объект мирового класса с суммарной стоимостью ресурсов 180–200 млрд долл.⁸ Наряду с крупными ресурсами железной руды (3 млрд т) в нем сконцентрировано, по прогнозам, 1000 т золота, 150 тыс. т кобальта, а также марганец, ванадий, уран и ряд других металлов. Основную часть рудных тел данного месторождения составляют железистые кварциты (95% от общего объема руд), а остальная часть стоимости руд приходится на железо и золото (90% от общей стоимости руд).

Но месторождение изучалось только с поверхности очень давно (70 лет назад). Тогда было разведано лишь одно рудное тело этого гигантского объекта — и только на марганцевые руды⁹. Ныне требуется геологическая разведка всего месторождения до глубины 300–500 м от поверхности, причем на весь комплекс содержащихся в нем ценных металлов. Только тогда будут определены точные цифры запасов, обоснованные многочисленными профилями буровых скважин и отдельных горизонтов подземных горных выработок. И только после этого можно будет приступить к строительству рудников и добыче руд месторождения. Южно-Хинганское месторождение комплексных руд — весьма благоприятный и перспективный объект сотрудничества со странами АТР: в части геологической разведки, в строительстве горнодобывающего предприятия, в создании металлургического завода. Это крупнейший сырьевой объект Дальнего Востока, перспективный для взаимовыгодного инновационно-экономического сотрудничества в части применения имеющихся у них высоких технологий в различных областях геолого-разведки, горного дела, выполнения большого объема точных и экспрессных анализов

геологических проб, а также для применения высоких технологий в области обогащения комплексных руд, извлечения из них широкого комплекса ценных металлов.

Дополнительные предложения к плану Пятилетки

В декабре 2012 г. коллегия Министерства развития Дальнего Востока постановила разработать в первом квартале 2013 г. Комплексный план развития экономики региона на ближайшую пятилетку с расчетом, что к середине года он будет утвержден Правительством РФ¹⁰. Одно из главных в нем направлений: горнодобывающая промышленность, для развития которой предусмотрено решить ряд конкретных вопросов:

– горным предприятиям обеспечить полную переработку добываемого природного сырья до получения конечных продуктов;

– федеральной службе по недропользованию выставить на аукционы крупные перспективные объекты из нераспределенного фонда недр (недоразведанные месторождения и рудные поля) с целью привлечения инвесторов — с обязательным условием проведения геолого-разведочных работ, строительства горнодобывающих предприятий и создания территориальных горно-металлургических кластеров для добычи и переработки руд и получения конечной продукции;

– федеральной службе по надзору в сфере недропользования проверить выполнение ранее выданных лицензий на право пользования недрами, и в случаях невыполнения сроков начала разработки месторождений инициировать аннулирование выданных лицензий.

Однако в разрабатываемой Программе недостаточно учтены, как представляется, вопросы развития черной металлургии и промышленного освоения нового золото-железородного гиганта России в ЕАО. Между тем, по опыту всех стран, важнейшим направлением в сфере горнодобывающей промышленности является металлургия, которая, как правило, определяет эффективность развития экономики. И на Дальнем Востоке она может стать реальным локомотивом развития всего народного хозяйства этой обширной территории. Для этого налицо все необходимые предпосылки.

В Еврейской автономной области на базе разведанных месторождений железных руд (Камканского, Сутарского, Костеньгинского) и с учетом Гаринского месторождения в Амурской области компанией «Петропавловск» уже создан Кимгано-Сутарский горно-обогатительный комбинат, который может составить часть будущего горнометаллургического кластера Дальнего Востока. В настоящее время завершается строительство обогатительной фабрики для обогащения природных руд и готовится строительство железнодорожного моста через Амур — для вывоза руды в Китай.

Следует отметить, что создание Кимкано-Сутарского ГОКа как нельзя более своевременно для торговли с нашими ближайшими экономическими мощными соседями — Китаем и Японией. В последней нет месторождений железа, и руду для своей металлургии ей приходится ввозить из-за рубежа. Китай тоже испытывает потребность в железорудном сырье, поскольку запасы его в Аньшаньском железорудном районе уменьшаются.

Однако задача вывоза обогащенной руды за рубеж не вполне отвечает интересам развития экономики российского Дальнего Востока: «реализация ради идеи только экспорта железорудного сырья... представляется наименее плодотворной»¹¹. После завершения строительства первой очереди обогатительной фабрики природная руда будет существенно обогащаться и выдаваться как обогащенный концентрат. После завершения второй очереди руда будет еще более обогащена и выдаваться в виде чугуна. Процесс получения чугуна будет осуществляться в холодном состоянии руды — по передовой японской технологии. Таким образом, мы сможем поставлять за рубеж «хорошо обогащенную руду».

Однако конечной продукцией переработки железных руд является прокат — стальные листы, конструкции, рельсы. Именно такая продукция наиболее дорога и наиболее востребована промышленностью — в первую очередь, машиностроительными заводами, железнодорожной отраслью и другими промышленными предприятиями Дальнего Востока. Значит, отправив концентрат или чугуны за рубеж, мы потом будем вынуждены покупать за рубежом необходимую нам стальную продукцию — и по весьма высокой цене. Хотя правительственные решения ориентируют горнодобывающую отрасль именно на полную переработку природного минерального сырья, до стадии получения конечного продукта (в данном случае — стали).

Кроме того, могут возникнуть и определенные риски с реализацией железного концентрата в Китай. Дело в том, что помимо собственного огромного производства железной руды (800 млн т в год) Китай импортирует большое количество высококачественной железной руды (386 млн т в 2007 г.) из Австралии, Индии, Бразилии¹². Поэтому импорт из России железнорудного концентрата (в количестве 5–10 млн т в год) для Китая не имеет серьезного экономического значения и в любой момент может быть прекращен. Да и для самой России с ее мизерным в сравнении с Китаем выпуском стали (вдесятеро меньше) как-то не солидно поставлять туда железнорудный концентрат (и даже сталь), ущемляя свои и без того неудовлетворяемые потребности в руде (ее, между прочим, приходится импортировать до 10 млн т ежегодно)¹³. Поэтому целесообразней ориентироваться на экспорт возможного излишка дальневосточного железного концентрата (или стали) в Японию и Южную Корею, не имеющих собственной железнорудной базы. А для этого уже имеются железнодорожные магистрали: Москва — Владивосток и Хабаровск — Советская Гавань. Тогда не потребуются и строительство железнодорожного моста через Амур из села Ленинского (ЕАО), имеющего для Китая, возможно, не столько экономическое, сколько, в перспективе, военно-стратегическое значение.

Наконец, главная задача, поставленная правительством перед горнодобывающей промышленностью, — это создание горнометаллургических кластеров для полной переработки руд в местах их добычи, значительного увеличения числа рабочих мест, создания новых сопутствующих промышленных производств и существенного увеличения численности населения на Дальнем Востоке.

Следовательно, в Плане развития экономики Дальнего Востока на ближайшую пятилетку необходимо предусмотреть и создание металлургического завода, включающего как обязательный элемент технологию горячей переработки руды.

Это важно и по другой причине — для успешного извлечения из железных руд золота и платины, содержащихся, как выше отмечалось, в указанных месторождениях в достаточно легко извлекаемой форме и в весьма крупных объемах.

Создание металлургического завода, однако, — дело сложное и дорогостоящее. Такие объекты обычно создаются группами крупных компаний, зачастую при помощи государства. Для решения такой задачи требуется государственная помощь ГОКу финансами и техническими средствами, либо привлечение крупных инвесторов из Китая или Японии, где уже накоплен опыт решения таких задач.

Второе важнейшее направление, заслуживающее включения в Пятилетний план развития экономики Дальнего Востока, — выставление на аукцион Южно-Хинганского сверхкрупного месторождения комплексных золото-кобальт-уран-марганец-железных руд, которое расположено южнее Кимканского железнорудного узла — в Октябрьском административном районе ЕАО.

Это месторождение частично описковано с поверхности 70 лет назад (канавами и магнитометрией). Одно из рудных тел месторождения (Серпухово-Поперечное) разведано до глубины 300–500 м, но только на марганец; запасы главного металла рудного тела — железа, как и сопутствующих ему там кобальта и никеля, не исследовались и не подсчитывались, а золото и платина даже не определялись. Но то, что в рудах этого

сверхкрупного железорудного месторождения имеются значительные ресурсы золота, платины, урана, ванадия — это факт.

По размерам месторождения и ресурсам в нем золота и железных руд это — одно из крупнейших месторождений страны, сравнимое, как уже отмечалось, с железорудными гигантами Курского железорудного бассейна Центральной России.

Золота в нем — более 1000 т, железной руды — более 3 млрд т, стоимость ресурсов, по предварительной оценке, — 180–200 млрд долл. (90% ее приходится на золото и железо)¹⁴. Привлечение посредством аукциона крупного инвестора (не менее 10 млрд руб.) позволило бы осуществить геологическую разведку всего объекта на весь комплекс сопутствующих ценных металлов, что сыграет роль необходимой подготовки сверхкрупного месторождения к эксплуатации.

-
1. См: *Хорошавин А.В., Закусиев В.К.* Дальний Восток: как жить и хозяйствовать. Хабаровск, 2012.
 2. См: *Архипов Г.И.* Дальневосточная черная металлургия. Хабаровск: ИГД ДВО РАН, 2005. 214 с.
 3. *Машковцев Г.А.* Современное состояние минерально-сырьевой базы отечественной металлургии // Минеральные ресурсы России. 2007. № 5. С. 16–25.
 4. Там же.
 5. *Архипов Г.И.* Черная металлургия на Дальнем Востоке: направления развития // Минеральные ресурсы России. 2008. № 1. С. 65–70.
 6. См.: Минерально-сырьевая база Амурской области на рубеже веков. Благовещенск, 2000. 107 с.
 7. Там же.
 8. *Жирнов А.М.* Новый железорудный бассейн России в Еврейской автономной области Дальнего Востока // Руды и металлы. 2008. № 5. С. 16–25.
 9. Там же.
 10. См.: *Архипов Г.И.* Дальневосточная черная металлургия. Хабаровск: ИГД ДВО РАН, 2005. 214 с.
 11. *Машковцев Г.А.* Указ. соч.
 12. *Архипов Г.И.* Черная металлургия на Дальнем Востоке: направления развития // Минеральные ресурсы России. 2008. № 1. С. 65–70.
 13. *Машковцев Г.А.* Указ. соч.
 14. См.: *Жирнов А.М.* Указ. соч.

Российское китаеведение

Изучение китайской культуры и образования в России в начале XXI в.

© 2013

С. Торонцев

В центре статьи — изучение тенденций развития российского китаеведения в сферах культуры и образования в первом десятилетии XXI в., когда оно стало возвращаться к фундаментальным аналитическим исследованиям на новом методологическом уровне. Автор выявляет основные направления исследований в филологии, языкознании, театроведении, киноведении, изобразительном искусстве, системе образования, анализирует научные и переводческие проблемы, демонстрирует появление новых теоретических концепций.

Ключевые слова: китаеведение, культура, литература, искусство, образование.

Культура — один из важнейших аспектов национального достояния каждого народа. Изучение ее учеными иноцивилизационного ареала — не только узкокабинетное занятие, а настоящая необходимость интернационального диалога. «Различные исторические условия возникновения и развития национальных культур, их специфические черты, возможности контактов с культурами других стран и народов. — отмечают в коллективной статье ученые ИДВ РАН и подчеркивают. — Необходимость научного изучения всех этих и других смежных проблем очевидна»¹.

Изучение китайской культуры в России, миновав растерянность и крайнюю финансовую неупорядоченность 1990-х гг., постепенно начало заново обретать аналитическую уверенность. Серьезные исследования появились не только в старых центрах, но и в молодых, возникших за Уралом и на окраинах страны. Ученые продолжили привычные направления культурологических исследований, но принялись также открывать новые. Активно включился в работу Интернет, создаются сайты и форумы, на которые выносятся на обсуждение свои работы молодые китаеведы.

В XXI в. российское китаеведение обрело такую глубину и такой международный авторитет, что само стало предметом научных аналитических исследований². В предисловии к изданному в КНР сборнику отмечается: «Одна из задач современного китаеведения (в России. — С.Т.) состоит в том, чтобы с опорой на знание истории Китая и его

Торонцев Сергей Аркадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии ИДВ РАН, заслуженный деятель науки РФ. E-mail: tor-bogev@mtu-net.ru.

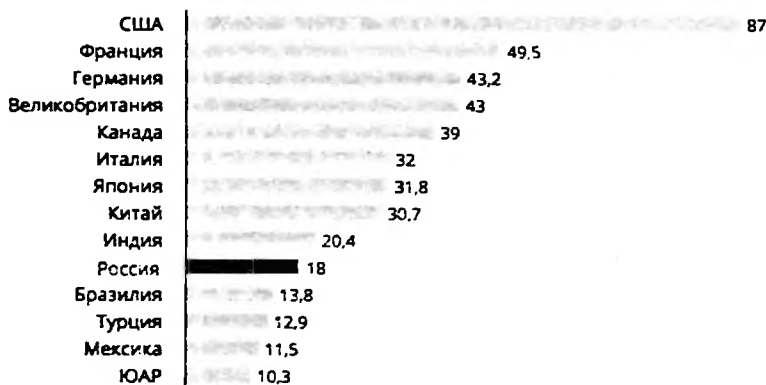
Статья написана при финансовой поддержке РФНФ. Грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

традиции проанализировать китайский опыт реформ, выделить в нем как уникальную национальную специфику, так и элементы, обладающие универсальным значением для новых экономических держав... За видимыми материальными успехами Китая кроются культурные и цивилизационные факторы...»³.

Уже становится определившейся тенденцией появление российских работ в зарубежной китаистике, и уже не только в Китае, давно проявлявшем пристальный интерес к российской науке, но и на Западе⁴.

В XXI в. внимание ученых к китайской культуре переросло рамки академических исследований, выйдя на более широкий социально-политический фон. Китай активно взял на вооружение выдвинутый американским политологом Дж. Наем еще в начале 1990-х годов тезис о «мягкой силе» как эффективном инструменте формирования положительного имиджа страны за рубежом гуманитарными средствами, противопоставленными военным.

Международный индекс «мягкой силы»⁵:

Российские китаеведы серьезно отнеслись к появлению в Китае новой формы международной активности, определив этапы формирования этой концепции: «Активная работа развернулась вскоре после прихода на пост партийного лидера в 2002 г. Ху Цзиньтао. Первоначально речь шла о противодействии иностранным концепциям, предвещающим неминуемый крах китайских реформ либо указывающим на рост «китайской угрозы». В середине 2000-х гг. после длительных дискуссий власти заявили о необходимости наращивать собственную «мягкую силу» и культурное соперничество с другими странами. В 2007 г. XVII съезд КПК провозгласил задачу увеличения потенциала «мягкой силы» культуры. Следующим важным шагом стало соединение мероприятий по развитию культуры внутри КНР с повышением ее международного влияния. Комплексная стратегия «могущественного культурного государства» утверждена в октябре 2011 г. на шестом пленуме ЦК КПК 17-го созыва»⁶.

Наиболее амбициозным проектом первого десятилетия XXI в., несомненно, стала шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая»⁷, несколько лет готовившаяся в ИДВ РАН с привлечением специалистов из других китаеведческих центров России (энциклопедия была задумана сначала как двухтомник, затем выросла до пяти томов, что и было обозначено на титуле и в выходных данных, но в итоге обилие до сих пор не

поднятого материала вынудило выпустить дополнительный шестой том). «Это не только обобщение имеющихся достижений, но также исходная точка для дальнейших исследований, — отмечает рецензент. — Значение этого издания выходит за национальные рамки развития синологии, поскольку подготовленная в России энциклопедия ки-

тайской культуры стала первой в мировой науке»⁸. Энциклопедия была высоко оценена как в России (Государственная премия), так и за рубежом.

Проблемы культуры занимают достаточно весомое место и в фундаментальном новаторском десятилетнем исследовании «История Китая», уже несколько лет готовящемся коллективом ученых нескольких китаеведческих центров под руководством академика С.Л. Тихвинского,

Новаторским направлением стала этнопсихология, до сих пор не вставшая в центр аналитических исследований отечественных китаеведов. Цикл работ, подготовленный по инициативе МГППУ, состоял, в том числе, из самостоятельных работ крупных отечественных китаеведов—литературоведов, философов, историков: акад. В.С. Мясников («Этнопсихологические особенности дипломатии КНР, 1949–1979 гг.»), Н.А. Спешнев («Этнопсихология Китая»), Н.Е. Боревская («Особенности китайской системы образования в контексте этнопсихологии»), С.А. Торопцев («Культурно-историческая психология китайцев. Культурологический, философский и художественный аспекты»), О.Е. Непомнин («Этнопсихология современного Китая: сравнительно-исторический анализ»). Эти работы сложились в цельный курс этнопсихологии народов Востока, опирающийся на этнопсихологические константы китайцев, выявляемые через исторические и художественные секторы цивилизации Китая.

Части этих рабочих материалов удалось выйти за пределы университетского цикла, закладывая почву для новой для российского китаеведения и крайне важной дисциплины. Готовя свой материал для цикла, Н.А. Спешнев перевел и издал книгу крупного китайского философа и историка Линь Юйтана, ставшую серьезным вкладом в понимание китайской цивилизации⁹, и поместил в журнале обзор этнопсихологических дискуссий в Китае¹⁰. С.А. Торопцев опубликовал часть поднятых им материалов по основным параметрам китайской этнопсихологии и проанализировал ряд фабульных моментов в произведениях литературы и искусства в ракурсе отражения в них общих этнопсихологических констант национального мышления¹¹.

Еще полностью не оценена новаторская роль книги И.С. Лисевича «Мозаика древнекитайской культуры»¹², вышедшей, к сожалению, посмертно. Нестандартное мышление ученого позволило ему сказать свое слово и в рамках уже изученных проблем литературы и истории. Но основным его вкладом, намеченным до выхода этого сборника только в отдельных статьях, был открытый эзотерический анализ легенд и преданий, который переводил материал, обычно воспринимаемый как внеисторическое мифологическое повествование, в общемировой космологический аспект — в рамках так называемой «тайной доктрины», впервые поднятой в России Е.П. Блаватской.

Ростки эзотерических доктрин стали появляться в книгах о Тибете, о котором раньше мало писали в российском китаеведении. А проникновение в мистические глубины этой одной из древнейших цивилизаций Земли проливает свет на китайскую культуру в целом. В последние годы резко возрос интерес к этой теме, и целый ряд исследований и популярных книг появились как в центральных, так и в молодых периферийных китаеведческих центрах¹³.

Малоисследованный аспект осветил А.В. Ломанов в монографии «Христианство и китайская культура»¹⁴. Настойчивые попытки миссионеров ввести христианство в китайскую цивилизацию, по выводу автора, постоянно наталкивались на культурные и ментальные барьеры, что привело миссионеров к мысли изучать китайскую культуру и вводить богословские понятия через приспособление их к близким китайцам цивилизационным константам.

Новым оказался ракурс исследования в синтетической монографии Н.Е. Боревской и С.А. Торопцева «Китайская культура во времени и пространстве»¹⁵. Разноплановая структурально (литература, образование, кинематография), она в итоге оказалась монографически единой и показала китайскую культуру разных, весьма далеких друг от

друга, временных периодов как цельный континуум, пронизанный национальной самобытностью и, вместе с тем, всеобщей глобальной гуманистичностью.

Нельзя не отметить возросшее количество книг, статей, диссертаций, защищаемых в российских вузах китайскими аспирантами¹⁶, — это естественным образом вливается в российское Китаеведение, становясь его органической частью и исходным материалом для последующих исследований.

Изучение системы образования

Появление в 1990-е гг. в российских исследованиях системы образования КНР комплексного и проблемного подхода, а также современной методологии (в т.ч. компаративистской) привело к нескольким прорывам в начале нового столетия. Во-первых, изучение модернизации китайской системы образования было введено в контекст глобализации и стало рассматриваться в *теоретическом ключе* как часть общих процессов интернационализации, децентрализации, приватизации и дифференциации учебных заведений.

Еще одним новым направлением явилось выявление специфики этих процессов в КНР путем сопоставления традиции и новаторства, что стало возможным благодаря углублению в историю школы и педагогической мысли Китая. Первой ласточкой стал раздел В.В. Малявина в общем востоковедческом сборнике Востока¹⁷, вслед за чем вышла монография Н.Е. Боровской¹⁸, где впервые в отечественной синологии на основе многочисленных китайских источников с достаточной полнотой и многоаспектностью обрисована и проанализирована эволюция традиционных китайских представлений о целях воспитания и формирования личности, его содержании и направлении в различных философских течениях. Работа дает картину исторической преемственности и трансформации образовательных институтов в Китае (включая эволюцию системы императорских экзаменов *кэцзюй*), показана их особая роль как государственных учреждений, жестко встроенных во властную вертикаль, а также проанализирована специфика и эволюция частных академий *шюань*. Анализ древней и средневековой педагогической доктрины Китая проливает новый свет на формирование педагогических теорий Нового и новейшего времени. Монография восполнила пробел не только в отечественном Китаеведении, но и обогатила представления об истории мировой педагогики, получив высокую оценку в Китае¹⁹.

Отредактированная и обогащенная глоссариями монография легла в основу одного из разделов энциклопедии «Духовная культура Китая»²⁰. Для Московского психолого-педагогического университета было написано первое в России учебно-методическое пособие о взаимовлиянии системы образования и этнопсихологии китайцев, проанализировано столкновение и соприкосновение традиционной системы образования с западной на протяжении XIX—XXI вв. и порожденные этими процессами методики сохранения китайцами своей национальной идентичности²¹. Педагогические воззрения китайцев и система социализации детей и молодежи внутри ханьского этноса представлены автором как элемент духовной культуры, выделены менталеобразующие и культуурообразующие функции образования.

Исследование роли традиции в формировании современной «системы образования с китайской спецификой» стало одной из ведущих тем 2000-х²². Принципиальным прорывом в этом направлении стала пионерская работа по сопоставлению конфуцианской и православной педагогик и месте школы в идеологии и культуре Китая и России²³.

Продолжилось и изучение *кэцзюй*: были опубликованы статьи, систематизирующие изучение этого феномена в России, а также прослеживающие его связь с учебными заведениями Китая в прошлом и настоящем, его влияние на систему экзаменов в странах Европы, в т.ч. России²⁴.

Неудача российских реформ образования, очевидная к началу XXI в., активизировала интерес российской педагогической общественности к успехам КНР в этой сфере. Фундаментальным трудом, подытоживающим четверть века китайских образовательных реформ (1978–2002 гг.) на пути в постиндустриальное информационное общество, стала монография «Государство и школа»²⁵. В фокусе работы — стратегия и тактика модернизации системы образования и ее корреляция на разных этапах социально-экономического развития страны: проблемы децентрализации и демократизации управления школами и вузами, реструктуризация функций государства в их финансировании, государственная доктрина «приватизации» в образовательном секторе, оптимизация и диверсификация структуры образования и совершенствование качества обучения.

Первоначальные разработки 1990-х гг. по отдельным аспектам образовательных реформ в КНР — управленческому, финансовому — в начале 2000-х гг. привели к постепенному вычленению таких направлений исследований, как экономика и социология образования. В эпоху перехода к рыночной экономике весьма актуальной стала проблема соотношения бюджетного и внебюджетного финансирования учебных заведений. Вслед за проблемной статьей на эту тему в российском журнале²⁶, в престижном английском педагогическом издании было опубликовано развернутое исследование, написанное российским ученым в соавторстве с профессором Гонконгского университета, сопоставляющее подходы двух стран к решению данной проблемы²⁷.

Тема финансирования образования в КНР дала российскому Китаеведению новаторское исследование в области экономики образования²⁸. На основе китайских источников и трудов российских экономистов автор анализирует новые подходы руководства КНР к бюджетному и внебюджетному финансированию государственных и частных вузов в сопоставлении с поисками современных механизмов финансирования высшей школы в РФ.

Следующее направление — социология образования. Отдельные разработки по данной теме принадлежат Н.Е. Боровской²⁹. А в конце десятилетия была сделана попытка применения общего теоретико-методологического инструментария изучения образования как социальной системы общества к исследованию процесса вызревания современной функционально дифференцированной системы образования в Китае в период XII—XX вв.³⁰

В целом в первое десятилетие XXI в. работы, посвященные разным аспектам модернизации китайской системы образования, вышли из узкого русла Китаеведения и стали регулярно появляться в общих педагогических тематических сборниках и монографиях, в чем определенная заслуга принадлежит Н.Е. Боровской³¹. Первые работы российских Китаеведов появились и в общих сборниках по образовательному законодательству³².

Иными словами, труды российских Китаеведов по образовательной проблематике вошли в широкий контекст общетеоретических разработок таких разделов науки, как сравнительная педагогика, экономика и социология образования. Аналитические материалы Китаеведов по данной тематике стали широко печататься в российских педагогических и общественно-политических журналах («Педагогика», «Народное образование», «Отечественные записки»).

Еще одной принципиально важной инновацией XXI в. стал акцент на компаративистские, прежде всего, бинарные сопоставления процессов модернизации систем образования в КНР и РФ, причем ряд серьезных монографий был выполнен совместно с китайскими коллегами. Красугольным камнем стал разработанный Н.Е. Боровской первый в мировом Китаеведении многоаспектный проект сравнительного анализа стратегии и ключевых направлений образовательных реформ этих двух держав, вступающих в информационную эпоху, с учетом их национальной специфики и глобальных вызовов³³. Каждая глава, как и вся монография в целом, завершаются теоретическим сравнитель-

ным анализом, представленным учеными каждой из стран, а также видным компаративистом проф. Марком Брэм. Книга вышла и в КНР на китайском языке³⁴, а затем — на английском³⁵, что обеспечило ей широкий международный резонанс³⁶.

Следующий двусторонний проект был сфокусирован на проблеме модернизации профессионального образования (сравнивались три региона РФ и три провинции КНР) и также вышел отдельными монографиями в каждой из стран³⁷. Проект на основе экономико-статистических и социологических исследований разработал методические положения и практические рекомендации по использованию лучших современных моделей образовательных учреждений и составлению профессиональных и образовательных стандартов.

Это же десятилетие отмечено еще одним новым исследовательским трендом — появлением ряда оценочных работ, способствующих развитию образовательного сотрудничества двух стран³⁸. Впервые были комплексно проанализированы теоретические, и практические аспекты гуманитарных контактов двух стран в сфере образования, которая рассматривалась как ключевая в осуществлении прорыва к новым технологиям XXI в.³⁹

Создание условий для повышения конкурентоспособности высшей школы РФ на мировом рынке образовательных услуг в XXI в. стало рассматриваться не только сквозь призму ее участия в формировании общеевропейского образовательного пространства, но и в сопоставлении с активностью таких новых акторов, как Китай⁴⁰.

Признанием высокого теоретического уровня и научной объективности российских исследований образовательных реформ в КНР явилась публикация раздела Н.Е. Боровской «Приоритетность образования как залог успешной модернизации Китая» в изданном в КНР сборнике «Китайское образование глазами иностранцев»⁴¹.

Филологические науки

Исследование литературы — одна из ведущих частей китаеведческой культуры в России, имеющая прочные корни, ведущие к патриархам отечественной науки В.П. Васильеву и В.М. Алексееву. В XXI в. стали появляться оригинальные исследования уже не только маститых ученых, но и молодых китаеведов. Акцент традиционно ставился на современной литературе, однако внимание к классике стало определенно возрождаться.

В конце первого десятилетия XXI в. почти одновременно были защищены две блестящие кандидатские диссертации по модернистским течениям в современной китайской литературе⁴² и по творчеству поэта V в. Се Тяо, занимающего достойное место в китайской классической поэзии, но до сих пор совершенно не изученного российским китаеведением⁴³. Обе эти работы ушли от привычного и распространенного стиля описательности и хронологической биографичности — в сферу философичных размышлений над образной системой произведений, уверенно проникая во внутренний мир литераторов, скрывающийся за пределами слов. Они показали несомненные потенции сегодняшнего российского китаеведения, не ставшего механическим продолжением исследований старшего поколения ученых, а открывшего свой активный новаторский творческий облик. Фундаментальным изучением поэзии средневекового Китая занимался А.Г. Сторожук, суммировав это в монографии и докторской диссертации⁴⁴, которая исполнена не в распространенной форме «истории литературы», а выстраивает концептуальную модель танской поэзии как художественного и мировоззренческого явления культуры. Диссертанту не было нужды ссылаться на трудности «китайской специфики», и он полноправно вошел в пределы общего теоретического литературоведения. Активными исследованиями продолжала заниматься М.Е. Кравцова⁴⁵. Постмодернизм в современной литературе ярко проанализирован в диссертации Е.А. Завидовской⁴⁶. Целый ряд исследований был

посвящен отдельным современным писателям⁴⁷. Стали появляться содержательные работы новых авторов из вновь возникающих китаеведческих центров⁴⁸.

При этом к несомненным достоинствам сегодняшнего российского китаеведения следует отнести не стихающее пристальное внимание к классикам этой науки, и тут в первую очередь надо вспомнить двухтомное собрание трудов академика В.М. Алексеева⁴⁹, а также собрание статей проф. Л.Д. Позднеевой⁵⁰, ранее разрозненных и разбросанных по журнальным публикациям. В фундаментальное собрание трудов сложил свои многолетние публикации Д.Н. Воскресенский⁵¹.

Крупным вкладом в познание классической поэзии Китая стали более чем десятилетние исследования творчества величайшего китайского поэта Ли Бо (VIII в.), последовательно проводившиеся С.А. Торопцевым. После целого ряда статей и локальных сборников в конце десятилетия вышла полная биография поэта⁵², а через два года — сборник комментированных переводов⁵³, ставший наиболее объемным переводным изданием поэта за пределами его родины. Эти работы привлекли внимание исследователей как в Китае⁵⁴, так и на Западе, и российский китаевед в 2012 г. был приглашен во Францию прочитать лекцию о творчестве Ли Бо в университете Сорбонна, Париж (с онлайн-трансляцией в университет Лиона и последующим выпуском записи этой лекции на DVD).

Новый импульс получила работа в области художественного перевода. Причем, что особенно важно, она стала захватывать не только практическую деятельность по переложению произведений китайской литературы на русский язык (в чем наибольшую активность проявили китаеведы Петербургского университета), но и размышления о теории перевода с китайского, где четко наметились два направления: развитие концепций лингвистического перевода, первостепенное внимание отдающего слову и форме, и разного перевода, ищущего адекватность образов русского текста — оригинальному⁵⁵.

Интересный переводческий опыт предложила Н. Азарова, составившая сборник стихотворений Ду Фу, переведенных ею не в традиционном классическом стиле, а верлибром⁵⁶. Необычность сборника — в том, что Н. Азарова посмотрела на средневекового поэта как на современника, отказалась не только от рифм и ритма, но и от знаков препинания. Никакой стилизации «под старину», живой язык, словно читаешь строки сегодняшнего автора. Это впечатляет. Но насколько это адекватно? Есть образ, но китайским ли поэтом созданный, или это полностью — творение переводчика? Строки в переводе замкнуты сами на себе, подчиняясь принципу оригинальной китайской поэтики, но не складываясь в цельность стихотворения, что является итоговым структурным элементом оригинала. Но здесь важен сам факт обращения к китайской поэзии не Китаиста со своей собственной оригинальной концепцией.

Театроведение

Продолжала работу ведущий отечественный исследователь китайского традиционного театра С.А. Серова⁵⁷. В российском Серебряном веке скрестились новации русского театра и восточные традиции. Рецензент указывает: «Книга Серовой представляет возможность увидеть, как Серебряный век втягивает в себя искусство Востока и стремится проникнуть в духовные глубины древних культур»⁵⁸.

В монографии 2005 г.⁵⁹ эстетическая ценность китайского театра показана в ряду других национальных искусств, очерчено его местоположение в общем контексте китайской культуры, следовательно, в триединстве Неба — Земли — Человека. Традиционный театр зиждется на веками сложившемся восприятии музыки как метафизического и эстетического универсума, камертона Вселенной. От актера ждут возможности объять всю полноту мира. Так, формулирует исследователь, возникает парадоксальный мир театра,

соединивший в себе Небо, Землю и Человека, засвидетельствовавший полноту и всеединство мира.

Последняя в обозначенный период монография С.А. Серовой вышла в 2013 г.⁶⁰ Для традиционной культуры Китая, где все связано со всем, где "единое тело Вселенной" соединяет в едином пространстве духовные уровни бытия с человеком и обществом, весьма важно отслеживать эти взаимодействия, обращаясь к корням и истокам. Именно такова основная мысль этой работы. Тема монографии погружает нас в архаические времена, когда проторелигия тотемизм и первая религиозная система шаманизм, появившиеся пуповиной с мифологией, явились корнями и истоками театрального искусства.

Современному театру в российском Китаеведении этого периода повезло меньше. После фундаментальных работ прошлого века И.В. Гайда, наш ведущий исследователь современного китайского драматического театра, лишь в начале XXI в. выпустила несколько обобщающих работ в формате книжных и журнальных статей, в которых подводился итог развития этого сложного и противоречивого китайского искусства⁶¹.

Изучение изобразительных искусств

Изучение изобразительных искусств в XXI в. продолжало оставаться одним из наиболее динамичных направлений российского Китаеведения. К уже известным и зарекомендовавшим себя центрам и ученым Москвы и Санкт-Петербурга прибавились новые географические точки и имена. Расширилась номенклатура исследований. Так, остававшаяся долгое время в российском Китаеведении в тени китайская архитектура расцвела целым букетом новых исследований⁶². Укрепилось понимание каллиграфии не как некоего варианта «правописания», а как искусства формирования образов, как выражение глубинной китайской ментальности⁶³. Всемирно известное садово-парковое искусство анализировалось и с формального ракурса архитектурной композиции, и как отражение виртуальной образности⁶⁴. При этом основным центром исследовательского внимания российских искусствоведов оставались свиток как органическое единство искусства живописи, каллиграфии и поэзии, а также скульптура, прежде всего, в древних ритуальных погребениях. Стоит отметить, что в этот период в свет выходят не только новые исследования, но и классические работы старых востоковедов⁶⁵.

Языкознание

Язык занимает в современном Китае чрезвычайно высокое место в системе духовных ценностей. Вместе с иероглифической письменностью он воспринимается как носитель древнейшей китайской цивилизации и гарантия сохранения культурной идентичности в условиях глобализации. В принятой в КНР программе развития языка и письменности на 2012–2020 гг. важное место занимает распространение литературного языка путунхуа за пределами китайского мира — в качестве «мягкой силы» государства.

Фундаментальные исследования в области китайской культуры и китайского языкознания в течение нескольких десятилетий ведутся в Институте Дальнего Востока РАН и других центрах Китаеведения⁶⁶. К важнейшему мероприятию в календаре российско-китайского взаимодействия на 2010 г. — Году китайского языка в России была приурочена фундаментальная монография⁶⁷, анализирующая различные формы государственной поддержки языка, письменности и лингвистических исследований в период «реформ и открытости», процесс переосмысления языковых реформ середины XX в. в Китае.

Исследованиями разных исторических форм китайского языка традиционно продолжают заниматься петербургские лингвисты⁶⁸. Одному из наиболее интересных с лингвистической и культурологической точки зрения периодов в истории Китая — эпохе Тан посвящена диссертация Е.Б. Кондратьевой⁶⁹. Еще одна яркая диссертационная рабо-

та последних лет посвящена одному из самых интересных и сложных для анализа лексикографических памятников — древнейшему китайскому словарю «Эръя»⁷⁰.

В ориентированном на китайскую цивилизацию конфуцианском пространстве Восточной Азии как главный символ престижной культуры Поднебесной веками воспринималась иероглифическая письменность.

В России изучением китайской письменности занимались десятки выдающихся ученых, их традиции продолжают отечественные синологи нового тысячелетия. Среди наиболее значительных публикаций последних лет следует назвать прежде всего две. Уникальная монография В.М. Крюкова содержит историко-культурный анализ древнекитайской эпиграфики эпох Инь и Чжоу, теоретическое осмысление особенностей китайской иероглифической письменности представлено в исследованиях О.М. Готлиба, работающего в Иркутске⁷¹.

Киноведение

Изучение кинематографии Китая в российском китаеведении после широкого спектра исследований 1980–1990-х годов утратило свою активность. Дело в том, что общее российское киноведение, ориентированное на анализ кинематографий США и Европы, оставило Китай на далекой периферии своих интересов. Можно упомянуть лишь одну попытку ввести изучение китайского кино в границы общего российского киноведения⁷².

В рамках китаеведения появился полный и содержательный анализ творчества великого режиссера Чжан Имоу⁷³, принесшего китайскому киноискусству мировое признание. Это исследование не замкнуто на работах только этого мастера, а дано в органической связи как с развитием китайской кинематографии предшествовавшего периода, так и с заслуживающими внимания последователями.

* * *

Итак, мы с удовлетворением можем констатировать, что изучение китайской культуры в России оправилось от растерянности 1990-х гг. и в нынешнем тысячелетии стало строже, глубже, многогранней. Старшее поколение обобщает накопленное, упоая на смену, которая начинает возникать не только в столицах, но и на окраинах Федерации. Важно подчеркнуть, что российское китаеведение теперь признается не только в собственной стране (Государственные премии), но выходит за пределы национальных границ и принимается как равный и полноправный член мирового научного сообщества.

1. *Сорокин В., Торопцев С., Боровская Н.* Изучение проблем китайской культуры в ИДВ РАН // ИДВ. 2006. № 1. С. 63.
2. *Ян Годун.* Эго ханьсюэши ци 1917 нянь [История российского китаеведения, начиная с 1917 г.]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2006; Элосы чжунгосюэ [Российское китаеведение]. Чунцин, 2011.
3. Элосы чжунгосюэ [Российское китаеведение]. Чунцин, 2011. С. 3.
4. *Borevskaya N.* Searching for Individuality: Educational Pursuits in China and Russia // Education, Culture, & Identity in Twentieth-Century China. Ann Arbor: Univ. of Michigan, 2001. P. 31–53; *Borevskaya N.* The PRC Educational Modernization Strategy: the Shift of a Paradigm? // Berliner China-Hefte. 2003. № 25; *Maljavin V.V.* Kina: istorija, kultura, religija. Beograd, 2008; *Le Mystere des metaphors dans la poesie Li Bo.* Par Sergey Toroptsev // Metaphores et cultures: En mots et en images. Paris, 2012. P. 103–118.
5. URL: http://slon.ru/economics/index_myagkoy_sily_kitay_v_2_raz_silney_rossii-794514.xhtml.
6. *Борих О., Ломанов А.* От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643>.

7. Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. + т. 6 (дополнительный) / РАН, Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006–2010.
8. Ламанов А.В. Элосы чжунгосюэ [Российское китаеведение]. Чунцин, 2011. С. 44.
9. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ. М., 2010.
10. Спешнев Н.А. Дискуссия об этнопсихологии китайцев / пер. с кит. Спешнева Н.А. // Восток — Запад: Ист.-лит. альм., 2005–2006. М., 2006. С. 231—268. В прил.: Ли Цзунъю. Наука о бесстыдстве и коварстве [Хоу хэй сюэ].
11. Торопцев С.А. Локус культуры в китайской ментальности // Отечественные записки. 2008. № 3. С. 205–221.
12. Лисевич И.С. Мозаика древнекитайской культуры. М., 2010.
13. Грицак Е.Н. Тибет. М., 2005. 223 с.: ил., 8 л. ил. (Памятники всемир. наследия); Рерих Ю.Н. Тибетская живопись / пер. с англ. М., 2001.; Елихина Ю.И. Тибетская живопись (тангка) из собрания Ю.Н. Рериха. СПб., 2010; Резван Е.А. Между Туркестаном и Тибетом: Салары. СПб., 2010; Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. М., 2011.
14. Ламанов А. В. Христианство и китайская культура. М., 2002.
15. Боровская Н.Е., Торопцев С.А. Китайская культура во времени и пространстве. М., 2010.
16. Например: Ли Фанпин. Китайская пейзажная живопись жанра "горы-воды" ("Шаньшуйхуа"): эволюция и некоторые параллели: дис... канд. искусствоведения. М., 2003; Чжань Янь. Китайский костюм эпохи Мин: Орнамент, декоративные особенности и символика: дис... канд. искусствоведения. М., 2003; Лоу Цинси. Десять этюдов по китайской архитектуре. М., 2009.
17. Малявин В.В. Основные этапы развития школьного образования в древнем и средневековом Китае // Очерки истории школы и педагогической мысли древнего и средневекового Востока. М., 1988.
18. Боровская Н.Е. Очерки истории школы и педагогической мысли в Китае. М., 2002.
19. См. рец. в журн. «Бнцзяо цзяоюй яньцзю» [Исследования по сравнительной педагогике]. Пекин. 2003. № 7. С. 89–90.
20. Педагогическая мысль и образование // Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 5. М., 2009. С. 529–575.
21. Боровская Н.Е. Особенности китайской педагогики и системы образования в контексте этнопсихологии. М., 2007.
22. См.: Боровская Н.Е. Традиции и современность в процессе модернизации системы образования в КНР // Образование в современном мире: достижения и проблемы. М.; Пятигорск, 2009. С. 312–343.
23. См.: Боровская Н.Е., Торопцев С.А. Китайская культура во времени и пространстве. М., 2010.
24. Боровская Н.Е. Изучение системы императорских экзаменов в России // Кэ цзюй чжи дэ чжунцзе юй кэ цзюй сзе дэ синци [Конец императорской экзаменационной системы и расцвет ее изучения] / ред. Лю Хайфэн. Ухань, 2006. С. 496–503 (на кит. яз.); Боровская Н.Е. Система императорских экзаменов в Китае // Педагогика. 2005. № 10. С. 78—90.
25. Боровская Н.Е. Государство и школа: опыт Китая на пороге III тысячелетия. М., 2003.
26. Боровская Н.Е. Реструктуризация финансирования государственной системы образования в КНР // Пробл. Дальнего Востока. 2001. № 2. С. 108—121.
27. Bray M., Borevskaya N. Financing Education in Transitional Societies: Lessons from Russia and China // Comparative Education. 2001. V. 37, № 3. P. 345–366.
28. Боровская Н.Е. Новые механизмы финансирования высшей школы в КНР: китайский опыт в российском контексте. М., 2009.
29. Доклад «Эффективность против равенства в китайском образовании» на XV международной конференции Европейской Ассоциации китаеведения, 2004. Гейдельберг (Германия).
30. Рысакова П.И. Система образования в китайском обществе. М., 2010.
31. См. сборники: Особенности организации и учебно-воспитательной деятельности 12-летней школы в Азии. М.: РАО пресс, 2003. С. 34–81; Оценка учебных успехов учащихся в школах за рубежом в контексте стандартов образования. М.: РАО пресс, 2005. С. 145–170; Модернизация профессионального образования: теория, опыт, проблемы. М.: ФГНУ ИТИП РАО, 2012. С. 46–64.
32. Боровская Н.Е., Гудошиников Л.М. Образовательное законодательство и образовательная система Китая // Образовательное законодательство и образовательные системы зарубежных стран. М.: Academia, 2007. С. 316–370.

33. Россия—Китай: образовательные реформы на рубеже XX—XXI вв. Сравнительный анализ / Отв. ред. Н.Е. Боровская, В.П. Борисенков, Чжу Сяомань. М., 2007.
34. 20–21 shiji zhijiao Zhong-E jiaoyu gaige bijiao. Beijing, 2006.
35. Educational Reforms in Russia and China at the Turn of the 21st Century: A Comparative Analysis / eds. Nina Ye. Borevskaya. V.P. Borisenkov, Xiaoman Zhu. Hong Kong, 2010.
36. См. доклад Н.Е. Боровской «Уроки сравнительных бинарных исследований» на Международной конференции «Миссия педагогических исследований в меняющихся обществах» (Пекин, 2010), а также рецензию Ruth Hayhoe в «Comparative Education Review» (2009. Febr. P. 143—145).
37. Развитие региональных систем профессионального образования в России и Китае: современное состояние и основные тенденции / Отв. ред. Н.Е. Боровская, С.А. Иванов, Чжу Сяомань. М., 2010; Чжунъэ дяньсин дицуй чжиъэ цзяоюй: дяоча юй бицзяо фэньси. Пекин: Изд-во Цзяоюй кэсюе, 2010.
38. Боровская Н.Е. Советская педагогика в оценках китайских ученых // Педагогика. 2007. № 8. С. 57–70; а также: Китайские педагоги об образовательных реформах в новой России // Педагогика. 2007. № 10. С. 80–90.
39. Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего // Науч. ред. Н.Е. Боровская. М.: МИСИС, 2009.
40. Боровская Н.Е. Интернационализация российских университетов: китайский вектор как часть Азиатско-тихоокеанского направления. РСМД. М., 2013. См. также ее раздел в монографии «Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего» (М., 2010).
41. Вайгожэнь кань Чжунго цзяоюй / Ред. Юань Гуйжэнь. Пекин: Изд-во Гаодэн цзяоюй, 2012. С. 184–191.
42. Хузиятова Н.К. Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации: автореферат дис... канд. филол. наук. СПб., 2008.
43. Хузем Д.В. Образно-символический мир в поэзии Се Тяо (V в.): автореферат дис. канд. филол. наук. М., 2011.
44. Сторожук А.Г. Юань Чжэнь: Жизнь и творчество поэта эпохи Тан. СПб., 2001; Сторожук А. Г. Художественные концепты и проблемы творчества в литературе эпохи Тан: дис... д-ра филол. наук. СПб., 2006.
45. Кравцова М.Е. Поэзия вечного просветления: Китайская лирика второй половины V — начала VI века. СПб., 2001; Кравцова М.Е. Хрестоматия по литературе Китая: Повествоват. проза. Поэзия. Драма. СПб., 2004.
46. Завидовская Е.А. Постмодернизм в современной прозе Китая: автореферат дис.... канд. филол. М., 2005.
47. Родионов А.А. Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе XX в. СПб., 2006; Коробова А.Н. Эволюция творчества Фэн Циция. От остроконфликтных сюжетов к «прозе родного города»: автореферат дис... канд. филол. наук. СПб., 2009.
48. Масалимова Д.Д. Поэзия государства Цзинь (1115–1235 гг.). Улан-Удэ, 2001.
49. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. М., 2002.
50. Позднеева Л.Д. История китайской литературы: собр. трудов. М., 2011.
51. Воскресенский Д.Н. Литературный мир средневекового Китая: китайская классическая проза на байхуа: Собр. трудов. М., 2006.
52. Торопцев С.А. Жизнеописание Ли Бо — Поэта и Небожителя. М., 2009.
53. Китайский поэт Золотого века. Ли Бо: 500 стихотворений в переводе Сергея Торопцева. М., 2011.
54. Ли Бай цзай Элосы цяньцзай чжининь [Тонкое ощущение в России поэзии Ли Бо сквозь тысячелетия] // Жэньминь жибао. 2012. 23 нояб.
55. Городецкая О.М. Четырежды "четыре печальных стиха": К вопросу о принципах перевода китайской поэзии // Общество и государство в Китае. М., 2003. С. 183–192; Городецкая О.М. Поэтика нероглифа: (Размышления переводчика) // Восток = Orients. -М., 2002. № 6. С. 5–24; Базылев В.Н., Сорокин Ю.А. Интерпретативное переводоведение. Пропевдический курс. Учеб. пособие / Ульяновский гос. ун-т. Ульяновск, 2000; Торопцев С.А. Китайское стихотворение и его русская интерпретация // Ин-т Конфуция / СПбГУ. 2010. № 3. С. 75–78.

56. Ду Фу. Проект Наталии Азаровой. М., 2012.
57. Серова С.А. Театральная культура Серебряного века в России и художественные традиции Востока (Китай, Япония, Индия). М., 1999.
58. Уварова И. "С Востока свет" // Народы Азии и Африки. 2000. №...
59. Серова С.А. "Китайский театр — эстетический образ мира. М., 2005.
60. Серова С.А. Религиозный ритуал и китайский театр. М., 2013.
61. Гайда И.В. Театр // КНР 55 лет. Политика. Экономика. Культура. М., 2004.
62. Демидо Н.Ю. Архитектура // Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т. 6 (доп.), М., 2010. С. 54–76; Виноградова Н.А. Ландшафтная архитектура // Там же. С. 77–99; Искусство китайской архитектуры / С. А. Комиссаров и др. Новосибирск, 2011.
63. Белозерова В.Г. Искусство китайской каллиграфии. М., 2007.
64. Новикова Е.В. Китайский сад — модель взаимоотношений Человека и Природы // Человек и природа в духовной культуре Востока. М., 2004. С. 396–417; Голосова Е.В. Ландшафтное искусство. М., 2008.
65. Осекмук В.В. Чань-буддийская живопись и академический пейзаж периода Южная Сун (XII—XIII вв.) в Китае. М., 2001; Перих Ю.Н. Тибетская живопись. М., 2002; Слово о живописи из Сада с горчичное зерно / пер. с кит., коммент. Завадской Е.В. М. (Перепеч. изд. 1969 г.); Кузьменко Л.И. Китайский фарфор с конца XVI до 80-х годов XVII в // Грани творчества: Сб. науч. ст. М., 2005. Вып. 2. С. 188–222; Неглинская М.А. Производство расписных эмалей в пекинских придворных мастерских XVIII в // Восток. М., 2006. № 1. С. 42–52.
66. Завьялова О.И. Китайские диалекты и современное языкознание в КНР // Вопр. языкознания. 2009. № 6. С. 102–108.
67. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. М.: Вост. лит. 2010.
68. Гуревич И.С. Историческая грамматика китайского языка: язык прозы на байхуа периода Сун—Юань (пинхуа). СПб., 2008; Зограф И.Т. Хрестоматия по китайскому языку (ранний байхуа и поздний вэньянь). СПб., 2005.
69. Кондратьева Е.Б. Грамматические особенности китайского языка эпохи Тан. Дисс.... канд. филол. наук. СПб., 2007.
70. Гурьян Н.В. Строение первого китайского словаря «Эр я». Дисс.... канд. филол. наук. М., 2009.
71. Крюков В.М. Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь—Чжоу. М., 2000; Готлиб О.М. Основы грамматики китайской письменности. М., 2006.
72. Торопцев С.А. Китай // История зарубежного кино. М., 2005. С. 520—546.
73. Торопцев С.А. «Международный бренд» китайского кино — режиссер Чжан Имоу. М., 2008.

Основные направления и особенности изучения международных отношений и внешней политики КНР в России в период 2000–2013 гг.

© 2013

В. Портяков

Рассмотрены основные направления исследований международных отношений и внешней политики КНР в России в 2000–2013 гг. Центральное место отведено современным российско-китайским отношениям, в т.ч. работам комплексного характера, публикациям о границе, межрегиональном взаимодействии и сотрудничестве двух стран в международных форматах. Охарактеризованы особенности исследований китайско-американских отношений. Проанализировано изучение новых моментов во внешней политике КНР.

Ключевые слова: Россия, Китай, китаеведение, международные отношения, внешняя политика.

Общая характеристика исследований

Период 2000–2013 гг. по сравнению с 1990-ми годами отмечен существенным расширением масштабов и заметной диверсификацией форм и методов изучения в России международных отношений и внешней политики Китайской Народной Республики.

Это напрямую связано с укреплением в 2000-е годы позиций Китая в мировой экономике и политике, последовательным развитием и углублением двустороннего российско-китайского сотрудничества, сходством подходов РФ и КНР ко многим международным проблемам и событиям в тех или иных «горячих точках», с растущим вовлечением значительных масс населения двух стран в непосредственные контакты друг с другом — туристические, образовательные, торгово-экономические, культурные. Наконец, заметно возрос вес китайского фактора в выборе Россией приоритетной самоидентификации — евроатлантической или, напротив, евразийско-тихоокеанской.

Для приграничных с КНР российских регионов многоплановые связи с соседними китайскими городами и провинциями начали абсолютно доминировать в их международных связях в целом. Постепенно не только Владивосток и Хабаровск, но также Благовещенск и Чита становились площадками проведения крупных регулярных конференций и подготовки изданий по Китаю с анализом российско-китайских отношений и другой проблематики, связанной с КНР. Аналогичные события периодически происходили также в Барнауле, Екатеринбурге, Челябинске, Томске, Красноярске. В последние годы исследование международных отношений Китая активизировалось в Санкт-

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока». E-mail: portyakov@ifes-ras.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

Петербурге, прежде всего на факультетах Международных отношений и Восточном Санкт-Петербургского государственного университета.

В Москве в целом сохранилась исторически сложившаяся ведущая роль Института Дальнего Востока в изучении современного Китая и внешней политики КНР. Вместе с тем, интересные труды по различным аспектам международных отношений КНР были созданы в МГИМО (Университет), Дипломатической академии МИД РФ, Институте мировой экономики и международных отношений, Институте востоковедения и Институте Африки РАН.

Намного шире, чем в 1990-е гг., публикации российских китаеведов-международников оказались представлены в отечественных общеполитических и специализированных газетах (в т.ч. в ведущих — «Коммерсант», «Независимая газета», «Время новостей» (до 2011 г.), «Российская газета») и журналах. Здесь к традиционным изданиям — «Восток», «Азия и Африка сегодня», «Проблемы Дальнего Востока», «Мировая экономика и международные отношения» — добавились новые, регулярно публикующие статьи о внешней политике КНР и ее позиционировании в системе международных отношений — «Россия в глобальной политике», «Международные процессы», вестники ряда вузов, а также Восточного факультета СПбГУ и Института стран Азии и Африки при МГУ. Чаше, чем прежде, статьи об отношениях Китая с Россией, США и другими странами стал помещать журнал Министерства иностранных дел России «Международная жизнь».

В предкризисный период на протяжении нескольких лет издавался иллюстрированный ежемесячный журнал «Россия — Китай: XXI век» (гл. ред. А.В. Лукин), пользовавшийся популярностью как у специалистов-китаеведов, так и у широкой общественности. С учетом востребованности китайской проблематики практиковался выпуск специальных номеров «интеллектуальных» журналов, посвященных Китаю и его международным отношениям. Например, «журнал для медленного чтения» «Отечественные записки» подготовил спецвыпуск «Дыхание Китая» (2008, № 3), авторами которого стали около полутора десятков экспертов, пишущих на китайские темы.

Российские ученые в 2000-е гг. стали активно привлекаться к комментированию политики Китая на радио («Радио России», китайская редакция «Радио России», «Эхо Москвы»), телевидении, на лентах и в передачах российских, китайских и иностранных информационных агентств и Интернет-сайтов.

Чаше, чем в 1990-е гг., стали проводиться очные и заочные «круглые столы». Так, в 2005 г. в ИДВ РАН был проведен «круглый стол» с анализом сборника материалов самой представительной за долгие годы конференции в КНР по китайско-российским отношениям¹, в конце 2010 г. — «круглый стол» «Меняющийся Китай в меняющемся мире»², в 2012 г. — заочный «круглый стол» российских и американских китаеведов об истории, современном этапе и возможных перспективах отношений в треугольнике «Россия — Китай — США»³.

Наряду с традиционными аспектами международных отношений КНР внимание ученых привлекает внешнеполитический инструментарий Пекина, включая политику партнерства, добрососедства, позиционирование в ООН, экономическую дипломатию⁴.

Попадают в поле зрения исследователей и вопросы народной дипломатии — здесь следует выделить фундаментальный труд Г.В. Куликовой об Обществе российско-китайской дружбы⁵, а также относительно новые сюжеты, связанные с попытками КНР улучшить свой образ в мире за счет активного использования инструментов «мягкой силы»⁶.

Наконец, нельзя не отметить широкое обращение ученых к разного рода опросам общественного мнения по вопросам позиционирования Китая в мире и его отношений с теми или иными странами, которые достаточно регулярно проводятся в западных странах и периодически — в России и в самой КНР⁷.

Подведение итогов 1990-х гг.

В начале 2000-х гг. в России был опубликован ряд монографий, ставших своеобразным итогом изучения отечественными специалистами международных отношений и внешней политики КНР в 1990-е годы.

Творческое содружество квалифицированного коллектива китаеведов, корееведов, японоведов, вьетнамистов, индологов дало возможность издать в 2001 г. фундаментальный труд «Границы Китая: история формирования», остающийся по сей день одной из лучших российских публикаций постсоветского периода по истории международных отношений КНР. Монография, вышедшая под общей редакцией известных ученых-китаеведов В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова, имела целью максимально учесть такие новые аспекты международных отношений, как «расчленение Советского Союза и образование новых государств, объединившихся в СНГ», трансформацию политики КНР в отношении сопредельных государств и переход к курсу «конструктивного добрососедства».

Одновременно авторы отмечали «обеспокоенность российской общественности» сохранением в научной и популярной литературе современного Китая стереотипов России как «захватчика китайских территорий», «недобросовестного партнера в международных отношениях»⁸.

Следует особо отметить анализ в монографии Е.Д. Степановым процесса становления морских рубежей Китая⁹ — проблемы, приобретшей в 2009–2013 гг. особую остроту. Свое видение формирования границ Китая Евгений Дмитриевич подытожил в монографии «Политика начинается с границы: некоторые вопросы пограничной политики Пекина второй половины XX в.»¹⁰.

Анализ территориальных споров о принадлежности расположенных в Южно-Китайском море островов Парасельских и Спратли (Сиша и Наньша) был дополнен и углублен в работах российских специалистов по Юго-Восточной Азии Е.А. Канаева (ИМЭМО РАН), Я.В. Лексютинной и В.Н. Колотова (Санкт-Петербургский университет), Д.В. Мосякова (Институт востоковедения РАН)¹¹.

Известный специалист по советско-китайским отношениям Б.Т. Кулик предпринял попытку раскрыть глубинные причины советско-китайского раскола, видя в этом «центральную ось проблемы отношений между КНР и СССР». В его монографии «Советско-китайский раскол: проблемы и последствия» представлен солидный фактический материал, приводится немало интересных фактов. Например, отмечается, что в 1958 г. Н.С. Хрущев, столкнувшись с негативной реакцией Мао Цзэдуна на свое предложение о создании совместного советско-китайского атомного подводного флота и о строительстве длинноволновой радиостанции, буквально сразу же пошел на попятную и дезавуировал его¹². Между тем китайские авторы даже в работах 2000-х годов нередко ссылались на это предложение как свидетельство «намерений Москвы поставить Китай под свой контроль».

В то же время особенности идеологической позиции автора, полагавшего, что «ревизионистские концепции» были активно использованы «прорабами» горбачевской «перестройки» в «антисоциалистических целях», привели его к абсолютно неверному, на мой взгляд, выводу, будто «советско-китайский раздор представляет собой порождение и отражение двух внутренних процессов... — процесса борьбы с капиталистической реставрацией в КНР и процесса вырастания и углубления антисоциалистических тенденций в СССР»¹³. К слову сказать, эволюция советско-китайских отношений и динамика их нормализации была рассмотрена в более традиционном и одновременно в более конструктивном ключе в монографии Ю.С. Пескова «СССР — КНР: от конфронтации к партнерству» (М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2007. 204 с.).

Своего рода инвентаризация концептуальных основ внешней политики КНР и ее подходов к основным субъектам международных отношений на рубеже XX—XXI вв. была представлена в учебнике МГИМО (Университет) «Китай в мировой политике», написанном группой экспертов из Москвы (МГИМО, институты Дальнего Востока, Востоковедения, Мировой экономики и международных отношений РАН) и Владивостока при участии специалистов из КНР и США¹⁴. В его «Заключении» ответственный редактор-составитель А.Д. Воскресенский дал в целом оправдавшийся прогноз тех стратегических целей, которых в обозримой перспективе намеревался добиваться Пекин во внешней политике. В их числе были названы: признание мировым сообществом территориальной целостности Китая и его особых прав в акватории Южно-Китайского моря, особого положения в Центральной Азии, продвижения употребления китайского языка в Азии¹⁵. Все эти вопросы сегодня находятся на ведущих местах в перечне внешнеполитических приоритетов КНР.

Адаптации внешнеполитического курса Пекина к существенно изменившимся в 1990-е гг. — после окончания «холодной войны» и распада СССР — международным условиям посвящена монография В.А. Корсуна «Внешняя политика Китая на пороге XXI века» (2002). Автор исследовал усилия КНР по выходу из международной изоляции, в которой она оказалась после санкций западных держав, последовавших за трагическими событиями на площади Тяньаньмэнь в Пекине 4 июня 1989 г. Рассмотрена политика Китая на фактически новом направлении — постсоветском пространстве, на Корейском полуострове и в Азии в целом, а также по отношению к США. В.А. Корсун справедливо обратил внимание на признание в КНР уже в 1990-е годы безальтернативности «тенденции развития мира в направлении многополярности» и на то обстоятельство, что уже к середине десятилетия концепция «глобализации» перестала игнорироваться в Пекине и нашла свое место в его проектах «нового мирового порядка»¹⁶. Оправдался и общий вывод В.А. Корсуна, отметившего, что в 1990-е гг. «как-то плавно и незаметно происходит... процесс превращения КНР из сугубо региональной державы, делающей акцент на урегулирование отношений... со своими соседями по региону, в глобальную сверхдержаву, может быть, единственную, способную бросить вызов планетарным претензиям США»¹⁷.

Изучение двустороннего российско-китайского сотрудничества

В целом подведение итогов изучения международных отношений Китая в период 1990-х годов оказалось полезным. Однако высокая динамичность текущей международной жизни потребовала незамедлительного переноса центра тяжести исследований на современные аспекты внешней политики КНР и анализ ее возможной эволюции в обозримой перспективе.

Весьма показательным в этом плане стал 2001 г., отмеченный такими событиями долгосрочного значения, как учреждение Шанхайской организации сотрудничества в составе Китая, России, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана (15 июня), подписание Россией и Китаем Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет (16 июля), направление в Афганистан войск антиталибанской коалиции, последовавшее за терактами в США 11 сентября, наконец, старт трехстороннего диалога ученых-политологов России, Индии и Китая.

Вполне логично, что основное внимание российских ученых оказалось сфокусировано на анализе различных направлений двустороннего сотрудничества между Россией и Китаем и на выявлении факторов, влияющих на его развитие.

Одной из первых комплексных работ по данной проблеме стала коллективная монография специалистов Института Дальнего Востока РАН «Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы» (руководитель проекта М.Л. Титаренко. М., 2005.

412 с.). Ученые рассмотрели воздействие внутреннего положения и внешней политики КНР на двусторонние отношения с Россией и проанализировали главные составляющие комплекса собственно двусторонних российско-китайских связей, в том числе торгово-экономическое, международное, военно-техническое и культурно-цивилизационное сотрудничество. В частности, были рассмотрены позиционирование России и Китая в Центральной Азии и ШОС (С.Г. Лузянин, Ю.С. Песков), роль фактора США в российско-китайских отношениях (Б.Т. Кулик, А.А. Свешников), «треугольники» Россия — Китай — Евросоюз (В.И. Балакин), Россия — Китай — Япония (А.В. Семин), Россия — Китай — Индия (С.В. Уянаев), роль фактора Тайваня в двусторонних отношениях (А.Г. Ларин) и возможности взаимодействия РФ и КНР в развивающихся странах (Е.И. Сафронова). Главы по различным аспектам практического двустороннего сотрудничества написали Ю.М. Галенович, В.Я. Портяков, М.В. Александрова, А.В. Шлындов, А.В. Ломанов.

В заключении работы были сформулированы развернутые выводы и предложения, многие из которых сохранили свою актуальность и поныне. Так, и сегодня для России «оптимальным вариантом остается всестороннее углубление российско-китайского сотрудничества, переход, прежде всего на базе прорыва в торгово-экономических и общественных связях, к модели реального соразвития двух стран». На наш взгляд, не снята с повестки дня и рекомендация монографии о разработке базового документа «Политика России в отношении Китая»¹⁸.

В то же время несколько преувеличенными оказались опасения возможности «укрепления стратегического сотрудничества между КНР и США... что было бы для нашей страны наихудшим сценарием»¹⁹. Определенные отголоски такой позиции проявились позже в заметной настороженности, с которой в России была встречена идея G-2 — создания «большой двойки» в составе США и Китая для де-факто руководства миром. Однако в реальной жизни отношения между РФ и КНР оказались вполне самостоятельными. Они, безусловно, подвержены влиянию различных внешних факторов, но все-таки следуют в первую очередь собственной логике развития.

Углубленный анализ влияния особенностей и перспектив развития Китая на нынешнее и будущее состояние его отношений с Россией был продолжен в работе «Китай — Россия 2050: стратегия соразвития». Ее основная особенность состоит в том, что для рассмотрения китайской проблематики была применена методология, разработанная ранее в Институте экономических стратегий для анализа исторической динамики и перспектив развития России. Согласно ей, матрица состояния страны на каждый данный момент оценивается по девяти параметрам: управление, территория, природные ресурсы, население, экономическое развитие, культура и религия, наука и образование, вооруженные силы, внешняя политика²⁰.

Один из главных выводов монографии заключался в том, что у России и Китая «совпадают и коренные национальные интересы, и целый ряд частных интересов как в области двусторонних отношений, так и в сфере региональных и глобальных проблем». Принципиально важной была констатация, что «каким бы ни было перспективное значение китайского фактора, важнее всего то, насколько жизнеспособным и эффективным станет само российское государство»²¹.

В работе была предпринята одна из первых в России попыток дать прогноз дальнейшей эволюции внешней политики КНР. Были предложены четыре сценария: первый — сосредоточение на мирном решении проблем; второй — попытки изменить ситуацию в свою пользу, в том числе не избегая конфликтов; третий — обострение отношений с Западом из-за попытки силового возвращения Тайваня (России рекомендовано «оставаться в стороне»); четвертый — маловероятный, но возможный — возникновение нестабильности в Китае (России также рекомендовано оставаться в стороне). Пожалуй, достаточно справедливым оказался итоговый вывод монографии: «по мере возвышения Китая внешняя обстановка будет все менее благоприятной для него и, возможно, даже

угрожающей». В этом контексте прогнозировался «рост заинтересованности китайской стороны в России»²², как известно, вполне проявившийся в 2009–2013 гг.

Одной из наиболее значительных работ стала коллективная монография «Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений» (2013). Отличительными особенностями исследования, получившего статус учебника для студентов вузов по специальности «международные отношения», явились, во-первых, сквозная хронологическая последовательность изложения от первых контактов двух государств и до наших дней и, во-вторых, весьма разносторонний коллектив авторов, представляющих Санкт-Петербургский (Н.А. Самойлов) и Тамканский (Тайвань, А.А. Писарев) университеты, Дипломатическую академию (Е.П. Баженов и А.В. Лукин), МГИМО (У) МИД РФ (А.И. Иванов), региональные научные центры Владивостока (В.Л. Ларин и Г.Н. Романова) и Красноярска (В.Г. Дацышен). В написанном А.В. Лукиным разделе о постсоветском периоде российско-китайских отношений рассмотрены их общая эволюция, значение Договора 2001 г., взаимодействие РФ и КНР в Центральной Азии и ШОС, форматах РИК и БРИКС, отношения в экономической области, сотрудничество в энергетике, инвестиционной, военно-технической и гуманитарной сферах. Итоговый вывод автора и всей монографии таков: «На основании изучения опыта развития КНР и современного состояния взаимодействия России и Китая для углубления и развития российско-китайских отношений и решения накопившихся в них проблем необходимо продолжить линию на развитие стратегического партнерства, при этом всемерно укрепляя собственную экономику, развивая собственные регионы. И это будет единственно верным ответом на китайский вызов»²³.

Различные аспекты постсоветского этапа российско-китайского взаимодействия стали предметом рассмотрения и анализа десятков, если не сотен статей достаточно широкого круга авторов, включая высокопоставленных дипломатов (С.В. Лавров, А.Н. Бородавкин, И.А. Рогачев, С.С. Разов, А.И. Денисов, К.В. Внуков) и многих ученых. Именно это направление российской экспертизы по Китаю оказалось наиболее востребовано международным сообществом, результатом чего явилась регулярная публикация работ российских авторов по двусторонним отношениям России с Китаем в зарубежных журналах и коллективных монографиях²⁴.

В числе конкретных аспектов российско-китайских отношений, привлечших повышенное внимание отечественных китаеведов, одним из первых следует назвать вопросы территориального размежевания и окончательного определения линии прохождения государственной границы между РФ и КНР.

В упоминавшейся выше коллективной монографии «Границы Китая: история формирования» детально показано становление границы между двумя странами (И.Т. Мороз, Н.В. Шепелева, Ю.М. Галенович), изложены малоизвестные перипетии советско-китайских переговоров 1920-х гг., затрагивавших вопросы прохождения границы, рассмотрен ход возобновившихся в 1987 г. переговоров между Советским Союзом и Китаем по пограничному вопросу, которые увенчались подписанием 16 мая 1991 г. Соглашения о государственной границе между СССР и КНР на ее Восточной части.

Подводя итоги советско- и российско-китайских пограничных переговоров в XX в., Ю.М. Галенович отметил, что «наши нации... в конечном итоге за много лет добились известного прогресса в оформлении прохождения линии границы. Но эта договоренность выглядит в известной степени временной, ибо она никак не заменяет прежние договоры...»²⁵. В дальнейшем он и ряд других ученых (например, В.С. Мясников) не раз высказывались в пользу замены соглашений, определяющих линию прохождения границы между РФ и КНР на отдельных участках, на единый новый договор о границе.

Эту точку зрения, однако, не поддерживают в МИД России, где считают, что после подписания Соглашения о российско-китайской границе на ее Западной части (3 сентября 1994 г.) и Дополнительного соглашения о границе на ее Восточной части (14 ок-

тября 2004 г.) формальных оснований для подготовки нового договора о линии прохождения границы нет.

Тем не менее, интерес к вопросам подготовки и реализации договоренностей о линии прохождения российско-китайской границы на протяжении всего периода 2001–2013 гг. оставался высоким. Это связано с рядом причин.

Во-первых, главное в том, что многие китайские историки продолжают отстаивать собственную версию истории территориального размежевания Китая с Россией, чреватую формированием стойкой ирредентистской психологии у жителей страны²⁶. Это заставляет российских ученых и дипломатов напоминать как об истории формирования двусторонней границы, так и о закреплении в статье 6 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. положения об отсутствии взаимных территориальных претензий.

Во-вторых, целый ряд участников советско- и российско-китайских переговоров о границе воспользовался представившейся возможностью поделиться своими воспоминаниями и размышлениями о различных этапах этого процесса. Мемуарно-аналитические публикации Ю.М. Галеновича, А.И. Елизаветина, В.Я. Воробьева²⁷, Г.В. Киреева, отражая особенности личной позиции авторов, содержат множество ценных для специалистов и широкого круга читателей документов, фактов, деталей хода переговоров.

На мой взгляд, особый интерес представляет монография «Россия — Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров» (М., 2006), подготовленная Генрихом Васильевичем Киреевым, который в течение 35 лет непосредственно занимался пограничной тематикой в министерствах иностранных дел Советского Союза и России, а в 1992–1999 гг. возглавлял работу по обозначению границы на местности и подготовку основополагающих демаркационных документов — Протоколов-описаний линии российско-китайской государственной границы и прилагаемых к ним карт (вступили в силу 19 января 2000 г. после обмена соответствующими нотами МИД РФ и КНР). Г.В. Киреев в своей работе уделил заметное место разбору позиции владивостокского исследователя Б.И. Ткаченко, выступившего с критикой МИД РФ за якобы односторонние уступки китайской стороне в вопросе о линии прохождения границы на ее Восточной части. Характеризуя аргументы Б.И. Ткаченко как «то ли сознательную фальсификацию, то ли заблуждение от незнания», Г.В. Киреев напомнил о письме в защиту позиции МИД России политическому руководству страны от 31 марта 1997 г., подписанном рядом российских ученых, дипломатов, пограничников, участвовавших в различные годы в переговорах о границе (в их числе С.Л. Тихвинский, Б.Н. Верещагин, Ю.А. Нешумов и другие)²⁸.

Б.И. Ткаченко, однако, своей позиции не изменил и продолжает отстаивать ее и поныне²⁹.

Наконец, интерес к методологии позитивного для обеих сторон решения Китаем и Россией проблемы границы объективно подогревается наличием в мире незавершенных территориальных споров и желанием найти в российско-китайских договоренностях некие подсказки и технологии для их «расшивки». Основания для этого есть. Еще в 2006 г. А.Д. Воскресенский в предисловии к русскому изданию книги известного японского специалиста по пограничным вопросам Акихиро Иваситы отмечает: «Виден и контраст между тем, что российские и китайские руководители нашли в себе терпение, мудрость и понимание, чтобы несмотря на все издержки и сложности, решить в целом пограничную проблему на приемлемых для обеих стран условиях, и японскими политиками, которые... не хотят видеть, что достойные компромиссы в решении пограничных вопросов... могут дать... больше безопасности... чем бесконечные выяснения «кто прав, а кто виноват»³⁰.

Как бы то ни было, решение вопроса о линии прохождения государственной границы, общее укрепление атмосферы доверия в двусторонних отношениях создали благоприятный фон для динамичного развития российско-китайского межрегионально-

го взаимодействия. Начавшись (и оставаясь в основном) как взаимодействие преимущественно торгово-экономическое, оно мало-помалу распространилось и на другие сферы — туризм, образование, культуру. Эта ситуация диктовала необходимость изучения и прогнозирования связей между РФ и КНР не только по межгосударственной линии, но и «с угла» конкретных регионов.

Безусловным лидером этого направления исследований стал В.Л. Ларин — директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток). Его работы отличаются объективным показом реальной, подчас достаточно противоречивой, картины российско-китайского взаимодействия, позволяющей корректировать исходящее иногда из Москвы одинаково неверное — сусально-благодное или же, напротив, заведомо алармистское — отношение к КНР.

Приведу в качестве примера представленный В.Л. Лариным перечень того, что наши граждане получили благодаря китайцам, ориентированным на ведение бизнеса в России: наполнение рынка товарами ширпотреба и продуктами питания, конкуренцию на рынках труда, ценовую конкуренцию и удешевление местных товаров, инвестиции в недвижимость, наполнение федерального и местных бюджетов, стимулирование турбизнеса и завязанной на него сферы обслуживания. «повышение уровня личного благосостояния отдельных чиновников, таможенников, милиционеров, работающих с китайцами»³¹. Нельзя не отметить и весьма удачное название одной из книг Виктора Лаврентьевича — «В тени проснувшегося дракона»³², позволяющее, среди прочего, понять психологическую подоплеку далеко не однозначного отношения российского населения к возвышающемуся Китаю.

Постепенно сформировалась группа исследователей, специализирующихся на изучении приграничного и межрегионального российско-китайского сотрудничества, прежде всего, в торгово-экономической сфере³³. Выявилось, что ученые из приграничных краев и областей, как правило, более позитивно оценивают состояние и перспективы такого сотрудничества, чем их коллеги из Москвы и не граничащих с КНР субъектов Федерации. Несходство позиций особенно наглядно проявилось в различии оценок Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. Она была положительно встречена и оценена в Благовещенске и Хабаровске, тогда как у экспертов из Новосибирска (В.В. Кулешов, А.Г. Коржубаев и другие) и Москвы (М.В. Александрова) сложилось впечатление, что Программа закрепляет сырьевую специализацию России в торгово-экономическом сотрудничестве с КНР³⁴.

Растущую важность межрегионального сотрудничества в общем комплексе двусторонних российско-китайских отношений косвенно подтверждает тот факт, что к их анализу нередко обращаются известные специалисты-политологи московских научных центров. Так, С.Г. Лузянин предпринял одну из первых попыток выделить несколько групп российских регионов, начиная с Урала и далее к востоку, в зависимости от характера и структуры их экономических связей с провинциями Китая³⁵. А.Д. Воскресенский, анализируя потенциал и вызовы регионального измерения российско-китайских отношений, пришел к выводу, что региональная компонента двусторонних торгово-экономических связей «по своей структуре и качеству все еще не соответствует провозглашенному стратегическому характеру отношений между двумя странами». Этому, по мнению автора, способствовало бы обеспечение по-настоящему устойчивого поступательного развития Дальнего Востока и Забайкалья³⁶.

Решение о проведении в 2006 г. Года России в Китае, а в 2007 г. — Года Китая в России стимулировало изучение российскими китаеведами новой темы — образа Китая в России и образа России в Китае.

Среди работ первого направления наибольшую известность получила монография А.В. Лукина «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—

XXI веках». Она была написана на основе докторской диссертации автора и опубликована как нельзя кстати в 2007 г. По мнению А.В. Лукина, «современный образ Китая в России — сложная система, состоящая из многообразных представлений на различных уровнях». Автор вводит понятие «многочисленных субобразов Китая», имея в виду образы в различных регионах России и у различных групп населения. В книге детально прослеживается специфика представлений о Китае граждан современной России, придерживающихся различных идеологических воззрений — националистов, левых, либералов-западников, показана сложность изживания тех или иных стереотипов. Особо подчеркивается, что с приходом В.В. Путина к руководству страной «Китай стал рассматриваться как наиболее важный из азиатских партнеров»³⁷.

Монография С.Л. Тихвинского, посвященная образу России в Китае, также охватывает период от первых контактов представителей двух держав в XVII в. до наших дней. Сугубо позитивно оценивая разворот российско-китайских связей к «отношениям добрососедства и стратегического партнерства» и всячески ратуя «за дружественное восприятие народами-соседями друг друга». Сергей Леонидович, тем не менее, был вынужден констатировать, что, «к сожалению, в Китае существуют условия для сохранения старых, антироссийских стереотипов среди части населения»³⁸. В справедливости этих слов позволяют лишний раз убедиться комментарии некоторых издаваемых в Гонконге журналов, приуроченные к визиту Си Цзиньпина в Россию в марте 2013 г. Так, передовица журнала «Чжэнмин», припомнив России все ее мыслимые и немыслимые «прегрешения» перед Китаем, назвала выбор нашей страны для первой зарубежной поездки Си Цзиньпина в качестве Председателя КНР «крупным промахом нового руководства»³⁹. В другом журнале — «Вайцань» — в связи с визитом руководителя КНР утверждается, будто «Россия... долгое время была пренеполнена недоверия к Китаю в международных делах, а рядовые китайцы также не питают особых симпатий к северному соседу»⁴⁰.

Так что утверждение подлинной атмосферы доверия между Китаем и Россией и их народами требует дальнейшей неослабной работы обеих стран.

Как отмечалось в еще одной обстоятельной работе российских китаеведов по данной теме, «современные российско-китайские отношения и производный от них образ России в Китае носят сегодня почти исключительно прагматично-функциональный характер, в них недостает эмоционального фона, искренней симпатии...». Этот недостаток предлагалось преодолевать усилиями по возвращению русского языка и русской культуры в Китай как достаточно массового явления, а не уделе узкого круга профессионалов, а также настойчивой работой над последовательным улучшением образа Китая в России⁴¹.

Значительное внимание отечественные исследователи уделили особенностям позиционирования Китая в международных организациях с его участием и российско-китайскому взаимодействию в них.

Пожалуй, наибольшее число публикаций посвящено Шанхайской организации сотрудничества. На первых порах исследования в этой сфере активно вели Институт Дальнего Востока РАН, Центр исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У)⁴² и Российский институт стратегических исследований⁴³.

Так, в 2005 г. был опубликован сборник статей по материалам «круглых столов» 2002–2004 гг. в Институте Дальнего Востока РАН «Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии», в котором рассматривались геополитическое и геоэкономическое значение Центральной Азии и интересы в регионе основных мировых игроков (В.В. Михеев, В.Б. Якубовский), место ШОС в российско-китайских отношениях и влияние американского фактора на взаимодействие РФ и КНР в организации и в регионе (Ю.С. Песков, А.А. Свешников, С.Г. Лузянин). В работе были сформулированы ближайшие тактические и долгосрочные задачи ШОС, отмечено, что «консолидация ШОС означает, в первую очередь, сближение

России и Китая». Предлагалось проработать «возможность проведения ШОС всего спектра миротворческих операций». Прогнозировалось, что «Шанхайская организация сотрудничества при условии умелой организации ее политического и экономического потенциала может стать мощным международным центром силы»⁴⁴.

За этой монографией последовал целый ряд новых работ по аналогичной проблематике⁴⁵. Вопросы российско-китайского взаимодействия в интересах совершенствования деятельности ШОС периодически рассматривались в журнальных публикациях В.Я. Воробьева, Л.П. Монсеева, К.М. Барского⁴⁶ — национальных координаторов РФ в этой организации в разные годы. Хотя в них преобладает официальный оптимизм, в последнее время наблюдаются и элементы косвенной критики ШОС, которая далеко не оправдала дававшихся ей авансов. Так, В.Я. Воробьев, напомнив, что саммит Организации в Пекине в 2012 г. дал старт подготовке среднесрочной стратегии ее развития, отметил необходимость нацелить стратегию на «обеспечение динамики в деятельности ШОС»: «она должна предполагать своевременную корректировку устаревающих моментов... во избежание появления застойных явлений или опасных тромбов»⁴⁷. На наш взгляд, обобщение опыта деятельности ШОС с 2001 г., предлагаемое дипломатом, будет полезным только в том случае, если обретет характер серьезного критического анализа причин пробуксовки сотрудничества в организации на важнейших направлениях, особенно в сфере экономики.

Сотрудничество в формате Россия — Индия — Китай (РИК) начало обретать реальные очертания с сентября 2001 г., когда в Москве состоялась первая встреча ученых-политологов трех стран. Последняя по времени такая встреча, уже 12-я по счету, прошла в Дели в ноябре 2012 г. Диалог ученых помог запуску регулярных встреч министров иностранных дел России, Индии и Китая, а затем и развертыванию секторальных диалогов о перспективах сотрудничества в сельском хозяйстве, здравоохранении, преодолении последствий чрезвычайных ситуаций. Основные итоги встреч ученых регулярно подводятся в журнале «Проблемы Дальнего Востока»⁴⁸. Выступления участников трехсторонней конференции периодически публикует журнал индийского Института китайских исследований «China Report».

В 2004 г. в Институте Дальнего Востока был издан сборник основных докладов российских, индийских и китайских участников трех первых конференций, констатирующий «богатый позитивный потенциал трехстороннего сотрудничества» в связи со схожестью глобальных приоритетов и задач внутреннего развития трех государств, взаимопересекающимися интересами поддержания глобальной стабильности и улучшением всех трех пар двусторонних отношений в формате РИК⁴⁹.

Трехстороннему сотрудничеству посвящена специальная глава в монографии российских индологов «Индия — Россия: стратегия партнерства в XXI веке». Согласно прогнозу ее автора Т.Л. Шаумян, «сохранение стабильности отношений между Россией и Индией, Россией и Китаем и необратимость процесса улучшения отношений между Индией и Китаем создадут условия для повышения роли трехстороннего политического и экономического сотрудничества на мировой арене. в том числе и в их консолидированной борьбе против формирования однополярного мира»⁵⁰.

Российские китаеведы исходят из того, что у формата РИК сохранилась своя уникальная ниша сотрудничества и после достаточно динамичного запуска взаимодействия в формате БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка). Интересы Китая в БРИКС также становятся предметом специального анализа отечественного китаеведения. Как отметил С.В. Уянаев, Пекин видит в БРИКС конструктивный фактор формирования более сбалансированного, справедливого и рационального миропорядка. Одновременно КНР настойчиво предлагает активизировать сотрудничество участников в «практически значимых сферах». В целом взаимодействие в формате БРИКС включено в перечень внешнеполитических приоритетов КНР⁵¹.

Всем трем вышеупомянутым форматам посвящены отдельные разделы в сборнике выступлений директора ИДВ РАН академика М.Л. Титаренко на российских и международных конференциях «Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире»: раздел VI «Россия и Китай в Центральной Азии. Растущая роль ШОС» и раздел VIII «РИК и БРИК — новый формат сотрудничества и диалога»⁵².

Комплексный анализ современной внешней политики КНР и ее отношений с отдельными странами и регионами

Современное российское китаеведение отличается явно выраженным креном на изучение отношений России с Китаем, тогда как другим направлениям внешней политики КНР уделяется меньше внимания, чем следовало бы. К тому же к таким исследованиям частенько к месту и не к месту пристегивается «российский фактор», и объектом изучения нередко выступают не двусторонние отношения Китая с той или иной страной, а далеко не всегда оправданные, подчас искусственно конструируемые отношения в «треугольниках» в составе Китая, России и какой-либо еще страны или региона.

Кроме того, исследователями отношений Китая с большинством зарубежных государств (пожалуй, кроме США) обычно выступают не китаеведы, а специалисты других страноведческих профилей. Поэтому, например, картина китайско-японских отношений сформирована в российском общественном сознании добротными трудами японоведов и востоковедов — прежде всего А.В. Семина, Г.Ф. Кунадзе, В.В. Михеева, В.О. Кистанова⁵³, однако видение этих отношений с «китайского угла», базирующееся на китайязычных источниках, по сути дела отсутствует. То же самое можно сказать и о весьма непростых на современном этапе отношениях КНР с корейскими государствами и с Вьетнамом — корееведы и вьетнамисты проявляют здесь гораздо большую активность, чем китаеведы⁵⁴.

Немногочисленны российские публикации по таким популярным в мире сюжетам, как отношения КНР с Европейским союзом⁵⁵ и африканскими государствами⁵⁶, странами арабского мира, Ближнего и Среднего Востока.

Лишь в самые последние годы предметом специальных исследований стали отношения КНР с иными, помимо государств Центральной Азии, республиками Содружества независимых государств и странами Балтии⁵⁷.

В то же время российское китаеведение демонстрирует высокую активность в изучении отношений КНР с США. Это объясняется пониманием объективной важности состояния американо-китайских отношений для международной обстановки в целом и очевидным опасением не просмотреть оформления чего-либо вроде нового варианта биполярного мира с Китаем и Соединенными Штатами в качестве его полюсов.

Роль фактора Тайваня в американо-китайских отношениях и историческую взаимосвязь политики КНР на советском и американском направлениях детально исследовал российский дипломат Г.В. Зиновьев⁵⁸. Мне представляется справедливым его вывод, что «с распадом СССР взаимоотношения Пекина с Вашингтоном и Москвой перешли в новое качество. «Холодная война» и биполярный мировой порядок ушли в прошлое, что самым существенным образом трансформировало треугольник Вашингтон — Москва — Пекин. США остались единственной сверхдержавой и не нуждались более в такой конфигурации»⁵⁹.

Реанимация некоторых мотивов «треугольника» пришлось уже на 2000-е годы и объяснялась определенной обеспокоенностью США динамичным российско-китайским сближением. В последние годы ряд ученых предпочитает рассматривать китайско-американские отношения как часть «треугольника». Так, А.С. Давыдов полагает, что «взаимоотношения в тройственной конфигурации РФ — США — Китай будут иметь для России ключевое значение... И хотя говорить о реальности полноценного трехстороннего формата сегодня, к сожалению, не приходится, это не означает, что роль и важность

России, даже уступающей двум другим странам по экономическим критериям, становится в их взаимоотношениях менее существенной и весомой». У России, считает А.С. Давыдов, есть преимущества перед двумя сильнейшими (членами треугольника), «которые она может и должна воспользоваться»⁶⁰.

О.А. Тимофеев (Амурский госуниверситет, Благовещенск) уделил основное внимание двусторонним отношениям КНР и США: диалоговым механизмам, торгово-экономическим связям, особенностям подходов к Китаю различных американских президентов⁶¹.

Представляется в целом оправдавшимся и по-прежнему актуальным прогноз В.Б. Амирова, сделанный еще в 2007 г.: «не только в американском экспертном сообществе, но и на государственном уровне... скорее всего продолжится борьба курсов на «сдерживание» Китая или на его «конструктивное вовлечение» в мировые дела, либо на сочетание того и другого — на конкуренцию с Китаем за лидерство в АТР в сочетании с партнерством там, где для Соединенных Штатов это представляет несомненный интерес»⁶².

Впрочем, по мнению Я.В. Лексютинной, в целом в первый срок пребывания у власти в США администрации Б. Обамы американо-китайским отношениям была свойственна «возросшая нестабильность и усилившаяся конфликтность». Более того, инициированный Б. Обамой внешнеполитический курс на «возвращение в Азию»... вступил в противоречие с интересами Китая»⁶³.

В данном контексте вполне оправданным стало повышение в последние годы внимания российских экспертов к политике КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая включает в себя целый ряд относительно самостоятельных «дочерних» направлений. В их числе шаги Пекина по утверждению своего суверенитета над островами Южно-Китайского (Парасельские и Спратли — Сиша и Наньша) и Восточно-Китайского морей (Дяоюйдао — Сэнкаку) и его позиция по урегулированию конфликтов с другими претендентами на эти территории, подход к обеспечению безопасности на Корейском полуострове, отношения с государствами-членами АСЕАН, позиционирование по отношению к различным многосторонним форматам в АТР, таким как Восточно-Азиатский саммит и Транстихоокеанское партнерство.

Как полагает В.И. Трифонов (ИДВ РАН), «хотя политика Китая все больше приобретает глобальный характер, однако главным центром активности КНР является Азиатско-Тихоокеанский регион». По его мнению, вес и влияние КНР в регионе возросли, «Пекин существенно потеснил в АТР Соединенные Штаты и Японию»⁶⁴. Вместе с тем, вряд ли уже сегодня можно говорить о безоговорочном лидерстве Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Его утверждению в этом качестве препятствуют, по мнению главы Московского центра Карнеги Д.В. Тренина, «неразрешенные стратегические разногласия» со странами Юго-Восточной Азии, грядущее соперничество с другой «восходящей» державой Азии — Индией и, конечно же, «большая, чем когда-либо, решимость сдержать» растущую мощь Китая на море и в воздухе, демонстрируемая Японией⁶⁵. Кстати, еще несколько лет назад Г.Ф. Кунадзе обратил внимание, «что претендующая на спорные острова сторона в вопросе о Сэнкаку — Китай... выступает с предельно жестких ультимативных позиций, по сути, исключая возможность компромисса... Складывается впечатление, что Китай в вопросе о Сэнкаку» стремится «не столько к урегулированию спора, сколько к его сохранению... для целей политического давления на оппонента»⁶⁶.

Что касается возможной реакции России, то Д.В. Тренин считает, что «Москва, скорее всего, будет придерживаться нейтралитета по ряду территориальных проблем на восточной и южной периферии КНР»⁶⁷. Не затрагивая непосредственно спор о суверенитете над островами, В.И. Трифонов полагает «актуальным принятие странами региона действенных мер по стабилизации обстановки», напоминая в этой связи о договоренно-

сти глав КНР и РФ (от сентября 2010 г.) совместно выступить с инициативой по укреплению безопасности в АТР⁶⁸.

Поступательное усиление веса Азиатско-Тихоокеанского вектора в самостоятельном внешнеполитическом курсе России требует дальнейшего систематического и глубокого изучения общей направленности и нюансов внешней политики КНР в данном регионе.

Работы с общей комплексной характеристикой внешней политики и международных отношений Китая остаются в России немногочисленными. К их числу можно отнести монографию Е.О. Подолько «Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики» (2006)⁶⁹, цитировавшийся выше коллективный труд ученых Института мировой экономики и международных отношений под редакцией Г.И. Чуфрина «Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности» (2007), монографию В.Я. Портякова «Становление Китая как ответственной глобальной державы» (2013)⁷⁰.

Комплексным охватом отличаются в большинстве случаев международно-политические разделы ежегодника Института Дальнего Востока РАН «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура». Так, последний из них — Ежегодник за 2012–2013 гг. — анализирует политическое, торгово-экономическое и международное сотрудничество России и Китая (авторы — соответственно, В.Е. Петровский, С.В. Уянаев и М.В. Александрова), общие проблемы внешнеполитического курса КНР (В.И. Трифонов), отношения Китая со странами СНГ (А.И. Мокрецкий), США (А.С. Давыдов), ЕС (А.О. Виноградов), Индией (С.В. Уянаев), Афганистаном (А.Ф. Клименко и Ю.В. Морозов), позицию КНР в форматах РИК и БРИКС (С.В. Уянаев), ШОС (С.Г. Лузянин), политику Пекина на Ближнем Востоке (К.В. Антипов), в странах Африки и Латинской Америки (Е.И. Сафронова)⁷¹.

Изменения во внешней политике Китая последних лет рассмотрены также в обобщающих статьях М.В. Мамонова⁷², С.Г. Лузянина⁷³. В серии статей В.Я. Портякова об особенностях «послеолимпийского» (2008 г.) внешнеполитического курса Пекина⁷⁴ проанализированы причины активизации КНР на мировой арене. В их числе — рост экономической мощи, давление националистических настроений в обществе на руководство страны, расчеты на ослабление США и скорое обретение Китаем сверхдержавного статуса. Хотя с конца 2010 г. Китай пытается несколько скорректировать свою манеру поведения в международном сообществе, внешнеполитическая платформа XVIII съезда КПК (ноябрь 2012 г.) свидетельствует о его готовности жестко отстаивать свои интересы и в условиях декларируемой приверженности мирному пути развития.

В целом сделан вывод, что период доминирования заветов Дэн Сяопина, в том числе центрального из них — «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя» — как руководящего курса практической внешней политики КНР постепенно завершается⁷⁵.

* * *

В заключение совсем коротко о некоторых проблемах, с которыми сталкивается изучение международных отношений и внешней политики Китая в современной России.

Количество пишущих по этой информационно неисчерпаемой теме неуклонно растет, но оно явно не переходит в качество. Экспертов, базирующих свои выводы и прогнозы на изучении солидных китайязычных первоисточников, вполне можно пересчитать на пальцах двух рук, а то и одной. Обширная научная литература по международным отношениям, включая периодику, которая издается в КНР, плохо известна в России. То же можно сказать и об англоязычной литературе по Китаю — она стала существенно менее доступной, чем в советские времена, отчасти из-за дороговизны, отчасти из-за общей утраты в стране культуры работы с научной информацией (интернет-ресурсы восполняют этот пробел лишь отчасти).

Еще печальнее то обстоятельство, что малодоступными даже для специалистов стали многие работы российских Китаеведов. Причина — малотиражность и дорого-

визна книг и журналов. Возникла вполне реальная угроза разрыва единого для всей России научно-образовательного пространства по Китаю, в том числе по международным отношениям и внешней политике, его распада на множество локальных версий Китаеведения, производимых и воспроизводимых в высших учебных заведениях различных регионов страны.

В нынешней ситуации настоятельно требуется подготовка совместными усилиями ведущих Китаеведов-международников России «Истории международных отношений и внешней политики КНР», которая охватывала бы период с конца 1980-х годов и могла бы служить стандартом и своего рода справочником для преподавателей, журналистов и российской общественности.

1. Обсуждение сборника статей «История и современное состояние китайско-российских отношений» [Кайфэн, 2004. На кит. яз.] // Пробл. Дальнего Востока (далее ПДВ), М., 2005. № 3. С. 8–43; № 4. С. 17–42. В «Круглом столе» принимали участие: М.Л. Титаренко, В.Я. Портяков, Н.Л. Мамаева, Ю.М. Галенович, А.А. Свешников, А.В. Островский, М.В. Александрова, А.Г. Ларин, В.Б. Кашин, Е.Д. Степанов, В.Ф. Бородич, Ю.С. Песков, С.Л. Тихвинский, Р.А. Мирончик, М.В. Крюков, А.С. Ипатова, И.Б. Кульчицкая, Н.А. Самойлов, А.А. Москалев, С.Г. Лузянин, В.И. Балакин.
2. См.: ПДВ. 2011. № 1. С. 45–123.
3. Круглый стол в ПДВ. Фактор Китая в взаимоотношениях РФ и США // ПДВ. 2012. № 2. С. 75–122. С российской стороны в заочном круглом столе приняли участие: А.С. Давыдов, Ю.А. Дубинин, А.С. Крушинский, А.Г. Ларин, В.И. Трифионов, С.М. Труш. С американской стороны — Эзра Вогель, Джон Гарвер, Лоуэлл Диттмер, Джун Дрейер, Эллис Миллер, Грегори Мур.
4. Пяти принципам мирного сосуществования и их месту в дипломатии КНР посвящена книга: *Валехова А.А.* Основы китайской дипломатии. М., 2007. 151 с.
А. Мардашову принадлежит глава об экономической дипломатии Китая в коллективной монографии «Экономическая дипломатия в эпоху глобализации» под редакцией Л.М. Капицы (М.: МГИМО (У), 2010).
См. также: *Портяков В.* Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен // ПДВ. 2011. № 1. С. 135–149.
5. *Куликова Г.В.* Россия — Китай: народная дипломатия. Общество российско-китайской дружбы. М., 2012. 512 с.
6. *Ламанов А., Борох О.* Стратегия создания «могущественного культурного государства» (о решениях 6-го пленума ЦК КПК 17-го созыва) // ПДВ. 2012. № 1. С. 4–16.
7. Специальный опрос общественного мнения был, в частности, проведен при подготовке работы А.Г. Ларина «Китайские мигранты в России» (М., 2009). Данные об опросах общественного мнения в КНР и США широко используются в работах Д.В. Кузнецова (Благовещенск). См., например: *Кузнецов Д.* Место, роль и политика КНР в международных отношениях в зеркале китайского общественного мнения // Современный Китай в системе международных отношений. М., 2012. С. 231–277.
8. Границы Китая: история формирования / Под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли. 2001. С. 6–7.
9. Указ. соч. Гл. 5. С. 403–449.
10. *Степанов Е.Д.* Политика начинается с границы. Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М.: ИДВ РАН. 244 с.
11. См.: *Канаев Е.А.* Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М.: Готика, 2007; *Лексютин Я.* Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // ПДВ. 2011. № 5. С. 30–41; *Мосяков Д.В.* Политика Китая в отношении стран Юго-Восточной Азии и ее влияние на безопасность и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки. СПб., 2013. С. 77–92; *Колотов В.Н.* Восточноазиатская дуга нестабильности как основной элемент системы региональной безопасности // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки. С. 58–76.
12. *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000. С. 9.

13. Там же. С. 289, 607.
14. Китай в мировой политике. М.: МГИМО (Университет), 2001. 523 с.
15. Там же. С. 482–483.
16. *Корсун В.А.* Внешняя политика Китая на пороге XXI века. М.: МГИМО (У) МИД России, 2002. С. 66, 69.
17. Там же. С. 110.
18. Российско-китайские отношения: Состояние, перспективы. М., 2005. С. 402–403. 407.
19. Там же. С. 399.
20. *Кулик Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай — Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006, 656 с. На предпоследней странице книги отмечается, что при ее подготовке представили свои разработки Е.С. Баженова, Я.М. Бергер, Ю.М. Галенович, Л.М. Гудошников, П.Б. Каменнов, М.В. Крюков, А.В. Ломанов, А.В. Островский, И.А. Петухов, В.Я. Портяков, А.А. Свешников, Е.Д. Степанов.
21. Там же. С. 567, 570.
22. Там же. С. 574–577.
23. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013. С. 689.
24. Среди последних по времени публикаций: *Lukin A.* Russia and Ascendant China // *China Rise: Threat or Opportunity?* Routledge, Singapore. 2013. P. 52–79; *Portyakov V.* Russian-Chinese Relation: Current Stage and Future Prospects // *R/Evolutions*. Poznan: Adam Mickewicz University. 2013, Vol. 1. Issue 1. P. 234–245; *Voskressenski A.* The Structural Stages of Russian-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Fourth Stage // *Eurasian Review* / Kookmin University. Seoul. 2012. Vol. 5, Nov.
25. Границы Китая: история формирования. С. 221.
26. См., например: *Цзян Чанбинь.* Эволюция восточного участка китайско-российской границы (Чжун Э гоцзе дундуань дэ яньбянь). Пекин, 2007. 489 с; Хронология неравноправных договоров в новой истории Китая [Чжунго цзиньдай бу пиндэн тяоюэ няньбяо]. Пекин, 2012. 167 с.
27. *Галенович Ю.М.* Россия и Китай в XX веке: Граница. М.; Изограф, 2001 (часть II монографии называется «Что от нас хотел Пекин? Воспоминания участника советско-китайских переговоров 1960–1970-х гг. С. 80–308); *Елизаветин А.И.* Записки советского посла. М., 2012; *Воробьев В.* Об урегулировании пограничных вопросов с КНР (Заметки, навеянные воспоминаниями китайских дипломатов) // ПДВ. 2012. № 2. С. 70–74; *Воробьев В.* Неизвестные страницы пограничных переговоров с Китаем // *Международ. жизнь.* 2006. № 12. С. 56–61.
28. *Киреев Г.В.* Россия — Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М.: РОССПЭН, 2006. С. 230, 305–309.
29. В 2010 г. вышла в свет новая монография Б.И. Ткаченко «Восточная граница между Россией и Китаем в документах и фактах» (Владивосток, 2010. 364 с), где, в частности, утверждается, что разрешение в 2004 г. проблемы островов в районе Хабаровска и в верховьях реки Аргунь «наносит геополитический ущерб интересам России в настоящее время и в будущем».
30. *Воскресенский А.Д.* Исторические омуты книги профессора Акихиро Ивасита. Предисловие к русскому изданию книги Акихиро Ивасита «4000 километров проблем. Российско-китайская граница». М., 2006. С. 45.
31. *Ларин В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI века). М., 2005. С. 272–273.
32. *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX — XXI веков. Владивосток, 2006.
33. Назовем М.В. Александрову из Института Дальнего Востока РАН — автора монографий «Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ» (М., 2003. 179 с.) и «Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ» (М., 2005. 262 с.), Л.Н. Понкратову из Амурского государственного университета (Благовещенск), Е.И. Деваеву и Н.И. Рыжову из Института экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск).
34. См.: *Кулешиов В., Атанов Н., Безруков Л., Коржубаев А., Матов В., Санцев Б., Сысоева Н.* О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества // ПДВ. 2010. № 6. С. 62–69; *Александрова М.В.* Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: вчера, сегодня, завтра — в кн. Российско-китайское сотрудничество в Северо-

- Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию (доклады российско-китайской конференции 11 октября 2011 г.). М., 2012. С. 105–117.
35. *Лузянин С.Г.* Российско-китайское стратегическое партнерство: региональное, культурно-цивилизационное и образовательное измерения // *Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения.* Владивосток, 2008. С. 156–180.
 36. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: потенциал, перспективы, вызовы и проблемы регионального измерения отношений // *Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте...* С. 70–136.
 37. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М., 2007. С. 486, 482.
 38. Восприятие в Китае образа России // *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения: в 5 кн. М., 2012. Кн. 6. Доп. С. 228.
 39. Крупный промах нового руководства [Синь баньцзы и да байби] // *Чжэнмин, Гонконг.* 2013. № 427, май. С. 2–3.
 40. *Чжан Вэй.* «Политический вальс» Си Цзиньпина (Си Цзиньпин до «чжэнчжи хуарьцзы») // *Вайцань.* Гонконг, 2013. № 5. С. 17.
 41. Основные особенности современного внутри- и внешнеполитического курса китайского руководства и их влияние на образ России в Китае / Руководитель авторского коллектива В.Я. Портяков, отв. ред.-сост. Е.И. Сафронова // *Китай в мировой и региональной политике: История и современность.* М.: ИДВ РАН, 2008. Вып. 13 (Спец.). С. 272–274.
 42. См.: *Лукин А., Мочульский А.* Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития — Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. М., 2005. Вып. 2.
 43. См.: *Комиссина И.Н., Куртов А.А.* Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М., 2005. 118 с.
 44. Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии / отв. ред. А.В. Болятко; сост. А.Ф. Клименко). М.: ИДВ РАН, 2005. С. 216–221.
 45. См., например: *Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества.* М.: ИДВ РАН, 2006. 239 с; *Взаимодействие России с Китаем и другими партнерами по Шанхайской организации сотрудничества.* М.: ИДВ РАН, 2008. 180 с.
 46. См., например: *Барский К.* Центральная Азия под «непромокаемым зонтиком» ШОС // *Международ. жизнь.* 2012. № 5; *Он же.* Шанхайская организация сотрудничества накануне саммита в Бишкеке: основные задачи момента // *Международ. жизнь.* 2013. № 5; *Моисеев Л.П.* Через ШОС снимается масса проблем // *Международ. жизнь.* 2010. № 6.
 47. *Воробьев В.* Некоторые аспекты подготовки стратегии Шанхайской организации сотрудничества // *Международ. жизнь.* 2013. № 7. С. 126–132.
 48. См., например: *Уянаев С., Портяков В.* Об итогах 11-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая // *ПДВ.* 2012. № 1. С. 32–37; *Уянаев С.* Россия — Индия — Китай: 12-я трехсторонняя конф. ученых // *ПДВ.* 2013. № 1. С. 19–24.
 49. *Уянаев С.* Проблема трехсторонних отношений России, Индии и Китая: Предисловие // *Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления.* В 2-х т. М.: ИДВ РАН, 2004. Т. 1. С. 10–11.
 50. *Кузык Б.Н., Шаурьян Т.Л.* Индия — Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М., 2009. С. 1124–1125.
 51. *Уянаев С.* Интересы Китая в БРИКС: отражение роли и стратегии КНР в мире // *ПДВ.* 2012. № 6. С. 4–19.
 52. *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012. С. 397–432, 474–540.
 53. См., например: *Семин А.В.* Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX — начало XXI века). М.: ИДВ РАН, 2008; *Кунядзе Г.Ф.* Китай во внешней политике Японии // *Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности.* М., 2007. С. 178–196; *Мухеев В.В.* Китай — Япония: Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО РАН, 2009; *Кистанов В.* Антикитайская сеть Японии. Токно создаст сдержки и противовесы Пекину по всему миру // *Независимая газ.* 2013. 10 июля.

54. См.: *Федоровский А.Н.* Корейский полуостров и Китай // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. С. 217–236; *Колотов В.Н.* Вьетнам между США и КНР: историко-политологический анализ современной геополитической ситуации в регионе // Основные тенденции политического и экономического развития стран современной Азии и Африки. СПб., 2011. С. 289–305.
55. См.: *Носов М.Г., Смольников С.В.* ЕС—Китай на пути к глобальному партнерству. М.: Ин-т Европы РАН, 2005. 49 с.; *Мардашев А.* Китайская Народная Республика и Европейский союз: процесс становления всестороннего стратегического партнерства и перспективы его дальнейшего развития // ПДВ. 2009. № 3. С. 7–15; *Майборода Д.* Саммиты КНР — ЕС // ПДВ. 2010. № 3. С. 20–28.
56. Здесь следует выделить монографию Т.Л. Дейч «Африка в стратегии Китая» (М.: Ин-т Африки РАН, 2008. 326 с.).
57. См.: Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая. М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 2013.
58. *Зиновьев Г.В.* История американо-китайских отношений и тайваньский вопрос. 2-е изд. Томск, 2007; *Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991). СПб., 2010.
59. *Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. С. 315.
60. *Давыдов А.* КНР — США — Россия: обещают ли перемены во власти власть перемен? // ПДВ. 2013. № 2. С. 67–83. Здесь — С. 81.
61. *Тимофеев О.А.* Американо-китайские отношения на современном этапе: события, процессы, тенденции // Современный Китай в системе международных отношений. М., 2012. С. 82–127.
62. *Амиров В.Б.* Соединенные Штаты: демистификация Китая? // В кн.: Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. С. 175.
63. *Лексюткина Я.В.* США и Китай: линии соперничества и противоречий. СПб., 2011. С. 206–207.
64. *Трифонов В.И.* Внешняя политика КНР // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012–2013. М., 2013. С. 263.
65. *Тренин Д.* Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга — М., Московский центр Карнеги, 2012. С. 30–31.
66. *Кунадзе Г.Ф.* Китай во внешней политике Японии — В кн.: Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. С. 192.
67. *Тренин Д.* Указ. соч. С. 64.
68. *Трифонов В.И.* Указ. соч. С. 264–265.
69. *Подолько Е.О.* Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики. М.: Дипломат. акад. МИД России, 2006. 210 с.
70. *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с.
71. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012–2013. С. 215–374.
72. См.: *Лузянин С.Г., Мамонов М.В.* Китай в глобальных и региональных измерениях: ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. М.: ИДВ РАН, 2011. Вып. 16. С. 5–31.
73. *Лузянин С.Г.* Внешняя политика Китая: от регионального к глобальному // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 31–54.
74. *Портяков В.* О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 гг. // ПДВ. 2012, № 2. С. 27–42; *Портяков В.* Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия // ПДВ. 2013. № 2. С. 52–66; *Портяков В.* О некоторых аспектах внешней политики Китайской Народной Республики в 2012 г. // ПДВ. 2013. № 3. С. 50–58.
75. *Портяков В.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // ПДВ. 2012. № 5. С. 14–27. Здесь — С. 24.

Китайские мигранты в России. Современные российские исследования

© 2013

А. Ларин

Российские ученые представили целостную картину истории китайцев в России с середины XIX в. до наших дней. Исследование современной китайской миграции ведется по таким важнейшим направлениям, как экономическая деятельность китайцев, проблемы «китайской демографической экспансии», адаптации и толерантности, образовательная миграция. Прогнозируется увеличение объемов низкоквалифицированного китайского труда в России на временной основе.
Ключевые слова: китайцы, миграция, Россия, экономическая деятельность, адаптация, учеба, перспективы.

Одним из последствий нормализации российско-китайских отношений на рубеже 1980—1990-х гг. стал массовый приток в РФ мигрантов из КНР. Это неожиданное для россиян явление, отвечавшее потребностям нового общества и вместе с тем породившее ряд острых проблем, сделалось приметой наступивших перемен и сразу обратило на себя внимание российских ученых.

Примерно в тот же период, в начале 1990-х гг., открылись, пусть и далеко не полностью, российские архивы, были сняты цензурные ограничения, и исследователи получили возможность вернуться к теме, запретной с 1930-х гг. и теперь вновь обретшей актуальность — к истории китайской общины в нашей стране.

В настоящее время обе половины большой темы пребывания китайцев в России стали интенсивно изучаться в Москве, Благовещенске, Иркутске, Красноярске, Владивостоке, Хабаровске, Чите, Улан-Удэ и других городах по обе стороны Урала. Ее проблематика прочно вошла в повестку дня международных научных конференций в Благовещенске, где с 2000 г. проводилась серия конференций под общей шапкой "Россия и Китай на дальневосточных рубежах" на базе Амурского государственного университета¹ и с 2011 г. проводится еще одна серия под названием "Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества" под эгидой Благовещенского государственного педагогического университета²; в Москве в ИДВ РАН в рамках регулярного форума "Китай, китайская цивилизация и мир"; в МГИМО(У) МИД РФ в Центре исследований Восточной Азии и ШОС³; в Московском центре Карнеги⁴; а также в других научных центрах. По результатам конференций и вне их рамок были изданы многочисленные сборники докладов и статей, перечислить которые в данной статье нет возможности. Тема китайских мигрантов заняла видное место в межрегиональных программах, в том числе в нескольких крупных проектах Межрегионального института общественных наук при Иркутском университете, объединивших усилия многих ученых страны с целью подготовки монографий по миграционно-диаспоральным проблемам⁵.

Ларин Александр Георгиевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: larin@ifes-ras.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

Помимо большого количества работ, посвященных тем или иным частным (хотя и не обязательно узким) аспектам темы, появились монографии, авторы которых стремились проследить весь процесс становления и развития китайской диаспоры в стране или в каком-либо из ее регионов от начала и вплоть до наших дней. Таковы, например, монографии коллектива авторов "Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке"⁶, В.Г. Дацышена "Китайцы в Сибири в XIX—XX вв.: проблемы миграции и адаптации"⁷, А.Г. Ларина "Китайские мигранты в России. История и современность"⁸.

В результате творческих усилий большого отряда ученых на сегодня мы имеем обширный запас наработок, касающихся исторических, социологических, демографических, этнографических, экономических, политических аспектов рассматриваемой темы. Описан огромный массив фактов, определены направления работ, отработана методология, сформулированы подходы и оценки (как дополняющие друг друга, так и взаимоисключающие) к тем или иным проблемам.

Создана целостная, хотя и не без пробелов, картина истории китайцев в России⁹, фундаментом для которой послужили массивы документов в центральных и областных архивах, материалы из китайских архивов, а также многочисленные публикации дореволюционных авторов. В конце 1950-х годов появился ряд работ, посвященных участию китайцев в Октябрьской революции и гражданской войне, тема китайских мигрантов поднималась в трудах по более общей дальневосточной проблематике, подготовленных советскими историками в последний период существования СССР¹⁰. Однако исследования советских ученых должны были укладываться в определенные идеологические рамки. В новых условиях появилась возможность открыть для российского читателя целый ряд принципиально важных исторических моментов, ранее не известных или забытых, от весомой роли китайского труда в хозяйственном освоении Россией Дальнего Востока и до массовых репрессий в отношении китайцев и корейцев в 1937—1938 гг.

Пожалуй, сегодня самое значимое для нас в истории китайцев в нашей стране — это наличие поразительных параллелей между явлениями рубежей XIX—XX и XX—XXI вв.: приток мигрантов на малоквалифицированные работы, полезность труда китайских мигрантов и одновременно наличие в их деятельности негативной составляющей, высокое качество китайской рабочей силы и ее незаурядная конкурентоспособность и т.д. Самое же примечательное — это возрождение дореволюционных тревог относительно "китайской угрозы".

Постоянно пополняемые результаты исторических изысканий стали фоном, на котором в научных кругах развернулось углубленное всестороннее изучение современной проблематики, касающейся гостей из Поднебесной. Заметные успехи были достигнуты к концу 1990-х годов. В 1997—1997 гг. известными специалистами по вопросам миграции Г.С. Витковской и Ж.А. Зайончковской¹¹ в ходе масштабной научной экспедиции в приграничных краях и областях Сибири и Дальнего Востока было осуществлено первое комплексное исследование темы. Ученые опросили свыше двух тысяч российских граждан (экспертов, просто местных жителей, студентов) и несколько сотен китайских мигрантов, а подготовленная ими система анкет легла в основу последующих социологических обследований.

Тогда же, на рубеже 1990—2000-х гг., появились значительные работы, которые во многом задали тон дальнейшим исследованиям и, по всей видимости, могли бы занимать первые места по индексу цитирования. Мы имеем в виду монографии В.Г. Гельбраса "Китайская реальность России"¹² и "Россия в условиях глобальной китайской миграции"¹³, целый ряд статей и разделов в монографиях В.Л. Ларина "Китай и Дальний Восток России"¹⁴, "Российско-китайские отношения в региональных измерениях"¹⁵ и "В тени проснувшегося дракона"¹⁶, монографию В.И. Дятлова "Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта?"¹⁷.

В настоящее время в изучении проблематики, связанной с китайской миграцией в РФ, сложился ряд направлений¹⁸, важнейшие из которых мы рассмотрим ниже.

Экономическая деятельность китайских мигрантов. Это в императорской России собирали и публиковали статистику: сколько имеется в городах Дальнего Востока принадлежащих китайцам предприятий, каковы их профиль, численность персонала, оборот и т.д. Ныне об этом можно только мечтать. Нехватка статистики, усугубляющая изначально латентный характер многих экономических процессов, плюс сложная расстановка интересов в российском обществе стимулируют формирование разнообразных, в том числе полярно противоположных взглядов даже там, где, казалось бы, споров можно избежать. Это касается, в частности, итоговой оценки деятельности китайских мигрантов, которая, по общему признанию, имеет как позитивные, так и негативные стороны. Так, В.Л. Ларин высоко оценивает ту пользу, которую они принесли российским гражданам, обеспечив им:

1. Наполнение рынка (особенно дальневосточного и отчасти сибирского) товарами ширпотреба и продуктами питания. Это китайцев и российских "челноков" надо благодарить за то, что они одели и накормили немалую часть населения Зауралья в начале голодных 1990-х.

2. Конкуренцию на рынке труда, заполнение вакантных рабочих мест (в строительстве, сельском хозяйстве, сфере обслуживания).

3. Ценовую конкуренцию и удешевление местных товаров.

4. Наполнение федерального и местных бюджетов. Налоговые сборы с торговцев на рынках и предпринимателей являлись важным источником поступлений в бюджет ряд городов и поселков российского приграничья.

5. Стимулирование турбизнеса и завязанной на нем сферы обслуживания. По некоторым оценкам, каждый "турист", делая покупки, играя в казино, посещая другие "злачные места", оставлял в России от 200 до 400 долл.

6. Повышение уровня личного благосостояния отдельных чиновников, таможенников, милиционеров, работающих с китайцами¹⁹.

Противоположную точку зрения предпочел В.Г. Гельбрас, доказывавший в одной из своих монографий, что деятельность китайских землячеств "наносит ущерб экономической безопасности и сдерживает становление цивилизованной рыночной экономики России. Во-первых, она закрепляет положение России в качестве сырьевого придатка Китая. Во-вторых, превращает Россию в рынок сбыта китайских товаров. В-третьих, способствует расширению китайской миграции в Россию и через Россию в другие страны"²⁰.

Другие исследователи включают в список претензий к китайским мигрантам различные виды деятельности в сфере теневой экономики: уклонение от уплаты налогов, выкачивание природных ресурсов российского Дальнего Востока, нелегальный вывоз валюты, использование запрещенных ядохимикатов в сельском хозяйстве и т.д. вплоть до создания даже в столице нелегальных турфирм вопреки запрещению для иностранцев заниматься в России туристическим бизнесом. Тем не менее, подавляющее большинство исследователей оценивает хозяйственную деятельность китайских мигрантов не столь сурово, а многие из них отчетливо осознают: корни негативной деятельности китайцев уходят вглубь российской почвы — в дефекты сложившихся в России порядков, начиная с отсутствия должного контроля со стороны властей. Впрочем, и сам В.Г. Гельбрас, похоже, не склонен абсолютизировать свои отрицательные выводы. В той же монографии в разделе с характерным названием "Китайская миграция может стать благом для России" он пишет: "Трудно сказать, сможет ли Россия успешно развиваться без привлечения китайских мигрантов"²¹.

В анализе экономической активности приезжих из КНР видное место отводится вопросу о конкуренции: отнимают ли гости рабочие места у российских граждан или же

они занимают свободные ниши, не интересующие россиян? Вопрос этот обычно рассматривается относительно мигрантов в целом и касается прежде всего безвизовых мигрантов из стран ближнего зарубежья, однако поднимается он и применительно к китайским мигрантам. В научной литературе можно встретить оба мнения, и оба — без убедительных доказательств, поскольку предмет исследования здесь заведомо далек от публичности и тому же не всегда возможно однозначно определить, является ли конкуренция "здоровой" или "нездоровой", полезной или вредной. Наем нелегальной китайской рабочей силы выгоден предпринимателю, а, возможно, и покупателю производимого им товара, но не выгоден тому россиянину, который мог бы работать у этого предпринимателя. Есть и обобщающая точка зрения, согласно которой мигранты в основном занимают вакантное пространство, однако по краям его имеет место конкуренция, которая и определяет границы этого пространства.

Российские овощеводы на Дальнем Востоке, безусловно, проигрывают китайским, однако и тут ситуация неоднозначна, и мы сталкиваемся с разбросом мнений: с одной стороны — претензии к китайцам по поводу "демпинга на рынке сельхозпродукции"²², с другой — заявления, что "для российского Дальнего Востока и Восточной Сибири импорт рабочей силы из Китая решает проблему нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве (выращивание овощей) и строительстве"²³. В любом случае очевидно, что конкуренция в этой сфере стала острой проблемой, и прямой долг государства здесь — найти сбалансированное компромиссное решение, оптимальным образом отвечающее интересам как потребителей, так и отечественных производителей.

Нелишне отметить, что мощный напор и пластичность потока китайских коммерсантов подчас подталкивает наблюдателей к заведомо недоказуемым умозаключениям конспирологической окраски, в данном случае — на тему о завоевании посланцами Поднебесной внешних рынков. Например, автор многих глубоких наблюдений над жизнью китайской общины В.Г. Гельбрас явно в духе "теорий заговора" выдвинул тезис о том, что "абсолютное большинство китайских мигрантов являются частью организованной структуры, функциональным элементом товарного потока в Россию"²⁴. Известно, что китайское правительство прилагает серьезные усилия для экспорта не только товаров, но и рабочей силы и что, в частности, в Северо-Восточном Китае поставщики товаров в Россию пользуются таможенными, налоговыми и другими льготами. Надо полагать, что у Пекина есть стратегия освоения российского и других сегментов мирового рынка. При желании можно все это рассматривать как "заговор", а можно и не рассматривать хотя бы потому, что представления о китайских коммерсантах как о послушных винтиках некоего единого механизма плохо стыкуются с фактами острой конкурентной борьбы между "лаобанями" внутри самой китайской общины, протестных выступлений китайских рабочих против своих хозяев и т.п. В любом случае наша задача заключается в одном и том же: следить за конъюнктурой рынка и принимать необходимые меры для защиты отечественных предпринимателей.

"Китайская демографическая экспансия". В 1990-х гг. плохо поддающийся контролю стихийный поток приезжих из Поднебесной спровоцировал в обществе волну тревоги относительно "китайской экспансии". В прессе появились фантастические данные о миллионах китайцев, заселивших восточную окраину России, о многочисленных фиктивных браках мигрантов с российскими женщинами. Возникли представления о наличии у китайских руководителей плана "миграционной экспансии в Россию"²⁵. Однако уже в тот период российские ученые показали, что число китайских мигрантов на Дальнем Востоке составляет не более 200—300 тыс. человек, а в России в целом — порядка 400 тыс., что число смешанных браков ничтожно мало, и столь же мало количество китайцев, получивших у нас право на постоянное проживание. На сегодня "китайская угроза" отнюдь не является главной в глазах россиян (в проведенном нами опросе она стоит на последнем месте с 8% голосов, после США с 15%²⁶). Тем не менее, российское

общественное мнение и сегодня обеспокоено рядом обстоятельств, которые, как оно полагает, в определенных условиях способны стать предпосылками для неблагоприятных экономических и этнодемографических перемен в регионе.

Суммарный перечень таких предпосылок, выявленных российскими учеными, неоднороден и достаточно велик. В него входят

со стороны Китая:

– гигантский демографический потенциал КНР, образующий резкий контраст с ситуацией на российском Дальнем Востоке, который, вопреки всем дорогостоящим программам его возрождения, продолжает переживать затяжной экономический кризис и катастрофическое обезлюдение. Несмотря на снижение темпов ежегодного естественного прироста населения Китая и на его старение, на ближайшие десятилетия эмиграционный потенциал КНР останется одним из крупнейших мире и будет, в частности, намного превосходить потребности России в использовании иностранной рабочей силы²⁷;

– возрастающий разрыв между национальной комплексной мощью Китая и России.

– притягательная сила огромных природных богатств Сибири и Дальнего Востока России для Китая с его бурно растущим экономическим потенциалом;

– естественный большой интерес Китая к российским рынкам труда, товаров массового спроса и продовольствия. Не случайно Пекин уже более десяти лет ставит вопрос об открытии "свободного обмена товарами и услугами";

– принятая в Китае трактовка истории российско-китайских отношений и территориального размежевания:

со стороны России:

– умышленное нагнетание антикитайских настроений определенными влиятельными силами в российском обществе, к которым относятся прозападные политические круги; привязанные к Западу коррупционеры; спекулирующие на страхе перед китайцами местные политики; заинтересованные в увеличении финансирования силовые структуры; наконец, гонящиеся за острыми сюжетами СМИ, через которые названные силы транслируют свою пропаганду;

– царящая в России атмосфера мигрантофобии;

– неприятие населения в желание и способность властей отстаивать интересы народа, будь то внутри страны или на международной арене, и вытекающее отсюда, а также из отставания страны в мировой конкурентной борьбе ощущение беззащитности в случае масштабных экспансий извне;

– слабое знакомство с цивилизационными достижениями великого соседнего народа, способствующее развитию синофобии.

Не каждый из этих факторов принимается безоговорочно в экспертном сообществе. Высказываниям относительно "антикитайской истерии в прессе" противостоят исследования, показывающие, что "в российских СМИ существует огромный разброс мнений в части формирования негативного образа мигрантов, существует как негативное, так и позитивное отношение"²⁸. Социологическое исследование, проведенное автором данной статьи, показало, что среди тех, кто доверяет материалам СМИ, процент респондентов, убежденных в наличии у Китая "тайных планов экспансии" в Россию, весьма высок (выше 60%), а среди тех, кто не доверяет СМИ, даже чуть более высок²⁹. Таким образом, версия о злостном влиянии СМИ на общественное мнение в рамках нашей темы оказывается под вопросом. Действительно, не стоит забывать, что тон прессы не только формирует, но и отражает стереотипы массового сознания читателей.

Вызывает сомнение и еще один фактор. Образованный человек в принципе должен быть лучше осведомлен о замечательной китайской культуре, однако социологические опросы не фиксируют корреляции между уровнем образования россиян и их мнением, хорошим или плохим, о Китае и китайцах.

В чем безусловно едины российские ученые — так это в осознании того факта, что страхи перед Китаем находятся в теснейшей связи со слабостью позиций России, с отсутствием у руководства страны целостной адекватной стратегии экономического развития, просчетами российской внутренней политики, недооценкой значения Дальнего Востока для самого существования российского государства. "В обозримой перспективе, — отмечает академик М.Л. Титаренко, — проблема демографической экспансии со стороны населения Китая в отношении России может возникнуть лишь в случае ослабления центральной власти и реальной угрозы дезинтеграции РФ"³⁰.

Действительно, глубокая заинтересованность и России, и Китая в экономическом взаимодействии, их общая потребность в длительном мире для осуществления масштабных программ развития, во взаимной поддержке "спиной к спине" перед лицом сложных, противоречивых отношений с Западом — все эти фундаментальные обстоятельства обеспечивают прочность российско-китайского стратегического партнерства. В этих условиях трудно представить себе, чтобы Пекин решился на дестабилизацию своих отношений с РФ ради попыток демографической, не говоря уже о территориальной, экспансии на север. Тем более, что "мигрантоемкость" российского Дальнего Востока не настолько велика, чтобы играть существенную роль в решении коренной демографической проблемы Китая.

Выбор оптимальной миграционной политики. Сложность проблем, связанных с пребыванием в России мигрантов из Поднебесной, не заставила экспертное сообщество согласиться с вариантом полного отказа от китайского труда ("Ни низкоквалифицированная, ни высококвалифицированная трудовая сила из Китая нам не нужна"³¹), равно как и с предложением о его жестком количественном ограничении (не более 1% от общей численности занятых³²) на российском Дальнем Востоке.

Отвергая изоляционизм и подходу к феномену массовой миграции в Россию с другой стороны, группа ведущих специалистов-демографов выступила с проектом восполнения убывающего населения России за счет массового вселения мигрантов (20—25 млн за предстоящие два десятка лет), а в 2012 г. была принята новая Концепция государственной миграционной политики РФ, в которой иммиграция рассматривается как инструмент решения не только экономических, но и демографических проблем. Применительно к дальневосточному региону России, оказавшемуся в самой глубокой "демографической яме", ряд ученых, в том числе академик В.С. Мясников³³, в 1990-х гг. выдвинули идею о возрождении — разумеется, уже в новом качестве — переселенческой политики П.А. Столыпина. Однако специалисты по миграции с цифрами в руках доказали, что расчеты на пополнение этого региона приезжими из других частей России и стран СНГ "абсолютно призрачны"³⁴, и это (наряду с другими фактами) побудило некоторых из их возложить особые надежды на китайцев, предположив, что численность китайской общины в РФ могла бы к середине века достичь 7—10 млн³⁵.

Среди китаеведов эти планы не вызвали энтузиазма: на примере китайских мигрантов особенно явственно чувствовалось, что вселение мигрантских масс, тем более их форсированное вселение, грозит подрывом социальной стабильности и как минимум требует огромной сопроводительной работы по обустройству новых граждан, их адаптации, воспитания толерантности у местного населения и т.д., к чему общество явно не готово. Уязвимость переселенческих планов показал, в частности, В.Я. Портяков, предложивший в качестве одного из путей преодоления демографического кризиса на Дальнем Востоке допущение "относительно широкой интернационализации" населения региона с использованием опыта Канады и Австралии³⁶.

Наиболее реалистичный и наиболее развернутый вариант миграционной политики, в том числе для Дальнего Востока, разработал проф. Л.Л. Рыбаковский со своими единомышленниками, исходящими из того, что в этом регионе Россия всегда проводила особую стратегию, поскольку политические факторы здесь всегда довели над экономи-

ческими. Политика, по Л.Л. Рыбаковскому, включает в себя, в частности, "организованное привлечение трудовых ресурсов из стран ближнего и дальнего зарубежья на базе жесткого контроля за качественными и количественными характеристиками этого потенциала. не противоречащими конъюнктуре на рынке труда"³⁷.

Концепция Л.Л. Рыбаковского, построенная на понятиях этнодемографического баланса и демографической безопасности, имеет много общего со взглядами других демографов, изучающих миграцию на Дальнем Востоке (Е.Л. Мотрич, В.И. Дятлов и др.) и вполне согласуется с позицией явного большинства российских китайцев, пытающихся со своей стороны обрисовать контуры оптимальной государственной политики в отношении китайских мигрантов. Предложения российских синологов предусматривают создание благоприятных условий для хозяйственной деятельности трудящихся из КНР, воспитание уважительного отношения к ним, защиту их прав, содействие их адаптации, налаживание делового сотрудничества с китайской диаспорой. Бюрократические процедуры должны быть упрощены и сделаны более прозрачными. Вместе с тем, предлагается совершенствование системы квот и ротаций для регулирования численности и кадрового состава китайской общины, с тем чтобы не допустить перекосов на собственном рынке труда, а при необходимости и управление расселением мигрантов, для того чтобы избежать оседания иностранцев вблизи погранзон и возникновения фактически автономных анклавов. Объявляются необходимыми усиление борьбы с теневыми сторонами хозяйственной деятельности китайцев, сведение к минимуму нелегальной миграции. Естественно, все это требует совершенствования законодательной базы, укрепления административных и правоохранительных структур и т.п.

Понимание важности законных мер, направленных на оздоровление экономики и укрепление правопорядка в государстве, не мешает российским ученым добиваться расширения экономического сотрудничества с китайской стороной, включая и более интенсивные миграционные обмены через границу — трудовые, коммерческие, образовательные, культурные и т.д.

Проблемы адаптации и толерантности. Не секрет, что жизнь мигрантов в России сопряжена со множеством тягот, лишений, опасностей, проистекающих из особенностей российского общества, которое переживает период затянувшихся и незавершенных реформ и все еще далеко от упорядоченного состояния. Граждане России относятся к мигрантам далеко не самым благожелательным образом, а мигрантов из КНР встречают с особой настороженностью. Каким образом и в какой мере удастся китайским мигрантам удержаться в не слишком благоприятной среде? Каков действительный уровень и характер российского алармизма/толерантности в отношении гостей из Поднебесной? Каковы перспективы гармонизации их отношений?

Эти вопросы российские ученые сумели прояснить с помощью целого ряда проведенных ими социологических исследований³⁸. Как показывают эти исследования (ради краткости мы изложим обобщенные качественные итоги опросов, проводившихся среди китайских коммерсантов, почти не приводя количественных показателей), жизнь китайских мигрантов серьезно осложняют не только проблемы хозяйственного порядка: высокая арендная плата, дороговизна жизни в России, чрезмерные налоги, высокие экономические риски, но и поборы милиции (в опросе, который мы провели в 2007 г., на них пожаловались 82% (!) респондентов), вымогательство, взяточничество в налоговых, таможенных и других органах власти. На физические и словесные покушения на безопасность и достоинство личности мигранты жалуются едва ли не поголовно.

В такой ситуации единственно возможной адаптивной стратегией, способной обеспечить мигрантам выживание и коммерческий успех, является значительная обособленность от окружающей среды, внутренняя самоорганизация и сплочение. Все это и продемонстрировали китайские коммерсанты, создавшие внутри своей общины самую развитую из всех, какие только есть в России, структуру, позволяющую общине и выполнять

свои производственные функции, и предоставлять своим членам необходимые бытовые, информационные и культурные услуги³⁹. Это достигается необходимым разделением труда, которое реализуется через формальные и неформальные связи: жестко иерархические, клиентские, партнерские. Вместе с тем китайская община поддерживает и постоянно обновляет необходимые деловые контакты — официальные, неформальные, нелегальные — с российскими партнерами, зачастую создавая общие с ними бизнес-сети⁴⁰.

Значительная часть членов китайского сообщества владеет хотя бы начатками русского языка, но число тех, кто знаком в необходимом объеме с законами, касающимися иностранцев в России, на удивление мало. По-видимому, дело здесь в том, что минимальная информация и о законах, и о способах их обойти постоянно циркулирует и обновляется в собственной среде мигрантов; кроме того, никакое знание законов не спасает их от различных злоупотреблений со стороны чиновников и милиции. Короче говоря, какие-то усилия с целью адаптироваться отнюдь не являются уделом немногих, однако, они прекращаются, как только достигнут практически достаточный минимум.

Известно, что современная российская экономика пронизана разнообразными теневыми отношениями. Прибывший в Россию коммерсант неизбежно встраивается в эти отношения, выступая в качестве их жертвы (вынужденной, например, выплачивать поборы и взятки) и становясь, таким образом, в один ряд с российским коммерсантом. Или же он выступает в качестве субъекта криминальных отношений, использующего те привлекательные — фактически, провоцирующие возможности, которые открывают перед ним коррупция властей и отсутствие полноценного контроля с их стороны. В случае «производственной необходимости» возникает феномен «взаимодополняемой» преступности двух сторон, примером чему может служить скупка товара у криминальных структур за «черный» нал, скупка с использованием «откатов» леса, металлолома, биоресурсов с последующей переправкой их через границу. И «пассивное», и «инициативное» участие китайских коммерсантов в российской теневой экономике представляет собой еще один вид их адаптации к российской среде — его можно назвать «криминальной адаптацией».

Приспособление китайских мигрантов к новым условиям их существования предполагает и их примирение с минусами маргинального статуса ради возможности пользоваться открывшимися преимуществами — возможностями относительно высоких заработков (в среднем они сопоставимы с заработками россиян⁴¹). Слабость правоприменительной практики в России вынуждает мигрантов развивать способность терпеть дискриминацию, несправедливое отношение к себе, нарушение их человеческих прав.

Интересные данные получила исследовательская группа Амурского государственного университета, в течение 2000—2006 гг. проводившая социологический опрос населения приграничных районов России и КНР: из числа китайских граждан, проживающих на территории России, в пограничном Хэйхэ и в Харбине, желание жить в России постоянно выразили соответственно 39%, 24% и 17% опрошенных⁴². Иными словами, чем больше у мигранта опыт общения с россиянами, тем привлекательнее для него жизнь в нашей стране.

Если обобщить результаты всех проведенных социологических исследований, их итог будет таким: масса китайских мигрантов если не в большинстве своем, то в значительной мере адаптирована к российским условиям, рассматривает Россию как вполне подходящее поле для хозяйственной деятельности и готова на годы связать с нею свой труд или проживая на ее территории (таких — до половины, при этом часть из них хотела бы получить российское гражданство), или же регулярно посещая ее. Не менее благоприятно китайцы смотрят на то, чтобы дети пошли по их стопам. Мало у кого из них вызывает неприятные мысли о смешанных браках (хотя, возможно, кого-то из одобряющих здесь привлекает вариант фиктивного брака). Та далеко не престижная экономиче-

ская ниша, которую они занимают на российском рынке, и те скромные бытовые условия, в которые они попадают. Их, в общем, в достаточной мере устраивают.

Что же касается отношения россиян к китайским мигрантам, то оно в основных чертах четко вписывается в общую картину отношения к трудовой миграции из-за рубежа: это — отношение общества с низким уровнем толерантности к иностранцам, боящегося конкуренции с ними и в силу ряда фундаментальных обстоятельств зараженного мигрантофобией до такой степени, что недоброжелательное отношение нередко встречают даже русские репатрианты из постсоветских республик. В отношении китайских мигрантов этот общий негативный настрой накладывается на обеспокоенность за будущее российского Дальнего Востока, вследствие чего большинство россиян выступает против переселения к нам жителей Китая. Гораздо более приемлемым представляется им вариант временного пребывания жителей соседней страны в качестве трудовых мигрантов или учащихся. Осознание полезности труда мигрантов — это отправная точка для гармонизации их отношений с российским обществом, пока еще не раскрытая до конца. Важную позитивную роль играет здесь и другой фактор: понимание нашей общественностью того обстоятельства, что остановить незаконную деятельность мигрантов, причиняющую ущерб экономике России — это задача, прежде всего, самой российской стороны.

Складывающаяся по результатам опросов картина отношения россиян к китайским мигрантам мало чем различается в центральной и восточной частях страны. Примечательно, однако, что на Дальнем Востоке больше чем в Москве возражений против оседания китайских мигрантов, но больше и тех, кто одобряет их пребывание в качестве временных работников.

Заметим, что в российском массовом сознании не слишком приветливое отношение к китайским мигрантам и озабоченность "китайской угрозой" легко уживается с уважительным, оптимистичным настроем в том, что касается российско-китайских отношений. Большинство респондентов положительно оценивает двусторонние отношения (в одном из наших опросов — 70%) и предвидит их укрепление (65%) скорее чем сохранение в нынешнем состоянии (15%).

*Учебная миграция*⁴³. По числу студентов, обучающихся за границей, КНР является мировым лидером, однако из сотен тысяч молодых китайцев — учащихся иностранных вузов на долю России достается всего порядка 20 тыс. Для сравнения: на долю США — около 200 тыс. Почему китайская молодежь обходит Россию стороной? Здесь просматривается целая сеть взаимосвязанных причин, главная из которых состоит в следующем: получив диплом в США, Великобритании или Австралии, китаец имеет хорошие шансы обрести там работу, а вместе с ней и высокое качество жизни. Или же найти себе достойное место на родине, где благодаря широкому экономическому и научно-техническому сотрудничеству с Западом такие кадры пользуются большим спросом.

В России, чья собственная молодежь тоже стремится на Запад, жизненные стандарты, доступные среднему квалифицированному специалисту, ныне сплошь и рядом уступают китайским. Плюс к этому иностранцев отталкивают проявления великорусского шовинизма и расизма, а также трудности изучения русского языка. В самом же Китае спрос на выпускников российских вузов невелик, соразмерно относительно скромным масштабам и характеру торгового и инвестиционного российско-китайского сотрудничества и в соответствии с качеством полученного ими образования.

В свою очередь, качество их знаний определяется двумя факторами: во-первых, после радикальных перемен в российском обществе в 90-х годах и маловразумительной реформы образования уровень последнего существенно понизился, равно как и его престиж. Во-вторых, китайские студенты слабо усваивают вузовскую программу, на что, опять-таки, есть свои причины. Это недостаточное владение русским языком, проистекающее из того, что для поступления в российские вузы от иностранцев не требуется знание русского, а на подготовительных факультетах обучение русскому языку зачастую

поставлено плохо. (В опросах свое знание русского признали хорошим или адекватным лишь несколько процентов респондентов, а на языковые трудности жалуются даже студенты старших курсов).

С другой стороны, в Россию едут учиться не самые способные и не самые подготовленные молодые люди, зачастую те, кто не сумел поступить в вуз на родине. Некоторые из них вынуждены подрабатывать, поскольку в России стипендии невелики, а система грантов, в отличие от ряда развитых стран, скудна. Будучи не в сила полноценно усвоить учебный материал, студенты переориентируются на обходные пути получения диплома, который и превращается для них в цель учебы, поскольку признается в КНР и может служить козырем в поисках лучшего места работы, хотя бы и не по специальности.

При всем этом китайские студенты, судя по социологическим опросам, неплохо адаптируются к российскому окружению. То, что мы говорили выше об адаптации китайских коммерсантов, справедливо и в отношении студентов. Однако психологические исследования, проведенные в 2008 и 2009 гг. Т.Г. Стефаненко (МГУ), показали, что "уровень адаптивности китайских студентов очень невысок", налицо "низкий уровень удовлетворенности пребыванием в России"⁴⁴. Аналогичные результаты дает изучение психологии китайских студентов и в других странах. Причины этого ученый видит в таких свойствах китайской культуры, как коллективизм и иерархичность, и в большой дистанции между китайской и российской/западной культурой поведения. Но этого мало: за время нахождения в другой культуре уровень адаптации китайских студентов повышается, однако в России этого не происходит.

Почему же в таком случае китайские студенты в большинстве своем выражают позитивное мнение о нашей стране, почему многие из них (в нашем опросе — больше половины) хотели бы после окончания учебы остаться в России работать, почему треть студентов желает, чтобы их дети поселились (учились, работали) здесь и лишь незначительная часть студентов отрицательно относятся к созданию смешанных семей?

Объяснить это невозможно без дальнейших исследований. Предварительная гипотеза: давая такие ответы, они поступают в духе канонов конфуцианской культуры — вежливости и уважения к людям с более высоким статусом, особенно если вопросы предлагают представители авторитетных опросных агентств, однако психологи обладают специальными методиками, позволяющими точнее выявить особенности психологического состояния испытуемых.

Интересно: что нам откроется, если подобные психологические исследования провести среди китайских коммерсантов, в основном, судя по опросам, вроде бы приспособившихся к условиям жизни в России? Пока можем лишь констатировать, что попытки деятелей российского образования увеличить приток китайских студентов или продвинуть деятельность российских вузов в Китай, даже стимулируемые политическими импульсами укрепления российско-китайского стратегического партнерства, не дают большого эффекта. Перелом ситуации в лучшую сторону произойдет, по-видимому, только тогда, когда Россия станет привлекательной для высокообразованных иностранных специалистов, а российское образование станет высоко цениться в КНР.

* * *

Китайский труд является если не необходимым в строгом смысле этого слова, то, по крайней мере, безусловно полезным для функционирования определенных сегментов российской экономики, таких как торговля, строительство, сельское хозяйство, особенно на Дальнем Востоке России. Негативные стороны присутствия китайцев, как и других мигрантов, представляют собой проекцию российской тенивой экономики на их деятельность и результат слабого контроля со стороны российской власти. Соответственно, они могут изживаться только по мере избавления от теневых отношений самого российского общества.

В силу экономических, геополитических, социально-психологических причин основной формой использования китайского труда служит и на ближайшее будущее останется привлечение его на временной основе. Его масштабы могут быть увеличены в соответствии с потребностями российской экономики без угрозы "демографической экспансии". Главной сферой хозяйственной деятельности китайских мигрантов остаются мало привлекательные для российского населения отрасли экономики, как правило, требующие работников низкой квалификации. Для высококвалифицированных китайских специалистов Россия в обозримой перспективе едва ли будет представлять интерес.

1. См.: "Россия и Китай на дальневосточных рубежах" с разными подзаголовками, вып. 1—9. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2000—2010. См. также продолжение этой серии: Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами / М-во образования и науки РФ. Амурский гос. ун-т. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. 400 с.
2. См. например последний выпуск: Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы III междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск — Хэйхэ — Харбин, 15–20 мая 2013 г. / М-во науки и образования РФ. Благовещенский гос. пед. ун-т / Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск: БГПУ, 2013. Вып. 3.
3. См.: Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения (материалы Всерос. науч.-практ. конф. МГИМО(У) МИД РФ, г. Москва, 21–22 дек. 2006 г.) / Науч.-координацион. совет по междунар. исслед. МГИМО(У) МИД России. Центр исследований Восточной Азии и ШОС / Ред. А.В. Лукин. М.: МГИМО-Ун-т, 2007.
4. В числе его изданий: Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России: Науч. докл. / Моск. Центр Карнеги. М., 1996. Вып. 7. 118 с.; *Тренин Д.* Китайская проблема России / Моск. Центр Карнеги. М., 1998.
5. К настоящему времени вышло пять монографий. Назовем здесь последнюю из них: Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX—XX и XX—XXI вв. Иркутск, 2011. 624 с. Оттиск. Их методологической особенностью является широкое использование "кейсового" метода, основанного на глубоких интервью, включенном наблюдении и т.д.
6. *Вацук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А.* Этномиграционные процессы в Приморье в XX век / РАН ДВО Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
7. *Дацышен В.Г.* Китайцы в Сибири в XIX—XX вв.: проблемы миграции и адаптации / Федеральное агентство по образованию. Сибирский федеральный ун-т. Красноярск: СФУ, 2008. 327 с.
8. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России: История и современность / Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. книга, 2009. 512 с.
9. Назовем здесь несколько важнейших монографий: *Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.) / М-во общего и проф. образования РФ. Омский гос. ун-т. Омск: ОмГУ, 1999. 264 с.; *Галлямова Л.И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — начале XX веков. Владивосток: Дальнаука, 2000; *Ткачева Г.А.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы XX в. Владивосток, 2000; *Аленко А.В.* Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.). Хабаровск, 2001; *Синиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 192 с.; *Петров А.И.* История китайцев в России, 1856—1917. СПб., 2003; *Нестерова Е.И.* Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2004. 372 с.; *Позняк Т.З.* Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Владивосток: Дальнаука, 2004; *Залесская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917—1938 гг.) / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Благовещен. гос. пед. ун-т. Владивосток: Дальнаука, 2009. 390 с.; *Друзья А.В.* Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858—2008 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010; *Чернолуцкая*

- Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920—1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 512 с.
10. Здесь необходимо отметить монографию, целиком посвященную полузапретной в то время проблеме: *Соловьев В.Ф.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке России и эпоху капитализма (1861—1917). М., 1989.
 11. *Витковская Г., Зайончковская Ж.* Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке: надежды и реалии // Перспективы дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Моск. Центр Карнеги. Под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. М.: Гендальф. 1999.
 12. *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. 320 с.
 13. *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей, 2004. 204 с.
 14. *Ларин В.Л.* Китай и Дальний Восток России / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН. Дальневосточ. гос. ун-т. Владивосток: Дальнаука, 1998. 284 с.
 15. *Ларин В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в) / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН. М.: Восток-Запад, 2005. 392 с.
 16. *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН. Дальневосточ. гос. ун-т. Владивосток: Дальнаука, 2006.
 17. *Дятлов В.И.* Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М.: Наталис, 2000. 190 с.
 18. Краткий анализ представлений россиян о китайской миграции в Россию дан в монографии: *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М.: Восток-Запад, 2007. 598 с.
 19. *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. С. 414.
 20. *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. С. 84.
 21. Там же. С. 146.
 22. *Александрова М.В.* Программа соразвития Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в свете целесообразности привлечения китайской рабочей силы России // Привлечение трудовых мигрантов или аутсорсинг? Материалы круглого стола / РАН. Институт экономики. М.: ИЭ ЗАН, 2011. С. 111.
 23. *Баженова Е., Островский А.* Потенциал китайской миграции в Россию: оценки и перспективы // Миграция в России 2000—2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1. Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. Ч. 2. М.: Спецкнига, 2013. С. 191.
 24. *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. С. 42.
 25. См., например: *Рыбаковский Л., Захарова О., Миндогулов В.* Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М., 1994. С. 35–39.
 26. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России: История и современность. М.: Вост. книга, 2009. С. 301.
 27. *Портяков В., Ларин А.* Миграционная ситуация в Китае // Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Науч. ред. С.В. Голунов. М.: Аспект пресс, 2008. С. 103—115. О возможном увеличении китайской диаспоры см. также: *Баженова Е., Островский А.* Указ. соч.
 28. См. высказывания М.Н. Балдано и А.П. Забияко в дискуссии на эту тему: Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Мост через Амур: Сб. материалов междунар. науч. конф. // Амурский гос. ун-т. Центр гуманитар. программ "Даурия". Фонд Розы Люксембург. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. С. 420 и далее.
 29. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Вост. книга, 2009. С. 308—311.
 30. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 207.
 31. *Александрова М.В.* Программа соразвития Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в свете целесообразности привлечения китайской рабочей силы России // Привлечение трудовых мигрантов или аутсорсинг? Материалы круглого стола / РАН. Ин-т экономики. М.: ИЭ ЗАН, 2011. С. 113.
 32. *Мотрич Е.И.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России и проблемы китайской миграции // Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения (материалы Всерос. науч.-практ. конф., МГИМО(У) МИД РФ, г. М., 21—22 дек. 2006 г.) / Науч.-координацион. со-

- вет по междунаро­д. ис­след. МГНМО(У) МИД Рос­сии. Центр ис­след. Вост. Азии и ШОС / Ред. А.В. Лукин. М.: МГНМО-Ун-т, 2007. С. 136—137.
33. Мясников В.С. Дальний Восток России: миграционная политика // Миграция. 1996. № 1.
 34. Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая сталинская политика на Дальнем Востоке: надежды и реалии // Перспективы дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Моск. Центр Карнеги / Под ред. Г. Витковской и Д.Тренина. М.: Гендальф, 1999.
 35. Зайончковская Ж. Возможно ли организовать переселение на Дальний Восток? // Миграция. 1997. № 3. С. 14.
 36. Портяков В.Я. Китайцы идут? Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // Междуна­род. жизнь. 1996. № 2. С. 85—88.
 37. Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В., Сигарева Е.П., Гришианова А.Г., Кожевникова Н.И. Концепция миграционной политики в южных районах Дальнего Востока / Ин-т соц.-полит. ис­след. РАН. М., 1999. С. 33. См. также: Рыбаковский Л.Л. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке: история и современность Востока / Ин-т соц.-полит. ис­след. РАН. М., 1999.
 38. Подробное описание результатов опросов см. в указанных выше работах Г. Витковской и Ж. Зайончковской. В.Г. Гельбраса, В.Л. Ларина, Е.Л. Мотрич, А.Г. Ларина, также в: Понкратова Л.А., Забияко А.П., Кобызов Р.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Амур. гос. ун-т. Центр гуманитар. программ "Даурия" / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2009; Алагуева Т., Васильева К., Островский А. Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории // ПДВ. 2007. № 4; Ларина Л.Л. Дальний Восток и его окружение газами рядового дальневосточника. URL: http://www/dvforum.ru/2008/doclads/ks2_larina.aspx; Рязанцев С.В., Ян Хунмэй. Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия и подходы к урегулированию. М.: Эконом. обозре­ние. 2010.
 39. Своего рода опорными узлами в этой структуре служат «китайские рынки» (на самом деле совсем не обязательно состоящие из одних китайцев). См. например: Дятлов В., Кузнецов В. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Байкальская Сибирь: Из чего складывается стабильность / Под ред. В.И. Дятлова, С.А. Панарина, М.Я. Рожанского. М., Иркутск. 2005. С. 166–187.
 40. Различные формы взаимодействия китайских мигрантов с российской стороной, исследованные с помощью "кейсовой" методики, см., например: Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург, 2009.
 41. См., например: Ларин А.Г. Китайские мигранты в России: История и современность. М.: Вост. книга, 2009. С. 173–175; Рязанцев С.В. Социально-экономическая адаптация и миграционные установки китайских мигрантов в России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы III междуна­род. науч.-практ. конф. Благовещенск — Хэйхэ — Харбин, 15–20 мая 2013 г. / М-во науки и образования РФ. Благовещенский государственный педагогический ун-т / Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск: БГПУ, 2013. Вып. 3. С. 326–332.
 42. Забияко А.П. Диаспоризация: китайский опыт // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Мост через Амур // Амур. гос. ун-т. Центр гуманитарных программ "Даурия". Фонд Розы Люксембург. Благовещенск, 2006. Вып. 7. С. 252.
 43. Эта тема исследуется в: Маслов А.А. Россия — Китай: этапы и проблемы образовательного обмена в XX—XXI вв. // Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего / Нац. ис­след. технол. ун-т "МИСиС" / Науч. ред. Н.Е. Боревская. М.: МИСиС, 2009.
 44. Стефаненко Т.Г. Адаптация китайских студентов в России: проблемы и пути совершенствования // Там же.

Теория и методология

Разработка бренда приграничных территорий в условиях российско-китайского взаимодействия (на примере Забайкальского края)

© 2013

Т. Гурулева

В статье рассмотрены теоретические вопросы создания бренда территорий. Определены функции бренда территории, его геополитическое значение. Проанализированы ассоциативные образы приграничных регионов, формируемые интернет-медиа Забайкальского края и г. Маньчжурия (КНР). Предложена программа разработки бренда Забайкальского края.

Ключевые слова: территориальный брендинг, архетипические/ассоциативные образы, региональные интернет-медиа, имидж региона.

Бренд — мощный эмоциональный образ, призванный придать субъекту уникальные черты для приобретения уникальных преимуществ. В современном мире субъектами бренда становятся не только товары и услуги, но и различные социальные явления, а также личности, территории и т.д.

Наиболее используемым определением бренда территории является определение Г.В. Шаталова, который понимает под ним «совокупность непреходящих ценностей, отражающих неповторимые оригинальные потребительские характеристики территории и сообщества, получившие общественное признание и известность, пользующиеся стабильным спросом потребителей». Также автор подчеркивает, что бренд территории формируется на основе ярко выраженного позитивного имиджа территории, и является высшим проявлением эмоциональных потребительских предпочтений, важнейшим фактором конкурентных преимуществ территории, активом экономики территориального образования¹.

Проблема создания бренда территорий впервые стала разрабатываться зарубежными учеными и маркетологами-практиками. Наиболее известными являются работы Филлипа Котлера, Кристера Асплунда, Дональда Хайдера, Саймона Анхольта, Ирвинга

Гурулева Татьяна Леонидовна, заведующая кафедрой международного права и международных связей Забайкальского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент. Тел.: 8 (302) 235-24-05, 8 (914) 516-73-99. E-mail: gurulevat@chitaonline.ru.

Статья выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках выполнения ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение 14.В37.21.0704.

Рейна, Кейта Динни, Джека Траута, Френка Го, Роберта Говерса, Билла Бейкера, Стивена Пайка, Грегори Ашворта, Михалиса Каварциса, Стефана Варды, Элли Аврахам, Эрана Кеттера, Теему Мойланена, Сеппо Райнисто, Инго Балдерьяна и др.

Термин «брендинг территории» (англ. placebranding) впервые употребил в 2002 г. С. Анхольт. Это понятие включает в себя процесс создания бренда (бренд-билдинг) территории и процесс управления брендом (бренд-менеджмент) территории.

В отечественном научном сообществе термин «брендинг территорий» стал использоваться сравнительно недавно. Российские исследования в этой области начинались с изучения опыта западных коллег и попыток применения их на практике в условиях российской действительности. Среди российских авторов можно выделить работы А.П. Панкрухина, Д.В. Визгалова, А.Н. Чумикова, Г.В. Шаталова, А. Шаромова, А. Стася, А. Пуртова, Ю.В. Шапкиной и других.

Субъектом территориального брендинга, как правило, является территория, обладающая целостностью и взаимосвязанностью ее составных элементов, т.е. регион (применительно к России — субъект федерации, конкретный город, поселение и т.п.).

Комплексный, диверсифицированный подход к брендингу территории в противовес специализированному, сфокусированному на каком-то одном аспекте (например, туризме) разработал С. Анхольт. Он создал концепцию конкурентной идентичности территории, представив ее в виде шестиугольника (рис. 1), который определяет шесть элементов современного бренда территории: туризм, экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции, культура, люди².

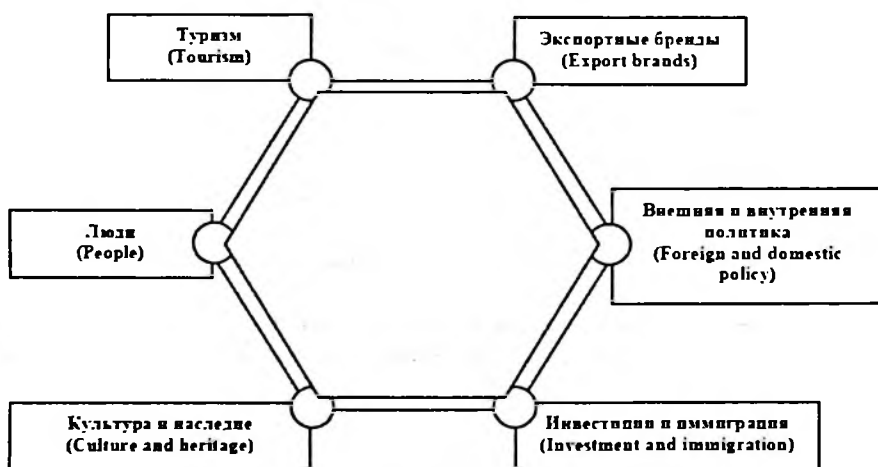

Рис. 1. Концепция конкурентной идентичности территории С. Анхольта

Бренд региона, прежде всего, ориентирован на внешние по отношению к нему субъекты, он выполняет функцию привлечения внешних ресурсов. Бренд региона направлен на продвижение товаров региона и усиление их конкурентоспособности на национальном и международном рынках; на формирование инвестиционной привлекательности территории, способствующей увеличению объемов инвестиций; на создание привлекательного туристического продукта, стимулирующего развитие туризма; на привлечение квалифицированной рабочей силы и т.д. Бренд задает стратегический вектор развития региона. Он представляет собой квинтэссенцию миссии и стратегии развития региона. Успешно созданный бренд региона позволяет интенсивно развивать новые для региона виды деятельности, ранее не ассоциировавшиеся с ним (диверсификация и/или

переориентация экономики региона). Приток необходимых материальных и нематериальных внешних ресурсов в регион, содействие трансляции региональных решений и инициатив вовне в свою очередь способствуют усилению влияния региона как внутри страны, так и за рубежом.

Наряду с «внешней ориентированностью» бренда региона правомерно говорить о его «внутренней роли», заключающейся в обеспечении социальной стабильности. Бренд региона повышает уровень самооценки его жителей, делая их проживание в регионе более комфортным и менее конфликтным, уменьшает отток населения в другие регионы, способствует снятию внутренней социальной напряженности. Бренд направлен на развитие цивилизованных социально-экономических отношений среди жителей региона, усиление чувства единства, ответственности, патриотизма в отношении «малой родины», воспитание чувства гордости за внесение своего вклада в бренд страны или региона. Таким образом, кроме функции обеспечения социальной стабильности, бренд выполняет и культурно-идеологическую функцию объединения населения региона для выполнения общих задач.

Названные функции бренда в конечном итоге направлены на достижение главной цели — улучшение качества жизни населения. Качественный, состоятельный бренд региона всегда оказывает существенное положительное влияние на экономические, социальные и культурные процессы региона, что влечет за собой повышение уровня жизни людей.

Сущность бренда территории заключается в обеспечении идентификации региона внутри страны и за ее пределами, причем эта идентификация должна представлять субъект бренда в выгодном для него свете. Поэтому в основе создания бренда территории лежит идея донесения до широкой общественности представления о ее уникальности³. Бренд территории также должен быть отражением лучших черт ментальности и традиций населения региона.

Создать бренд региона — осознать все достоинства и уникальность региона. Так, одним из методов создания территориального бренда является позиционирование региона — города в качестве своеобразной столицы государства. Россиянам хорошо известны такие территориальные бренды, как «культурная столица России» (Санкт-Петербург), «третья столица России» (Казань), «летняя столица России» (Сочи), «столица Поволжья» (Нижний Новгород), «ювелирная столица России» (Кострома) и др. Однако мало просто создать бренд, необходимо обеспечить присутствие данного бренда в информационном пространстве и его высокую узнаваемость. Опыт регионов, создавших успешные бренды и эффективно управляющих ими, показывает, что эти территории получают большую заинтересованность со стороны партнеров, инвесторов и туристов.

Бренд региона может выступать эффективным инструментом геополитики. Например, местом проведения саммита АТЭС в 2012 г. в России был выбран г. Владивосток. Тогдашним председателем Правительства РФ В.В. Путиным были озвучены следующие причины выбора этого города: «Предстоящий саммит — это значительное политическое и экономическое событие для всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Безусловно, его успешное проведение позволит России укрепить свои международные позиции, позволит наладить дополнительные контакты с нашими партнерами в регионе. Но это, прежде всего, и хорошая возможность сконцентрировать ресурсы, решить многие проблемы нашего крупнейшего мегаполиса на Дальнем Востоке, сделать жизнь горожан более комфортной, позиционировать Владивосток как «тихоокеанские ворота» России и как перспективный центр международного сотрудничества⁴. Формирование бренда г. Владивостока как «тихоокеанских ворот России», как центра международного сотрудничества направлено на повышение влияния города и всего Дальнего Востока России в АТР, на усиление интеграционных процессов дальневосточного региона в АТЭС.

В основе бренда как инструмента геополитики должна лежать сильная идея, которая представит регион как явление не только в стране, но и в мире, повысит влияние страны через преимущества этого конкретного региона в мировом пространстве и на его отдельных территориях.

Территорию можно осмыслить через архетипические образы (А. Мельников) или устойчивые ассоциации. Архетип (прообраз, образец, первичная форма) или устойчивая ассоциация может формироваться стихийно, но ими можно и нужно управлять, создавая значение бренда, иначе архетип или ассоциация будут управлять сознанием людей.

Исследования, проводимые нами в КНР⁵, позволили выявить ассоциативные образы России и россиян, существующие у китайцев. Сравнивая результаты проведенных исследований, мы установили, что китайцы знают о России мало, но хотят знать больше. Россия у них, в основном, ассоциируется с ключевыми политическими фигурами (Ленин, Путин, Медведев); культурными иконами (Пушкин, Анна Каренина); культурными памятниками и природными достопримечательностями (Москва, Мавзолей, Красная площадь, Байкал, Волга). Мы также выявили, что процент позитивного восприятия образа России и россиян выше на тех территориях, которые находятся дальше от границы с Россией, и, соответственно, имеют меньше контактов с россиянами.

В современном мире наиболее доступным, удобным и быстрым каналом получения информации о регионе, за исключением непосредственного пребывания в нем и общения с его жителями, является всемирная глобальная сеть.

С целью изучения архетипических образов Забайкальского края, формируемых региональными медиа, нами был проведен мониторинг новостных разделов региональных интернет-порталов и сайтов. В качестве примера рассмотрим содержание регионального новостного контента в произвольно выбранную дату (13 апреля 2013 г.).

Информационный интернет-портал «Забмедиа.Ру»⁶, выступающий под слоганом «У Забайкалья есть свой сайт», опубликовал региональные новости со следующими заголовками: «По вине пьяного водителя пострадала его пятилетняя дочь», «Налоговики края подвели промежуточные итоги декларационной кампании 2013», «Пропавшую в Чите школьницу нашли в кафе Иркутска», «Мобильники, флэшки, шприцы и алкоголь пытались доставить в ИК-5 Читы».

Первые пять новостей городского интернет-портала «Чита.Ру»⁷ имели следующие названия: «ВА32114 сгорел ночью 13 апреля в Чите», «Сотовой связи от «Мегафона» нет в некоторых районах Забайкалья», «Масштабная коллекция кожаных изделий появилась в «Оскаре»», «Знак «Пешеходный переход» снесло ветром в Чите», «Пятерок за «Тотальный диктант» в Чите не было».

Мониторинг новостного контента показал, что региональными медиаплощадками, позиционирующими себя информационными порталами Забайкальского края и г. Читы, стихийно формируются следующие архетипические образы Забайкальского края: «Забайкалье — край криминала»; «Забайкалье — край стихийных бедствий и техногенных катастроф»; «Забайкалье — край низкого качества жизни и качества населения». Эти образы формируются не только у пользователей — жителей региона, но и у жителей страны и иностранных граждан.

Официальный портал Забайкальского края⁸ и сайт Администрации городского округа «Город Чита»⁹ хотя и не содержат такого потока негативной информации, все же далеки от целенаправленного формирования имиджа края и города, который в свою очередь мог бы стать основой создания успешного бренда. Названные интернет-ресурсы носят официальный, отчетно-документальный характер и лишены самой идеи имиджевого позиционирования края. Иначе как объяснить создание той же Администрацией г. Читы сайта инвестиционных и туристических ресурсов города «Чита самый солнечный город»¹⁰, где, судя уже по одному названию, город представлен в очень выгодном свете для туристов и инвесторов. Это подтверждается и анализом новостного контента сайта.

Так, например, новости на произвольно выбранную нами дату — 13 апреля 2013 г. содержали следующую информацию: «В Чите пройдет конференция для одаренных детей «Личность. Индивидуальность. Развитие», «В Чите завершились финальные соревнования «Веселые старты» среди школьников», «В Чите будет построен «Шахматный парк», «Приглашаем на ярмарку», «В столице Забайкалья прошел кубок Сибири по бодибилдингу, фитнесу и бодифитнесу». При всей положительности идеи создания позитивного имиджа города для туристов и инвесторов сайт представляет собой достаточно искусственный ресурс, поскольку не дает реальной информации о городе, не имеет обратной связи, на нем нет ни рубрики «вопрос—ответ», ни возможности оставлять комментарии, ни форумов, ни площадки для блогеров. Этот вывод подтверждается и данными пилотного опроса, проведенного среди студентов Забайкальского государственного университета, который практически не выявил пользователей этого интернет-ресурса.

Таким образом, складывается ситуация, когда и край, и город представлены тремя разнонаправленными типами интернет-медиа: «акцентировано негативным», «официальным», «искусственно-позитивным», что в деле формирования имиджа Забайкальского края является совершенно бесперспективным и не может служить основой создания успешного бренда.

Совсем по-другому обстоит ситуация с региональными интернет-медиа в Китае. Национальная особенность Интернета в Китае — высокая степень его контроля со стороны государства.

К способам контроля Интернета в Китае относятся законодательные, идеологические и технические меры.

На законодательном уровне ВСНП КНР исходит из идеи о том, что электронная сеть должна оставаться под контролем государства и помогать экономическому росту страны. В настоящее время принято более 60 законодательных актов, регулирующих правила пользования Интернетом в Китае.

Сайты, расположенные в самом Китае, проходят регистрацию в Министерстве промышленности и информационных технологий, в обязанности которого входит контроль над телекоммуникациями и рынком информационных услуг, лицензирование деятельности, контроль качества услуг, обеспечение интересов как граждан, так и государства, обеспечение необходимых условий для работы сетевой связи, взаимодействия и учета. Для пользователей Интернета введены жесткие правила: запрещено использование псевдонимов, введена обязательная идентификация для пользователей микроблогов и социальных сетей, которые обязаны сообщать местным властям свои данные (настоящее имя, паспортные данные, адрес, телефон).

В 2007 г. Председатель Ху Цзиньтао призвал «достичь превосходства в общественном мнении в сети Интернет» и «активно использовать новые технологии для укрепления положительной пропаганды». Это послужило началом для разработки идеологического подхода к контролю в Интернете. К борьбе на информационном уровне были привлечены группы спонсируемых идеологических активистов «Умаодан» — китайских проправительственных блогеров и участников интернет-форумов, высказывающих положительное мнение о правительстве КНР, Коммунистической партии Китая и проводимой государственной политике. Считается, что они получают 5 мао за один пост или комментарий, размещенный в Интернете. Количество таких пользователей точно неизвестно, но, по некоторым оценкам, составляет примерно 300 тыс. (по оценке британской газеты *The Guardian*)¹¹. Сфера деятельности Умаодан — чаты, блоги, форумы.

Технические меры включают проект «Золотой щит», так называемый «Великий китайский фаерволл» — систему фильтрации содержимого Интернета в КНР. Проект представляет собой систему серверов на интернет-канале между провайдерами и международными сетями передачи информации, которая производит латентный анализ информации. С помощью специальной технологии сканируется трафик в Интернете на «за-

прещенные» ключевые слова или интернет-адреса¹². Кроме скачивания трафика используется установка/активация определенного ПО, навязывание своих условий поисковым сервисам и прочим компаниям, предоставляющим услуги.

Таким образом, Китай представляет собой большой, хорошо контролируемый 500-миллионный рынок пользователей сети Интернет. «Место» на этом рынке сложно приобрести и очень легко потерять.

В таких условиях существование разнотипных региональных интернет-медиа является мало востребованным и мало возможным. Вся региональная информация концентрируется в одном месте и это, как правило, официальные сайты.

Нами был проведен мониторинг новостного раздела официального сайта правительства г. Маньчжурия (КНР)¹³. В качестве примера проанализируем первые пять новостей на 13 апреля 2013 г. Новостная информация имела следующее содержание: «В г. Маньчжурия стартовал первый международный российско-китайско-монгольский шахматный турнир», «Полнцейские г. Маньчжурия организовали мероприятие для детей, прибывших из отдаленных районов для учебы в начальной школе», «Партбюро больницы г. Маньчжурия провело заседание сотрудников больницы в целях изучения материалов XVIII съезда КПК», «Сотрудниками таможни на пограничном автопереходе было выявлено два случая незаконной транспортировки контрафактной продукции», «Команда г. Маньчжурия заняла первое место в командном зачете международного шахматного турнира». При этом единственная новость, содержащая негативную информацию о задержании контрафактной продукции, имела комментарии о том, какие шаги предпринимаются Китаем в борьбе за защиту авторских прав, и позиционировала страну как активного участника процесса защиты авторских прав.

Анализ сайта показал, что он очень информативен, имеет перевод на русский и английский языки. В верхнем горизонтальном меню первая кнопка слева называется «Чарующий приграничный город». Информация, размещенная в этом разделе аналогична информации сайта «Чита — самый солнечный город». Сайт содержит объективную информацию о городе (не приукрашенную и не очерняющую), предназначенную для разных целевых групп пользователей, в том числе и иностранных. В разработке сайта четко прослеживается единая информационная и имиджевая политика, направленная на создание позитивного образа города. На нем сконцентрирована вся информация о городе, способная удовлетворить потребности любого пользователя. Такой подход исключает необходимость иметь дополнительные сайты для отдельных групп пользователей (например, туристов, инвесторов и т.д.). Сайт содержит 4 ссылки: на сайт городского партийного комитета, собрания народных представителей города, городского комитета НПКСК. Возможность удобного перехода с сайта на сайт по указанным ссылкам создает у пользователя ощущение единого городского информационного интернет-портала, имеющего единое стилевое художественно-графическое оформление.

Изучение официального сайта правительства г. Маньчжурии показало, что он формирует архетипический образ города: «Маньчжурия — чарующий город», а также бренд города, имеющий геополитический потенциал, «Маньчжурия — восточные ворота Китая».

Подобный подход реализуется и при создании сайтов других регионов КНР. Так, официальный сайт правительства административного центра АРВМ Внутренняя Монголия г. Хух-Хото, а также сайты правительств некоторых других городов построены по тем же принципам, что позволяет сделать вывод о существовании в Китае четких и единых подходов по созданию региональных интернет медиа-площадок, направленных на формирование позитивного имиджа Китая внутри страны и за рубежом. Такая политика создает прочную основу для успешного территориального брендинга. Можно заключить, что в вопросе готовности создания эффективных территориальных брендов Китай намного опережает Россию, что в условиях соразвития приграничных регионов наших

стран идет не на пользу приграничным территориям России. Китай успешно решает проблему создания позитивного имиджа страны и ее регионов в информационном интернет-пространстве своими национальными методами. Нам же необходимо выработать свои методы решения этого вопроса, учитывающие наш национальный менталитет и национальные особенности.

Таким образом, сравнивая региональные интернет-медиа приграничных регионов России и Китая, можно сделать вывод о том, что под воздействием региональных медиаплощадок архетипические образы приграничного Забайкальского края формируются у россиян и иностранных граждан стихийно, при отсутствии общих подходов и единой политики в этом вопросе. Эти образы носят преимущественно негативный характер и не способствуют созданию успешного бренда. Формирование архетипических образов приграничного города Маньчжурия (КНР) есть управляемый процесс, направленный на формирование имиджа Маньчжурии как «чарующего города», на создание и управление брендом «Маньчжурия — восточные ворота Китая».

Архетипические образы приграничных территорий должны управляться таким образом, чтобы формировать позитивный имидж региона и служить основой создания бренда приграничного региона, имеющего геополитическое значение и задающего стратегический вектор его развития. Они также должны быть понятны носителю другой культуры, адаптированы к восприятию в мировом сообществе.

Отсутствие четкой имиджевой политики размывает восприятие региона. В марте 2013 г. было проведено пилотное исследование — интернет-опрос¹⁴, в ходе которого было опрошено 420 человек, проживающих в 5 различных субъектах Российской Федерации: в Ленинградской, Воронежской, Тюменской, Магаданской областях и в Приморском крае. В ходе опроса была использована кластерная выборка, ошибка выборки составила 5%. В результате исследования было установлено, что четкий образ Забайкальского края в сознании граждан отсутствует. Достаточно популярными ответами на вопрос: «Ваша первая ассоциация о Забайкальском крае» стали: «Где-то недалеко от Байкала» (29,1%), «Граница с Китаем» (18,2%). Большая часть респондентов затруднилась назвать административный центр Забайкальского края. Кроме того, край зачастую ассоциируют с декабристами и каторжными поселениями, что добавляет негативную окраску восприятию Забайкальского края.

На сегодняшний день у Забайкальского края нет своего бренда, и вопрос о его создании как никогда актуален.

Подчеркивая геополитическую значимость Дальнего Востока и Забайкалья, президент страны и правительство РФ предпринимают целенаправленные шаги по развитию этих регионов. Одним из таких шагов стала разработка и принятие Программы социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.

В связи с этим возрастает роль разработки бренда Забайкальского края. Регион должен в ближайшее время сформировать привлекательный имидж, который станет основой для бренда, что впоследствии скажется на получении политических и экономических дивидендов.

Успех реализации Программы разработки бренда Забайкальского края должны обеспечить такие факторы, как вовлечение руководителей региона в реализацию Программы, готовность региона развивать Программу в долгосрочной перспективе, наличие подготовленных специалистов в регионе, активное вовлечение населения, бизнеса, профессиональных исполнителей (экспертов), активное информационное сопровождение Программы, передача бренда «в массы» и т.д.

Программа разработки бренда Забайкальского края должна учитывать его приграничное расположение. Именно приграничные регионы — Забайкалье и Дальний Восток нуждаются сегодня в создании мощных геополитически значимых брендов и их эффективном управлении. Успешные бренды создаются только на реальной основе. Сей-

час, в условиях реализации Программы развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г., появились дополнительные возможности развития этих регионов. Особый вклад в это развитие способен внести брендинг регионов, поэтому в настоящее время на повестке дня стоит вопрос создания брендов приграничных территорий, отражающих стратегию их развития и их миссию для России.

1. *Шаталов Г.В.* Образ, имидж, бренд и репутация региона — что это такое? URL: <http://regionpr.ru/page122.html>, свободный.
2. *Анхальт С.* Брендинг: дорога к мировому рынку. М.: Кудиц-Образ, 2004. 272 с.
3. *Смирнов Е.П.* Проект «Конкурентоспособный регион как точка роста конкурентоспособности России» // Рос. муниципальная практика. 2006. № 2. С. 19–27.
4. URL: http://apec.primorsky.ru/comments/comment_002.html.
5. Такие исследования, как «Развитие международных связей с общественностью в условиях приграничного региона (на примере Забайкальского края)», «Национальные особенности восприятия PR-коммуникаций России и КНР», «Имиджевое восприятие России в Китае», «Особенности информационного рынка КНР», «Особенности восприятия иностранных брендов на приграничных территориях», 2010–2013 гг., место проведения исследований — провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, Шаньдун, Автономный район Внутренняя Монголия. Исследования проводились студентами специальностей «Международные отношения», «Реклама и связи с общественностью» и преподавателями кафедры международного права и международных связей Забайкальского государственного университета.
6. URL: <http://zabmedia.ru/>
7. URL: <http://www.chita.ru/>
8. URL: www.zabaykalskiykray.pf.
9. URL: <http://www.admin.chita.ru/>
10. URL: <http://www.visitchita.ru/>
11. URL: <http://www.guardian.co.uk/media/2008/sep/22/chinathemedia.marketingandpr>.
12. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_words_censored_by_search_engines_in_the_People%27s_Republic_of_China.
13. URL: <http://www.manzhouli.gov.cn/>
14. *Бурдуковских М.А.* Проблемы и перспективы брендинга территорий на примере Забайкальского края (выпускная квалификационная работа, научный руководитель к.с.н. Топоркова Е.П., кафедра международного права и международных связей Забайкальского государственного университета).

История

Консульства Маньчжоу-го в России. Из истории советско-японско-китайских отношений в 1931—1945 гг.

© 2013

В. Дацышен

В статье рассматриваются проблемы открытия и функционирования консульских учреждений Маньчжоу-го в Советском Союзе. На примере консульств в Благовещенске и Чите демонстрируются сложности и противоречия в советско-японско-китайских отношениях 1930-х – первой половины 1940-х гг.

Ключевые слова: Маньчжоу-го, советско-японско-китайские отношения, Вторая мировая война, консульства в Благовещенске и Чите.

В начале 1930-х гг. на восточных границах Советского Союза по инициативе наиболее агрессивных кругов в руководстве Японской империи было образовано государство Маньчжоу-го. Хотя это государство и не было признано мировым сообществом, но его существование стало реальность, с которой соседи, в том числе и СССР, не могли не считаться. Советское правительство, справедливо считая, что Маньчжоу-го не обладало никаким суверенитетом, не пошло на официальное признание этого государства, но, по причине тесных экономических, политических и культурных связей с Маньчжурией де-факто установило отношения с властями Маньчжоу-го через консульские учреждения.

Отправной точкой истории Маньчжоу-го стал так называемый «инцидент 18 сентября 1931 г.», когда после взрыва на принадлежавшей японцам железной дороге в районе Мукдена (Шэньян), японцы начали захват Маньчжурии. Организованное японцами «Всеманьчжурское совещание» в начале марта 1932 г. провозгласило создание марионеточного государства Маньчжоу-го. Большинство местных китайских чиновников и генералов, возможно формально, но признали новое государство. Нанкинское же правительство не стало защищать этот регион, а обратилось к другим странам, в том числе и к СССР за поддержкой, надеясь, что мировое сообщество заставит Японию вернуть Маньчжурию Китайской Республике.

Японская агрессия в Маньчжурии напрямую затрагивала интересы Советского Союза, разрушала только что восстановленный баланс сил и интересов в регионе. Уже на следующий день после «инцидента 18 сентября 1931 г.» состоялась первая встреча заместителя наркома по иностранным делам Л.М. Карахана с недавно прибывшим в Моск-

ву японским послом Хирота Коки. Советская дипломатия в силу ряда причин не имела возможности оперативно отреагировать на события в Маньчжурии, и 20 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) пришло к заключению «отложить принятие решения о дипломатических шагах в связи с оккупацией японскими войсками Южной Маньчжурии»¹. 21 сентября 1931 г. Л.М. Каганович писал И.В. Сталину: «2) Слушали сообщение о японо-китайских делах. Были предложения особенно со стороны Литвинова выступить с официальным запросом и взять в печати резкий тон в отношении Японии. Так как в нашем распоряжении были крайне ограниченные сведения, мы не приняли никаких решений. Мы исходили из того, что обстановка требует от нас осторожности и выдержки»². 22 сентября из Москвы в Хабаровск было направлено предписание: «не допускать никаких демонстраций или выступлений в связи с событиями в Маньчжурии»³.

Несмотря на давление Китайской Республики, СССР не пошел на конфликт. Советское руководство вынуждено было считаться со сложившимися реалиями, выстраивать отношения с реально существовавшей властью в приграничных регионах Китая. 23 сентября 1931 г. И.В. Сталин написал: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно... Запросить японцев, чтобы они держали нас в курсе событий, конечно, следует, но одновременно нужно запросить китайцев, хотя бы через Харбин... В печати надо вести себя так, чтобы не было никаких сомнений в том, что мы всей душой против интервенции. Пусть «Правда» ругает всю японских оккупантов, Лигу Наций, как орудие войны... «Известия» должны вести ту же линию, но в умеренном и архисторожном тоне...»⁴.

Не все в советском руководстве соглашались такой позицией. 26 сентября 1931 г. Л.М. Каганович писал И.В. Сталину: «Прочтите, пожалуйста, в «Известиях» от 23-го стихотворение Демьяна Бедного, по-моему, там есть прямой выпад против нашей политики, он говорит... «Всегда готовая к отпору, молчит загадочно Москва» и т. д. Оказывается, что Литвинов, который в ПБ требовал нашего активного вмешательства, дал визу на печатание этого стихотворения Демьяна»⁵. Однако М.М. Литвинову не удалось убедить высшее руководство СССР в необходимости активных действий против японской агрессии в Маньчжурии. Более того, в 1932 г. во всех конфликтных ситуациях, таких как нарушение японцами советского воздушного пространства или захват советского судна, И.В. Сталин и его ближайшие соратники проявляли осторожность, заставляли советских дипломатов и военачальников проявлять сдержанность. Советское руководство боялось спровоцировать какой-либо конфликт с Японией. Например, 2 июля 1932 г. И.В. Сталин писал: «Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии. Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому делу наших органов создаст новую опасность провокации конфликта с Японией... примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра...»⁶.

Нейтралитет Советского Союза по поводу конфликта в Маньчжурин, осторожность в отношении Японии, были во многом обусловлены неурегулированностью отношений с Китайской Республикой. После завершения вооруженного конфликта 1929 г. именно Нанкинское правительство всячески затягивало процесс восстановления дипломатических отношений и урегулирования проблем КВЖД. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений, деятельность китайских консульств в приграничных с Северо-Восточным Китаем российских регионах была восстановлена уже в 1930 г. Но отношения между консульскими представителями и местными властями в Забайкалье и на Дальнем Востоке оставались напряженными и сопровождались постоянными конфликтами⁷. В этом находили свое отражение сохранявшиеся противоречия в русско-китайских отношениях.

После создания Маньчжоу-го сложилась ситуация, когда китайские консульства должны были заниматься вопросами миграции и пограничного сотрудничества с теми

районами, которые полностью вышли из-под власти представляемого ими правительства. Более того, консульские учреждения Нанкинского правительства стали орудием политического давления на Москву с целью втянуть Советский Союз в противостояние с Японией. В письме советского генконсула в Харбине М.М. Славуцкого начальнику Дипломатического управления провинции Гирин (Цзилинь) Ши Люйбэню от 6 апреля 1932 г. говорилось: «Честь имею довести до Вашего сведения для срочного сообщения г. Се Цзеша, что ввиду подозрительного поведения китайского консула в Благовещенске, могущего испортить отношения между Союзом ССР и Маньчжурией, мы советуем заметить его другим лицом»⁸.

В 1932 г. возник вопрос о необходимости создания в приграничных с Маньчжурией регионах представительств той власти, которая реально управляла Северо-Восточным Китаем. В «Календаре событий» за 1932 г., подготовленном «Информационным бюро Генерального Консульства СССР в Харбине», отмечалось: «"Бин-цзян-ши-бао" печатает телеграмму из Чанчуня о том, что центральное правительство решило приказать харбинскому особому агенту МИД известить Генконсула СССР в Харбине о том, что правительство Маньчжоуго безусловно не признает всех китайских консулов в СССР... до того времени, пока в СССР еще не учреждены консульства Маньчжоуго, необходимо придерживаться временных правил... лица, желающие вехать в Маньчжоуго, должны сначала через Харбинского Генконсула известить об этом Харбинского Особого Агента МИД, который, в свою очередь, передает дело Министерству Внутренних Дел Маньчжоуго...»⁹. Таким образом, отсутствие консульских учреждений вновь провозглашенного государства Маньчжоу-го сильно затруднило взаимодействие с регионом, где имелись не только экономические интересы Советского Союза, но и работали тысячи советских граждан, постоянно проживали сотни тысяч русских, имевшая совместная собственность.

Советское правительство было заинтересовано в скорейшей нормализации взаимоотношений с Маньчжурией и готово было идти на уступки Японии, с которой во второй половине 1920-х гг. сложились относительно стабильные и взаимовыгодные отношения. Харбинская газета «Русское Слово» 29 мая 1932 г. писала: «По сообщению из Синьцзина, начальник канцелярии общих дел кабинета министров Маньчжу-Го г. Камай в беседе с представителями прессы, касаясь вопроса отношений Маньчжу-Го с СССР, сказал следующее: "СССР высказывает пожелание, чтобы в важнейших городах территории СССР открылись консульства Маньчжу-Го, а параллельно с этим СССР выявляет отношение к Маньчжу-Го с полным пониманием и даже выражает свое согласие на назначение в качестве вицеконсулов Маньчжу-Го лиц японской национальности. Ввиду столь дружественного отношения со стороны СССР к Маньчжу-Го, правительство Маньчжу-Го намерено и по отношению вопросов о Квжд сохранять прежние правовые отношения, и вообще прилагать свои усилия к укреплению взаимной дружбы. В ближайшем будущем из Маньчжу-Го будут командированы свои консула в Благовещенск, Чигу и Владивосток»¹⁰.

В июле 1932 г. М.М. Славуцкий писал о встрече с генконсулом Японии в Харбине Охаси Тиюти: «Я ответил... не помешало нам лишить китконсула в Благовещенске права шифропереписки и просить маньчжурские власти о посылке своего консула. Кстати, я спросил Охаси, когда новый консул будет послан...»¹¹. Таким образом, СССР выступил инициатором отправки новыми властями Маньчжурии своего консула в Благовещенск. Правда, говорить, что Советское руководство приглашало именно представителя государства Маньчжоу-го, оснований недостаточно. Конфликтная ситуация была вызвана тем, что китайский консул в Благовещенске, пользуясь правом шифрованной телеграфной переписки, отправлял в другие страны телеграммы китайского генерала Ма Чжаньшаня, который сначала участвовал в создании Маньчжоу-го, потом вы-

ступил против японцев. Подняв восстание 7 апреля 1932 г., этот Хэйлунцзянский генерал-губернатор в Хэйхэ объявил о своей независимости от властей Маньчжоу-го. У советского руководства были опасения по поводу возможности скоординированных действий Ма Чжаньшаня, китайского консула в Благовещенске и японских военных. 14 апреля 1932 г. заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан сообщал полпреду в Японии А.А. Трояновскому: «По всей вероятности, Ма действует по соглашению с японцами или по директиве Чжан Сюэ-ляна, чтобы дать пододвинуться японским войскам к границам СССР»¹².

Новое непризнанное государство Маньчжоу-го и его японские покровители хотели скорейшего признания со стороны других стран и в первую очередь – СССР. Кроме того, в пограничных регионах было достаточно вопросов и проблем, решение которых требовало специальных представителей. Власти Маньчжоу-го с первых дней своего существования подняли вопрос об отправке своих официальных представителей в Советский Союз. 7 июня 1932 г. Л.М. Каганович писал И.В. Сталину: «От Славуцкого получена телеграмма, в которой он сообщает, что Охаши от имени Манчжугу настаивает повторно на признании нами Маньчжурского правительства. Эта настойчивость довольно подозрительна, так как сам Охаши принадлежит к группе фашистов... Сайто дал как раз противоположные директивы своим представителям в Маньчжурии, он им предлагает не форсировать этого вопроса, ибо признание нами Манчжугу до того, как они (японцы) это сделают сами, осложнит обстановку»¹³.

Не получив согласие со стороны Москвы на официальное признание Маньчжоу-го, японцы усилили давление по вопросу скорейшего открытия маньчжурских консульств в СССР. В «Календаре событий» «Информационного бюро Генерального Консульства СССР в Харбине» говорилось: «18 августа «Харбин-гун-бао» следующим образом передает свидание между Ши Люй-бэнем и Славуцким. Третьего дня Ши Люй-бэнь посетил Генконсула СССР в Харбине Славуцкого, лично передав две важные ноты... Вторая нота касается вопроса о ныне проживающих в СССР консулах. В виду того, что эти консулы, ныне проживающие в СССР, посланы Нанкинским правительством, Маньчжоуго не может признать их, как дипломатических представителей Маньчжоуго»¹⁴. И стороны без большого труда смогли договориться об открытии консульств Маньчжоу-го в Благовещенске и Чите. М.М. Славуцкий сообщил в Москву, что Маньчжоу-го наметило консулом в Благовещенск бывшего секретаря дипломатического комиссара в Харбине Куй Хунчи, а вице-консулом – сотрудника японской военной миссии в Харбине Йошизу Коиши¹⁵. Заместитель уполномоченного МИД Маньчжоу-го в Харбине Сугихара Тиунэ беспокоился, согласятся ли с этим назначением советские руководители. Но отвода не последовало.

В подготовленном «Информационным Бюро Генерального Консульства СССР в Харбине» «Календаре событий» было зафиксировано: «2 сентября «Ангазта» сообщает: Особый агент Министерства иностранных дел в Сев. Маньчжурии Ши Люй-бэнь сообщил представителям прессы, что в ближайшее время в Благовещенск выезжает маньчжурский консул Гуй Хун-чи и вице-консул Йошизу»¹⁶; «3 сент. «Маньчжурия Дэйли Ньюс» говорит, что вопрос об открытии консульства Маньчжоуго в Благовещенске зашедший в тупик, вследствие инцидента с харбинской перевалкой, однако в настоящее время благополучно разрешен. Новый маньчжурский консул в ближайшие дни прибудет в Чанчунь для получения официального назначения и выедет к своему новому посту через Корею»¹⁷. Действительно, 5 сентября 1932 г., как сообщали маньчжурские газеты: «в Благовещенск выехали первый консул Маньчжоуго за границей Гуй Хун-чи и вице-консул Йошида»¹⁸. Таким образом, первым консулом Маньчжоу-го в СССР стал известный китайский дипломат Куй Хунчи, уже работавший в начале 1920-х гг. консулом Китайской Республики в Хабаровске.

Власти созданного японскими военными и никем не признанного государства Маньчжоу-го посчитали, что открытие консульского учреждения можно расценить в качестве официального признания этого государства. 22 сентября 1932 г. газета «Маньчжоу-бао» напечатала заявление Куй Хунчи: «На этот раз открытие консульства является предложением рабоче-крестьянской стороны, поэтому фактически уже имеется признание. Наше государство в дальнейшем решило открыть консульства во Владивостоке и других местах. В настоящее время производится подбор личного состава»¹⁹. В подборке материалов ОГПУ от 22 сентября 1932 г. говорилось: «"Харбинское Время" сообщает: — в Харбин прибыл Тов. МИД Охачи специально для свидания с Совпредами для переговоров... "Ренго" пишет — поездке придадут важное значение в освещенных кругах, тесно связывают с быстрым темпом развивающегося вопроса с признанием СССР. Новый Горголова Льюжунхуань в речи на банкете, опубликованной в прессе, заявил — обмен консулами с СССР означает фактическое признание и, несомненно, в ближайшем будущем, последует юридическое»²⁰. 26 сентября 1932 г. одна из японских газет дала следующую информацию: «Согласно поступившей в японское Министерство иностранных дел информации от посла Хирота, Советское правительство по отношению к Маньчжоу-го по-прежнему придерживается благосклонной позиции и санкционирует нахождение на территории СССР консулов Маньчжоу-го, причем Советское правительство высказывается, что если правительство Маньчжоу-го пожелает, то может открыть свое консульство и в Москве. Однако, что касается вопроса об официальном признании Советским Союзом Маньчжоу-го... то необходимо тщательное обдумывание этого шага...»²¹.

Прием консулов Маньчжоу-го в условиях нормализации советско-китайских отношений не мог не вызвать противоречий и конфликтных ситуаций. Осенью 1932 г. фактический руководитель представительства МИД Маньчжоу-го в Харбине Сугихара Тиунэ на встрече с М.М. Славуцким потребовал удаления китайских консулов из городов советского Дальнего Востока, в первую очередь из Благовещенска. Ярким примером стал так называемый «Инцидент с Благовещенским консулом». Информационное бюро Генерального Консульства СССР в Харбине передавало в 1932 г.: «"Харбин Гун-бао" от 11/11/32 г. сообщает, что Сугихара на вопрос о том, был ли заявлен протест по вопросу об инциденте с маньчжурским консулом в Благовещенске, ответил, что согласно донесению генконсула Гуй Хун-чи, в связи с нехорошим отношением со стороны советских властей, работа испытывает чрезвычайные затруднения. "Маньчжурское консульство в Благовещенске помещается на одной и той же улице с китайским консульством. Кроме того, противоположный берег Благовещенска — Сахалин является источником планов мятежных сил. Поэтому наше консульство в Благовещенске испытывает чрезвычайные затруднения в работе". Получив это известие, мы немедленно заявили протест Генконсулу СССР в Харбине Славуцкому. В своем ответе Славуцкий заявил, что он уже передал наш протест правительству. Ответной телеграммы еще не получено... На вопрос корреспондента о том, что слышно относительно открытия консульств Маньчжоу-го во всех пунктах Дальнего Востока, Сугихара ответил, что этот вопрос временно замедляется осуществлением в связи с теми затруднениями в работе, которые испытало наше консульство в Благовещенске, с другой стороны, если наша страна будет иметь консульство только в Благовещенске, то это создаст затруднения и для советских граждан, желающих въехать в пределы Маньчжоу-го...»²².

Советский Союз не признал маньчжоугосских претензий на монопольное представительство, что затормозило процесс открытия новых консульств. Как отмечается в документах: «6 ноября. "Го-цзи-се-бао" со слов "Харбин Симбун" пишет, что ответная телеграмма Москвы по вопросу о благовещенском инциденте гласит следующим образом: "СССР дал свое согласие на посылку Маньчжоу-го консула... Что касается того, находится ли в Благовещенске старому консулу, то СССР не считает, что имеется необходимость вмешательства со стороны Маньчжоу-го". Канцелярия особого агента МИД ре-

шительно протестует против этого. В дальнейшем, в случае необходимости, возможно, произойдет отзыв консула»²³.

Консульства Китайской Республики в приграничных с Маньчжоу-го регионах резко сократили объемы работы, следствием чего было и сведение до минимума их штатной численности. Но советское руководство не стало ставить вопроса об их закрытии по целому ряду причин. Кроме демонстрации поддержки Нанкинского правительства, Москва за счет этих консульств планировала расширить свою консульскую сеть в Китае. В протоколе заседания Политбюро от 10 декабря 1932 г. было записано: «1. В случае возобновления со стороны Китая предложения о заключении пакта о ненападении ответить, что этот вопрос может быть разрешен после фактического восстановления отношений в дипломатическом порядке... До общего соглашения о консульской сети потребовать теперь же разрешения открытия советских консульств в Шанхае, Пекине, Калгане... мотивируя существованием уже в СССР китайских консульств во Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске и Чите»²⁴.

Советско-японские осложнения по «консульскому вопросу» в конце 1932 г. по времени совпали с конфликтной ситуацией, сложившейся при отступлении китайской армии Су Бинвэня²⁵. Япония не пошла на развитие конфликта, власти Маньчжоу-го не стали отзываться своего консула из Благовещенска. Более того, в начале 1933 г. было открыто консульство в Чите, где также продолжало функционировать консульство Китайской Республики. Из советского генконсульства в Харбине сообщали: «6/II. Вся харбинская пресса отмечает банкет, устроенный канцелярией Особого Агента МИД в честь отъезжающего в Читту маньчжоу-го консула Ли Юаня... Особый Агент МИД Ши Люй-бэнь подчеркнул в своей речи, что СССР является первым государством, на территории которого открыты консульства Маньчжоу-го»²⁶. Формальный глава представительства МИД Маньчжоу-го в Харбине Ши Люйбэнь также заявлял прессе: «Имеется договоренность об открытии консульств в Хабаровске и Владивостоке. Мы можем их открыть в любой момент. Все дело лишь в недостатке подходящих кандидатур»²⁷.

Вопросы открытия консульств Маньчжоу-го на территории России были предметом обсуждений и на советско-китайских переговорах. Заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан на встрече с послом Китая Янь Хуйцином в марте 1933 г. сказал: «Мы разрешили Маньчжоу-го открыть 5 консульств на нашей территории – такое же количество, какое имеется и у нас в Маньчжурии... Но Маньчжоу-го пока еще не назначило консула в Москву»²⁸. Консульская сеть Маньчжоу-го в России так и осталась ограничена представительствами в Чите и Благовещенске. В Приморье противоречия возникли в связи с желанием японцев открыть консульство Маньчжоу-го в Уссурийске, против чего резко выступил командующий Особой Краснознаменной дальневосточной армией В.К. Блюхер. Противоречия по «консульским вопросам» в русско-японских отношениях в связи с Маньчжоу-го находили самые разные проявления. Советские газеты в 1933 г. сообщали: «Агентство Кокуцу распространяет ложные сообщения о подготовке к закрытию и эвакуации советских консульств в Цицикаре и Мукдене. Тасс уполномочен сообщить, что эта информация является злостным измышлением и не соответствует действительности»²⁹. Вообще, советские средства массовой информации с 1933 г. постоянно, чуть ли не ежедневно, сообщали о проблемах отношений с Японией, в том числе о конфликтах на советско-маньчжурской границе. Но об маньчжурских консульствах в советских городах газеты старались не упоминать.

С началом нового этапа японской агрессии в Китае ситуация вокруг маньчжоугоских консульских учреждений осложнилась. В 1937 г. был введен жесткий режим ограничений и контроля за передвижением сотрудников генконсульства Маньчжоу-го в Чите. 23 июля 1939 г. было принято «Постановление политбюро ЦК ВКП(б) «об особом режиме для маньчжурских консулов в гг. Чите и Благовещенске»», в котором говорилось: «В связи с рядом непрекращающихся полицейских и белогвардейских провокаций в

Харбине в отношении советского консульства, а также на станции Маньчжурия... провести следующие мероприятия по отношению к маньчжурским консулам в гг. Чите и Благовещенске: 1) Окружить оба консульства охраной и не пропускать никого посторонних. 2) Прервать телеграфную связь между этими консульствами и Маньчжоу-Го. 3) Выключить все телефоны. 4) Не принимать никаких телеграмм на Маньчжурию от обоих консульств ввиду занятости телеграфа. 5) Каждый сотрудник консульств, включая и самих консулов, выходящие из помещения консульств, должны сопровождаться двумя агентами НКВД, которые не должны выпускать его из-под тщательного наблюдения. 6) Ограничить консульства снабжением предметами питания наполовину. 7) Прекратить выдачу бензина для консульских машин»³⁰. От сотрудников консульства перестали принимать телеграммы, аргументируя загруженностью линии, прервали телефонную связь. Специальные «глушилки» препятствовали радиосообщению между консульством и Сахалином (Хэйхэ). Связь с внешним миром консульство в Благовещенске осуществляло посредством отправки своих курьеров или других служащих в Маньчжурию поездом через Читу. Противостояние затронуло китайцев, работавших в качестве вольнонаемных в консульствах. Например, в 1937 г. советскими органами был арестован и затем расстрелян Лю Кожун, работавший кучером в консульстве Маньчжоу-го в Благовещенске. После подписания советско-японского договора весной 1941 г. режим ограничений был несколько ослаблен, но все равно оставался довольно жестким.

Во время Великой Отечественной войны консульские учреждения продолжали функционировать в Чите и Благовещенске, при этом их штатный состав был гораздо более многочислен, чем в консульских учреждениях Китайской Республики. В консульстве Маньчжоу-го в Благовещенске работало 12 человек японцев и китайцев, включая обслуживающий персонал (Чжао Дэвэй, И. Кавабэ, С. Хираки, С. Исида, Ма Сяюан, К. Хама, С. Оога, С. Имура, К. Такахаси, Шуй Шишин, Сюй Синци)³¹. Для примера, «персонал Генерального Консульства Китайской республики в городе Благовещенске» был ограничен «и.о. Генерального Консула Ли Ши-куй... курьер Лу Фучан... дворник (разнорабочий) Чжен Чун-ян... кухарка Дян-Ши... с сыном 8 лет»³². В генконсульстве Маньчжоу-го в Чите в 1943 г. также работали 12 человек, в том числе 8 японцев. При этом «японская активность» в рамках маньчжурских консульских учреждений еще более усилилась. Читинские исследователи отмечают: «Консул Хисамацу Ичиро, сменивший в 1942 году Ку-Чун-Сана, был полковником 2-го отдела Генштаба Японии. Его настоящая фамилия Мацудайро...»³³.

Основной состав консульства в Благовещенске времен Великой Отечественной, включая самого консула (китайца), двух вице-консулов (японцев) и трех японских секретарей, прибыл в Благовещенск в 1941 г. Фактическое руководство деятельностью этого консульства осуществлял, вероятно, вице-консул подполковник Хираки Синдзо. Накануне и в начале Великой отечественной войны советские спецслужбы вели с работавшими в консульстве японскими разведчиками сложную дипломатическую игру, целью которой было убедить японские спецслужбы в прочность восточных рубежей СССР и готовности советского народа отразить возможную японскую агрессию. Ярким примером тому служит история посещения японскими сотрудниками Маньчжурского консульства в июне 1941 г. колхоза «Тихоокеанская звезда» в пригородном Ивановском районе³⁴.

Советские спецслужбы и местные органы власти чинили всяческие препятствия маньчжурским консульским работникам, совершенно справедливо считая, что представители этого государства в основном выполняют разведывательные функции в пользу Японии. Различные проявления этой политики хорошо видны из «Журнала регистрации приемов сотрудников консульства Маньчжоу-Тя-Го»: «30 июня 1943 года. На приеме присутствовали: консул Чжао Дэ-Вей и вице-консул Кавабэ. Основной вопрос приема был вопрос о задержании дипкурьеров. В последних числах июня две партии дипкурьеров по два человека из Маньчжоу-Тя-Го возвращались в СССР, но в

силу их задержки приехали в Благовещенск одновременно. В «Отпоре» 2-х курьеров по причине отсутствия мест задержали на два дня, а потом, когда были проданы билеты, посадили их в разные купе. По причине отсутствия свободных мест другие два курьера были задержаны на 6 дней в Чите, и также, как и в первом случае в поезде были посажены в разные купе. Расценивая эти факты преднамеренными действиями мешающими выполнять дипломатические функции, консул заявил протест, просил устроить их, наказать виновных и в будущем гарантировать их беспрепятственное передвижение... сегодня я выдал служебную визу Имура Сиро (шофер) отправлявшемуся с дипломатической почтой. На приеме консул усмотрел в этом очередное их притеснение, просил заменить визу служебную на дипломатическую...»³⁵; «09 сентября 1943 г. На приеме присутствовал консул Чжао Дэ-Вэй и вице-консул Кавабе... После приветствия Чжао рассказал, что он очень утомился за время поездки... Нет никаких удобств, за тобой всегда следят, даже в уборную за тобой идут. В Чите пришлось жить два дня, так как там не было билетов, с Куйбышевки пришлось ехать в жестком вагоне, так как не было мягких мест, кроме того, нигде нельзя достать кипятка (чаю)...»³⁶.

К началу разрыва между СССР и Японией на завершающем этапе Второй Мировой войны во главе консульских учреждений Маньчжоу-го были поставлены японцы. 22 июля 1945 г. исполняющий обязанности консула Маньчжоу-го в Благовещенске С. Хироватару информировал местные власти: «Имею честь сообщить Вам, что я был назначен вице-консулом Маньчжоу-Ти-Го в г. Чите и, в связи с этим, с 28 июля по инструкции правительства, вице-консул С. Цузита вступит в должность и.о. консула в г. Благовещенске»³⁷.

После разгрома Японской армии в Маньчжурии и пленения Квантунской армии, некоторые сотрудники консульских учреждений Маньчжоу-го не только оказались в СССР в качестве военнопленных, но и были осуждены за свою разведывательную деятельность во время Второй Мировой войны. Например, работавший с апреля 1941 г. по февраль 1945 г. в Благовещенске в качестве секретаря консульства кадровый разведчик, бывший сотрудник 2-го разведывательного отдела штаба Квантунской армии майор Исиды Сабуро 5 сентября был пленен в Чанчуне, а в 1948 г. был предан суду военного трибунала Приволжского военного округа в Казани³⁸.

Таким образом, консульские учреждения Маньчжоу-го в Благовещенске и Чите были важными элементами всей системы советско-японско-китайских отношений в 1930-х – первой половине 1940-х гг. Появление их в 1932—1933 гг. соответствовало реалиям общей ситуации, сложившейся в международных отношениях на Дальнем Востоке после оккупации Японией Маньчжурии. Существование консульских учреждений в Благовещенске и Чите не стало препятствием для развития советско-китайского сотрудничества и даже не привело к закрытию консульств Китайской Республики в этих городах. Первым консулом Маньчжоу-го в СССР стал китаец, в прошлом представлявший на российском Дальнем Востоке интересы Китайской Республики. После продажи Советским Союзом КВЖД в 1935 г. основной задачей сотрудников маньчжурских консульств стала разведывательная деятельность в пользу Японии. Советскому руководству удалось нейтрализовать японские спецслужбы, а консульства Маньчжоу-го были успешно использованы для недопущения японской агрессии против СССР.

1. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 гг.) / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2010. С. 31.
2. *Сталин и Каганович. Переписка, 1931–1936 гг.* / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М.: Рус. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. С. 113.

3. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 гг.) / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2010. С. 31.
4. *Сталин и Каганович*. Переписка, 1931–1936 гг. М., 2001. С. 116.
5. Там же. С. 119–120.
6. Там же. С. 208.
7. См.: *Дацзышен В.Г.* Консульства Китайской Республики в Сибири в системе русско-китайских отношений. // 42-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2012. (Уч. зап. Отдела Китая; Вып. 7. Т. 42, ч. 3.
8. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3: М., 2010. С. 83.
9. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 8.
10. Русское слово. 1932. 29 мая.
11. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3: М., 2010. С. 105.
12. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 238.
13. *Сталин и Каганович*. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 147.
14. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 7.
15. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. М., 2010. С. 99.
16. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 57.
17. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 57 об.
18. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 57об.
19. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 62.
20. ГАНИИО. Ф. 123а. Оп. 1. Д. 198. Л. 80.
21. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 63об.
22. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 149.
23. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 136.
24. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 4, ч. 1. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. М., 2003. С. 230.
25. См.: *Дацзышен В.Г.* «Миссия Комацубары»: Из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х гг. // Пробл. Дальнего Востока. 2012. № 3.
26. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1021. Л. 30.
27. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1021. Л. 30.
28. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. М., 2010. С. 155.
29. Красноярский рабочий. 1933. 8 июня.
30. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 114–115.
31. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-81. Оп. 11. Д. 1.
32. ГААО. Ф. Р-81. Оп. 11. Д. 2.
33. URL: <http://www.diary.ru/~Samuray-08/p165290234.htm?oam>.
34. ГААО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 161. Л. 5.
35. ГААО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 189. Л. 1.
36. ГААО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 189. Л. 11.
37. ГААО. Ф. Р-81. Оп. 11. Д. 8. Л. 16.
38. *Литвин А.* Японские военнопленные: спецлагерь на Каме // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2002. № 3/4.

Представители Сибири и российского Дальнего Востока в истории Форт-Росса и освоении Калифорнии

© 2013

А. Петров, Г. Капалин, А. Ермолаев

Статья посвящена изучению вклада представителей Сибири и Дальнего Востока России в колонизацию Калифорнии, основание и развитие селения Форт-Росс. Отмечается значение православия в становлении Форт-Росса.

Ключевые слова: русская Америка, Дальний Восток, Сибирь, Калифорния, Форт-Росс.

Форт Росс (далее — Росс) является уникальным наследием России на территории Соединенных Штатов. С 1812 г. по 1841 гг. селение и крепость Росс в Калифорнии находились под управлением монопольной акционерной Российско-американской компании (РАК). В настоящее время Форт Росс — музей, отметивший двухсотлетие. В программу основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года Российской Истории, по распоряжению Правительства РФ от 17 апреля 2012 г. № 493-р включен и юбилей Форты Росс.

Ежегодно этот музей посещают десятки тысяч туристов со всего мира. В Форте Росс до сих пор сохранилось жилище его правителя — А.Г. Ротчева, которые признано как старейшее деревянное здание в Калифорнии. Ныне Форт Росс становится крупным музейным и научно-исследовательским центром в США. Его изучение проходит в рамках междисциплинарных исследований¹. Активная позиция МИД РФ по сохранению этого памятника культурного наследия России способствует укреплению и развитию связей между научной и культурной общественностью США и России. Особая заслуга в этом принадлежит организации под названием “Общество по сохранению Форты Росс”².

В последнее время по истории становления и развития Росса были опубликованы фундаментальные сборники документов³. Разным вопросам его прошлого посвящали свои работы отечественные и зарубежные ученые⁴.

Между тем введение в научный оборот новых архивных материалов позволяет переосмыслить устоявшиеся точки зрения⁵. На прошедшей в апреле 2012 г. международной конференции в г. Санта-Роза (Калифорния), посвященной 200-летию Форты Росс, были обозначены проблемы, которые нуждаются в дополнительных разработках⁶. Одна

Петров Александр Юрьевич, д.и.н., в.н.с., Руководитель группы по изучению истории и наследия Русской Америки Института всеобщей истории РАН. Тел.: 8 (495) 938-00-97, Моб.: тел: 8 (916) 531-63-05. E-mail: Alaska13@yandex.ru

Капалин Герман Михайлович, кандидат исторических наук, председатель Издательского Совета Русской Православной Церкви, член Высшего Церковного Совета Русской Православной Церкви, Митрополит Калужский и Боровский Климент.

Ермолаев Алексей Николаевич, доцент, к.и.н., заведующий лабораторией истории Южной Сибири Института экологии человека СО РАН (Кемерово).

из них — изучение этнического и социального состава населения Форта Росс. При ее анализе мы обратили внимание, что в развитие Росса большой вклад внесли представители Сибири и Дальнего Востока⁷. При подготовке данной статьи мы опирались на документальные данные, почерпнутые из отечественных и зарубежных архивохранилищ, а также на уже упомянутый труд “Россия в Калифорнии”. В этой работе интересующей нас теме посвящена специальная глава в первом томе. Однако составители сборника ограничились просто констатацией факта о присутствии представителей различных регионов России в истории Форта Росс. Конкретных промышленников или служащих РАК с точки зрения их происхождения отмечено не было, как и в именном указателе этого труда. В этом отношении для нас были важны специальные справочники и словари. Пионером в этом отношении был американский ученый Р. Пирс, подготовивший фундаментальный биографический словарь. В нем, однако, не нашлось места для многих деятелей РАК. Отечественный исследователь — А.В. Гринёв несколько лет назад издал биографический словарь, основываясь на труде Пирса на русском языке, в котором полнее представлены простые промышленники и служащие РАК. К сожалению ни Р. Пирс ни А.В. Гринёв не сопроводили свои статьи сносками в словарях на опубликованные или архивные материалы, поэтому их сведения нуждаются в проверке. Однако значение работ Пирса и Гринёва при подготовке данной статьи очень велико⁸.

Интерес РАК, управлявшей Аляской и Алеутскими островами, к Калифорнии был обусловлен двумя важнейшими причинами. Во-первых, у берегов Калифорнии водился особый подвид морской выдры (калана). Русские называли его морским бобром. Меха этого животного высоко ценились на рынках Китая и России. Калан являлся главным объектом промыслов Российско-американской компании. Когда в северных водах Аляски численность этих животных уменьшалась, компания стала искать новые места их обитания. Калифорнийское побережье было одним из таких мест. Во-вторых, Калифорния изобиловала зерновыми культурами и скотом. Теплый климат этого региона резко контрастировал с сырым и холодным климатом Аляски, где не произрастали зерновые культуры (пшеница, рожь, ячмень). Русские промышленники, служившие в РАК, нередко испытывали нужду в продовольствии. Для обеспечения рабочих и служащих Российско-американская компания завозила хлеб из Сибири через Охотск, либо доставляла его на кораблях кругосветных экспедиций из Санкт-Петербурга. Наиболее простым и дешевым способом получения продовольствия была торговля с Калифорнией или основание там собственной сельскохозяйственной фермы.

По всей видимости, первая совместная с американцами промысловая экспедиция РАК к берегам Калифорнии была организована в 1803 г. Главный правитель колоний — каргапольский купец А.А. Баранов заключил контракт с капитаном из Бостона О'Кейном, предоставив ему как минимум 15 байдарок с 34 алеутами-охотниками на каланах под начальством русских Афанасия Швецова и Тимофея Тараканова. Одновременно им было поручено, по возможности, запастись в Калифорнии зерном для колоний на Аляске⁹.

После трехмесячного “вояжей” в 1804 г. О'Кейна вернулся на остров Кадьяк с богатым грузом пушнины. Таким образом, первыми русскими людьми, побывавшими в Калифорнии, были А. Швецов и Т. Тараканов. Точных данных о месте рождения А. Швецова мы не имеем. Тараканов был «дворовым человеком» курского помещика Н.И. Переверзева, то есть приехал в русские колонии из Курской губернии.

После этого плавания были организованы еще десять “вояжей”. В них приняли участие сибиряки. Одним из них был иркутский крестьянин Сысой Слободчиков. Известно, что он прибыл в русские колонии в 1794 г. Участвовал во многих промысловых экспедициях конца XVIII века. В мае 1806 г., когда А.А. Баранов заключил контракт с американцем Дж. Уиншипом на совместное плавание к берегам Калифорнии, ему были предоставлены 50 байдарок с 100 алеутами, которыми командовал иркутянин и два его

помощника. В экспедиции также участвовали 12 туземных женщин. Район промысла был определен от устья реки Колумбия до мыса Барро-де-Арена (совр. мыс Арена, Пойнт-Арина). Баранов снабдил Слободчиковых разными товарами на сумму 16 тыс. рублей. Кроме промысла калана этот иркутский крестьянин должен был организовать торговлю с местными жителями Калифорнии и подыскивать место для возможного русского заселения¹⁰.

Первоначально экспедиция отправилась в залив Тринидад, но уже в июне прибыла в Нижнюю Калифорнию. Партии промышленников были размещены по прибрежным островам. Сам американский капитан занялся торговлей в портах Тодос-Сантос и Сан-Кинтин. В августе 1806 г. он доставил добытые меха из Калифорнии на Аляску, а потом вновь отправился на юг. Баранов выделил ему еще 25 байдарок с алеутами. Согласно договору американец должен был разместить промышленников в Новом Альбионе. Однако, он нарушил условия договора, отправившись вместо Калифорнии на Фараллонские острова. Это послужило причиной конфликта на острове Серрос (Седрос между Уиншипом и Слободчиковым, который вскоре купил небольшую шхуну, назвав ее «Св. Николай» и с помощью одного американского штурмана отправился на Гавайские острова. Здесь ему удалось встретиться с королем Камеамеа I. Он стал первым русским, кто удостоился такой чести. Во время переговоров были заключены выгодные торговые сделки: русские променяли часть пушнины на продовольствие, необходимое для колоний. Король Камеамеа I передал в знак признательности А.А. Баранову шлем и плащ из разноцветных птичьих перьев. В августе 1807 г. Слободчиков с успехом вернулся в Ново-Архангельск. За время этой двухлетней экспедиции было добыто более 4,8 тыс. шкур калана. В 1809 г. Главное правление РАК за это плавание представало его к награде. Первенствующий директор РАК М.М. Булдаков писал, что Слободчиков был очень «решителен» и «смел», по своей инициативе совершил путешествие на Гавайские острова, встретился там с королем, «нискал его ласку, выгодно поторговался и удачно и благополучно возвратился на Кадьяк»¹¹.

Одновременно с промысловым освоением Калифорнии стали возникать и торговые отношения между русскими и местными жителями. Первым выступил за активную торговлю Российско-американской компании с Калифорнией один из ее основателей камергер двора Н.П. Резанов — зять знаменитого купца Г.И. Шелихова, действовавшего в Иркутске и Охотске. В 1803–1806 гг. Николай Петрович командовал первой отечественной кругосветной экспедицией. С сентября 1804 г. по март 1805 г. он находился во главе дипломатической миссии в Японии. Здесь он пытался добиться разрешения на открытие торговли между Россией и Японией. К сожалению, японцы отказались учреждать торговлю. После этого он отправился на корабле «Мария» в Русскую Америку. Русские поселенцы на Аляске находились в сложном положении. Зимой 1805/1806 гг. существовала угроза голода. Для решения этой проблемы камергер предпринял экспедицию в Калифорнию. В феврале 1806 г. на корабле «Юнона» он отправился в Сан-Франциско. Он намеривался договориться с испанцами об открытии торговли между Русской Америкой и Калифорнией. Известно, что испанские власти категорически запрещали своим колониям вести торговлю с любыми европейскими державами. Поэтому миссия Н. П. Резанова была исключительно сложной. Однако, ему удалось убедить губернатора Верхней Калифорнии Хосе Арильяга в необходимости продать хлеб для русских колоний в Америке. «Юнона» была полностью загружена различным продовольствием, что спасло колонистов на Аляске от неминуемого голода¹².

Летом 1806 г. Н.П. Резанов составил «секретное предписание» А.А. Баранову. Оно представляло собой подробный план развития Русской Америки. Пункт VII касался снабжения колоний продовольствием. Николай Петрович был убежден в том, что получать хлеб для колоний можно будет путем развития торговли с Японией, Филиппинами, Китаем, «бостонцами» (американцами) и Калифорнией. Самым надежным средством

получения продовольствия он считал «водворение» русских на «берегах Нового Альбиона». Он советовал учредить там русскую колонию и развить «хлебопашество». Для сельскохозяйственных работ он предлагал использовать индейцев¹³.

Резанову не суждено было вернуться в Санкт-Петербург. Во время следования по Сибири в марте 1807 г. он умер в Красноярске. Но его проекты по развитию колоний стали своеобразным планом действия, которым стали руководствоваться как директора компании, так и колониальная администрация в лице Главного правителя. В 1808 г. А.А. Баранов организовал первую русскую экспедицию к берегам Калифорнии. Руководство ею было поручено ближайшему сподвижнику Баранова — тотемскому мещанину Ивану Александровичу Кускову. Под его начальством были два корабля «Николай» и «Кадык». Суда должны были проследовать вдоль американских берегов до залива Бодего в Калифорнии, где нужно было подыскать удобное место для русского заселения¹⁴.

Экипаж судна «Николай» состоял из 21 человек. В их числе было 13 русских (в том числе — капитан Николай Булыгин и его жена Анна Петровна), 6 местных жителей (5 мужчин и 1 женщина), 1 англичанин (Джон Уильямс) и 1 креол — сын Охотского мещанина Иллариона Котельникова Филипп Котельников. Из 13 русских людей 5 человек происходили из Сибири. Дмитрий Шубин и Афанасий Валгусов были томскими мещанами; Иван Курмичев (Курмачев) был иркутским мещанином. Иван Бологов был родом из города Тюмени, где также был записан в мещанское сословие.

В ноябре 1808 г. корабль «Св. Николай» потерпел крушение у острова Дистракшен (южнее о. Ванкувера). Удивительные приключения, выпавшие на долю спасшегося экипажа, описаны одним из уцелевших промышленников — Тимофеем Таракановым. Он сообщил, что на них напали индейцы, от преследования которых они были вынуждены скрываться в горах. Устроив небольшой лагерь, русские промышленники пережили зиму. Находясь под постоянным давлением со стороны туземцев, терпя голод и холод, они не теряли надежды спастись. Хитростью местным жителям удалось взять в плен жену Булыгина Анну Петровну. В ответ промышленники сумели пленить сестру одного из вождей. На переговорах об обмене пленными, Булыгина вдруг отказалась возвращаться к русским. Более того, она посоветовала всем сдаться в плен, что и сделали некоторые из экипажа. Другие решили пробираться на север в русские колонии. Впоследствии все они погибли. Между тем пленных распределили между индейскими вождями, стали продавать их и перепродавать. Так томский мещанин А. Валгусов был продан индейцам, жившим на реке Колумбия. Зиму 1809—1810 г. пленные терпели голод и лишения. Булыгин и его жена умерли. Наконец в мае 1810 г. американский капитан судна «Лидия» Т. Браун выкупил из плена всех оставшихся в живых: 8 русских, включая всех сибиряков, 1 американского матроса и 4 местных жителей. Все они были доставлены в Ново-Архангельск¹⁵.

Приключения тюменца Ивана Бологова на этом не закончились. После возвращения из плена он служил в разных промысловых партиях. В 1815 г. этот представитель Тюмени был отправлен с партией кадыкцев к берегам Калифорнии для промысла бобров на корабле «Ильмень». Здесь часть его партии была захвачена в плен испанцами. Корабль сумел уйти на Гавайские острова. Бологов и другие промышленники поступили в распоряжение доктора Е.А. Шеффера, развернувшего бурную деятельность на островах и пытавшегося присоединить их к России. С Гавайских островов Бологова направили на американском корабле «Косэкс» к берегам Калифорнии. Здесь корабль был задержан испанцами. В 1818 г. из Ново-Архангельска в Калифорнию отправился корабль РАК «Ильмень». Ему удалось вызволить несчастных пленников и доставить их в Ситху. Повидавший дивные страны и народы, испытавший на себе «прелести» индейского и испанского плена, Иван Бологов благополучно вернулся на родину в Сибирь в 1820 г.

После этого плавания А.И. Кускова А.А. Баранов направил министру коммерции Н.П. Румянцеву донесение, в котором ходатайствовал об учреждении в Калифорнии рус-

ского заселения. Как известно, министр сделал доклад Александру I, который предоставил Российско-американской компании право учредить там свое поселение собственными средствами, без помощи от казны. В январе 1811 г. Баранов организовал еще одну русскую экспедицию. К берегам Калифорнии на корабле «Чириков» был направлен И.А. Кусков. Ему было поручено продолжить изучение берегов Калифорнии и подыскивать место для русского поселения. «Чириков» вернулся из плавания в июле того же года. Как и ранее наилучшим местом для заселения был признан залив Бодего (севернее залива Сан-Франциско).

После получения разрешения правительства на устройство поселения в октябре 1811 г. уже через три месяца главный правитель отправил третью экспедицию на шхуне «Чириков» под руководством того же И.А. Кускова. Заложенную 15 мая 1812 г. крепость было решено назвать Россом. Из близрастущей секвойи соорудили частокол, сооружены две двухэтажные башни, а 30 августа в день тезоименитства императора Александра I, подняли российский триколор, салютовали из пушек и ружей¹⁶. С этого времени русские прочно обосновались в Калифорнии и началось ее промысловое и сельскохозяйственное освоение.

Крепость и селение Росс успешно развивались. Внутри крепости были построены дом правителя, казармы, кладовые, мастерские. Недалеко русские соорудили верфь, на которой стали закладывать корабли. Имелся также кожевенный завод, ветряная мельница, скотный двор. Промысел каланов велся успешно: добывалось до 200 животных ежегодно. Однако со временем популяция морского бобра уменьшилась. По отчетам выходило, что добывали всего 20–30 каланов. Наибольшие успехи были достигнуты в сельском хозяйстве. К 1821 г. в Россе насчитывалось: 21 лошадь, 149 голов крупного рогатого скота, 698 овец и 159 свиней. К 1830 году поголовье скота увеличилось в несколько раз. Лошадей числилось 253, коров и быков — 521, овец — 614, свиней — 106. Скотоводство обеспечивало русские колонии на Аляске не только мясом, но и маслом, сыром, а также кожами и шерстью. Посевные площади постоянно расширялись. В окрестностях Росса были построены несколько сельскохозяйственных ферм или ранчо: Черных, Костромитинова и Хлебникова. Во второй половине 1820- годов выращивалось до 4,5 тыс. пудов хлеба¹⁷.

В селении Росса проживали представители различных национальностей: русские, креолы, индейцы, эскимосы и алеуты с Аляски и др.

Опубликованы два списка жителей Росса, составленные правителем колонии И.А. Кусковым в 1820 и 1821 гг.¹⁸. При их анализе мы будем учитывать только русское население, и попытаемся определить удельный вес сибиряков и представителей Дальнего Востока. В списке 1820 г. отмечены всего 23 русских, находившихся в Россе в июне месяце. Вскоре туда прибыл бриг «Ильмена», на котором было еще 8 человек из России. Таким образом, летом 1820 г. в крепости находилось 31 россиянин. Из них 19 человек (больше половины) происходили из Сибири и Дальнего Востока. В списке 1821 г. внесено 24 русских, из них 10 (меньше половины) происходили из сибирских губерний. Большинство сибиряков из списка 1820 г. попали в список 1821 г. Прибавилось только два новых человека — Медведев Ермил и Муниин Ефим¹⁹.

Из списков видно, что среди сибиряков были в основном крестьяне (Муниин Ефим, Енисейск, Вагин Федор, Королев Родион — из Тюмени, Дорохов Петр, Семенов Степан — из Томска, Иванов Андрей, Слободчиков Сысой, Грудинин Василий — из Иркутска) и мещане (Медведев Ермил, Коробейников Прокопий, Зырянов Никифор — из Тюмени, Горбунов Филипп, Пермитин Василий, Хлебников Яков, Сиязов Михаил — Томск, Харитонов Иван — из Якутска), а также иркутский цеховой — Темников Иван и Степнов Павел — томский ясачный.

Среди сибиряков был и Степан Казанцев. Он был направлен в русские колонии в Америке в группе ссыльных, выделенных правительством России для компании И.Л. Го-

ликова — Г.И. Шелихова в 1794 г. Сначала он оказался на Курильских островах, а в 1807 г. был переведен в Петропавловск. В 1808 г. Казанцев на корабле «Юнона» был вывезен на остров Кадьяк, потом несколько лет служил в Ново-Архангельске. В 1820-х гг. оказался в селении Росс. В 1823 г. он был возвращен в Сибирь, куда выехал на бриге «Головнин» вместе с женой.

Одним из выдающихся сибиряков, служивших в Калифорнии, был иркутский крестьянин, корабельный мастер Василий Грудинин. Сначала он практиковался в Ново-Архангельске под руководством американца Линкольна. Затем был переведен в Росс, где уже самостоятельно направлял деятельность своих помощников при строительстве судов: «Румянцев» (1818), «Булдаков» (1820), «Волга» (1822) и «Кяхта» (1824). За свою успешную работу был награжден серебряной медалью на Владимирской ленте. В 1825 г. он вернулся в Ново-Архангельск, где заложил бот «Уналашка», спущенный на воду в 1826 г. В 1828–1832 гг. на Охотской верфи под его началом были заложены и спущены воду шхуна «Акция», бриг «Полиферм» и корабль «Ситха»²⁰.

С начала 30-х гг. XIX в. сельское хозяйство в русской Калифорнии активно развивалось. Специально для этих целей из России прибыли крестьяне и агрономы. Среди них было немало представителей Сибири и Дальнего Востока. Так, томский крестьянин Андрей Затинщиков стал в 1832 г. пахарем в Россее. Женился на креолке и имел дочь Евгению. Выехал из Росса в Охотск в 1841 г. Крестьяне из Тюмени: Киселёв Василий, Кузнецов Онуфрий, Кукушкин Иван, Шабанов Родион, Маренин Марк — также в разное время были заняты сельским хозяйством на прилегающих к крепости Росс территориях.

При изучении документов можно отметить характерную деталь. Многие представители Сибири и Дальнего Востока имели навыки различных специальностей. Они занимались с/х работами, но знали плотническое и кузнечное дело. Любопытно, что многие такие самородки были родом из старинного сибирского города — Тобольска. Так, интересна судьба семейства Рожиных. Василий, Егор, Петр, Яков были на службе РАК в 20–50-х гг. XIX в. Достоверно известно то, что Василий и Петр работали в Россее. Так, Василий был пильщиком, а затем плотником. Обе эти специальности были весьма востребованы в Калифорнии. Петр был женат на креолке Авдотье. Все представители семьи Рожиных много путешествовали и, вероятно, были хорошо знакомы с морским делом. Земляк Рожина, крестьянин Афансый Березовский, в 1826 г. был направлен в Росс плотником для ремонта и строительства зданий и крепостной стены, где и состоял на службе до второй половины 1830-х гг. Был женат на креолке Анне Васильевой и имел от нее сына Гавриила. Будиллов Пётр — тобольский мещанин, был послан в Росс в октябре 1830 г. и пробыл там вплоть до его ликвидации. Был женат на туземке и имел от нее детей-креолов: Ивана, Ефима, Екатерину, Татьяну, Марию.

У некоторых представителей Сибири и Дальнего Востока достаточно сложно определить вид занятий. Так, Аржилковский Фома — тюменский крестьянин, служил в Россее в 30-х гг. XIX в. и затем выехал на остров Кадьяк. По всей видимости, в Калифорнии он женился на туземке и имел дочь Агрипину.

Немало сибиряков и представителей Дальнего Востока России ходили на судах, доставлявших товары в Росс и увозившие отсюда зерно и другие продукты в Ново-Архангельск. Таким, был Непогодьев Илья — енисейский цеховой, служивший с 1802 г. судовым приказчиком, в том числе и на американском бриге «Педлер», который ходил в Калифорнию в 1814 г. Горбунов Филипп — томский мещанин на судне РАК был отправлен в 20-х гг. XIX в. в Калифорнию. Судно потерпело кораблекрушение, а Горбунов остался служить в Россее до 1837 г.

С начала тридцатых годов XIX в. возросло число якут, прибывших для прохождения службы в Калифорнии. Так, Пермьяков Степан, будучи пильщиком и плотником, был отправлен на бриге «Головин» в Росс. Его сопровождала жена — креолка Степанида. Он работал в Россее до 1841 г. Его земляк — Колесов Никита служил в РАК с 1837 года и

приблизительно в это же время был отправлен в Калифорнию. Некоторые из якут обзавелись собственными домами в Россе, как например, Николаев Логин, который прослужил в Калифорнии почти десять лет. Но были и те, которые провели в Россе меньший срок. Например, Прокофьев Авив — якут из Кандаласского улуса служил в РАК с 1828 г., а в Росс с 1829 по 1834 г. Он был женат на креолке — Доротее и имел двух сыновей, с которыми возвратился на родину в 1835 г.

Следует отметить, что некоторые представители Сибири и Дальнего Востока хорошо зарекомендовали себя и продвинулись по служебной лестнице. Так Василий Сошин — нарымский мещанин, начавший службу в Россе в 1822 г. плотником, завершил нарядчиком или бригадиром в 1841 г. Еще одним интересным сибиряком, “сделавшим карьеру” в Россе, стал енисейский крестьянин Ефим Мунин. Он приехал в Русскую Америку еще в конце XVIII в. К 1799 г. дослужился до боцмана, а затем уже байдарщиком отправился на остров Св. Георгия. В начале XIX века проживал в Ново-Архангельске, где отвечал за состояние оружия и арсенала крепости. В 1820 г. прибыл в Росс, где вскоре стал служить бригадиром. Некоторое время он возглавлял промысловую артель, занимавшуюся добычей калана на Фараллонских островах. После ликвидации Росса он выехал сначала на Кадьяк, а потом в Ново-Архангельск.

В 1836 г. селение Росс посетил священник Иоанн Вениаминов. В миру он звался Иван Евсеевич Попов. В дальнейшем он стал выдающимся миссионером, будущим, митрополитом Иннокентием, апостолом и святителем Аляски. Родился он в селе Ангинское Верхнеленского уезда Иркутской губернии в семье церковнослужителя. После блестящего окончания Иркутской духовной семинарии по собственному желанию отправился в Русскую Америку²¹. Опубликовал целый ряд трудов по этнографии и истории Аляски. Его эпистолярное наследие изучено лишь частично. Вообще деятельность Православной Церкви в Калифорнии до продажи Аляски пока получила весьма ограниченное освещение в литературе. Сведения о заключительном периоде существования крепости Росс можно почерпнуть из архивных документов о пастырском окормлении его жителей, выявленных нами в 2012 г. в Иркутске и в ряде архивохранилищ Соединенных Штатов.

Выяснено, что иерей Иоанн Вениаминов придавал особое значение развитию Православия в Калифорнии еще во время своего священнического служения на Аляске. В это время первостепенное значение имело удовлетворение духовных запросов паствы селения Росс. Сохранилось его личное ходатайство епископу Иркутскому, Нерчинскому и Якутскому от 27 августа 1831 г. с просьбой отправиться в крепость Росс «для исправления церковных треб». Миссионер писал, что в русском селении в Калифорнии имеется часовня, но важно, чтобы там проводились службы православным священником²². Это наглядно подтверждает тот факт, что везде, где бы ни служил священник Иоанн Вениаминов, везде стремился реализовать основные принципы своей миссионерской работы. Он считал, что важно не только провести крещение, но и постоянно проявлять заботу о крещенных, воспитывать и утверждать их в вере. Его просьба была удовлетворена, более того, Главное правление РАК оказало ему помощь в отправке в Росс²³. В Калифорнии, как и на Аляске, отец Иоанн Вениаминов развил кипучую деятельность. В статье о языках коренных народов в Российско-американских владениях он привел свои наблюдения о калифорнийских индейцах.

Из выявленных в последнее время метрических книг селения Росс известно, что в 1832 г. были крещены 90 человек (32 мужского и 58 женского пола). Среди них были всего 24 человека, родившихся в смешанных браках, когда отец был русским, а мать — креолкой или индианкой. Остальные крещенные родились в браках, заключенных между уроженцами Аляски и природными жителями Калифорнии — индианками. Были крещены также 3 человека, рожденные в браках, где отец был якутом. Из метрической книги также видно, что в 1832 г. были повенчаны 17 пар. Причем все мужья происходили из России (в основном это были сибирские крестьяне или мещане из Тюмени, Тобольска,

Енисейска, а также якуты — которые были выделены в отдельный раздел), а жены были из креолок или природных индианок²⁴. Так запись 5 октября 1832 г. гласила: “Тобольского крестьянина Марко Васильева, служащий в компании с женщиною североамериканских берегов селения Росс с природною индианкою Чехломен Агрипиною по имеющимся спискам имеет жизни от роду лет тридцать, а невесте 25”. Первым человеком, служащим РАК в Россе, который принял святое миропомазания по списку, оказался тюменский мешанин Никифор Зырянов, у которого от его супруги креолки — Ирины Васильевой родились сын Федор и три малолетние дочери — Прасковья, Кристина и Ольга.

Известен «Путевой журнал» священника Иоана Вениаминова, который он вел с 1 июля по 13 октября 1836 г. По его сведениям, в селении Росс проживало 260 человек, из которых 120 были русскими. Он писал: «Крепость Росс есть небольшое, но довольно хорошо устроенное селение или село, состоящее из 24 домов и нескольких юрт для алеутов, со всех сторон окруженное пашнями и лесами»²⁵. Во время своего пребывания в Калифорнии иерей Вениаминов встретился с испанскими католиками в миссиях Сан-Рафаэль, Сан-Хосе, Санта Клара и Сан-Франциско. Это, по всей видимости, было обусловлено напряженным отношением жителей селения Росс с испанцами, и его озабоченностью о развитии миссионерского дела в Америке. Он отмечал стремление аборигенов к принятию христианства. В то же время он осознавал недостатки организационного устройства и малочисленность миссионеров, что не позволяло в полной мере удовлетворять духовные запросы паствы, разбросанной на огромной территории²⁶.

Вопросы взаимодействия православных священников миссионеров и испанских католиков, а также служащих РАК и испанских светских властей еще требует дополнительного изучения. Для нас интересен тот факт, что отец Иоанн Вениаминов посетил селение Росс в то время, когда оно должно было находиться в крайне сложном финансовом состоянии и выдвигались предложения о его возможной продаже. Между тем никаких высказываний о ликвидации крепости Росс и ее бедственном положении мы в сохранившихся документах не обнаруживаем.

В последний раз миссионер посетил селение Росс в 1838 г. по пути в Санкт-Петербург, куда направлялся с новым проектом миссионерского развития на новых территориях. В столице он находился с июня 1839 г. до начала января 1841 г.²⁷ — как раз в то время, когда в Главном правлении РАК был решен вопрос о продаже крепости Росс. Директора РАК могли интересоваться мнением отца Иоанна Вениаминова по этому вопросу, но документов, подтверждающих это, пока не найдено. Сложно представить, чтобы это было сделано без изучения мнения американского миссионера, ведь 15 декабря 1840 г. он был хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Алеутских островов, и в случае оставления Росс под юрисдикцией РАК это русское поселение становилось бы частью его миссионерской территории²⁸. При образовании новой епархии специально оговаривались ее территориальные границы. Учреждаемая Камчатская епархия была огромной и особенно трудной в управлении, а если в нее входило бы селение Росс, то она имела бы непосредственное соприкосновение с инославными конфессиями, а это, в свою очередь, требовало бы расширения функциональных задач епархии и особого их государственного осмысления. Император Николай I принимал личное участие в решении о хиротонии отца Иоанна Вениаминова во епископа для служения на Аляске, и тем самым как бы обозначил ее сферой особых духовных интересов Русской Православной Церкви. Сложнее был вопрос с Калифорнией. Думается, уже тогда Главным правлением компании и святителем Иннокентием этот вопрос мог быть обсуждаем. Ведь новый епископ, обладая всеми талантами для проповеди Православия на новых территориях, мог с успехом применить свои знания перевода Священного Писания и в Калифорнии.

Попытку закрепить за Российско-американской компанией Росс предпринял морской офицер и Главный правитель русских колоний в Америке Ф.П. Врангель. Вес-

ной 1836 года, возвращаясь из Русской Америки в Россию через Мексику, он посетил столицу этого государства — Мехико. Там ему удалось встретиться с министром иностранных дел Мексики Х. Моастерно. В результате переговоров Врангель было предложено, что если Россия признает независимость Мексики, то правительство этой страны не только согласится определить границы русских владений в Калифорнии, но и позволит расширить их на два десятка миль к северу, востоку и югу. Однако царское правительство не пошло на признание Мексики, и переговоры не получили своего продолжения²⁹.

В конце 30-х гг. XIX в. было принято решение о продаже Росса, что и было сделано в 1841 г. Новым обладателем собственности РАК стал американец швейцарского происхождения Дж. Саттер³⁰.

Таким образом, анализ архивного материала позволяет нам сделать заключение, что представители Сибири и Дальнего Востока были на особой счету и им делался приоритет при направлении на службу в Россе благодаря тому, что суровые условия жизни и навыки промысловой деятельности, имевшиеся у них были весьма востребованы в самом отдаленном русском поселении в Америке. Они оставили заметный вклад в истории Росса. Из всех русских жителей их было в разные годы не менее 50%. Некоторые из них, как например Сысой Слободчиков, участвовали в изучении местности, другие (Василий Грудинин) руководили строительством кораблей на верфи, третьи (Андрей Затинщиков) были заняты сельским хозяйством. Одним словом, практически все специальности, которые практиковались тогда в колонии, были ими освоены. В развитии духовной и культурной жизни селения и крепости Росс велика роль Православной церкви. Усилиями священнослужителей, и, прежде всего, иркутянина — иерея Иоанна Вениаминова, а в дальнейшем митрополита Иннокентия поддерживался уникальный Православный микроклимат, характерный для всей Русской Америки.

-
1. *Петров А.Ю., Митрополит Климент (Капалин), Малахов М.Г., Ермолаев А.Н., Савельев И.В.* История и наследие Русской Америки: итоги и перспективы исследований // Вестник Российской академии наук. 2011. № 12. С. 1090–1099.
 2. Подробную информацию о деятельности этой организации можно получить, обратившись к сайту: <http://www.fortross.org/>
 3. *Россия в Калифорнии.* / Составители: А.А. Истокин, В.А. Тишков, Дж. Гибсон. Т. 1, 2. М., 2005, 2012.
 4. См., например: *История Русской Америки (1732–1867): В 3 т. / Под ред. Н.Н. Болховитинова.* Т. 1: Основание Русской Америки (1732–1799). М., 1997; Т. 2: Деятельность Российско-американской компании (1799–1825). М., 1997, 1999; Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867). М., 1997, 1999. (далее ИРА).
 5. *Петров А.Ю., Капалин Г.М., Ермолаев А.Н.* О продаже русской колонии Форт Росс в Калифорнии // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 3–17.
 6. *Петров А.Ю., Ермолаев А.Н., Корсун С.А., Савельев И.В.* 200 Лет российскому поселению крепости на Американском континенте // Вестник Российской академии наук. 2012, том 82, № 10, С. 957.
 7. Территорию отечественного Дальнего Востока мы будем рассматривать в границах настоящего Дальневосточного округа. О значении Дальнего Востока и в истории Русской Америки см.: *Шелехов Д.Ю.* Предисловие // *Петров А.Ю.* Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М., 2012.
 8. *Pierce R.* Russian America: A Biographical Dictionary. Kingston: The Limestone Press, 1990, *Гричёв А.В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2009.
 9. ИРА. Т. 2. С. 192.
 10. *Россия в Калифорнии.* Т. 1. С. 35, 164.

11. Исследования русских на Тихом океане в XVIII—первой половине XIX в. Сер.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. / Ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1981. Т. 1.; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сб. док. / Ред. А.Л. Нарочницкий и др. М., 1989. Т. 2.; Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера, 1799–1815. Сб. док. / Ред. А.Л. Нарочницкий, Н.Н. Болховитинов. М., 1994. Т. 3.; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841 / Ред. Н.Н. Болховитинов, А.В. Гринёв, А.Ю. Петров, Т.С. Федорова. Т. 4. М., 2005; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867 / Ред. А.Ю. Петров. Составители: Т.С. Федорова, А.В. Гринёв, А.Ю. Петров, Т. 5. М., 2010. (далее ИРТО). Т. 3. С. 203; ИРА. Т. 2. С. 278.
12. ИРА. Т. 2. С. 100–105.
13. Главному правителю российско-американских колоний Баранову от Резанова, секретно. 20 июля 1806 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161. Спб. Гл. архив. I-7. Оп. 6. Д. 1. П. 37. Л. 385 об.
14. ИРА. Т. 2. С. 204–205.
15. Подробный рассказ Т. Тараканова о приключениях в плену был записан В.М. Головинным. См.: Крушение Российско-американской компании судна «Святой Николай» (под начальством штурмана Булыгина) при северо-западных берегах Америки // Головин В.М. Сочинения. М.-Л., 1949. С. 457–470.
16. ИРА. Т. 2. С. 217.
17. Подробнее о сельском хозяйстве в форте Росс см.: Хлебников К.Т. Записки К. Хлебникова о Америке // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Вып. 3. Приложение к «Морскому сборнику. СПб., 1861. С. 150–157.
18. Россия в Калифорнии. Т. 1. С. 412–436.
19. Здесь и далее используются работы: *Pierce R.* Op.cit. P. 85–87, 181, 283–287; Россия в Калифорнии. Т. 1. С. 412–436; *Гринёв А.В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. С. 61, 70–71, 78, 87, 103, 134, 141, 159, 189, 191, 206, 255, 256, 283, 338, 358, 457, 482, 493, 496, 511, 525, 566, 573–574, 615.
20. Записки К. Хлебникова о Америке // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана (приложение к Морскому сборнику). Вып. 3. СПб., 1861. С. 149–150; *Хлебников К.Т.* Русская Америка в записках Хлебникова. М., 1985. С. 50, 156.
21. Подробнее о начале служения Иоанна Вениаминова: Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 2027 (1817). Л. 1–9. в деле имеется выписка из журнала консистории о направлении диакона Иоанна Вениаминова к месту службы, назначении ему довольствия и направлении указа градскому благочинному протонерею Тютюнову.
22. Прощение Уналашкинской Вознесенской церкви священника Иоанна Вениаминова епископу Иркутскому Нерчинскому и Якутскому. № 147. 27 августа 1831 г. // ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 4218. Л. 155–156.
23. Главное правление Российско-американской компании — Иркутскому духовному правлению. № 999. 25 ноября 1832 г. // Там же. Л. 167–167об.
24. См., например: Ведомость метрическая о числе Св. миром помазанных обоего пола людей в новороссийском селении Росс, октября 3 дня 1832 г. // Отдел рукописей Библиотеки Конгресса США. Документы Русской Православной Церкви на Аляске. Основной массив документов о деятельности Православной Церкви в крепости Росс находится в процессе разработки и будет вскоре введен в научный оборот.
25. Россия в Калифорнии. Т. 2. С. 217–219.
26. *Митрополит Климент (Капалин).* Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 г. М., 2009. С. 133.
27. За этот период он также посетил Москву, Киев и Воронеж.
28. *Митрополит Климент (Капалин).* Указ. соч. С. 141–145.
29. *Шур Л.А.* К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века. М., 1971. С. 265–269.
30. Подробнее о причинах продаже Росса, см.: *Петров А.Ю., Капалин Г.М., Ермалаев А.Н.* О продаже русской колонии Форт Росс в Калифорнии // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 3–17.

Культура

Солдат, дипломат, поэт и переводчик (К 95-летию со дня рождения М.И. Басманова)

© 2013

Г. Куликова

Статья, посвященная 95-летию со дня рождения Михаила Ивановича Басманова (1918–2008), рассказывает о его жизненном и творческом пути. Особое место уделено его работе над переводами китайской классической и современной поэзии.

Ключевые слова: М.И. Басманов, китайская поэзия, переводы китайской поэзии на русский язык.

14 октября 2013 г. Михаилу Ивановичу Басманову исполнилось бы 95 лет. Его уже давно нет с нами, но память о нем живет в сердцах всех, кто когда-либо общался с этим удивительным человеком, наделенным столькими талантами...

...Осенью 1958 г. первая группа студентов-китаистов МГИМО приехала на преддипломную практику в Посольство СССР, располагавшееся в те годы в старом посольском квартале на улице Дунцзяоминьсян в самом центре Пекина. Среди десяти студентов была и автор этих строк.

Руководителем моей дипломной работы в Посольстве стал второй секретарь Посольства Михаил Иванович Басманов. Хорошо помню нашу первую встречу. Михаил Иванович поинтересовался темой моей дипломной работы и пообещал всяческое содействие в подборе материала и работе над ним.

Уже в эту первую встречу огромное впечатление на меня произвела его исключительная доброжелательность и скромность, открытый взгляд серо-голубых глаз и какая-то особая манера говорить. А несколькими неделями позже на традиционной встрече нашей группы с дипломатами Посольства Михаил Иванович рассказал нам о том, как он пришел на дипломатическую службу.

Он родился 14 октября 1918 г. в деревне Горево близ села Баталово в Кулундинской степи Бийского округа Алтайской губернии в крестьянской семье. В 1930-е годы, когда угроза репрессий нависла над родительским домом, начались скитания семьи по нашей великой стране, приведшие ее в Петровск-Забайкальск — в прошлом известное место ссылки декабристов. Голод и эпидемии: на его глазах умирает отец, заболевший сыпным тифом, а через два года — и мать. И он — подросток, остался

один на один с суровой действительностью. Несмотря на трудности повседневной жизни, непреодолимая тяга к знаниям привела к тому, что он заканчивает школу и в 1937 г. поступает в педагогический институт в Орджоникидзе (Владикавказ), сочетая учебу с работой в средней школе одного из осетинских сел. Успешный студент был полон радужных планов на будущее... Однако день последнего выпускного экзамена в институте омрачило сообщение по радио о нападении Германии на Советский Союз. Через неделю Михаил Басманов добровольно явился в военкомат, откуда был направлен в город Муром в военное училище связи, а через шесть месяцев в звании младшего лейтенанта уже был на Карельском фронте. Затем воевал в Заполярье, Финляндии, Норвегии и с 4-м Украинским фронтом на землях Польши и Чехословакии.

Великая Отечественная война завершилась победой, и капитан в отставке Михаил Басманов начинает педагогическую деятельность в качестве преподавателя русского языка и литературы в средней школе подмосковного города Электросталь.

Увиденное и пережитое на фронте делает его убежденным сторонником другой профессии.

В 1946 г. Михаил Басманов, еще не успевший снять военную гимнастерку, успешно сдает экзамены и поступает на Восточное отделение Высшей дипломатической школы. Так начинается его долгий путь в познании «китайской грамоты», которой он остается верен всю свою жизнь.

После окончания Высшей дипломатической школы 40 лет М.И. Басманов отдал дипломатической службе, пройдя путь от атташе до советника-посланника и заместителя заведующего Дальневосточным отделом МИД СССР. За эти годы была и работа в советском Посольстве в Пекине, и в Посольстве СССР в Улан-Баторе, а также в консульских учреждениях СССР в Шэньяне, Урумчи.

Военная и дипломатическая работа М.И. Басманова была высоко оценена и отмечена многими правительственными наградами, но главным призванием его жизни стала поэзия.

На одной из встреч в Обществе советско-китайской дружбы, деятельность которого он всегда активно поддерживал, Михаил Иванович рассказал, что, несмотря на суровое детство и трудные годы юности, он всегда увлекался поэзией и еще в детстве начал писать стихи. Сначала это было подражание любимому поэту А.С. Пушкину и только позже он стал мысли и думы по поводу увиденного и пережитого выражать в своих собственных стихах.

Поэтическое дарование М.И. Басманова проявилось по-настоящему в суровые военные годы, найдя отражение в сборнике его стихотворений «Меж боями и под огнем». Этот сборник стал лирическим дневником автора, передавшим личное видение им событий военной поры, выражавшим чувства гнева к ненавистному врагу и твердой веры в грядущую победу.

В сборнике были и воспоминания о мирных днях, с особой теплотой нарисованные портреты «фронтowych подруг», подчеркивающие несовместимость понятия «женщина и война».

Свидетельством огромного творческого дарования и тонкой души, подтверждением того, что поэзия для Михаила Ивановича Басманова всегда была глубинной потребностью души, а поэтическое творчество — смыслом жизни, стали вышедшие в разные годы из-под его пера поэтические сборники: «Лирика», «Самое заветное», «Покаянно», а также сборник «На втором дыхании», который он посвятил своим детям и внукам.

В этих стихах, раскрывающих самобытные грани поэтического жизнеутверждающего таланта М.И. Басманова, прекрасный мир природы, которую автор призывает беречь, и личное восприятие событий жизни, и посвящения друзьям и коллегам, и любовная лирика, полная чистоты и благородства.

Перу М.И. Басманова принадлежит еще один стихотворный цикл «С собой и наедине», являющийся как бы исповедью автора, философским осмыслением прожитой жизни и поэтического творчества. В его стихах часто звучат нотки неудовлетворенности собой, якобы так мало сделавшим в этой жизни.

Но разве можно согласиться с такой оценкой творчества автора, не только познакомившего читателя со своим самобытным талантом, но и впервые открывшего российскому читателю целый пласт доселе неизвестной поэзии древнего и средневекового Китая.

Природное дарование, знание иероглифической письменности, необыкновенное трудолюбие дали возможность Михаилу Ивановичу Басманову не только проникнуть в недра китайской классической поэзии, но и средствами родного языка передать оттенки и звучание поэтических строк далеких эпох.

Для всех, кто знает, как труден китайский, особенно древний язык «вэньянь», особенно понятно, какого труда стоит без подстрочника в поэтической форме передать оригинальный китайский текст. Но Михаилу Ивановичу Басманову это стало под силу, дало возможность окунуться в древнюю китайскую поэзию и снискать тем самым широкую известность среди читателей российских и зарубежных читателей.

Автору удалось впервые в истории российского китаеведения сделать доступным российскому читателю творчество ведущих китайских поэтов за два тысячелетия, часто сочетая при этом переводческую деятельность с напряженной работой на дипломатическом поприще. М.И. Басманов впервые дал возможность читателю познакомиться с древней поэзией Китая и ее творцами, работающими в жанре «цы», истоки которого кроются в народной песне и по природе и художественным особенностям близки к европейскому романсу. Одним из классиков поэзии в жанре «цы» был великий поэт-патриот Сунской эпохи (960–1279 г.) Синь Цици. Его наследие — более 400 стихотворных произведений, патриотических и философских, отражающих одновременно любовную и пейзажную лирику. Известный поэт-песенник Михаил Матусовский в рецензии на вышедший в 1985 г. в издательстве «Художественная литература» в переводе М.И. Басманова сборник «Синь Цици. Стихотворения» написал: «Надо отдать должное переводчику: ему удалось передать одновременно и изощренность китайских стихов, и их певучее песенное начало. Мы явственно слышим музыку, читая вслух такое четверостишие: «Теперь, когда жизнь на закате, а в жизни одни лишь лишения, надолго сюда поселиться я принял ручья приглашение»¹.

М.И. Басманов открыл читателю творчество многих великих творцов древней китайской поэзии. Его перу принадлежат также переводы современных авторов, в том числе стихотворения Мао Цзэдуна, Ай Цина, Цю Цзинь и др. Однако поэтическому дарованию М.И. Басманова всегда была близка лирика, а потому его по праву можно назвать «певцом» любовной лирики в поэзии древнего Китая, а потому — страстным поклонником творчества китайских поэтов.

Он был одним из первых, кто ввел нашего читателя в мир ранее неизвестной в нашей стране женской поэзии Китая Танской и Сунской эпох. Это и подготовленные в его переводе сборники «Строки любви и печали», а также «Встречи и расставанья. Лирика китайских поэтов I–XX вв.», включающие более 200 стихотворений семидесяти китайских поэтов, творивших на протяжении двух тысячелетий. В них — любовная лирика, выражение наболевших чувств и сокровенных мыслей.

М.И. Басманову принадлежат также переводы сборника «Стихотворения великого поэта-патриота Синь Цици»; поэтической антологии «Цветет мэйхуа» (классическая поэзия Китая X–XIII вв.); «Голос яшмовой флейты» (китайская классическая поэзия в жанре «цы»), «Китайская лирика», а также вышедший в 2008 г. сборник «Басманов М.И. Избранное. Стихи». Во всех этих сборниках, получивших высокую оценку и признание

не только у нас в стране, но и в Китае и других странах, широко представлена также и женская поэзия.

М.И. Басманов посвятил свое творчество многим поэтам и поэтессам средневекового Китая. Но любовью, которую он пронес через всю свою жизнь, была Ли Цинчжао — величайшая поэтесса Китая эпохи Сун (X–XIII вв.). Ее называли еще «И-Ань цзюйши» — затворница И-Ань. Ей, великой Ли Цинчжао, он посвятил дважды издававшиеся на русском языке в его переводе «Строфы из граненой яшмы». В предисловии к первому изданию сборника, вышедшего в 1970 г., автор пояснил его название тем, что поэтическое слово в понимании Ли Цинчжао — это драгоценная яшма, которую следует долго и тщательно шлифовать. Это относится ко всем дошедшим до нас 50 стихотворениям поэтессы в переводе М.И. Басманова, а также нескольким ее статьям о поэзии и театральном искусстве.

В апреле 1984 г. в Обществе советско-китайской дружбы с участием автора этих строк состоялся торжественный вечер, посвященный 900-летию со дня рождения Ли Цинчжао — величайшей китайской поэтессы средневековья.

На собрании, проходившем под председательством заместителя Председателя Общества советско-китайской дружбы члена-корреспондента АН СССР Н.Т. Федоренко с участием большой группы дипломатических сотрудников Посольства КНР, выступил М.И. Басманов.

«Среди поэтов древнего Китая встречается немало женских имен. Но лишь имя автора «Строф из граненой яшмы» не померкло за многие столетия и по-прежнему с любовью произносится каждым образованным китайцем». — сказал М.И. Басманов, начав свой рассказ о Ли Цинчжао — величайшей поэтессе средневекового Китая.

Ли Цинчжао, известная под именем И Ань, родилась в 1084 г. в последний период существования некогда могущественной Сунской империи (960–1279 гг.) в местечке Лачэн близ города Цзинань провинции Шаньдун. Именно в этот период в стране появилась целая плеяда известных ученых, писателей, художников. Безмятежное детство и юность поэтессы проходили среди людей, тесно связанных с искусством. Ее отец был крупным сановником, известным литератором, о трудах которого высоко отзывается великий сунский поэт Су Дунпо. Начитанной и всесторонне образованной была и мать Ли Цинчжао. В их доме часто собирались друзья, обсуждавшие новые направления искусства и состязавшиеся в умении экспромтом слагать стихи на заданные темы. Ли Цинчжао росла в атмосфере всеобщего поклонения древней поэзии. В ранней юности она стала писать стихи, уже тогда получавшие признание.

Большим увлечением Ли Цинчжао было коллекционирование книг и предметов прикладного искусства. По словам М.И. Басманова, именно поэтому ее ранние стихи изобилуют образами, как будто перенесенными с изделий из камня и фарфора и вызывают в памяти пейзажи знаменитых живописцев сунской эпохи. Детство и юность поэтессы проходили в обстановке родительской любви и обожания друзей. В 20 лет она вышла замуж за Чжао Минчэна — известного художника-гравера. Семейная жизнь была счастливой, ее омрачали лишь частые разлуки с мужем, получившим должность начальника округа.

Безмятежность юности, восторженность в восприятии окружавших ее людей и природы были главным лейтмотивом ее ранних стихов. В своих стихах она, несмотря на предрассудки феодального общества, смело заявляла о праве женщин на любовь, свободное выражение чувств и мыслей, на выражение женского достоинства.

Однако в двадцатые годы XII столетия с северо-востока Китая началось вторжение в страну воинственных кочевых племен чжурчжэней. В 1127 г. пала столица Сунской империи Бяньцзин — ныне Кайфэн, и император со своей свитой оказался в плену. Горькую участь своих соотечественников разделила и Ли Цинчжао.

Утрата родного крова, вынужденное бегство на юг, униженное положение, в котором оказалась страна, наполовину захваченная врагом, все это наложило отпечаток на творчество поэтессы до последних дней ее жизни.

В одной из служебных поездок скончался ее муж Чжао Минчэн, и она осталась одна в чужом краю. По преданиям, она скиталась по рекам и озерам в районе г. Ханчжоу, часто жила в джонках, последние годы жизни провела отшельницей в столице южно-сунской династии Цзянькане (Нанкине). В ее стихах все больше появляется темных красок.

И хотя ее музе в принципе не был присущ гражданский пафос, она своими стихами протестовала против продажности верхушки южно-сунских правителей, продолжала воспевать неповторимую красоту родного края, пробуждая тем самым патриотические чувства соотечественников.

Ли Цинчжао скончалась в 1151 г. Будучи лирической поэтессой, безусловным мастером жанра «цы», Ли Цинчжао благодаря незаурядному поэтическому дарованию вошла в историю китайской поэзии, многовековой китайской культуры.

Благодаря глубокому лиризму и музыкальности в сочетании с живым образным языком и совершенством формы поэзия Ли Цинчжао стала настолько популярной, что ее творчество в дальнейшем стали рассматривать как самостоятельное направление в китайской лирике, как *И-Ань ти* — «стиль И-Ань».

Многие китайские поэты Минской и Цинской династий обращались к ее творчеству. Ее стихи из века в век печатались в антологиях китайской поэзии, а в настоящее время являются даже достоянием школьных хрестоматий.

В заключение своего выступления на юбилейном собрании М.И. Басманов подчеркнул, что не только китайская, но и мировая поэзия древних и средних веков не знала, пожалуй, женских имен, которые можно было бы поставить в один ряд с Ли Цинчжао. Своим творчеством она внесла неоценимый вклад в сокровищницу многовековой китайской культуры.

Выступление М.И. Басманова было тепло встречено активистами Общества советско-китайской дружбы, собравшимися апрельским вечером 1984 г. в Большом зале Дома дружбы с народами зарубежных стран.

Закрывая юбилейный вечер, председательствовавший на нем Н.Т. Федоренко сказал: «Переводческие труды Басманова уже давно стали достоянием российской поэзии. Они представляют собой бесценный вклад в сокровищницу подлинного понимания российским читателем духовной культуры Китая. Басманов, как и мы, убежден, что через познание поэтического творения мастеров прошлого и настоящего лежит путь к лучшему пониманию нашего великого соседа, к взаимопониманию и тесному сотрудничеству народов двух великих держав».

С этими словами Н.Т. Федоренко — известного российского дипломата, большого поклонника и знатока древней китайской поэзии, нельзя не согласиться.

Отдав многие годы жизни переводу древней китайской поэзии, Михаил Иванович Басманов внес огромный вклад в дело взаимопонимания, а значит, укрепления дружбы между народами России и Китая.

Высокую оценку переводческой деятельности М.И. Басманова дали и участники творческого вечера, который был организован Обществом российско-китайской дружбы 14 октября 2003 г. по случаю 85-летия со дня его рождения. Вечер вступительным словом открыл академик М.Л. Титаренко — председатель Общества российско-китайской дружбы, директора ИДВ РАН. «Своими переводами М.И. Басманов, проявивший себя как талантливый, эрудированный исследователь, показывает, что его жизнеутверждающее поэтическое творчество, его самоотверженный труд по переводу древней китайской поэзии служит благородному делу культурного сотрудничества с нашим великим соседом — Китаем», — сказал М.Л. Титаренко. Для Михаила Ивановича на этой творческой

встрече был приготовлен сюрприз: стихи китайских авторов в его переводе читала его дочь Татьяна Михайловна Калинина.

После кончины М.И. Басманова в 2008 г. его семья издала в издательстве ЭКСМО еще один сборник китайской классической поэзии под названием «Жемчужная нить».

Хочется верить, что никогда не иссякнет «Жемчужная нить» китайской поэзии, берущей свое начало в далекие времена Средневековья, если ее будут продолжать и наращивать талантливые поэты и поэтессы современного Китая, а переводить страстно в нее влюбленные последователи М.И. Басманова, творя в интересах наших стран и народов.

Здесь мы приводим некоторые стихи китайских поэтов в переводе М.И. Басманова.

Сюэ Тао (вторая половина VIII–первая половина IX вв.)

Месяц

Месяц, на серп похожий,
В небе повис надо мною,
Словно на веере старом
Ханьского мастера знак.
Виден едва. Но скоро
Станет он яркой луною...
А в человеческой жизни
Разве случается так?

Если б я мог передать
В красках на полотне
Этот закат над рекой!..
Жаль только – не могу.

Падает белый снег,
Скрылась Чаньань в снегу.
В лавках теперь все равно
Подорожает вино.

Ли Юй (937–978)

Опали цветы. Сменился
Красный наряд зеленым.
Быстро весна промчалась –
Даже и не заметил.
Что сделаешь, если утро
Встречает дождем студеным,
И вечер в свой час приходит,
И с ним непогожий ветер!

Призрачный мир вокруг...
Я не решил еще:
Или свернуть с пути,
К верному другу зайти,
Или вниз по ручью
Утлый направить челн,
Плыть по теченью вперед.
Не зная тревог и забот?

Блестят на румянах слезы,
И на душе смятенье.
Радость короткой встречи
Когда еще повторится?
Так повелось, что людям
Грусть суждена от рожденья,
Она – как поток бескрайний,
Что вечно к востоку стремится!

Свежесть и белизну
Отнял у зноста снег.
Белый фазан теперь
Вовсе не так уж бел.
Снег на тысячу ли,
Только холодный снег,
Запорошил поля,
В белое их одел.

(Мелодия "Уети")

Лю Юн (980–1053)

Ветер острее лезвия,
Наземь снежинки легли,
Словно из яшмы цветы
Брошены с высоты,
В вихре над храмом кружат,
Над павильоном вдали,
Слоем покрылись густым
Вогнутых крыш хребты.

Знаю: умолкнет едва
«Песенка орхидей»
И, провожая закат,
Скроются облака –
Сразу возникнет из мглы
Яшмовый свод террас
И над водой заблестит
Белой беседки нефрит.

Как же он счастлив – рыбак,
Что предо мной на челне,
Кутаясь в плащ травяной,
К дому спешит, к очагу!

В небе луна в тот час
Тихую ночь озарит.
Диск ее круглый и снег
Будут снять до зари.

(Мелодия «Ваньюаньсин»)

Ли Цинчжао (1084–1151)

Прозрачной дымкой, тучею кудлатой
Уходит долгий
Непогожий день.
Девятый день грядет луны девятой,
Свеча курится пряным ароматом,
Пугливую отбрасывая тень.

К полуночи
Повеяло прохладой,
Под полог проникает ветерок.
И будет одиночеству наградой
Лишь яшмовой подушки холодок.

Припомнилось мне: в тихий час заката
Мы за плетнем восточным
Пьем вино...
Еще поныне в рукавах халата
Таится запах сорванных когда-то
Цветов, которых нет уже давно.

Какой измерить мерою страданье!
А ветер западный
Рвет шторы полотно...
Ты желтой хризантемы увяданье
Увидеть мог бы, заглянув в окно.
(Мелодия "Цзуйхуань")

Там, где слились воедино
Тучи с озерным простором,
Где предрассветная дымка
Тает над сонной волной, –
Тысячи парусных лодок
В танце закружатся скоро.
Небо бледнеет, и гаснут
Звезды одна за одной.

Сон необычный мне снился,
Будто бы в небо я взмыла,
Голос из бездны небесной
Вдруг обратился ко мне.
Ласково и с участием
Небо меня спросило, –
Путь свой куда направляю
В этой земной стороне.

Горькое Небу признание
Было моим ответом:
"Солнце клонится к закату,
Путь же, как прежде, далек.
Вся моя жизнь – постиженье
Трудного дела поэта,
Но совершенных так мало
Мною написанных строк!..."

Ветер поднялся в округе,
Ветер от края до края.
Гордо парит надо мною
В выси заоблачной гриф...
Мчи на Санышань меня, ветер,
Лодку волной подгоняя,
Пусть ни на миг не ослабнет
Твой дерзновенный порыв!

*(Мелодия "Юйцзяо")***Лу Ю (1125–1210)**

В лучах заката дымка голубая,
И в ней виднеется моя обитель.
Меня тщета земная не волнует,
Ее бегу я, деревенский житель.

Опорожнил сосуд с вином отменным,
В бамбуковую рощу удаляюсь.
Канон даосский до конца осилив,
Прилег и горным видом наслаждаюсь.

Я так люблю
Насвистывать беспечно,
Меня и старость
Вовсе не печалит.
Да, где бы я теперь ни оказался,
Все сущее с улыбкою встречаю.

Давно я понял: отношенья Неба
К одним – одно, к другим – совсем другое...
Живу себе, дряхлею понемногу,
Растрочена напрасно жизнь героя!
(Мелодия "Чжэзутянь")

Синь Цинци (1140–1207)

Хочу на башню высоко подняться
Чтоб от тоски уйти как можно дальше.
Но и тоска идет за мной по следу
На самую вершину этой башни.

Как много перемен вокруг свершилось,
Где некогда нога моя ступала,
Как много убежденных сединою
Среди моих родных и близких стало!

Да, решено:
Я ухожу на отдых,
Нет для меня решения иного.
Как будто за заслуги непременно
Всем следует присвоить титул хоу!

На облако гляжу, что не имею
Пристанища плывет по небосводу.
Я тоже стану облаком скитаться
И обрету желанную свободу!

(Мелодия "Чжэзутянь")

В апреле 1983 г. я побывал на родине знаменитой китайской поэтессы Ли Цинчжао (другое имя И Ань, 1084–1145 гг.), где в живописном местечке Личэи под Цзинанью вновь открылся оскверненный в годы "культурной революции" мемориал. Итогом этой поездки и явился данный цикл стихотворений.

Пою тебя, Иань!

Пою тебя, преславная Иань,
Величие души твоей пою?
Как пела хризантему ты и мэй,
Их стойкость, благородство, чистоту.
Я славлю дерзновенный твой порыв
И волю непреклонную твою.
Ты до конца сквозь годы пронесла
Свою мечту.

Мечту о том, чтоб без изъяна был,
Как из граненой яшмы, звонкий стих
О радостях земного бытия,
О жизни всех дыханием одним...
В лишениях, скитаниях, нужде,
Забыв себя, ты пела для других,
Прощая им наветы и хулу,
С любовью к ним.

Пою тебя, прескорбная Иань,
Твою неистребимую печаль?..
В твоём стихе что ни строка, то боль
Разлук и ожиданий и тревог.
Случилось так, что ты всегда ждала,
И дни, и ночи всматриваясь в даль,
Любимого, что ступит, наконец,
На твой порог.

Ты ждать умела так же, как любить,
Возвышенно, безмерно и светло,
И черпать вдохновение в любви,
И гимны вдохновенные ей петь.
Вот почему поэзия твоя
Живет всем ненавистникам назло,
Век любящие будут перед ней
Благоговеть!

Дорогами войны

Да разве я забуду
Отбитый сходу
«Энный» пункт России!
Повсюду
Следы бессмысленной, жестокой силы:
Врагом
Испепеленный полустанок,
Детей
Протянутые к хлебу руки
И трупы
Смятых танками крестьянок,
И тихий смех
Помешанной старухи

Закат

Не бывает дыма без огня –
Так пословица говорит.
Но как раз напротив меня
Лес бездымным огнем горит.

Не горит – полыхает он,
И не он, а что-то еще...
Там, на западе, небосклон
Жарким заревом освещен.

Неподвижны деревья в снегу,
Изумленные птицы на них.
Да и сам я застыл на бегу.
Палки лыжные уронив.

Федоренко Н. «Страстно влюбленный в китайскую классическую поэзию» // Басманов М.И. Избранные стихи. М.: Моск. писатель, 2004. С. 8.

Концерт за Великой стеной: «chinoiserie» в творчестве Исмаила Кадаре

© 2013

Т. Виноградова

В статье анализируются некоторые аспекты творчества албанского писателя и поэта Исмаила Кадаре (1936 г.р.), с 1990 г. проживающего во Франции. И. Кадаре — писатель очень известный на Западе, лауреат Букеровской премии 2005 г., но в России с его творчеством до сих пор знакомы мало. Кадаре много писал о коммунистической диктатуре, и в этом он сравним с другими писателями Восточной Европы. Ему удалось найти особый, уникальный стиль в описании судьбы своего отечества при диктатуре Э. Ходжи.

В романе «Концерт» (1978–1988) Кадаре рассказывает о разрыве албано-китайских отношений в середине 1970-х гг., описывает, как политика влияет на жизнь простых жителей Тираны. Сатирическая направленность романа, описание китайской партийной номенклатуры до сих пор вызывают дискуссию о том, можно ли считать писателя националистом и обвинять в антикитайских настроениях.

Ключевые слова: Исмаил Кадаре, албано-китайские отношения, албанская литература.

В апреле-мае 2011 г. в столице Албании Тиране произошел дипломатический скандал, подробности которого изложены в статье албанской журналистки Марйоли Рукай «Кадаре оказался вовлечен в бурный албанский скандал», размещенной на страницах общебалканского сетевого информационного ресурса «Balkaninsight»¹. Суть истории такова: в ежедневной газете «Shekulli» («Век») от 9 апреля 2011 г. появилась статья Илира Юзери (Ilir Yzeri), озаглавленная «Маленький посол великой страны» («The Little Ambassador of a Great Country»), направленная против посла США в Албании Александра Арвизу. Какие проступки крупного американского дипломата вызвали недовольство журналиста, сейчас не столь важно: в ответном письме в газету представители посольства признали право албанской прессы подвергать критике действия их начальника, но отметили, что переход на личности недопустим. В пресловутой статье журналист использовал по отношению к американскому послу своеобразное албанское словечко «kinezëri» (китайщина). Господин же Александр Арвизу является американцем в первом поколении, он появился на свет на американской военной базе в Японии, отец его родом из Мексики, а мать — японка. Он владеет японским, корейским, тайским и кхмерским языками и до назначения в Албанию работал в Азии. Обида его представляется вполне закономерной. «Обвинения, основанные на расовой или этнической принадлежности, особенно недопустимы для газеты, которая ставит своей целью отражать господствующее мнение», — говорится в письме, направленном в «Shekulli» от имени посла США. В ответ албанский журналист написал, что обвинения в расизме стали для него неожиданными, а основаны

они на глубоком «семантическом непонимании», ибо албанское слово «kinezeri» построено по типу французского «chinoiserie». Для «Balkaninsight» Илир Юэри пояснил, что слово это означает некоторое лицемерное поведение, несвойственное прямым и открытым жителям Балкан, и употребил он его не применительно к послу лично, а только характеризуя проводимую им политику.

К обсуждению темы подключился албанский лингвист Адриан Вехбиу (Arđian Vehbiu), который в коллективном блоге Res Publica пояснил, что слово «kinezeri» стало популярным в албанском языке после написанного в 1988 г. романа Исмаила Кадаре «Концерт в конце зимы» (Koncert në fund të dimrit): «В романах Кадаре и, вероятно, в писаниях Энвера Ходжи, которые оба находились под влиянием французской культуры, “kinezeri” постоянно использовалось для обозначения поддельного, флегматичного, неоднозначного, лицемерного, странного, неприемлемого поведения, которое было характерно для китайских политиков во время албано-китайского кризиса 1960-х годов».

Как отмечает Марйоля Рукай, хотя скандал с американским послом постепенно затих, многие албанские журналисты, писатели и общественные деятели стали обвинять самого Кадаре в расизме, причем не только «антикитайском», но и антиисламском², антиславянском, антигреческом и пр. Писателю пришлось выступить с опровержением, он утверждал, что расистом и албанским националистом никогда не был, а обвиняющие его в этом просто не читали его произведений. В защиту Кадаре выступил виновник скандала, Илир Юэри, он опроверг все обвинения в расизме «писателя, которым Албания может гордиться».

Стоит попытаться разобраться во всем этом самостоятельно, ибо речь здесь идет во-первых, о Китае, а во-вторых, о творчестве Исмаила Кадаре — писателя, к сожалению, в России недооцененного.

Албанский писатель Исмаил Кадаре (Ismail Kadare)³ (1936 г.р.) в 1990 г. эмигрировал во Францию и теперь делит время между Францией и Албанией. Он — главный писатель албанского мира (имея в виду и саму Албанию, и Косово, и районы прочих балканских стран с албанскими анклавами, и албанскую диаспору по всему миру). Кадаре, лауреат Букеровской премии 2005 г. широко известен на Западе. Его романы неизменно переводятся на французский, а с него и на другие языки. При входе в центральный книжный магазин Тираны бросается в глаза стенд с романами Кадаре на самых разных языках, включая японский и корейский, но изданий на русском среди них нет. Кадаре неоднократно входил в число претендентов на Нобелевскую премию по литературе, и каждый раз наши средства массовой информации писали об этом, что каких только удивительностей нет в шорт-листе номинантов, даже вот — албанский литератор!

Между тем как писатель Кадаре сформировался в СССР, обучаясь в Литературном институте им. М. Горького. В 1961 г. в Москве был издан сборник переводов стихотворений Кадаре на русский язык «Лирика» под редакцией и с предисловием Давида Самойлова. В том же 1961 г. Кадаре, как и все албанские студенты, был отозван на родину после разрыва отношений между СССР и Албанией.

Из его многочисленных романов на русском языке вышло два: «Генерал мертвой армии» (1963; русские издания 1989, 2006 гг.⁴) — книга о поисках останков итальянских солдат, погибших в Албании во время итальянской оккупации 1939–1943 гг., и «Зима великого одиночества» (1973, в редакции 1977 г. «Великая зима», в русском переводе «Суровая зима»⁵) о разрыве албано-советских отношений. Герой второго романа в ноябре 1960 г. едет переводчиком албанского политического лидера Энвера Ходжи в Москву на совещание представителей коммунистических и рабочих партий, где Ходжа выступает против политики Н.С. Хрущева. Становится понятно, что разрыв неизбежен, но Ходжа не решается сразу объявить об этом в Албании. Переводчик вынужден молчать, не отвечая по возвращении на родину на вопросы даже близких друзей, что приводит к его разрыву с невестой, которая подозревает его в измене.

Информации о творчестве Кадаре у нас в стране мало, а между тем он писатель важный для России благодаря основным темам его произведений: сущность диктатуры и диктатора, отношения Востока и Запада, судьба и философия страны, которая никак не может определиться, кто она и с кем она. Европейские критики постоянно проводят параллели между творчеством Кадаре и произведениями Гоголя, Кафки и Оруэлла. Кадаре много писал о коммунистической диктатуре, и в этом он сравним с такими гораздо более известными в России писателями Восточной Европы, как М. Кундера или М. Павич. Однако ему удалось найти собственный, уникальный стиль в описании судьбы своего отечества. Он исследует и опыт албанского коммунизма под диктатурой Э. Ходжи, и природу мифа и мифотворчества, и наследие классической Греции в современной Европе, и жизнь балканских народов под гнетом Османской империи с главной целью — выявить албанскую национальную идентичность, понять, как ей удалось сохраниться несмотря на многовековое угнетение. Рассматривается ли этот гнет как византийский, османский, итальянский, югославский, советский или китайский, он всегда порождает аллюзии с коммунистической Албанией, вымысел в романах Кадаре причудливым образом переплетается с реальными фактами. Аллегии были смелы, учитывая, что большинство таких текстов писались в 1970–80-е гг. в самой Албании.

Роман «Концерт в конце зимы»⁶, один из самых больших текстов Кадаре, датирован 1978–1988 гг. Принимая во внимание, что главное событие романа, его апофеоз — смерть Мао Цзэдуна, последовавшая 9 сентября 1976 г., он писался почти «по горячим следам».

И в «Суровой зиме», и в «Концерте» исследуется жизнь нескольких семейств Тираны — чиновников, журналистов, литераторов, военных, представителей свергнутой буржуазии. Многие персонажи первого романа перешли и во второй, что позволяет сравнить настроения в обществе во время разрыва отношений с СССР и КНР. Большинство героев принадлежит к «среднему классу» албанской элиты, именно поэтому их жизнь существенно зависит от происходящих в стране политических изменений.

В столице циркулируют неясные, противоречивые слухи о возможном разрыве, все ждут каких-то объяснений, комментариев относительно того, как и на что будет жить страна, если китайская помощь прекратится. В офисах все время ждут собраний. Многочисленные китайцы ведут себя странно: главная площадь Тираны внезапно заполняется китайцами, которые исчезают так же внезапно, как и появились. В жизни главных героев происходят всякие истории, связанные с китайцами.

Один везет в Китай дипломатической почтой рентгеновский снимок ноги китайского рабочего, на которую якобы умышленно наступил его друг-инженер. Незадолго до инцидента китаец вдруг стал плохо ходить на работу, говоря, что должен знакомиться с идеями Мао. Степень случайности «увечья» и его тяжесть должны определить независимые китайские эксперты, а пока албанского инженера отстранили от работы. Тот человек, который везет снимок ноги, ранее доставлял корреспонденцию более серьезную: письмо Э. Ходжи Мао Цзэдуну, предостерегающее против сближения Китая с США накануне визита Р. Никсона в Пекин, который и послужил причиной охлаждения отношений между двумя коммунистическими странами.

Другой герой романа — офицер танковых войск, совершил что-то непонятное, похожее на военный переворот в своем гарнизоне, он отстранен от работы и заключен под стражу. Взволнованные родственники и друзья ничего не понимают, но в деле все отчетливее проступает китайский след. Выясняется, что министр, непосредственный начальник нашего героя, во время визита в Китай был принят Чжоу Эньлаем. После просмотра образцовой революционной пьесы между ними состоялся длинный разговор о том, что в Китае и в Албании сейчас главная сила — Партия, а превыше всего должна быть революция. «Вы сокрушили церкви и мечети, нужно свергнуть еще один культ!» — с этими словами Чжоу убеждает министра в необходимости выступления армии против

партии ради того, чтобы избежать «ревизионизма» по югославскому и советскому образцу. Нужно, чтобы где-нибудь в провинции войсковая часть окружила партийный комитет. Это выступление мыслится как акт чисто символический, а люди, утверждает Чжоу, более всего ценят символические акты. В Тиране министр отдает нашему герою-офицеру приказ окружить танковой колонной городской комитет партии, а когда тот отказывается, его арестовывают и выпускают уже после смерти Мао.

Китайцы тем временем покидают Албанию, разрыв отношений становится очевидным для всех. В книге рассказана история бывшего буржуа, который вначале выучил русский, потом освоил китайский, чтобы зарабатывать на жизнь переводами. Теперь же не стало и переводов с китайского, он тщетно обходит все тиранские министерства в поисках заказов. При этом он, хоть и буржуа, очень любит Мао, мечтает с ним познакомиться, переводит его стихи на албанский, чтобы подарить их Председателю, когда тот позовет его в Китай и провезет его по местам своей боевой славы. Он убеждает свое семейство, что только философия Мао может спасти их как свергнутую буржуазию от классовой борьбы.

Если персонажи-албанцы действуют в романе непосредственно, то для того, чтобы рассказать как можно больше о китайцах, Кадаре использует всевозможные формальные приемы — в частности, длинные внутренние монологи Мао Цзэдуна, навеянные письмом китайского рабочего, отправленного в Албанию. Рабочий предлагает прекратить помощь балканской стране, так как албанцы живут гораздо лучше китайцев. Мао размышляет об Албании, о том, что ее как единственного союзника хорошо было бы использовать в качестве проводника «синизации» Европы, для чего нужно засадить Китай анашой и сплавлять ее в Европу через Албанию и французских маоистов. У Цзян Цин же есть намерение «дефеминизировать» албанских женщин по ее собственному образцу.

Герой-дипломат, летящий долгим рейсом из Тираны в Пекин и обратно через Париж и «каравийские пустыни», постоянно размышляет о деле Линь Бяо, анализирует всевозможные версии гибели маршала, а его самого уподобляет шекспировскому Макбету.

Один из «сквозных» персонажей романов Кадаре, его альтер-эго — писатель, посланный в китайскую провинцию с делегацией еще существующего общества албано-китайской дружбы, который, не выходя из гостиницы в Пекине, сочиняет невероятные истории из «китайской жизни» о попытках создать нового Лэй Фэна — гомункулуса и о юном китайском рабочем, вдруг осознавшем, что в стране все не так.

Концерт, давший заглавие роману, появляется лишь в самом его конце. Финал романа столь важен для Кадаре, что он опубликовал самостоятельный рассказ под названием «Приглашение на официальный концерт»⁷.

Иностранцы, оказавшиеся в Пекине, неожиданно получают приглашения на правительственный концерт. Среди приглашенных есть дипломаты и журналисты, коммунисты из разных (в том числе западных) стран — «профессиональные интернационалисты», несколько албанцев — героев романа. Приглашены также китайские чиновники. Странно уже то, что официальный концерт задуман столь внезапно, самому же мероприятию предшествует много таинственных предзнаменований. Известно, что Мао совсем плох... И в разосланных приглашениях, и в номерах концертной программы публика видит различные знаки и символы и пытается разгадать их скрытый смысл.

Постепенно стилистика романа меняется, место реализма с элементами сатиры занимает жуткая фантазмагория — чего стоит сцена, описывающая, как на концерт собирается будущий преемник Мао Цзэдуна на посту Председателя КПК Хуа Гофэн. Он гримируется под Мао Цзэдуна, полагая, что его появление на публике в облике двойника Председателя даст ему неоспоримые преимущества в борьбе за власть перед многочисленными соперниками — Чжоу Эньлаем, Цзян Цин, Дэн Сяопином. Чжоу Эньлай в действительности уже мертв, но также собирается на концерт, примеряя перед зеркалом

маски, которые носил при жизни. Незадолго до начала в зале много пустых правительственных лож, которые заполняются в последний момент людьми, наводящими ужас на всех присутствующих: всем кажется, будто Хуа Гофэн снял с Мао кожу лица и надел на себя, Цзян Цин с членами своей «банды», привидение Чжоу Эньлая. Концерт длится час, когда свет зажигают, многие ложы пусты... Многостраничное описание концерта — развернутая и очень сильная метафора неизбежности конца диктатуры.

По окончании концерта взволнованный писатель не спит, бродит по отелю, из разговора по-английски с сотрудником спецслужб узнает, что Мао Цзэдун умер, с удивлением наблюдает в плачущем китайце признаки человечности — ведь до сих пор все китайцы представлялись ему некими ходячими идеологическими штампами. Описание ужасов этой ночи венчается разговорами мертвого Мао с живыми и мертвыми соратниками, в том числе с Чжоу Эньлаем и Хуа Гофэном.

Герои постепенно возвращаются в Тирану, где все следят за новостями из Китая. Китайская помощь Албании прекращается, отзыв специалистов приводит к технологической катастрофе и гибели одного из молодых героев романа. В стране между тем стали появляться странного вида европейцы — длинноволосые бородатые мужчины и даже панки, которых принудительно стригут в аэропорту Тираны.

Роман кончается фразой выжившей из ума тетушки героини, у которой в голове перепуталась вся хронология иностранного присутствия в Албании — турки, итальянцы, русские, китайцы: «А может, китайцы только сон и никаких китайцев и не было!».

Кадаре часто подчеркивает глубокую чуждость китайцев, непонятность и неопостижимость их многовековой культуры... Интеллигенция опасается революционных опер по китайскому образцу и гордится, что в Тиране будут ставить «Чайку» запрещенного в КНР в годы «культурной революции» Чехова. Многие албанцы сейчас вспоминают годы китайской помощи Албании как «постоянный китайский кошмар», и считают, пользуясь терминологией Кадаре, что именно тогда албанский коммунистический режим обрел свои параноидальные черты.

Но именно ли в Китае и китайцах здесь дело или диктатура не имеет национальности?

У Кадаре есть еще один небольшой рассказ о Китае, более поздний, 1993 г., он называется «Великая стена»⁸. Это первое произведение, написанное им во Франции, и его можно рассматривать как политическое послание человека, недавно преодолевшего «железный занавес». Рассказ попеременно ведется от лица китайского чиновника и варварского воина, которые наблюдают друг за другом, находясь по разные стороны Великой стены. Действие происходит в ожидании вторжения Тамерлана в Китай, т.е. до 1405 г. В своих монологах герои делятся мыслями о реальных и метафизических сущностях стен. Великая стена предстает как защитное сооружение, отделяющее цивилизацию от варваров. Стена — это огромный каменный организм, и все они — и китайцы, и варвары — лишь его служители. Обе стороны Стену боятся: китаец — того, что варвары перейдут через нее и в очередной раз завоюют Поднебесную, тюрк опасается, что китайская роскошь — фарфор, нефрит и шелка, проникающие сквозь Стену, разложит и деморализует кочевников. Китайцы все время ремонтируют стену, а варвары для их устрашения возвели на своей стороне сторожевую башню из человеческих черепов. В своем последнем монологе китаец сообщает, что один из варварских лазутчиков погиб прямо у подножия стены. Нетрудно догадаться, что погибший был его «собеседником» из-за Стены: заключительную речь произносит уже дух кочевника, который осознал, что Великая стена — это лишь бледное подобие некой Матери-Стены, отделяющей мир живых от мира мертвых. И эта стена непреодолима: он видел в толпе Христа, которого так ждут повсюду, но охранники, будто слепцы, не пускали его.

Роман «Концерт» в отличие от несколько пафосной «Суровой зимы» имеет ярко выраженную сатирическую направленность. Считается, что в «Суровой зиме» Кадаре

нарисовал идеализированный образ албанского диктатора Э. Ходжи, чтобы косвенно повлиять на диктатора, заставить его смягчиться и ослабить путы. «Концерт» же — роман о сущности диктатуры без всяких прикрас.

Несмотря на то, что оба романа посвящены одному процессу — разрыву Албании с коммунизмом вначале советского, потом китайского образца, настроение их различно. Крушение отношений с русскими вызывает много сожалений; с Китаем и китайцами герои Кадаре расстаются — за редкими исключениями — без огорчений. Трагедия первого романа обернулась фарсом во втором. Китай же остался для автора и его героев великой неразгаданной тайной.

Между тем 21 июня 2013 г. «Independent Balkan News Agency. Balkan News in English» сообщило, что Александра Арвизу на посту посла США в Албании в связи с истечением срока полномочий сменит в конце июля нынешний посол США в Индии Дональд Лу (Donald Lu), на этот раз действительно китайского происхождения⁹. Суждено ли возобновиться дискуссии о «kinezegë» на страницах албанской прессы?

1. *Rukaj Marjola*. Albanian Race Row Puts Spotlight on Kadare. URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/albanian-race-row-puts-spotlight-on-kadare>. 27.05. 2011. Дата обращения: 5.07.2013.
2. Что странно, учитывая, что Кадаре в анкетах обозначает себя мусульманином.
3. вариант написания имени: Исмаиль Кадарэ.
4. *И. Кадарэ*. Генерал мёртвой армии: Роман / Пер. с алб., предисл. В. Тюхина. СПб., 2006.
5. *И. Кадаре*. Суровая зима: Роман / Пер. с алб. И. Ворониной, В. Модестова. М.: Худож. лит., 1992. — 541 с.
6. Первое английское издание: *Kadare I. The Concert*, 1994. [с французского перевода “Le Concert” 1989 г.] Для данной статьи было использовано переиздание 2005 г.: *Kadare I. The Concert* London: Harvill Secker, 2005. 444 p.
7. *Kadare I*. Invitation à un concert officiel et autres récits. Paris: Libraire Fayard, 1985. P. 245–316.
8. *Kadare I*. La Grand Muraille, suivi de Le Firman aveugle. Récits. Paris: Libraire Fayard, 1993. P. 7–49; рус пер. см.: *И. Кадарэ*. Великая стена. / Пер. Л. Милько // Иностранная литература, 1995, № 9, С. 5–13.
9. URL: <http://www.balkaneu.com/donald-lu-replace-alexander-arvizu-ambassador-tirana/#sthash.RZcAt1YT.mwZU4PvK.dpuf>. Дата обращения: 5.07.2013.

Сравнительный анализ «корейской волны» на примере южнокорейского тхэквондо

© 2013

Е. Лачина

Халлю — явление отнюдь не новое, у которого есть аналоги за рубежом и внутри страны. В качестве зарубежных аналогов можно привести Японию и Китай, интерес к культуре которых возник на несколько десятилетий раньше и достиг своего пика в конце XX в. Аналогом «собственного производства» является тхэквондо, распространение которого по миру стало прообразом грядущей популяризации других компонентов южнокорейской культуры.

Ключевые слова: тхэквондо, «корейская волна» (халлю), компоненты халлю, правительственная поддержка, культурная политика РК.

В XXI веке мы стали свидетелями такого явления, как «корейская волна» или *халлю*, интерес к которой, подогреваемый усилиями южнокорейского правительства, только увеличивается. Между тем, этот феномен никак нельзя назвать первым в своем роде: у него есть аналоги как за рубежом, так и внутри страны. В качестве зарубежных аналогов можно привести Японию и Китай, интерес к культуре которых возник на несколько десятилетий раньше и достиг своего пика в конце XX в. Аналогом «собственного производства» является тхэквондо в том смысле, что его распространение по миру стало прообразом грядущей популяризации других компонентов южнокорейской культуры¹. Помимо этого, сейчас тхэквондо считается неотъемлемой частью *халлю*, поэтому в настоящей статье оно рассматривается в двух ипостасях: как ее прообраз и элемент.

Сразу следует оговориться, что, так как речь идет о Республике Корея, то под тхэквондо здесь понимается его южнокорейская версия. Конечно, попытки превратить тхэквондо в своего рода национальный бренд предпринимались (и предпринимаются) и в КНДР, но подобный анализ выходит за рамки данной работы.

Для начала подробнее остановимся на двух ключевых понятиях, рассматриваемых в статье, а именно: тхэквондо и «корейская волна» (*халлю*).

Тхэквондо — это боевое искусство, оформившееся на территории Корейского полуострова во второй половине XX в. и сейчас существующее не только в обих его частях, но и во многих других странах мира. Южнокорейское тхэквондо¹, помимо всего прочего, является олимпийским видом спорта, что немаловажно, так как говорит об уровне внимания со стороны государства.

Говоря о возникновении тхэквондо, следует начать с того, что после освобождения на Корейском полуострове появилось несколько школ боевых искусств (*квангов*), создатели которых во время своего обучения в Японии в основном практиковали каратэ, поэтому и преподавали его практически в чистом виде. Некоторые (Хван Ки, Чхве Хонхи),

Лачина Евгения Владимировна, преподаватель Кафедры восточных языков Переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета.

E-mail: mitra.chinha@gmail.com.

конечно, утверждали, что их единоборства — это не чистое каратэ, а его смесь с традиционным корейским боевым искусством *тхэккён*, однако подобные утверждения сомнительны. При анализе их техник становится ясно, что ни они сами, ни их названия не имеют никакого отношения к тхэккён. Наоборот, и в техническом плане, и в теоретическом эти системы очень сильно напоминают каратэ того времени, а технические комплексы (*хён*) заимствованы оттуда в чистом виде. Единственное различие — это название (*хвасудо* у Хвана и *тхэквондо* у Чхе)².

В начале 1950-х гг. *кваны* стали предпринимать попытки объединиться под общим названием, однако из-за того, что разразилась Корейская война, они не увенчались успехом. После войны руководители *кванов* и начали создавать организацию, которой дали название «Всекорейская ассоциация консудо (тансудо)», что вполне логично, так как *консу* (или *тансу*) — это корейское прочтение первых двух иероглифов слова «каратэ». В организации явно прослеживалась политическая составляющая — ее первым президентом стал Чо Ёнжу, глава Ассоциации корейских резидентов в Японии. Вскоре его сменил новый президент, министр финансов Республики Корея Ли Чжунчжэ³. Несмотря на то, что целью организации была разработка стандартизированной системы тестирования, это оказалось весьма проблематичным, поскольку каждый руководитель *квана* имел собственную систему преподавания и экзаменов, поэтому в итоге Ассоциация распалась.

Между тем, к середине 50-х гг. название «тхэквондо» уже существовало. Им обозначалось боевое искусство, преподаваемое в Одокване⁴ — школе генерала Чхе Хонхи, которое, по сути, было ничем иным, как каратэ Шотокан⁵. По некоторым сведениям, Чхе решил использовать это название после того, как тогдашний президент РК Ли Сынман, ярый противник всего японского, во время просмотра показательных выступлений по каратэ, проводимых генералом в сентябре 1954 г., воскликнул: «Так это наше древнее единоборство тхэккён!»⁶.

Первыми иностранцами, проявившими интерес к системе Чхе, были южно-вьетнамские военные. Уже в 1959 г. Министерством национальной обороны РК генерал был отправлен во Вьетнам в качестве капитана демонстрационной команды тхэквондо. Затем для отправки во Вьетнам и Тайвань начали создаваться команды военных инструкторов тхэквондо.

Вскоре после свержения Ли Сынмана военное правительство издало указ № 6, согласно которому все школы боевых искусств Кореи должны были объединиться под общим названием⁷. Следуя этому указу, руководители *кванов* снова попытались создать единую организацию. Жаркие споры продолжались на протяжении всего 1961 г., и в результате появилась Всекорейская ассоциация Тэсудо, которая, однако, в течение еще примерно года не имела президента. Только в декабре 1962 г. его пост занял генерал Чхе Мёнсин⁸.

Что касается Чхе, то из-за его давней вражды с Пак Чонхи отношения с новыми властями у него осложнились практически сразу же, и в том же 1962 г. он был отправлен в Малайзию в качестве посла РК. Однако и там Чхе не упустил возможность представить свое единоборство местной публике. Являясь официальным лицом, он мог нанести вред своей репутации, если бы продемонстрировал его напрямую, поэтому он решил прибегнуть к менее рискованным косвенным методам. Будучи неплохим каллиграфом, Чхе созвал пресс-конференцию, посвященную своим достижениям в этой области. Когда журналисты попросили сфотографировать что-нибудь из работ посла, он достал приготовленное заранее учебное пособие по тхэквондо («Дух тхэквондо»), заметив, что он является автором не только надписи, но и всей книги. Эффект был достигнут — журналисты заинтересовались не только каллиграфической надписью, но и самим тхэквондо⁹.

В 1965 г. Чхе удалось стать президентом Всекорейской Ассоциации Тэсудо. Он собрал генеральную ассамблею и предложил проголосовать за смену названия на Всекорейскую Ассоциацию Тхэквондо¹⁰. «За» смену оказалось на один голос больше, и назва-

ние было изменено¹¹. Вполне логично, что решение о смене названия было принято именно с таким разрывом, а отнюдь не единогласно, ведь согласие называть свои боевые искусства «тхэквондо» формально означало признание всеми школами-членами Ассоциации своей преемственности от тхэквондо Одоквана. Это понимали все, поэтому неудивительно, что многие были против.

Таким образом, изначально тхэквондо — это не самостоятельное боевое искусство, а название, которое Чхве дал своему единоборству, а затем сумел добиться того, чтобы оно распространилось и на многие другие системы, существовавшие тогда на территории РК. Иными словами, примерно как японское айкидо в Корее получило название хапкидо (прочтение тех же иероглифов на корейский манер), сначала большинство *кванов*, в которых с теми или иными изменениями преподавалось каратэ, стало использовать слово «тхэквондо» для его обозначения, и произошло это в результате непосредственных усилий Чхве. В техническом плане тхэквондо начало приобретать свойственные только ему черты несколько позже.

В 1971 г. произошло знаковое для мира тхэквондо событие — главой Всекорейской ассоциации тхэквондо стал Ким Уньён, до этого являвшийся сотрудником президентской службы безопасности и никак не связанный с миром боевых искусств. По некоторым сведениям, сначала он отказался от этой должности, но правительство Кореи просило его принять ее и «почистить» ассоциацию, что он и сделал¹². Именно он был человеком, больше всего сделавшим для того, чтобы тхэквондо стало олимпийским видом спорта.

Вскоре для распространения тхэквондо по миру был создан Куккивон — всемирный центр тхэквондо, а 6 сентября 1974 г. там на постоянной основе начали функционировать две демонстрационные команды (взрослая и детская), по прошествии двух лет слившиеся в одну. Юридически до 2010 г., когда он получил особый статус (кор. *тхыксуобин*), Куккивон являлся общественным фондом¹³, то есть, по сути, неправительственной организацией; он создавался по инициативе частных лиц на частные средства при финансовой поддержке правительства¹⁴. Между тем, если посмотреть на то, кем были эти люди, и откуда поступали средства, то круг заинтересованных лиц становится весьма очевиден. Так, инициатором проекта был упомянутый выше Ким Уньён, насчет которого можно предположить, что, с учетом того, чем он занимался до того, как стать президентом Всекорейской ассоциации тхэквондо, он был в достаточно близких отношениях с Пак Чонхи, а в строительстве Куккивона принимали участие крупные южнокорейские компании (такие, как Samsung, SsangYong и др.)¹⁵.

Эти два события (назначение Ким Уньёна и создание Куккивона) как нельзя лучше говорят о внимании, уделявшемся тхэквондо на самом высоком уровне.

Во многом благодаря деятельности Кима южнокорейское тхэквондо (WTF) было включено как демонстрационный вид спорта в летние Олимпийские игры 1988 (Сеул) и 1992 (Барселона), а в сентябре 1994 г. на ассамблее Международного олимпийского комитета в Париже оно стало частью программы Олимпийских игр (с 2000), что без содействия государства было бы невозможным.

Сейчас Куккивон готовит инструкторов для отправки за границу, его демонстрационные команды совершают мировые турне, получить разрешение на представительство или сертификат на мастерскую степень также можно только там; ежегодно в Куккивоне проходят различные сборы и семинары для инструкторов, а также их аттестация, а правительство обеспечивает законодательную и финансовую поддержку, примерами которой могут служить принятый 22 июня 2008 г. «Закон о популяризации тхэквондо и сооружении Парка тхэквондо» (кор. *Тхэквондо чинхын мит Тхэквондо конвон чосон дынэ кванхан помнюль*), разработанный Министерством культуры, спорта и туризма РК пятилетний (2009–2013) план развития тхэквондо (средне- и долгосрочная стратегия тхэквондо), появление Фонда популяризации тхэквондо (кор. *Тхэквондо чинхын чэдан*) и др.

Поэтому на современном этапе тхэквондо может быть причислено к составляющим *халлю*.

Так как в настоящей статье проводится параллель между тхэквондо и «корейской волной», в связи с чем выявляются их различия и схожие черты, выделяются стадии их развития, а также происходит сравнение данного единоборства с ее составляющими компонентами, следует подробнее остановиться на описании понятия и самого феномена «халлю».

«Корейская волна» — явление, безусловно, более сложное и емкое, чем тхэквондо, хотя бы потому, что включает в себя несколько достаточно разнородных компонентов. Чаще всего под «корейской волной» понимается мода на различные аспекты южнокорейской культуры (в основном современной), причем возрастает она как за счет собственного потенциала, так и поддержки южнокорейского правительства, о чем пойдет речь далее. «Корейская волна» началась с распространения сначала по Юго-Восточной Азии, а затем и по всему миру, южнокорейских сериалов и несколько позже — поп-музыки (К-поп), однако с каждым годом она пополняется все большим количеством новых элементов и уже включает кухню, одежду, видеоигры и язык¹⁶.

Появление такого феномена, как «корейская волна», стало возможным во многом благодаря тому, что 3 января 1990 г. произошли существенные структурные изменения в государственном аппарате управления культурой — Министерство культуры (кор. *Мунхвабу*) стало отдельным органом. В том же году оно разработало «10-летний план развития культуры», одним из шести направлений которого впервые официально стала глобализация корейской культуры¹⁷. В процессе воплощения в жизнь этой части плана начали открываться учреждения, ответственные за международный культурный обмен, проводились крупномасштабные международные культурные мероприятия; возросло количество культурных центров за рубежом, расширилась поддержка зарубежного корееведения и программ по изучению корейского языка, налажился выпуск литературы, знакомящей с корейской культурой.

Полноценным началом «корейской волны» многие считают 1997 г., когда по центральному телевидению Китая прошел показ телесериала «Что же такое любовь» (кор. «*Сарани муогильэ*»). С того же года в Пекине начала набирать популярность южнокорейская танцевальная музыка для молодежи. Несмотря на то, что отдельные корейские эстрадные исполнители были популярны в Японии в 80-х, тогда о «корейской волне» говорить было рано¹⁸.

Что касается самого слова «халлю», то оно появилось в том же 1997 г. на страницах тайваньской газеты Чжунго шибао (кор. *Чунгук сибао*), но тогда оно относилось не к поп-культуре, а к товарам южнокорейского производства. Применительно к масс-культуре оно впервые было употреблено 19 ноября 1999 г. в китайской прессе — в статье, посвященной намеченному на февраль следующего года выступлению южнокорейской группы Н.О.Т. в Пекине¹⁹. А как только южнокорейские исполнители завоевали популярность у китайско-говорящей аудитории, оно стало обозначать исключительно «модное течение южнокорейской масс-культуры»²⁰.

Важно обратить внимание на то, какое внимание культуре уделяло правительство РК в то время. В 1999 г. бюджет отдела культурной индустрии Министерства культуры и туризма почти в 6 раз превысил бюджет предыдущего года, а в 2000 г. бюджет всего министерства составил более 1% от общего бюджета страны²¹. Также в 1999 г. был принят «Основной закон о развитии культурной индустрии» — лучшее доказательство того, что, во-первых, решение превратить культуру в вид экономической деятельности было принято на государственном уровне (о чем также свидетельствует сам факт существования отдела культурной индустрии), а, во-вторых, с помощью экспорта культуры предполагалось внести определенный вклад в восстановление пострадавшей от финансового кризиса 1997–1998 гг. экономики. Такое решение окупилось в полной мере, положитель-

но сказавшись не только на экономической сфере, но и на имидже нации и даже в некоторой степени на отношениях с соседями.

С 1997 до начала 2000-х гг. *халлю* накрыла КНР, Тайвань, Вьетнам, а в 2002–2003 гг., после выхода телесериалов «Зимняя соната» и «Тэчжангым» начала распространяться на новые регионы, важнейшим из которых была Япония. Это означало выход «корейской волны» на новую ступень.

Важно подчеркнуть, что «корейская волна» всегда состояла из двух и более компонентов, и в тот или иной период на первый план обычно выходил какой-то один. Так, если до начала 2000-х гг. движущей силой «волны» были телесериалы, то примерно с середины 2000-х гг., когда из-за повторяющихся сюжетов они стали хуже продаваться, ею стало такое явление, как «K-pop». В 2011 г., после нескольких концертов поп-музыки в Париже и Нью-Йорке стало ясно, что *халлю*, выйдя за пределы Азии, добралась до Европы и США. На радостях южнокорейское правительство окрестило ее «новой волной». В то же время усилился интерес к изучению корейского языка, чему во многом способствовало южнокорейское правительство: в марте 2009 г. по инициативе Министерства культуры, спорта и туризма был создан Институт имени вана Сечжона, цель которого состоит в популяризации корейского языка и письменности за рубежом. Также это министерство, Национальная организация туризма Кореи, Корейский фонд международных обменов, созданный при участии Министерства иностранных дел и торговли РК (Международный корейский фонд), Государственный институт международного образования (НИЕ) (дочерняя правительственная организация Министерства образования, науки и технологий РК, отвечающая за обучение корейскому языку корейцев, проживающих за рубежом) разработали определенное количество веб-сайтов и он-лайн программ по изучению корейского языка²². В данном контексте интересен факт официального принятия корейской письменности индонезийским племенем Cia-Cia в 2009 г.

Сейчас, во многом благодаря всяческой поддержке со стороны правительства (включая создание 30 января 2012 г. Общества популяризации культуры *халлю* при Министерстве культуры, спорта и туризма), «корейская волна» активно пополняется новыми элементами, помимо корейского языка, распространяясь на традиционную культуру и искусство. Ведущим компонентом *халлю* остается K-pop, однако теперь Министерство ставит более грандиозную задачу: пробудить интерес не только к нему или даже к корейской культуре в целом, а уже ко всему корейскому (K-style); вместе с тем, в РК открываются все больше научно-исследовательских центров, посвященных ей²³.

Итак, при сравнении *халлю* и тхэквондо следует иметь в виду несколько основных моментов.

Во-первых, как было сказано выше, первое понятие намного сложнее, чем второе: первое состоит из множества аспектов, апеллируя к очень широкому пласту корейской культуры, тогда как второе — только единоборство (или спорт), то есть всего лишь часть этой культуры, поэтому, в силу того, что эти понятия разнородны, было бы неверным их сопоставлять, однако сравнение тхэквондо с другими компонентами «корейской волны», например, телесериалами, поп-музыкой, он-лайн играми, корейским языком и т.п. представляется весьма оправданным.

Во-вторых, если во второй половине XX в. тхэквондо было призвано стать одним из инструментов, с помощью которого РК могла бы заявить о себе и улучшить свой имидж (в частности, это касалось боевого духа корейцев, так как тогда он был представлен в крайне невыгодном для РК свете) в глазах мирового сообщества, то сейчас, когда эта цель достигнута, перед *халлю* стоят задачи иного масштаба (например, стать представителем всей азиатской культуры).

В-третьих, сейчас широко используются современные технологии, что упрощает и ускоряет процесс информирования целевой аудитории. С этой точки зрения мало что может конкурировать с Интернетом, делающим практически любую информацию более

доступной. Полвека назад, когда тхэквондо начало выбираться за пределы Кореи, такой технологии еще не существовало, поэтому тогда процесс был более затратным и занял намного больше времени, чем если бы происходил сейчас.

Что касается тхэквондо как прообраза «корейской волны», то его можно считать таковым в том смысле, что, во-первых, в обоих случаях (тхэквондо и «корейская волна») мы имеем дело с поддерживаемыми правительством кампаниями по формированию общественного мнения за рубежом и созданию там положительного образа государства; а во-вторых, распространение составляющих «корейскую волну» элементов южнокорейской культуры происходит по сценарию, во многом схожему с тем, по которому весьма успешно распространялось тхэквондо задолго до ее официального начала. Поэтому, несмотря на все эти различия, в своем развитии тхэквондо и другие компоненты «корейской волны» прошли схожие стадии эволюции.

В обоих случаях сначала правительство РК создало предпосылки и подготовило условия для развития обозначенных выше явлений: еще в 1962 г. вышел «Закон о развитии национального спорта», послуживший отправной точкой для развертывания государственной политики в области физической культуры и давший толчок для появления структур и организаций, работающих в этом направлении, что не могло так или иначе не затронуть и тхэквондо. В марте 1970 г. был создан консультативный комитет по вопросам физической культуры, главой которого стал премьер-министр РК. Рассматривая вопросы физической культуры в учебных заведениях, спортивных сооружений, фондов, оборудования и пр., этот комитет был призван выявлять условия, необходимые для развития массового спорта и отражать их в государственной политике. А 20 марта 1982 г. появилось Министерство физической культуры, что означало наивысшее внимание государства к вопросам, которыми оно занимается.

Похожее можно наблюдать и в отношении «корейской волны»: об этом свидетельствует создание отдельного Министерства культуры в самом начале 1990 г., разработанный им в том же году «10-летний план развития культуры» и принятие «Основного закона о развитии культурной индустрии» в 1999 г.

Как видно из вышесказанного, с самого начала и тхэквондо, и «корейской волне» была гарантирована законодательная поддержка. В их дальнейшем развитии целесообразно выделить четыре крупных стадии.

1. Зарождение и начало распространения феномена по Азии. На этом этапе происходит самозарождение феномена, который некоторое время спустя начинает распространяться преимущественно по Азии в основном по частной инициативе. Тхэквондо находилось на этой стадии с середины 1950-х до 1971 г. (когда им занялся Ким Уньён); «корейская волна» — со второй половины 1990-х до середины 2000-х гг.

Тхэквондо возникло как авторский проект генерала Чхве, который, имея высокое положение в южнокорейской армии, сначала распространил свое боевое искусство там, а потом направил все усилия на то, чтобы как можно большее количество *кванов* использовало именно это название. При Ли Сынмане и в первые годы правления Пак Чонхи он добился немалых успехов: его тхэквондо вышло за рубеж, а само название практически стало означать «боевые искусства Кореи». В 1966 г. им была создана Международная федерация тхэквондо (ITF), однако в результате своей чересчур активной деятельности он стал неудобен властям и в итоге был вынужден покинуть РК.

Корейская волна началась с распространения южнокорейских телесериалов (и чуть позже — эстрады) по Азии (в основном Китаю и Японии) в конце 1990-х — начале 2000-х гг. по инициативе режиссеров и продюсеров, которые их снимали, и только потом их подхватили некоторые южнокорейские телеканалы (например, KBS2, хотя он всегда был полуправительственным).

Как и в случае с тхэквондо, сначала «корейская волна» в лице телесериалов накрыла Азию, что вполне логично, только если в 1960-х гг. тхэквондо начало свое шест-

вне по миру с Малайзии, Вьетнама, Сингапура и Брунея, то «корейская волна» в конце 1990-х — начале 2000-х гг. захлестнула сначала Японию и Китай. Но тогда было другое время: во-первых, прямые экономические контакты или культурные связи между Японией и Южной Кореей, по сути, отсутствовали до 1990-х гг., а во-вторых, сложно было даже представить корейца, пытающегося ознакомить японскую публику, воспринимающую и его самого, и всю корейскую культуру и традиции как нечто второсортное, с чем-либо корейским. Для Китая полвека назад Корея, находившаяся на уровне беднейших стран мира, также ничего собой не представляла. Кроме того, и Япония, и Китай, обладая богатой традицией боевых искусств, просто не восприняли бы «корейское каратэ» (а тхэквондо тогда представляло собой каратэ Шотокан в чистом виде), поэтому именно такие страны, как Вьетнам или Малайзия, стали первыми, куда оно проникло. На руку Чхве сыграл и тот факт, что, например, в Малайзии японское каратэ не было распространено, поэтому, во-первых, тхэквондо легко заняло свободную нишу, а во-вторых, там генерала не могли назвать плагиатором.

2. Популяризация и правительственная поддержка. На этой стадии государство осознает, что феномен может быть использован для повышения собственного имиджа, и начинает оказывать ему более активную поддержку. Тхэквондо находилось на этой стадии в 1970-е гг., «корейская волна» — с середины 2000-х до 2012 г.

В начале 1970-х гг. южнокорейское правительство осознало, что тхэквондо может быть использовано как средство решения поставленных им задач по повышению международного статуса РК, и проявило заинтересованность в его популяризации. Принимая во внимание тот факт, что в 2000 г. тхэквондо стало олимпийским видом спорта, можно с уверенностью говорить об успешности предпринятых действий.

Во вторую стадию тхэквондо вошло в 1971 г., когда председателем Всекорейской ассоциации тхэквондо стал Ким Уньён. Это было явно политическим шагом, в результате которого Чхве Хонхи, к тому времени имевший серьезные разногласия с властями (в частности, лично с Пак Чонхи), был вынужден покинуть РК; к тому же в документальном фильме, показанном на телеканале MBC-TV в 1998 г., сам Ким Уньён вспоминает, что возглавить Ассоциацию его попросило правительство²⁴. Как было сказано выше, Куккивон также был создан не без поддержки правительства. Он до сих пор находится под контролем отдела международного спорта Министерства культуры, спорта и туризма РК²⁵. Именно Куккивон стал главным орудием распространения тхэквондо по миру: он начал отправлять за границу демонстрационные команды и инструкторов, проводить международные соревнования, семинары, сборы и аттестации по тхэквондо, разрабатывать обучающие программы для иностранцев и многое другое.

«Корейская волна» вошла в эту стадию в середине 2000-х гг., когда она добралась до США и Европы. Основным орудием *халлю* на этой стадии стал К-роп, а вспомогательным — корейский язык, распространению которых начало помогать южнокорейское правительство. К такой помощи относится открытие Института имени вана Сечжона, организация К-роп конкурсов, различных фестивалей, выставок и др., количество которых только увеличивается. Помимо телесериалов, поп-музыки и корейского языка на этом этапе *халлю* начала обогащаться новыми компонентами: в нее вошли корейская кухня, стиль в одежде, макияже и прическах, туризм.

3. Превращение феномена в бренд. На этом этапе, во многом благодаря все возрастающей государственной поддержке, феномен не только распространяется по миру, но и закрепляет свои позиции, становясь брендом, в котором рождается естественная потребность, создавая спрос на него; начинают работать рыночные механизмы. Тхэквондо вошло в эту стадию в 1980-х гг., *халлю* — совсем недавно.

Можно считать, что тхэквондо превратилось в государственный бренд РК после Олимпиады-1988, через четыре года подтвердило свой статус в этом качестве в Барсело-

не (1992) и еще через два года прочно закрепило его, с 2000 г. став частью программы Олимпийских игр.

Что же касается «корейской волны», то, как утверждается в Белой книге *халлю*, она вошла в эту стадию с 30 января 2012 г., когда при Министерстве культуры, спорта и туризма было создано Общество популяризации культуры *халлю*. На этом этапе появился бренд К-Поп, и теперь брендом должна стать вся корейская культура (K-Culture), в том числе искусство, литература и традиционная культура²⁶. По результатам 2012 г. можно сделать вывод, что пока Министерство культуры, спорта и туризма РК весьма успешно справляется с этой задачей.

4. Утрата идентичности и попытки ее восстановить. Созданный бренд перестает ассоциироваться у потребителей со страной происхождения.

Тхэквондо вошло в эту стадию примерно с середины 2000-х гг. Сейчас люди во всем мире знают, что тхэквондо — это восточное единоборство, однако тех, кто знает, откуда именно оно происходит, становится все меньше.

На этом этапе тхэквондо официально стало компонентом *халлю*, и это подтверждается новым витком его поддержки со стороны правительства, о чем говорят указанные выше «Закон о популяризации тхэквондо и сооружении Парка тхэквондо», Пятилетний (2009–2013) план развития тхэквондо, появление Фонда популяризации тхэквондо и др. Таким образом, сейчас это единоборство находится на четвертой стадии развития как прообраз «корейской волны» и на третьей — как ее компонент.

При составлении прогноза относительно «корейской волны» важно помнить, что те ее элементы, в которых сильна вербальная составляющая, если и окажутся на этой стадии, то вряд ли скоро, так как язык — это все-таки одно из основных средств сохранения идентичности. Единственным компонентом *халлю*, дошедшим до этой стадии, являются on-line игры, в силу своей специфики развивающиеся невероятно высокими темпами по сравнению с остальными и широко использующие английский язык.

В выпущенной 30 января 2013 г. Министерством культуры, спорта и туризма РК Белой книге (отчете) *халлю* говорится о том, что «распространившееся по миру после Второй мировой войны тхэквондо, — это первоэлемент корейской волны»²⁷. Несмотря на то, что в этом утверждении можно увидеть попытки южнокорейского правительства «удревнить» историю последней, между тхэквондо и другими ее компонентами действительно есть много общего, в особенности в том, что касается средств их популяризации. Далее рассмотрим эти общие черты подробнее.

1) Создание способствующих популяризации того или иного компонента «корейской волны» организаций, фондов, ассоциаций, центров и пр. как в самой РК, так и за рубежом, в обязанности которых входит проведение различного рода культурных мероприятий (фестивалей, форумов, выставок, литературных встреч, семинаров, мастер-классов и т. п.), обучение иностранцев корейскому языку и т. д.

К таким учреждениям относятся, например, культурные центры при посольствах РК; Корейский фонд, поддерживающий зарубежное корееведение; Институт имени вана Сечжона, проводящий обучение корейскому языку за рубежом, «Корейский дом» (кор. «Хангугэ чин»), где во всем разнообразии представлена традиционная культура Кореи, Академия корееведения, продюсерские компании — «кузницы» К-поп звезд и другие.

Что касается тхэквондо, то в его распространении Куккивон выполняет примерно ту же роль, что и продюсерские агентства в популяризации К-поп музыки. При нем функционируют Академия тхэквондо, Музей славы тхэквондо и Исследовательский институт тхэквондо. Сюда же относится создание Фонда популяризации тхэквондо и Тхэквондовона, к настоящему моменту предлагающего около 30 разнообразных программ, как напрямую связанных с тхэквондо, так и достаточно далеких от него.

2) «Живая презентация». Подобно звездам «корейской волны», демонстрационные команды тхэквондо путешествуют по миру, показывая иностранной публике

скорость, мощь и красоту своих отточенных техник. Разумеется, для актеров или музыкантов мировые туры — это неотъемлемая часть работы, такая же, как съемки или запись дисков, однако для спортсменов или единоборцев такая деятельность не является основной. Для них, помимо собственно тренировок и участия в соревнованиях, более характерно проведение мастер-классов, семинаров, а отнюдь не выступления под музыку. Конечно, в современном коммерциализированном мире спортсменам не чуждо участие в показательных выступлениях или пресс-конференциях, организуемых на соревнованиях, но здесь речь идет именно о создании команд, единственным назначением которых является демонстрация стиля во всей его красе. Подобно звездам шоу-бизнеса, это профессионалы, чья основная деятельность состоит в подготовке показательных выступлений, которые проходят как шоу с музыкой и спецэффектами, причем зачастую с элементами танца.

Сейчас помимо сборной демонстрационной команды Куккивона функционирует порядочное количество других команд подобного толка; совершает мировые туры входящий во Всекорейскую ассоциацию тхэквондо ансамбль TAL, на представлениях которого звучат ударные инструменты, а тхэквондо органично сочетается с брейк-дансом. В ноябре 2012 г. в Олимпийском парке Сенле открылся K-art hall — концертный зал, специализирующийся на корейской культуре. Он предназначен для выступлений TAL, концертов традиционной корейской музыки, танцевальных постановок и комплексной демонстрации других национальных искусств²⁸.

3) Информирование аудитории по каналам СМИ и выпуск специальной литературы на английском и других языках. Феномену «корейской волны» в целом и ее аспектам по отдельности посвящено немалое количество литературы на многих языках мира. В частности, информационная служба КОСИС (Korean Culture and Information Service; кор. *Хэве мунхва хонбвон*) Министерства культуры, спорта и туризма РК издает журнал «Korean Culture» на английском языке, а раздел «корейская волна» включается в ознакомительные буклеты и путеводители по РК наравне с такими разделами, как «климат», «география» или «экономика».

Аналогичным образом в РК и за ее пределами выпускается огромное количество переводимой на многие языки мира литературы и учебных пособий по тхэквондо. Немалая заслуга в этом принадлежит доктору Ким Уньёну, более 30 лет являвшемуся президентом Всемирной федерации тхэквондо, а в течение нескольких лет — вице-президентом МОК (помимо множества других весьма высоких постов). Помимо трудов на корейском, он выпустил несколько монографий на английском, японском и китайском языках, в 2008–2009 гг. вел рубрику «30 лет Олимпиад, 40 лет тхэквондо» в газете «Чунанильбо», с 2010 г. в газете «Ильёсинмун» ведет рубрику «Великие люди, которых я встретил», а также имеет личный блог (с переводом некоторых постов на английский) и официальный сайт, дублируемый на английском языке.

Кроме того, помимо программ чисто спортивного толка, на южнокорейском телевидении существуют шоу, куда приглашают тхэквондистов, например, «Удивительное шоу Star king» на канале SBS.

4) Соревновательный компонент. Его присутствие в тхэквондо не вызывает никаких сомнений, так как он является неотъемлемой частью любого единоборства или спорта. Он проявляется в аттестациях на пояса, внутренних и международных соревнованиях по тхэквондо и пр. Однако проходящие среди иностранцев конкурсы красноречия на корейском языке, K-POP конкурсы и фестивали K-POP Cover Dance и т. п. говорят о присутствии этого компонента и в других составляющих «корейской волны».

5) Государственная поддержка. Как в случае с тхэквондо, так и с другими компонентами «корейской волны», поддержка правительства существовала практически с самого начала. Это связано с тем, что полвека назад инструментом, призванным поднять престиж страны в глазах мирового сообщества, стал спорт, и развитие тхэквондо орга-

нично вошло в общий курс спортивной политики РК (Закон о развитии национального спорта был принят в 1962 г.). То же самое можно сказать и о *халлю*, начавшейся, когда инструментом повышения имиджа РК на международной арене стала культура, чем и было вызвано особое внимание к ней со стороны государства (в самом начале 90-х гг. распространение корейской культуры по всему миру официально стало одной из задач южнокорейского правительства), а появление 30 января 2012 г. Общества популяризации культуры *халлю* при Министерстве культуры, спорта и туризма говорит о превращении распространения «корейской волны» в политическую задачу. В рамках решения этой задачи правительство РК создает различные структуры и учреждения, разрабатывает специальные программы, а также оказывает финансовую поддержку.

Что касается тхэквондо, то существование «Закона о популяризации тхэквондо и сооружении Парка тхэквондо» и пятилетнего плана развития тхэквондо само по себе говорит о многом. В бюджете вышеуказанного министерства в разделе «Развитие спортивной индустрии и международный обмен» помимо всех прочих значатся статьи «Поддержка распространения тхэквондо», куда входит финансовая поддержка отправляемых за границу инструкторов тхэквондо, благотворительных делегаций тхэквондо, ансамбля TAL и пр.; «Поддержка Фонда популяризации тхэквондо» (включающая затраты на оплату труда, управление Фондом и проекты по популяризации тхэквондо), «Сооружение Парка тхэквондо» и др.²⁹

Итак, тхэквондо было первой ласточкой внешней культурной экспансии РК. В своем развитии оно прошло 4 стадии: зарождение, распространение, превращение в бренд и утрату идентичности. И если его действительно можно считать прообразом *халлю*, а не только ее компонентом, то логично ожидать, что она пройдет те же стадии эволюции. Из приведенного анализа видно, что две первые стадии «корейской волной» уже пройдены, и она успешно входит в третью.

1. Под южнокорейским тхэквондо понимается версия WTF (World Taekwondo Federation, кор. *Сэ-ге тхэквондо ёнмэн*).
2. *Сон Хёнсок*. Тхэквондоса кани [Лекции по истории тхэквондо]. Сеул, 2005. С. 214–215.
3. *Shaw S.* The history of Hapkido, Taekwondo, and the Korean martial arts. 2001. URL: <http://www.scottshaw.com/>
4. Заметим, что уже тогда боевое искусство именно это школы распространялось в южнокорейской армии.
5. Анализ техник раннего тхэквондо, демонстрируемых лично Чхве Хонхи в его первых учебных пособиях, не оставляет никаких сомнений в том, что его тхэквондо представляло собой каратэ Шотокан в чистом виде.
6. *Сон Хёнсок*. Указ. соч. С. 216.
7. *Shaw S.* Op. cit.
8. *Кан Вонсик, Ли Кёнмён*. Тхэквондо хёндэса [Современная история тхэквондо]. Сеул, 1999. С. 256.
9. *Чхве Хонхи*. Тхэквондова на [Тхэквондо и я]. Сеул, 2000. Т. 2. С. 24–28.
10. Еще в 1959 г. он создал организацию с таким названием и стал ее президентом, однако уже в следующем году она распалась.
11. *Shaw S.* Op. cit.
12. Там же.
13. Официальный сайт Куккивона. URL: <http://www.kukkiwon.or.kr/viewfront/about/history.jsp>.
14. *Кан Вонсик, Ли Кёнмён*. Указ. соч. С. 66.
15. Там же. С. 91.
16. *Faiola A.* Japanese Woman Catch the «Korean Wave» // The Washington Post. 31.08. 2006. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/08/30/AR2006083002985.html>;

- Farrar L.* «Korean Wave» of pop culture sweeps across Asia // CNN. Turner Broadcasting System, Inc. 31.12.2010. URL:
<http://edition.cnn.com/2010/WORLD/asiapcf/12/31/korea.entertainment/index.html?iref=NS1>.
17. Халлю пэксо [Белая книга халлю]. Сеул: М-во культуры, спорта и туризма, 2013. С. 165.
 18. Там же. С. 15.
 19. *Cho Hae-Joang.* Reading the «Korean Wave» as a Sign of Global Shift // Korea Journal. Seoul, 2005. Vol. 45, № 4. P. 173.
 20. Халлю пэксо [Белая книга халлю]. Сеул: М-во культуры, спорта и туризма, 2013. С. 16.
 21. Там же. С. 167.
 22. Официальный сайт Корейской культурно-информационной службы (KOCIS). URL:
<http://russian.korea.net/Resources/Useful-Info/Learn-Korean>.
 23. Халлю пэксо [Белая книга халлю]. С. 22–23.
 24. *Кан Вонсик, Ли Кёнмён.* Указ. соч. С. 64.
 25. Официальный сайт Министерства культуры, спорта и туризма РК. URL:
<http://www.mcst.go.kr/web/deptCourt/introService/introDept.jsp>.
 26. Халлю пэксо [Белая книга халлю]. С. 22.
 27. Там же. С. 204–205.
 28. URL: <http://www.thetal.co.kr/main/main.php>.
 29. 2012-нён есан кигым уньён кехвек [Бюджет и план использования фондов на 2012 год]: Сеул, М-во культуры, спорта и туризма, 2012. С. 120.

Рецензии

Роман Юрия Макарецва «Итуруп»

В конце 2012 г. в издательстве «Российская газета» вышел роман Юрия Дмитриевича Макарецва «Итуруп». Автор — профессиональный журналист, заместитель главного редактора «Российской газеты». В произведении показаны судьбы четырех одноклассников из подмосковной школы, родившихся в начале Великой Отечественной войны. В сложные 90-е годы прошлого века они оказались причастны к серьезной государственной проблеме: реальной опасности утраты российских территорий.

Эта книга — как глоток родниковой воды. Как старый фильм из советских времен — немного наивный, добрый, вызывающий нормальные, здоровые реакции: «хорошо — плохо», «свой — чужой».

Главный герой романа журналист Андрей — типичный «интеллигент в первом поколении», представитель сформировавшегося в СССР широкого слоя людей умственного труда, укорененных в «нижнем этаже» общества. Выросший в Подмосковье внук крестьянина и сын погибшего на войне рабочего, Андрей хорошо знает цену вещам. «Мальчишка! Книжку бы почитать или поиграть с ребятами в городки, лапту, футбол... Нет, надо выполнять трудовую повинность: целый день махать мотыгой, рыхла поднявшись стебли молодой картофельной ботвы. Зато осень вознаграждала старания, мы с матерью и отчимом собирали около десяти мешков картошки, которой хватало на год» — вспоминал Андрей.

В разделе романа, имеющем характерный заголовок «Нижний этаж», рассказывается, как главный герой в 1960-е годы зарабатывал трудовой стаж перед поступлением на факультет журналистики МГУ. Андрей трудился в качестве монтажника связи на строительстве телевизионных трансляционных вышек в Череповце, Курске, Горьком и других городах СССР. Автор пишет, что «рабочий класс без натяжки — класс жизнелюбия, хотя для партии он был и гегемоном, и «львом в клетке» одновременно». В книге даны красочные портреты рабочих парней и девчат. Никакого приукрашивания: «день получки — день выпивки», «мужские неологизмы». И вместе с тем чувство соб-

ственного достоинства, профессиональная гордость, ответственность, природная порядочность и патриотизм. «Здесь жизнь более простая, но дышать легче. У людей меньше снобизма и больше терпения. Здесь мир открытых желаний», — излагала свои впечатления об обстановке в рабочем коллективе, где жил Андрей, его одноклассница Антонина Лесина.

Антонина безответно влюблена в Андрея, а он женат на Людмиле Обидиной — еще одной однокласснице и подруге Антонины. Супружеские отношения Андрея и Людмилы, выросшие из их первой в жизни любви, осложнены жертвенным служением Людмилы людям. Врач по профессии, она надолго оставляет дом и мужа, чтобы помогать пленникам авторитарной секты вырваться из ее капкана. Так, после долгой разлуки Андрей во время своей журналистской командировки неожиданно встречает Людмилу на плавучем рыбообработывающем заводе в Охотском море, где она исполняет обязанности судебного врача и спасает человеческие души.

«Народники» — так с пренебрежительной и ироничной интонацией отзывается об Андрее, Людмиле и Антонине четвертый из одноклассников — Матвей Захватов. По окончании школы он поступил на философский факультет МГУ, но был отчислен со второго курса. Антонина, впоследствии ставшая женой Матвея, а затем расставшаяся с ним, говорила, что она «пока не поняла, какой он есть — искренний или с двойным дном, щедрый или это напускное, очень способный от природы или как многие другие живет приобфетенным умом? Человек в оболочке? Очевидно одно: живет для собственных удовольствий — и они находят его. Всегда в кармане есть деньги, и не понятно, откуда он их берет. Весел, легок, беспечен — таким его все принимают за своего парня и хлопают по плечу. У него все получается как бы само собой, все преграды перед ним отступают, несется вперед, не задевая острые углы своим долговязым телом. Я говорю не в осуждение и не утверждаю, что он какой-то не такой, он — успешный».

В 1990-е гг. Матвей подвизался в биз-

несе и занимался политическим PR-ом. Именно он оказался «по противоположную сторону баррикад» в отношении Андрея, Людмилы и Антонины по поводу проблемы, обозначенной в романе топонимом «Итуруп» и составляющей главную «пружину» сюжета. В 1992 г. группа российских политиков и дипломатов, в которой ведущей фигурой был заместитель министра иностранных дел по имени Георгий Фридрихович, готовила передачу Японии южных Курильских островов руками президента Бориса Ельцина. Инициаторы сделки объясняли необходимость продажи Курильских островов (рассчитывали получить от Японии не менее 20 млрд долл.) нехваткой финансовых средств для реформирования России. «Ты же видишь, в какую яму провалилась страна, — объяснял Матвей Андрею. — А почему? Потому что у нас гуманитарный менталитет и евангелическая психология с заповедями блаженства, мы радостно всхлипываем по поводу нашей духовности, поднятой на высоту Толстым и Достоевским... Но духовность не умеет создавать пищу живота, станки, машины и дороги — это лучше получается у прагматиков Запада. Для рыбка стране нужны капиталы, и мы знаем, где их найти. Да и о прикрытии собственного живота я бы на твоём месте подумал». Ерничая и соблазняя благами, Матвей склонял Андрея присоединиться к инициативной группе Георгия Фридриховича, рассчитывая использовать журналистское перо Андрея в кампании по передаче Японии островов.

Но для Андрея идея «разземеливания» государства была совершенно неприемлемой. Полемизируя с Матвеем, Андрей гневно говорил своему бывшему однокласснику: «Не думал, что ты примкнешь к продавцам Отечества!... Потомки рядом с памятником Пушкина поставят столп позора с именами черных героев — эти люди продали соседям наши Курильские острова».

Кроме инстинктивного «территориального патриотизма» у Андрея был личный, сокровенный мотив отстаивать эту землю. Отец Людмилы — первой любви и супруги Андрея — в 1945 г. принимал участие в освобождении острова Итуруп и был тяжело ранен в бою на острове. Незадолго до окончания дочери школы он умер от старых ран, оставив Людмиле незаконченное предсмертное письмо: «Помнишь, я говорил тебе о японской женщине, которая обработала травами мою рану и спасла от заражения — до больницы, где могли сделать операцию, было далеко. У меня просьба, если тебе когда-нибудь удастся попасть на остров Итуруп...». Девушка очень серьезно отнеслась к желанию отца и решила по получении аттестата зрелости начать свою взрослую

жизнь на этом далеком острове. Ее любимый человек Андрей поклялся до конца своих дней быть спутником Людмилы и вместе с ней уехать на Итуруп.

Обстоятельства внесли поправки в судьбу Андрея и Людмилы: после окончания школы они расстались на несколько лет, а затем вновь встретились в Москве и поженились. Но стремление Людмилы спасти людей из плена авторитарной секты заставляет ее покинуть любимого человека и московскую квартиру. И все-таки герон в сентябре 1992 г. встречаются на своем острове мечты — Итурупе. Андрей оказался здесь в журналистской командировке, а Людмила работает врачом в местной поликлинике.

Встреча героев состоялась, когда до официального визита Президента России Бориса Ельцина в Японию, во время которого могла произойти передача Японии четырех островов Курильской гряды, оставалось несколько дней. Обстановка была напряженной. Людмила говорила мужу: «Мы здесь себя чувствуем, как перед вторжением иностранных войск. Если Ельцин полетит в Токио, на дыбы встанет весь Дальний Восток. Я тоже в этом, как ты понимаешь, участвую». Незадолго до этого 52 народных депутата Верховного Совета направили президенту Ельцину Открытое письмо, в котором, в частности, говорилось: «Уважаемый Борис Николаевич! Сегодня, в смутную пору нашей Отчизны, кремлевская ваша недосыгаемость вынуждает нас гласно предостеречь вас против крайне опасных для России интриг ваших ближайших советников. Они закулисно подталкивают вас к такому шагу, который грозит российскому государству катастрофическими последствиями...»

Отрекитесь от постыдной затеи, господин президент, пока не поздно.

Аморально лишать Россию части ее территории без ведома парламента и без всенародного референдума. Это преступное нарушение Конституции Российской Федерации. Это обман Верховного Совета и вообще всех россиян...».

У здания Посольства Японии в Москве проходили демонстрации, организованные Московским комитетом по защите Курил, в которых принимала активное участие Антонина — гуманитарий по образованию и активный гуманист по духу и образу жизни.

В результате упорного сопротивления россиян президент, как пишет автор, «принял лучшее за период своего правления решение — отменил поездку в Японию... Уникальный случай в российской истории: народная дипломатия отменила дипломатию официальную, люди в акциях протеста, прокатившихся по всей стране,

массово выразили свое собственное понимание исторической справедливости и смысла международных отношений. Города и веси выразительно проголосили: — Накось, выкуси!».

Очень емко и образно выразил суть проблемы Курильских островов с точки зрения исторической справедливости один из персонажей романа — капитан плавбазы, которую в августе 1992 г. посетил Андрей: «По-моему, наш Бог и Бог японский давно решили, кому принадлежат южные Курилы. И нечего разводить дипломатические словеса. Японцам надо было раньше думать, когда они втягивались в кровопролитную войну».

Как известно, проблему территориального размежевания между двумя странами частично урегулировал первый договор между Россией и Японией — так называемый Симодский трактат 1855 г. На Курильских островах граница была установлена между островами Итуруп и Уруп, но Сахалин оставался неразделенным. Согласившись на суверенитет Японии в отношении южных островов Курильской гряды Итуруп и Кунашир Россия пошла на серьезные уступки Японии, так как первенство в открытии этих островов принадлежало русским. Тяжелая международная обстановка — неблагоприятное для России течение Крымской войны — вынудили российское правительство выполнить требования японцев. В 1875 г. был подписан так называемый Санкт-Петербургский договор, согласно которому весь Сахалин признавался российской территорией, а все Курильские острова становились владением Японии. Но после русско-японской войны 1904–1905 гг. был заключен Портсмутский мирный договор, в силу которого Россия не только теряла влияние в Маньчжурии и утрачивала военно-морскую базу Порт-Артур, но и лишалась в пользу Японии южной части Сахалина. При подписании Портсмутского мирного договора японская сторона подчеркивала, что этот пакт аннулирует все прежние договоры по территориальному размежеванию между Японией и Россией.

Для Японии победа в войне с Россией стала важнейшим этапом ее превращения в великую державу. Русско-японская война определила вектор японской внешней политики на последующие 40 лет, вплоть до поражения Японии во второй мировой войне. Этот вектор был экспансионистским, захватническим.

В 1918–1922 гг. Япония совершила интервенцию на советский Дальний Восток, в период с 1918 по 1925 гг. удерживала под своей оккупацией Северный Сахалин. В 1938 г. произошло пограничное столкновение советских и японских войск у озера Хасан, в 1939 г. развернулись боевые действия у реки Халхин-Гол:

японские войска воевали против военных МНР и пришедших им на помощь соединений РККА. В обоих случаях столкновения проводило командование Квантунской армии. Перечисленные события следует рассматривать как исторический фон вступления СССР в войну против Японии в августе 1945 г.

Японская сторона утверждает, что это был неправомерный шаг, поскольку Советский Союз нарушил Пакт о нейтралитете, заключенный между СССР и Японией 13 апреля 1941 г. Главным элементом пакта была его статья 2, которая гласит: «В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». Пакт о нейтралитете между СССР и Японией был ратифицирован в обоих государствах 25 апреля 1941 г. Срок действия договора определялся в пять лет. Это означало, что даже в случае его денонсации одной из сторон договор продолжал бы иметь силу до 25 апреля 1946 г. Однако за восемь с лишним месяцев до истечения срока действия пакта о нейтралитете, 8 августа 1945 г., Советский Союз объявил Японии войну, начал боевые действия на Дальнем Востоке, нарушив букву договора.

Но дело в том, что война СССР с Японией стала частью Второй мировой войны, так как Советский Союз вступил в нее на основе обязательств, данных союзным державам — США и Великобритании. Эти обязательства имели большую юридическую силу, чем пакт о нейтралитете с Японией, который Советский Союз предварительно денонсировал 5 апреля 1945 г.

Обоснованность вступления СССР в войну против Японии подтверждает Устав ООН, подписанный на конференции в Сан-Франсиско 26 июня 1945 г., еще до вступления СССР в войну против Японии и ратифицированный Президиумом Верховного Совета СССР 20 августа 1945 г. Согласно нормам общего международного права, подписав и ратифицировав Устав ООН, СССР был связан его обязательствами.

Одна из основных задач ООН, сформулированная в ст. 1 Устава ООН, гласит, что члены организации «должны принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии и других нарушений мира». Следовательно, вступая в войну против Японии, советское руководство выполняло задачу, поставленную Уставом ООН.

Что касается Курильских островов, то в ходе Крымской конференции в феврале 1945 г.

было подписано соглашение трех союзных держав: Великобритании, СССР и США, в котором вступление Советского Союза в войну с Японией после разгрома нацистской Германии обуславливалось возвращением Советскому Союзу южной части острова Сахалин и передачей ему Курильских островов. Это соглашение свидетельствовало о большом значении, которое придавали США и Великобритания участию СССР в борьбе против милитаристской Японии: оно приблизило сроки окончания Второй мировой войны и сократило людские потери. Реально были спасены многие человеческие жизни, причем не только в вооруженных силах союзников, но и в армии и флоте Японии.

В решении о передаче Курильских островов Советскому Союзу присутствовал и момент наказания агрессора: ведь этот архипелаг использовался японскими милитаристами как стратегический плацдарм. Перед атакой на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 г. корабли японского авианосного соединения скрытно сосредоточились в бухте Хитокаппу острова Итуруп. В июне 1942 г. японцы провели операцию против Алеутских островов (территория США), используя военно-морскую базу Касивабара на острове Парамушир. Кроме того, блокируя вразрез с условиями Портсмутского договора международные проливы, Япония существенно затрудняла получение Советским Союзом помощи по ленд-лизу от союзников по антифашистской коалиции.

В обращении И.В. Сталина к советскому народу по случаю подписания Японией акта о безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. говорилось: «Поражение русских войск в 1904 г. в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания... Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции. Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии».

К моменту окончания второй мировой войны Япония была для Соединенных Штатов вражеским государством, которое заслуживало ослабления и наказания. Первоначально американское руководство намеревалось заключить с Японией «суровый мир» и не помышляло в отношении ее ни о каких поблажках или территориальных уступках. Однако по мере обострения противоречий между Востоком и Западом, эскалации «холодной войны» Вашингтон менял свое отношение к Японии. В частности, после победы в Китае КПК и образования Ки-

тайской Народной Республики в 1949 г. Япония приобрела для США значение важнейшего военно-политического союзника, незаменимого в политике «сдерживания коммунизма».

В тексте мирного договора между Японией и 48 государствами, подписанном в Сан-Франциско в сентябре 1951 г., содержалось положение о том, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские о-ва и на ту часть о-ва Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.». В силу противоречий между СССР и США Советский Союз не подписал Сан-Францисский договор. Соединенные Штаты, игравшие ведущую роль в подготовке текста договора, исключили из него указание о том, в чью пользу Япония отказывается от «прав, правооснований и претензий».

19 октября 1956 г. была подписана Совместная советско-японская декларация. Этот документ провозглашал прекращение состояния войны между СССР и Японией и восстановление между двумя государствами мира и добрососедских дружественных отношений, возобновление двусторонних дипломатических и консульских связей. Совместная декларация включала также положение о том, что «Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией».

Соединенные Штаты делали все возможное, чтобы помешать нормализации советско-японских отношений. Еще до подписания Совместной декларации в августе 1956 г. госсекретарь США Джон Ф. Даллес от имени американского правительства заявил, что если Япония согласится признать Южный Сахалин и Курильские о-ва частью территории Советского Союза, то США навечно сохранят за собой Окинаву.

У Японии была возможность получить от Советского Союза острова Хабомаи и остров Шикотан, однако в Токио этот шанс не использовали. Японская сторона требовала от Советского Союза и продолжает сегодня требовать от России «возвращения» островов Кунашир, Итуруп, Шикотан и группы островов Хабомаи, настаивая на том, что эти острова якобы не входят в состав Курильских островов, от которых Япония отказалась. 27 января 1960 г., спустя 9 дней после подписания «Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности» ме-

жду Японией и США, Москва в «Памятной записке советского правительства» передала японской стороне: «Советское правительство, учитывая, что новый военный договор... направлен против Советского Союза, как и против Китайской Народной Республики, не может содействовать тому, чтобы передачей указанных островов (Хабоман и Шикотан. — *примеч. В. Г.*) была бы расширена территория, используемая иностранными войсками». В этой связи в документе было заявлено, что острова Хабоман и Шикотан будут переданы Японии, как было предусмотрено Совместной декларацией СССР и Японии от 19 декабря 1956 г., только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между двумя странами.

Советское правительство последовательно отстаивало позицию, что между СССР и Японией территориальной проблемы не существует. Однако Михаил Горбачев дал согласие на обсуждение с японской стороной якобы имеющейся территориальной проблемы.

После этого напор территориальных притязаний Токио к нашей стране усилился. Японские стратеги искали «окна возможности» для овладения южными Курильскими островами. Первоначально они стремились использовать особенности Бориса Ельцина как политика — именно эти расчеты были подоплекой подготовки несостоявшегося визита российского президента в Японию в сентябре 1992 г. В наше время Япония связывает свои ожидания уступки Россией Курильских островов с особым уважением и интересом президента Владимира Путина к народу и культуре Японии. Политики и дипломаты в Токио настойчиво проводят мысль, что Россия не сможет решить без помощи Японии задачу освоения собственного Дальнего Востока. Чтобы заручиться поддержкой Японии, нужно-де заключить с ней мирный договор, предварительно передав ей четыре вожделенных острова. Однако исторический опыт показывает, что Совместная советско-японская декларация 1956 г. до сих пор служила, и сегодня служит вполне достаточной правовой базой для успешного развития двусторонних отношений в разных областях, включая экономику. Японские деловые круги прежде шли и сегодня идут на сотрудничество с нашей страной в той степени, в какой оно выгодно для японского бизнеса. Многие российские эксперты считают сомнительным, что национальным интересам России необходим сейчас еще и мирный договор, если его единст-

венным вопросом является уступка территорий страной — победителем стране, которая развязала и вела агрессивную войну и потерпела в ней поражение.

Один из персонажей романа, девушка Тамара, родившаяся на острове Итуруп после войны в браке русской женщины с корейским мужчиной, обращает внимание главного героя Андрея на то, что в сводках погоды по регионам России отсутствуют упоминания Курильских островов. «Мои подруги считают, что наша страна начинается с Владивостока» — говорила Тамара. По ее мнению, Курилы не упоминают, «чтобы не нервировать японцев». По фабуле романа этот разговор имел место в 1960-е годы. Но и сегодня налицо слабые знания в России и, в частности, в Москве о местонахождении, составе, границах Сахалинской области и Курильских островов. Действительный член Русского географического общества, член Ассоциации юристов России Сергей Пономарев отмечал, что одна из парламентских партий внесла в Государственную Думу законопроект, в котором Сахалин называется полуостровом; на интерактивной карте регионов сайта Правительства России Курильские острова одно время значились принадлежащими Камчатскому краю; на сайте Федерального агентства по делам молодежи эти острова вообще не значились в составе России — как и на картах, выпускаемых японскими реваншистскими организациями. Такие ошибки способствуют формированию ложного мнения о неопределенности статуса Курильских островов, что имеет негативные последствия для Сахалинской области (синдром «временщика» у жителей Курильских островов, крайне малые объемы индивидуального жилищного строительства на Курилах). Поскольку Сахалинская область состоит из двух ярко выраженных субрегионов: остров Сахалин с прилегающими островами и Курильские острова, С. Пономарев предлагает переименовать Сахалинскую область в Сахалино-Курильскую область или преобразовать этот субъект Российской Федерации в Сахалино-Курильский край.

Такие меры способствовали бы укреплению территориальной целостности Российской Федерации, служили бы демонстрацией неизменности итогов второй мировой войны в Северо-Восточной Азии и повышению самооценки жителей Курильских островов.

Сходные задачи таланталиво решает методом литературного творчества в романе «Итуруп» и писатель Юрий Макаревич.

Катасонова Е.А. Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры. М.: Вост. лит., 2012. 357 с.

Японская массовая культура, которая наряду с автомобилями, электроникой и другими японскими товарами превратилась в важную статью экспорта Японии, актуальна не только внутри страны, но и далеко за ее пределами. В наши дни японская массовая культура, сохраняя свои уникальные национальные особенности, все шире вторгается в мировое культурное пространство и начинает формировать вкусы нового поколения и на Востоке и на Западе, включая и Россию. Это сделало ее не только мировым увлечением, но и предметом серьезных научных исследований, которые осуществляются в ведущих научных и учебных центрах многих стран.

Весьма показательно, что по этой тематике читаются специальные курсы более чем в 50 крупнейших университетах мира, там же регулярно проводятся международные семинары. На сегодняшний день написано больше 200 монографий, в которых подчеркивается необычайная актуальность изучения японской массовой культуры для понимания как современного японского общества, так и его культурной составляющей.

В самой же Японии изучение отечественной массовой культуры началось лишь в послевоенные годы, хотя на Западе ее исследованием занялись еще в 1930-е годы. Среди японских специалистов по массовой культуре следует назвать имена Като Хидэтоси, Адзума Хироки, Ямагути Юми, среди зарубежных — Дональд Ричи и Марк Шиллинг. В нашей стране пионером в этой области научных знаний стало доктор исторических наук Елена Леонидовна Катасонова, перу которой принадлежит более 30 статей, посвященных вопросам современной массовой культуры Японии.

Недавно она представила читателю свою новую книгу под весьма необычным названием «Японцы в реальном и виртуальном мирах. Очерки современной японской массовой культуры», которая вышла в издательстве «Восточная литература» при поддержке Японского фонда. Эта книга — своеобразная энциклопедия, охватывающая все основные сферы японской массовой культуры, — от комиксов *манга* и анимации *аниме* до поп- и рок-музыки,

от уличной моды до постмодернистского искусства, включая и такую сравнительно новую область современной культуры, как киберкультура и т.д. Большое внимание уделено современным молодежным субкультурам, их взаимосвязи с социокультурными процессами, происходящими в японском обществе и мире. Автор знакомит нас с реальным и виртуальным мирами, в которых живет современная японская молодежь.

Монография условно разделена на четыре больших тематических блока. Первый блок называется «Генезис». В нем рассмотрена история возникновения японской массовой культуры, ее древние национальные истоки и иностранные заимствования. Особенно подробно освещается культура эпохи Эдо, ставшая историческим прототипом многих современных популярных жанров, первые шаги культурной модернизации и т.д.

Второй раздел условно обозначен как «Мейнстрим». В нем автор рассказывает о японских комиксах — *манга* и их прародителях — средневековых японских свитках и гравюрах, иллюстрированной прозе *кибёси* и кукольном театре *Бунраку*, подробно анализирует творчество «бога *манга*» Тэдзука Осаму и его вклад в создание современной *манга*. Другой основной объект внимания исследователя — это прославленная японская анимация — *аниме*, самым известным представителем которой является выдающийся режиссер Миядзаки Хаяо, работы которого можно поставить в один ряд с великим Диснеем. В монографии дается подробный анализ и сопоставление художественных особенностей двух крупнейших анимаций мира. Не менее интересна и информативна насыщенная глава, посвященная японской поп- и рок-музыке, где автор четко определяет национальное своеобразие и особенности иностранных заимствований композиторского и исполнительского искусства представителей Японии.

Третья часть — «Субкультуры», в которой ярко описываются различные явления японских молодежных субкультур, по числу которых Япония не знает себе равных в мире, много внимания автор уделяет такому популяр-

ному ныне явлению, как молодежная уличная мода. Последний раздел носит название «Постмодернизм». Акцент в нем делается на субкультуре фанатов *манга* и *аниме* — так называемых *отаку* — явлении сложном и противоречивом, ставшим социокультурным феноменом современной Японии. Подробно рассматривается творчество представителя первого поколения *отаку* и основателя японского неопоп-арта Мураками Такаси, прослеживаются основные тенденции в становлении и развитии виртуальной культуры.

Особого внимания заслуживает глава «Вместо заключения. Массовая культура как «мягкая сила» Японии». Это итоговый концептуальный раздел книги, в которой автор показывает, что собой представляет японская массовая культура в целом, каково ее место в мире, как она вписывается в процесс глобализации, как помогает Японии укреплять свое положение и влияние в мире. «Как указывает эксперт из «Media Lab» Массачусетского технологического института Накамура Итин, «японское общество превратилось из индустриального в поп-культурное»¹. «Многие аналитики всерьез расценивают успех японской поп-культуры как шанс дополнительного стимулирования развития экономики страны»².

Е.Л. Катасонова в своем исследовании поэтапно прослеживает историю становления и развития концепции культурной дипломатии Японии, которая начала складываться еще в 1960-х гг. С начала 1980-х гг., стремясь привести в соответствие с экономическими достижениями свой уникальный культурный потенциал, а заодно и создать культурные предпосылки для дальнейшего продвижения бизнеса, японские власти взяли курс на активную пропаганду своей национальной культуры за рубежом, сделав культурную дипломатию одной из основ своей внешней политики. Тогда же Токио принял политическую доктрину под названием «Эпоха культуры». В 1990-е гг. Япония стремилась предстать перед миром уже в новом облике, создать благоприятный имидж на международной арене. «Взяв курс на развитие экспорт-ориентированной экономики японцы поняли, что успех в торговле с другими странами и укрепление положения Японии на международном рынке зависит не только от цены и качества товара, но и от социально-психологических факторов, среди них важную роль играет стереотип восприятия Японии и японцев, сложившийся в других странах. Стала очевидной настоятельная необходимость формирования положительного имиджа Японии и японцев за

рубежом, заключающегося в ознакомлении народов мира с наилучшими образцами и достижениями японской культуры. При этом, важное значение стало также придаваться знакомству японцев с достижениями мировой культуры.

Сегодня распространение японской культуры за рубежом является одним из приоритетов не только культурной, но и экономической политики Японии³. Позже в 2000 гг. основные усилия государства сосредоточились на глобализации японской культуры. «Японская культура является средством повышения статуса Японии среди стран мирового сообщества. Как отмечают сами исследователи: «Япония является высокоразвитой в экономическом отношении державой. Однако тот вес, который она сегодня имеет на мировой арене, ее не вполне устраивает. Формирование имиджа Японии как высокоразвитой державы нацелено на обретение ею большего политического влияния. С этой точки зрения, культура и ее распространение имеют огромное значение для обеспечения национальных интересов Японии за границей»⁴. Взятый Японией почти 50 лет назад политический курс, начинает давать результаты.

Новые глобальные задачи заставили Японию кардинально переориентироваться в своей культурной стратегии. В японском обществе и правительственных кругах росло понимание того, что путь к культурному лидерству лежит не через пропаганду исключительности японской национальной культуры, а главным образом, через распространение массовой культуры, бурное развитие которой объясняется в первую очередь сущностью потребительского общества, а также стремительным развитием новых технологий. В отличие от традиции онной японской культуры, не всегда доступной для понимания широкому кругу читателей и зрителей, японская массовая культура, построенная по мировым канонам этого жанра, при всем своем выраженном национальном колорите обладает универсальностью, обеспечивающей ей «доходчивость» даже в аудитории, весьма далекой от дальневосточной цивилизации. «Новый курс японской культурной дипломатии, обозначившийся в конце 1990-х гг., — указывает Е.Л. Катасонова, — базировался на трех важнейших факторах: качественно новых технологических возможностях предоставления любого продукта, ориентированности на все слои населения, готовности к адаптации материала под любые региональные и местные условия»⁵.

При этом показательно, что по про-

гнозу японского журналиста Нисида Хидэхару, опубликованному в японском издании журнала «Форбс», в нынешних условиях такие отрасли культурной индустрии, как мода и производство товаров с «культурным контентом» (манга, анимэ, компьютерные игры), т.е. всего того, что может передаваться на цифровых носителях и относится к разряду киберкультуры, получит дальнейшее развитие и будет «серьезным источником выживания японской экономики»⁶.

Для подтверждения реальности подобного прогноза, автор обращается к опыту Японии конца 1980-х — начала 1990-х гг., когда японская экономика переживала период стагнации, вошедший в историю как «потерянное десятилетие». Показательно, что именно в эти трудные годы креативная индустрия сделала резкий скачок в своем развитии. Достаточно сказать, что, если в 1989 г. вся креативная индустрия заработала 15 трлн (150 млрд иен), то в 1999 г. ее доходы составили 28 трлн иен (280 млрд долл.), то есть за 10 лет прирост составил 86%⁷. Более того, экспорт продуктов культурной индустрии увеличился за 1996–2006 гг. более чем в 3 раза — с 837 млрд иен (8 млрд долл.) до 2,5 трлн иен (25 млрд долл.)⁸. Для сравнения отметим, что за этот же период японский экспорт в целом вырос примерно на 68% — с 44,7 трлн иен (447 млрд долл.) до 75,2 трлн иен (752 млрд долл.)⁹. Таким образом, рост экспорта товаров культурной индустрии в значительной степени опережал расширение объема общего экспорта. Достаточно сказать, что на популяризацию *манга* и *анимэ* в Европе японское правительство выделило 147 млн иен (1,3 млн долл.)¹⁰.

Автор убедительно показывает в своей книге, как в наши дни Япония проводит «мирное завоевание» не только экономическое, но и культурного и информационного пространства. Для современной Японии уже не стоит вопрос о разделении культурной продукции на «национальную» и «глобальную». Фактически сегодня Япония и идеологически, и коммерчески, и технологически начинает формировать новую среду обитания, в которой национальность потребителя в конечном счете не важна. Создается такой новый продукт, который, ассоциируясь по базовым признакам с Японией, тем не менее, носит универсальный характер и обеспечивает глобальное проникновение на мировой рынок¹¹.

Книга Е.Л. Катасоновой обладает ря-

дом весьма важных и ценных достоинств. Во-первых, это — первое комплексное исследование японской массовой культуры. В ней подробно рассмотрены особенности возникновения и развития этого феномена в общем контексте многовековой истории японской культуры с учетом тех кардинальных политических, общественных и социокультурных трансформаций в стране и в мире, которые произошли во второй половине XX в. — первом десятилетии XXI в. Особенно актуальным представляется изучение тесной связи современной массовой культуры Японии с художественным наследием страны и ее богатыми национальными традициями, выявление путей их адаптации к потребностям современной жизни. Во-вторых, современную Японию очень трудно понять без изучения и понимания современной культуры, ее изучение дает возможность понять современное настроение японской молодежи. В-третьих, появление книги о японской массовой культуре является особенно актуальным, т.к. в России японская поп-культура с каждым годом приобретает все большую популярность. Не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в регионах проводятся тематические фестивали и другие мероприятия по ознакомлению с явлениями современной японской культуры. В-четвертых, в России нет семинаров по современной японской культуре, поэтому данная книга позволяет ликвидировать пробел в знаниях.

Монография Е.Л. Катасоновой основывается на большом библиографическом материале — монографиях и статьях известных японских, российских и зарубежных исследователей, значительном информационном массиве российской и зарубежной периодики, а также личном опыте автора, которому посчастливилось наблюдать многие из описываемых явлений собственными глазами и быть знакомым с известными представителями японской культурной индустрии. Книга написана на основе междисциплинарного подхода: культурологии, социологии, истории, политологии, а потому рассчитана на широкий круг специалистов: культурологов, социологов, ученых-востоковедов, преподавателей ВУЗов. При этом ее основной целевой аудиторией является молодежь, которая год от года демонстрирует возрастающий интерес к японской массовой культуре, а через культуру — к изучению и пониманию Японии.

-
1. Иомиури Симбун. 21.05. 2006.
 2. *Катасонова Е.Л.* Японцы в реальном и виртуальном мирах. Очерки современной японской массовой культуры. М., 2012, С. 311.
 3. *Железняк О.Н.* Культурная политика Японии на современном этапе // Япония наших дней. (Гэндай-но Нихон). 2009. № 2. С. 71.
 4. Там же. С. 72.
 5. *Катасонова Е.Л.* Указ. соч. С. 317.
 6. Forbes. Japan. 2009. March. P. 16.
 7. Soft Power. 2008. P. 130.
 8. Ibid. P. 141.
 9. Ibid. P. 141.
 10. URL: <http://kamp.org.ua>.
 11. *Катасонова Е.Л.* Указ. соч. С. 317.

Contents

DOCUMENTS

Bishkek Declaration of the Heads of Member States of the Shanghai Cooperation Organization

POLITICS

Yu. Morozov: Prospects for Russia in Northeast Asia and Proposed Strategies in the Region

S. Krivokhizh: China's Public Diplomacy: the Protection or Attack?

A. Shlyndov: Military and Strategic Concepts of the PRC and Network-Centric Wars of the Future

ECONOMY

E. Kuzmina: Russian and Chinese Economic Presence in Central Asia. Is There a Possibility of Interaction?

D. Kruchinina: Stages of the Formation of the "Golden Triangle" of the Yangtze

A. Binder, A. Kononov: Strengthening the Position of the National Currency in Global Markets: the Experience of China

THE RUSSIAN FAR EAST

A. Zhirmov: Iron and Steel Industry As an Engine of Economic Development of the Far East

RUSSIAN SINOLOGY

S. Toroptsev: Studies of Chinese Culture and Education in Russia at the Beginning of the XXI Century

V. Porlyakov: Basic Trends and Features in Research of International Relations and Foreign Policy of the PRC in Russia (2000–2013)

A. Larin: Chinese Migrants in Russia. Modern Russian Studies

THEORY AND METHODOLOGY

T. Guruleva: Brand-Building of Border Territories In Terms of Russian-Chinese Cooperation (on the Example of Trans-Baikal Region)

HISTORY

V. Datsyshen: Consulate of Manchukuo in Russia. The History of Soviet-Japanese-Chinese Relations in 1931–1945

A. Petrov, G. Kapalin, A. Yermolaev: Representatives from Siberia and the Russian Far East in the History of Fort Ross and the Development of California

CULTURE

G. Kulikova: The Soldier, Diplomat, Poet and Translator (on the 95th Anniversary of M. Basmanov)

T. Vinogradova: Concert Behind the Great Wall: «Chinoiserie» in the Works of Ismail Kadare

E. Lachina: Comparative Analysis of the "Korean Wave" Through the Example of South Korean Taekwondo

BOOK REVIEW

V. Grinyuk: Novel by Yuri Makartsev "Iturup"

O. Zhelezniak, E. Katasonova: Japanese in the Real and Virtual Worlds

Contents

Summary

Summary

Yu. Morozov. Prospects for Russia in Northeast Asia and Proposed Strategies in the Region

The paper analyzes the importance of Northeast Asia for Russia, defines regional challenges and risks to its national interests. Possible directions of Russia's strategy in the XXI century are defined in order to strengthen its role in Northeast Asia and the Asia Pacific region.

Key words: Asia-Pacific region, Northeast Asia, Russia, China, Japan, economy, security.

S. Krivokhizh. China's Public Diplomacy: the Protection or Attack?

Public diplomacy is an effective tool used by China in order to achieve its foreign policy goals. The article considers the challenges that it currently faces.

Key words: public diplomacy, "soft" power, China.

A. Shlyndov. Military and Strategic Concepts of the PRC and Network-Centric Wars of the Future

The article examines the development of military theory in China in the late XX — early XXI centuries, when the United States and other western countries began to practice their newly developed methods of warfare — typical for the wars of the future. The author shows how these innovations, pioneered by the U.S. and its NATO allies against Iraq and the former Yugoslavia, have shaped the modern military-strategic concepts of the People's Republic of China.

Key words: strategic concept, network-centric military operations, cyber operations, electronic countermeasures, the information system.

E. Kuzmina. Russian and Chinese Economic Presence in Central Asia. Is There a Possibility of Interaction?

This article analyzes the economic cooperation of Russia and China with the Central Asia's countries on a bilateral and multilateral basis. The intersecting and overlapping economic interests of China and Russia in the region, the possibility of their cooperation in the economic sphere are investigated.

Key words: economic interests, industrial cooperation, nuclear power, hydropower, fuel and energy complex, transport communications.

D. Kruchinina. Stages of the Formation of the "Golden Triangle" of the Yangtze

The process of formation of the Yangtze Delta region borders since 1980 has been described. The measures taken by the central and local governments to stimulate its economic development, and the mechanisms of deepening regional integration are analyzed.

Key words: Yangtze Delta, the "golden triangle", regional economic development, regional integration.

A. Binder, A. Kononov. Strengthening the Position of the National Currency in Global Markets: the Experience of China

The article is devoted to foreign economic aspect of the transformation of Chinese yuan into global currency. Special attention is paid to its role in international trade transactions. The paper stated the growing influence of China's currency in the global economy and finance.

Key words: exchange rate, monetary policy, the internationalization of the RMB, international trade.

A. Zhirnov. Iron and Steel Industry as an Engine of Economic Development of the Far East

In relation to the working out of a five-year plan for economic development of the Far East of the Russian Federation the author considers the expedience to build on the base of Kimkano-Sutar mine the steel plant with full technological cycle of processing iron ore. The necessity of massive exploration of iron ore deposits, able to provide the plant with mineral raw materials for 200 years, is being proved.

Key words: the Far East, a five-year economic development plan, Khingan iron deposits, collateral gold.

S. Toroptsev. Studies of Chinese Culture and Education in Russia at the Beginning of the XXI Century

The article highlights main tendencies in Russian sinological studies in the fields of culture and education in the 2000s, when the scholars renovated the fundamental analytical approach on a higher methodological level. The author reveals the new tasks of studies in philological, linguistics, theater and cinema fields as well as those in fine art and education. He analyses the problems of scientific research and translation while demonstrating the appearance of new theoretical concepts.

Key words: sinology, culture, literature, art, education.

V. Portyakov. Basic Trends and Features in Research of International Relations and Foreign Policy of the PRC in Russia (2000–2013)

The article presents basic trends in research of international relations and foreign policy of China in Russia during 2000–2013. Main attention is given to contemporary Russian-Chinese relations, including comprehensive monographs, study of boundary problem, inter-regional ties and cooperation in various international frameworks. Publications on Sino-US relations and changes in the course of China's foreign policy in recent years have been considered.

Key words: Russia, China, sinology, international relations, foreign policy.

A. Larin. Chinese Migrants in Russia. Modern Russian Studies

Russian scholars created a complete story of Chinese living in Russia from the middle of XIX century up to the present day. The study of contemporary Chinese migration is conducted in such important areas as Chinese economic activity, the problem of "Chinese demographic expansion," adaptation and tolerance, educational migration. Possible increase of the volume of low-skilled Chinese labor in Russia on a temporary basis is predicted.

Key words: Chinese, migration, Russia, economic activity, adaptation, learning, perspectives.

T. Guruleva. Brand-Building of Border Territories in Terms of Russian-Chinese Cooperation (on the Example of the Trans-Baikal Region)

The article deals with the theoretical issues of territorial branding. The functions of territorial brand and its geopolitical meaning are defined. The associative images of border regions formed by online media of the Trans-Baikal region and Manzhouli (PRC) are analyzed. The mechanism of brand development for Trans-Baikal region is proposed.

Key words: territorial branding, archetypal/associative images, the regional online media, image of a region.

V. Datsyshen. Consulate of Manchukuo in Russia. The History of Soviet-Japanese-Chinese Relations in 1931–1945

The article refers to the problems of the establishment and operation of the consular offices of Manchukuo in the Soviet Union. The examples of consulates in Blagoveshchensk and Chita demonstrate the complexities and contradictions in Soviet-Japanese-Chinese relations during the 1930s and early 1940s.

Key words: Manchukuo, Soviet-Japanese-Chinese relations, World War II, the consulates in Blagoveshchensk and Chita.

A. Petrov, G. Kapalin, A. Yermolaev. Representatives of Siberia and the Russian Far East in the History of Fort Ross and the Development of California

The article explores the activities of people from Siberia and the Russian Far East in the colonization of California and development of the settlement Fort Ross. The significant role of Orthodoxy in Fort Ross history is underlined.

Key words: Russian America, the Far East, Siberia, California, Fort Ross.

G. Kulikova. The Soldier, Diplomat, Poet and Translator (on the 95th Anniversary of M. Basmanov)

The article devoted to the 95th anniversary of the birth of Mikhail Basmanov (1918–2008) tells about his life and creative activities. Particular attention is paid to his work on translations of Chinese classical and modern poetry.

Key words: M. Basmanov, Chinese poetry, translations of Chinese poetry into Russian.

T. Vinogradova. Concert Behind the Great Wall: «Chinoiserie» in the Works of Ismail Kadare

This article examines some aspects of the work of Albanian writer Ismail Kadare (b. 1936), living since 1991 in France. The writer is very famous in the West as a winner of the Man Booker International Prize in 2005, but in Russia he is up to now not highly regarded.

Kadare has written a number of works about communism that show similarities to fiction from other East European countries. He makes use of innovative and unique modes of writing about his homeland under the Enver Hoxha dictatorship.

In his novel "The Concert" (1978–1988) Kadare describes crumbling relations between Albania and China in the mid-1970s and the resulting trauma to individual Albanian lives.

The satirical thrust of the novel, the way it describes the Chinese party leadership, is still causing debate about Kadare's nationalism and anti-Chinese sentiment.

Key words: Ismail Kadare, Albanian-Chinese relations, Albanian literature.

E. Lachina. Comparative Analysis of the "Korean Wave" Through the Example of South Korean Taekwondo

Hallyu cannot be considered a new phenomenon *per se*, as we've seen other "national waves" before. We can find its analogs in Japan and China, whose cultures started to excite the West several decades earlier reaching their peak at the end of the XX century. We can also consider the successful promotion of taekwondo as the harbinger of forthcoming promotion of other components of South Korean culture.

Key words: taekwondo, "Korean wave" (hallyu), hallyu components, governmental support. RK cultural policy.

Поправка

В № 4 журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2013 г. допущена техническая ошибка. На стр. 36 в конце первого абзаца следует читать: «На самом деле сегодня страна тратит доходы будущих поколений. Временный эффект пройдет, и Банку Японии придется расходувать колоссальные суммы на покупку этих облигаций»³³.

Редакция приносит читателям свои извинения.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать заведующей редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124–02–15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131–2812

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.*

Подписано к печати 24.09.2013 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 536 экз. Зак. 1622. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124–09–02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2013 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала на русском и английском языках.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author: Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернет

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.